

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Через несколько недель после военного переворота в Чили 11 сентября 1973 года, в результате которого было свергнуто избранное правительство президента Сальвадора Альенде, военная хунта во главе с генералом Аугусто Пиночетом приказала повысить цены на хлеб с 11 до 40 эскудо, что на 264% больше. Эта экономическая шоковая терапия была разработана группой экономистов, также известных под названием «чикагские мальчики».

Во время военного переворота я преподавал в Институте экономики Католического университета Чили, который служил штаб-квартирой для чикагских экономистов, учеников Милтона Фридмана. В тот день через, несколько часов после взрыва президентского дворца Ла Монеда новые военные правители ввели 72-часовой комендантский час. Когда университет вновь открылся несколько дней спустя, «чикагские мальчики» ликовали. Не прошло и недели, как несколько моих коллег из Института экономики были назначены на важнейшие посты в военном правительстве.

В то время как цены на продовольствие взлетели до небес, заработка плата была заморожена, чтобы обеспечить «экономическую стабильность и предотвратить инфляционное давление». Вскоре вся страна погрузилась в пучину ужасающей нищеты: менее чем за год цены на хлеб в Чили выросли в тридцать шесть раз, а 85% чилийского населения оказалось за чертой бедности.

Эти события глубоко повлияли на мою работу как экономиста. Из-за манипуляций с ценами, заработной платой и процентными ставками были разрушены жизни людей; была дестабилизирована вся национальная экономика. Я начал понимать, что макроэкономическая реформа не была ни «нейтральной», как утверждал академический мейнстрим, ни отдельной от более широкого процесса социальных и политических преобразований. В своих предыдущих работах о чилийской военной хунте я рассматривал так называемый «свободный рынок» как хорошо организованный инструмент «экономических репрессий».

Два года спустя, в 1976 году, я вернулся в Латинскую Америку в качестве приглашенного профессора в Национальном университете Кордовы в северном промышленном центре Аргентины. Мое пребывание совпало с очередным военным переворотом и последующей «грязной войной», основными жертвами которой были левые активисты, включая деятелей профсоюзного движения, студентов, журналистов, марксистов и перонистов, их эвфемистически обозначили словом «десапаресидос» – «пропавший без вести». Десятки тысяч людей были арестованы, множество «десапаресидос» были убиты. Военный переворот в Аргентине был точной копией государственного переворота в Чили под руководством Центрального разведывательного управления США. За массовыми убийствами и нарушениями прав человека также последовали реформы «свободного рынка» – на этот раз под наблюдением нью-йоркских кредиторов Аргентины.

Смертоносные экономические рецепты Международного валютного фонда, применяемые под видом «программы структурной перестройки», еще не были официально запущены. Опыт Чили и Аргентины под руководством «чикагских мальчиков» стал

генеральной репетицией грядущих событий. С этого времени «экономические пули» системы свободного рынка стали поражать одну страну за другой. С начала долгового кризиса 1980-х годов одно и то же экономическое лекарство МВФ регулярно применялось более чем в 150 развивающихся странах. Моя предыдущая работа в Чили, Аргентине и Перу побудила меня к изучению глобальных последствий этих реформ. Я понял, что так, непрерывно подпитываясь нищетой и экономическими неурядицами, формировался Новый мировой порядок.

Со временем большинство военных режимов в Латинской Америке были заменены парламентскими «демократиями». На них была возложена ужасающая в своем цинизме задача выставить национальную экономику на аукцион в рамках программ приватизации, спонсируемых Всемирным банком. В 1990 году я вернулся в Католический университет Перу, где преподавал после того, как покинул Чили в течение нескольких месяцев после военного переворота 1973 года.

Я прибыл в Лиму в разгар избирательной кампании 1990 года. Страна находилась в экономическом кризисе. Уходящее популистское правительство президента Алана Гарсии было занесено в «черный список» управления финансовых рынков (*Autorité des Marchés Financiers* (AMF)). 28 июля 1990 года Альберто Фухимори стал новым президентом. И всего через несколько дней «экономическая шоковая терапия» нанесла двойной удар. Перу было наказано за невыполнение требований МВФ: цены на топливо были повышенены в 31 раз, а цены на хлеб выросли более чем в двенадцать раз за один день. МВФ консультировался с Министерством финансов США и действовал негласно. Эти реформы, проведенные во имя «демократии», были даже гораздо более разрушительными, чем те, которые были проведены в Чили и Аргентине привоенных режимах.

В 1980-е и 1990-е годы я много путешествовал по Африке. Полевое исследование для первого издания фактически было начато в Руанде, которая, несмотря на высокий уровень нищеты, достигла самообеспеченности в производстве продовольствия. Но с начала 1990-х годов Руанда была разрушена как функционирующая национальная экономика; ее некогда динамично развивающаяся сельскохозяйственная система была дестабилизована. МВФ потребовал «открыть» внутренний рынок для демпинга излишков зерна в США и Европе. Цель состояла в том, чтобы «побудить руандийских фермеров быть более конкурентоспособными» (см. главу 7.)

С 1992 по 1995 год я проводил полевые исследования в Индии, Бангладеш и Вьетнаме и вернулся в Латинскую Америку, чтобы завершить свое исследование в Бразилии. Во всех странах, которые я посетил, включая Кению, Нигерию, Египет, Марокко и Филиппины, я наблюдал одну и ту же модель экономических манипуляций и политического вмешательства со стороны базирующихся в Вашингтоне институтов. В Индии, непосредственно в результате реформ МВФ, миллионы людей умирали от голодной смерти. Во Вьетнаме, который входит в число наиболее процветающих стран мира по производству риса, разразился голод на местном уровне, непосредственно вызванный отменой контроля цен и дерегулированием рынка зерна.

В разгар экономического кризиса, совпавшего с окончанием «холодной войны», я побывал в нескольких городах и сельскохозяйственных районах России. Реформы,

спонсируемые МВФ, вступили в новую фазу, охватив страны бывшего Восточного блока. Начиная с 1992 года, обширные территории бывшего Советского Союза, от Прибалтики до Восточной Сибири, были ввергнуты в ужасающую нищету.

Работа над первым изданием была завершена в начале 1996 года, когда в него было включено подробное исследование экономического распада Югославии (см. главу 17). Там была запущена разработанная экономистами Всемирного банка «программа банкротства», в 1989-90 годах было ликвидировано около 1100 промышленных предприятий и уволено более 614000 промышленных рабочих. И это было только началом гораздо более серьезного экономического раскола Югославской Федерации.

С момента публикации первого издания в 1997 году мир кардинально изменился; «глобализация бедности» распространила свое влияние на все основные регионы мира, включая Западную Европу и Северную Америку.

Так устанавливался Новый мировой порядок, разрушающий национальный суверенитет и права граждан. По новым правилам Всемирной торговой организации, созданной в 1995 году, «укоренившиеся права» были предоставлены крупнейшим мировым банкам и транснациональным конгломератам. Государственные долги резко возрастили, институты рушились, а накопление частной прибыли неуклонно прогрессировало.

В формирующемся Новом мировом порядке войны в Афганистане (2001) и Ираке (2003) под руководством США знаменуют собой важный поворотный момент. Во время выхода второго издания в печать, американские и британские войска вторглись в Ирак, разрушив его общественную инфраструктуру и убив тысячи мирных жителей. После 13 лет экономических санкций война в Ираке ввергла все население в нищету. Соединенные Штаты пошли на военную авантюру, последствия которой ощущаются до сих пор. Это была крупнейшая демонстрация военной мощи со времен Второй мировой войны.

Решение о вторжении в Ирак не имело ничего общего с «оружием массового уничтожения Саддама» или его предполагаемыми связями с «Аль-Каидой». Ирак обладает 11% мировых запасов нефти, что более чем в пять раз превышает запасы США. Если взять широкий регион Ближнего Востока и Центральной Азии, простирающийся от окраины Аравийского полуострова до бассейна Каспийского моря, то в нем содержится примерно 70% мировых запасов нефти и природного газа.

После вторжения экономика Ирака оказалась под юрисдикцией военного оккупационного правительства США во главе с генералом в отставке Джейм Гарднером, бывшим генеральным директором одного из крупнейших американских производителей оружия.

В сотрудничестве с администрацией США и Парижским клубом официальных кредиторов МВФ и Всемирный банк были призваны сыграть ключевую роль в послевоенном «восстановлении» Ирака. Скрытый замысел состоит в том, чтобы навязать доллар США в качестве прокси-валюты (валюты-посредника) Ирака в рамках соглашения о валютном управлении, аналогичного тому, которое было введено в отношении Боснии и Герцеговины в Дейтонском соглашении 1995 года (см. главу 17). В свою очередь, обширные запасы нефти Ирака должны перейти в руки англо-американских нефтяных гигантов.

Растущий внешний долг Ирака планировалось использовать в качестве инструмента экономического разграбления через определенные условия, согласно которым практически вся национальная экономика будет выставлена на аукцион. МВФ и Всемирный банк же были привлечены для придания легитимности разграблению нефтяных богатств Ирака.

Война, которая несколько лет находилась на стадии планирования, грозит охватить и гораздо более обширный регион. Документ Центрального командования США 1995 года подтверждает, что «цель участия США (...) состоит в защите жизненно важных интересов США в регионе – бесперебойном и безопасном доступе США и союзников к нефти Персидского залива».

Таким образом, война и глобализация идут рука об руку. При поддержке американской военной машины разворачивается новая смертоносная фаза глобализации, возглавляемой корпорациями. Разворачивание американской военной машины направлено на расширение экономической сферы влияния Америки на территории, простирающейся от Средиземноморья до западной границы Китая. США установили постоянное военное присутствие не только в Ираке и Афганистане, но также владеют военными базами в ряде бывших советских республик. Другими словами, милитаризация способствует завоеванию новых экономических границ и повсеместному внедрению системы «свободного рынка».

Великая рецессия

Военная агрессия США в Афганистане (2001-2014 гг.) и Ираке (2003-2011 гг.) продолжалась, когда разгорелся мировой экономический кризис, или Великая рецессия 2008 г., уходившая корнями в долговой кризис начала 1980-х годов.

По геополитическим последствиям мировой кризис 2008 г. был более разрушителен, чем Великая депрессия 1930-х годов. Он сопровождался вспышками региональных войн, расколом национальных обществ и в некоторых случаях разрушением целых стран. На сегодняшний день это самый серьезный экономический кризис в современной истории.

Войны под руководством США имели прямое влияние на экономический кризис. Государственные ресурсы в США были перенаправлены на финансирование военно-промышленного комплекса и укрепление внутренней безопасности за счет финансирования столь необходимых социальных программ, которые были урезаны до минимума.

Масштабная пропагандистская кампания, развернувшаяся после событий 11 сентября 2001 года, укрепила шаткую легитимность «глобальной системы свободного рынка», открыв двери для новой волны дерегулирования и приватизации. В результате глобальные корпорации захватили большинство государственных служб и государственной инфраструктуры (включая здравоохранение, электричество, водоснабжение и транспорт).

Более того, в США, Великобритании и большинстве стран Евросоюза была пересмотрена правовая структура общества. Де-факто был отменен принцип верховенства права и возникли основы авторитарного государственного аппарата, практически без какой-либо организованной оппозиции со стороны гражданского общества.

Новые главы, добавленные ко второму изданию этой книги, посвящены некоторым ключевым проблемам ХХI века: буму слияний и поглощений, концентрации корпоративной власти, кризисам национальных и региональных экономик, краху финансовых рынков, вспышкам голода и гражданских войн, а также демонтажу государства всеобщего благосостояния в большинстве западных стран.

В Часть I добавлено новое введение и глава под названием «Глобальная ложь». Также в Части I было рассмотрено влияние «свободных рынков» на права женщин. В Части II, посвященной странам Африки к югу от Сахары, глава о Руанде была расширена и обновлена после полевых исследований, проведенных в 1996 и 1997 годах. Две новые главы, соответственно, посвящены голоду 1999–2000 годов в Эфиопии и Южной Африке в постапарtheidный период. В Часть 5 была добавлена глава об Албании и роли МВФ в разрушении реальной экономики и ускорении распада банковской системы этой страны. Новая Часть 6, озаглавленная как «Новый мировой порядок», включает пять глав. Глава 18 посвящена «программе структурной перестройки», применяемой в западных странах под надзором крупнейших коммерческих и торговых банков мира. Продолжающийся экономический и финансовый кризис рассматривается в главах 19 и 20. В главах 21 и 22 рассматривается, соответственно, судьба Южной Кореи и Бразилии после финансового кризиса 1997–1998 годов а также соучастие МВФ в продвижении интересов спекулянтов валютного и фондового рынков.

Я в долгу перед многими людьми во многих странах. Они предоставили мне информацию об экономических реформах и помогли в проведении исследования на уровне страны, которое проводилось (с момента начала моей работы над первым изданием) в течение более десяти лет. В ходе своей полевой работы я познакомился с членами крестьянских общин, промышленными рабочими, учителями, медицинскими работниками, государственными служащими, студентами, сотрудниками научно-исследовательских институтов, профессорами университетов и членами неправительственных организаций, с которыми у меня сложились узы дружбы и солидарности. Эта книга посвящена их борьбе.

Я также благодарен Полу Маркусу, Ричарду Кори и Блейну Мэчану за дизайн и оформление обложки, Леа Гилбо, которая помогала в редактировании рукописи, а также Джоанне Дионн и Донне Курц за верстку и редактирование книги.

Выражаю признательность за поддержку Исследовательскому совету Канады по социальным и гуманитарным наукам и Исследовательскому комитету факультета социальных наук университета Оттавы. Мнения, выраженные в этой книге, принадлежат автору.

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху после окончания холодной войны человечество переживала экономические и социальные кризисы беспрецедентного масштаба, ведущие к быстрому обнищанию крупных слоев населения мира. Национальные экономики рушатся, процветает безработица. В Африке к югу от Сахары, Южной Азии и некоторых частях Латинской Америки разразился голод. Этот процесс, который я назвал «глобализацией бедности», в значительной степени свел на нет достижения послевоенной деколонизации. Фактически

он был инициирован в странах третьего мира одновременно с долговым кризисом начала 1980-х годов и введением радикальных экономических реформ МВФ.

Новый мировой порядок подпитывается человеческой нищетой и разрушением окружающей среды. Он порождает социальный апартеид, поощряет расизм и этническую рознь, подрывает права женщин и часто ввергает страны в деструктивную конфронтацию между национальностями. С 1990-х годов этот неоколониальный порядок распространил свое влияние на все основные регионы мира, включая Северную Америку, Западную Европу, страны бывшего советского блока и «новые индустриальные страны» Юго-восточной Азии и Дальнего Востока.

Рецессия после «холодной войны»

В бывшем Советском Союзе в результате смертоносного «экономического лекарства», начатого МВФ в 1992 году, экономический спад превзошел падение производства, произошедшее в разгар Второй мировой войны в 1941 году, после немецкой оккупации Беларуси и части Украины и масштабных бомбардировок советской промышленной инфраструктуры. После ситуации полной занятости и относительной стабильности цен в 1970-х и 1980-х годах инфляция резко возросла, реальные доходы и занятость рухнули, а программы здравоохранения были свернуты. На обширной территории бывшего Советского Союза стали с угрожающей скоростью распространяться туберкулез и холера¹.

Модель, сложившаяся в бывшем Советском Союзе, была воспроизведена в Восточной Европе и на Балканах. Национальные экономики рушились одна за другой. В странах Балтии (Литва, Латвия и Эстония), в кавказских республиках Армении и Азербайджане промышленное производство сократилось на 65%². В Болгарии пенсии по старости к 1997 году упали до двух долларов в месяц³. Всемирный банк признал, что 90% болгар живут ниже установленного Всемирным банком порога бедности, составляющего 4 доллара в день. Не имея возможности платить за электричество, воду и транспорт, большие группы населения по всей Восточной Европе и на Балканах оказались в условиях жестокой маргинализации

Гибель «азиатских тигров»

В Восточной Азии финансовый кризис 1997 года, отмеченный спекулятивными атаками на национальные валюты, во многом способствовал краху так называемых «азиатских тигров» (Индонезия, Таиланд и Корея). Соглашения о финансовой помощи МВФ, заключенные непосредственно после финансового кризиса, способствовали резкому – случившемуся практически в одночасье – снижению уровня жизни. Корея при «посредничестве» МВФ и после консультаций на высоком уровне с крупнейшими коммерческими и торговыми банками мира начала массовые банкротства предприятий. «В среднем в день закрывалось более 200 компаний. (...) Каждый день 4000 рабочих выгоняли на улицу как безработных»⁴ (см. главу 22). Тем временем в Индонезии – на фоне жестоких уличных беспорядков – и без того низкая заработка плата в цехах переработки экспортной продукции резко упала с 40 до 20 долларов в месяц, причем МВФ настаивал на деиндексации заработной платы как средстве смягчения инфляционного давления.

В Китае в результате приватизации и принудительного банкротства тысяч государственных предприятий планировалось уволить 35 миллионов рабочих⁵. По оценкам, в сельских районах Китая были уволены 130 миллионов рабочих⁶. По горькой иронии, Всемирный банк предсказывал, что с принятием реформ «свободного рынка» бедность в Китае к 2000 году сократится до 2,7% .

Бедность и экономическая нестабильность на Западе

В эпоху Рейгана-Тэтчер меры жесткой экономии привели к постепенному распаду государства всеобщего благосостояния. Меры экономической стабилизации, принятые для «смягчения пороков инфляции», способствовали снижению доходов трудящихся и ослаблению роли государства. Вместе с тем, из-за накопления крупных государственных долгов финансовые элиты западных стран получили политическое влияние, а также возможность диктовать государственную экономическую и социальную политику.

Под влиянием идеологии неолиберализма государственные расходы сокращались, а программы социального обеспечения сворачивались. Государственная политика способствовала дерегулированию рынка труда, что выражалось в деиндексации заработков, неполной занятости, досрочному выходу на пенсию и введении так называемых «добровольных» сокращений заработной платы⁷. Одновременно практика сокращения кадров перекладывала социальное бремя безработицы на более молодые возрастные группы, способствуя исключению целого поколения из рынка труда⁸. «Натравливайте пожилых работников на младших, урезайте заработную плату и урезайте оплачиваемую компанией медицинскую страховку»⁹.

С 1980-х годов значительная часть рабочей силы в Соединенных Штатах была вытеснена из высокооплачиваемых и защищаемых профсоюзами рабочих мест на низкооплачиваемые рабочие места с минимальной заработной платой. Бедность западных городов в американских гетто во многих отношениях сравнима с бедностью стран третьего мира. В то время как «зарегистрированный» уровень безработицы в США в 1990-е годы снизился, количество людей, работающих с частичной занятостью за низкую заработную плату, резко возросло. При дальнейшем сокращении занятости значительные слои работающего населения даже с минимальной заработной платой были вытеснены с рынка труда:

По-настоящему жестокая рецессия затронула в основном общины и новых иммигрантов Лос-Анджелеса, где уровень безработицы вырос в три раза, где нет системы социальной защиты. У людей нет стабильности, их жизнь буквально рушится, поскольку они теряют работу с минимальной заработной платой¹⁰.

Экономическая реструктуризация создала разногласия между социальными классами и этническими группами. Окружающая среда крупных мегаполисов характеризуется социальным апартеидом: городской ландшафт разделен по социальным и этническим признакам. В свою очередь, государство стало более репрессивным в управлении социальным инакомыслием и сдерживании гражданских беспорядков.

Волна корпоративных слияний, сокращений и закрытий предприятий затронула все категории рабочей силы. Рецессия ударила по домохозяйствам среднего класса и высшим эшелонам рабочей силы. Бюджеты на исследования сокращаются, увольняются ученые, инженеры и специалисты; многим высокооплачиваемым госслужащим и менеджерам среднего звена заставили выйти на пенсию.

Социальные достижения раннего послевоенного периода были в значительной степени сведены на нет из-за отмены схем страхования по безработице и приватизации пенсионных фондов. Многие школы и больницы закрылись, создав условия для полной приватизации социальных услуг.

С 1990-х годов экономическая терапия, применяемая в развитых странах, содержала многие важные компоненты программ структурной перестройки, навязанных МВФ и Всемирным банком странам третьего мира и Восточной Европы. Однако, в отличие от развивающихся стран, политические реформы в Западной Европе и Северной Америке проводились практически без посредничества МВФ.

Процветающая криминальная экономика

Реформы «свободного рынка» способствуют росту незаконной деятельности и сопутствующей «интернационализации» криминальной экономики. В Латинской Америке и Восточной Европе преступные синдикаты инвестировали в приобретение государственных активов в рамках программ приватизации, спонсируемых МВФ и Всемирным банком. По данным Организации Объединенных Наций, общие мировые доходы «транснациональных преступных организаций» составляют порядка одного триллиона долларов, что представляет собой сумму, эквивалентную совокупному ВВП группы стран с низким уровнем дохода (и населением в 3 миллиарда человек)¹¹. Данные ООН включают доходы от торговли наркотиками, продажи оружия, контрабанды ядерных материалов и т. д., а также от экономики нелегальных и полулегальных услуг, контролируемой мафией (таких как проституция, азартные игры, обменные банки и т.д.). Однако эти цифры не отражают масштабы рутинных инвестиций преступных организаций в «законные» коммерческие предприятия, а также их значительный контроль над производственными ресурсами во многих областях легальной экономики.

Преступные группировки регулярно сотрудничают с легальными коммерческими предприятиями, инвестирующими в различные «законные» виды деятельности, которые обеспечивают не только прикрытие для отмывания денег, но и удобную процедуру накопления богатства вне сферы криминальной экономики. По словам одного наблюдателя, «организованные преступные группировки превосходят большинство компаний из списка Fortune 500 (список 500 крупнейших компаний США по размеру выручки, составляемый журналом Fortune), где представлены солидные компании, такие как General Motors (крупнейшая американская автомобильная корпорация), они не похожи на традиционную сицилийскую мафию»¹². Например, согласно показаниям директора ФБР Джима Муди подкомитету Конгресса США, организованная преступность в России в постсоветский период наладила криминальные связи «с другими иностранными преступными группировками, в том числе основанными в Италии и Колумбии. (...) Переход к

капитализму [в бывшем Советском Союзе] предоставил новые возможности, которыми быстро воспользовались преступные организации»¹³.

Банкиры с Уолл-стрит за кулисами

Можно сказать, что с начала 1990-х гг. был достигнут политический консенсус; правительства во всем мире однозначно приняли неолиберальную политическую повестку дня. Одни и те же экономические предписания применяются во всем мире. Под юрисдикцией МВФ, Всемирного банка и Всемирной торговой организации реформы создают «благоприятную среду» для мировых банков и транснациональных корпораций. Однако это не «свободная» рыночная система. Так называемая *программа структурной корректировки*, спонсируемая Бреттон-Вудской системой, хотя и поддерживается неолиберальной риторикой, представляет собой новую интервенционистскую структуру.

МВФ, Всемирный банк и ВТО — это всего лишь бюрократические структуры, регулирующие органы, действующие под эгидой межправительственных организаций и от имени влиятельных экономических и финансовых интересов. За этими глобальными институтами неизменно стоят банкиры с Уолл-стрит и главы крупнейших мировых бизнес-конгломератов. Они регулярно взаимодействуют с представителями МВФ, Всемирного банка и ВТО на закрытых заседаниях, а также на многочисленных международных площадках. В этих встречах и консультациях участвуют представители влиятельных мировых бизнес-лобби, в том числе Международной торговой палаты, Трансатлантического делового совета (который ежегодно собирает на своих площадках лидеров крупнейших западных бизнес-конгломератов с политиками и представителями ВТО), Совета США по международному бизнесу, Всемирного экономического форума в Давосе, Вашингтонского форума на базе Института международных финансов, представляющего крупнейшие в мире банки и финансовые учреждения и т. д. Другие «полусекретные» организации, играющие важную роль в формировании институтов Нового мирового порядка, включают Трехстороннюю комиссию, Бильдербергский клуб и Совет по международным отношениям.

Экономика дешевой рабочей силы

Глобализация бедности происходит в период быстрого технологического и научного прогресса. Хотя последнее потенциально способствовало значительному увеличению способности экономической системы производить необходимые товары и услуги, повышение уровня производительности не привело к соответствующему снижению уровня бедности. На заре нового тысячелетия глобальное снижение уровня жизни не является результатом дефицита производственных ресурсов.

Напротив, сокращение штатов, реструктуризация корпораций и перенос производства в районы с дешевой рабочей силой в странах третьего мира привели к росту уровня безработицы и значительному снижению заработков городских рабочих и фермеров. Этот новый международный экономический порядок подпитывается бедностью людей и дешевой рабочей силой: высокий уровень национальной безработицы как в развитых, так и в развивающихся странах способствовал снижению реальной заработной платы. Безработица становится интернационализированной, а капитал мигрирует из одной

страны в другую в постоянном поиске более дешевой рабочей силы. По данным Международной организации труда (МОТ), безработица во всем мире затрагивает один миллиард человек, или почти треть мировой рабочей силы¹⁴. Национальные рынки труда больше не разделены, и работники в разных странах вовлечены в открытую конкуренцию друг с другом. При этом права работников ущемляются, поскольку рынки труда дерегулируются.

Мировая безработица действует как рычаг, регулирующий затраты на рабочую силу на мировом уровне: обильное предложение дешевой рабочей силы в странах третьего мира и бывшего Восточного блока способствует снижению заработной платы в развитых странах. Затронуты практически все категории рабочей силы (включая высококвалифицированных, профессиональных и научных работников). Конкуренция за рабочие места способствует социальному разделению по классовому, этническому, половому и возрастному признаку.

Микроэффективность, макронедостаточность

Глобальные корпорации минимизируют затраты на рабочую силу на мировом уровне. Реальная заработка в странах третьего мира и Восточной Европы в семьдесят раз ниже, чем в США, Западной Европе или Японии. Учитывая массу обедневших дешевых рабочих во всем мире, их производственные возможности огромны.

В то время как основная экономика подчеркивает «эффективное распределение» «дефицитных ресурсов» общества, суровые социальные реалии ставят под сомнение последствия этого способа распределения. Промышленные предприятия закрываются, малые и средние предприятия доводятся до банкротства, профессиональные рабочие и гражданские служащие увольняются, а человеческий и физический капитал простирается во имя «эффективности». Неустанное стремление к «эффективному» использованию ресурсов общества на микроэкономическом уровне приводит к прямо противоположной ситуации на макроэкономическом уровне. Ресурсы используются неэффективно, остаются большие объемы неиспользуемых промышленных мощностей и миллионы безработных. Современный капитализм, похоже, совершенно неспособен мобилизовать незадействованных рабочих и неиспользованные ресурсы.

Накопление богатства, деформация производства

Глобальная экономическая реструктуризация способствует застою в поставках необходимых товаров и услуг, одновременно перенаправляя ресурсы на выгодные инвестиции, например, в экономику предметов роскоши. Кроме того, по мере сокращения накопления капитала в производственной деятельности поиск прибыли осуществляется во все более спекулятивных и мошеннических операциях, что, в свою очередь, способствует сбоям на основных мировых финансовых рынках.

Привилегированное социальное меньшинство накопило огромные богатства за счет подавляющего большинства населения. Число миллиардеров в США увеличилось с 13 в 1982 году до 149 в 1996 году и превысило 300 в 2000 году. *Всемирный клуб миллиардеров* (насчитывающий около 450 членов) обладает общим мировым богатством, значительно

превышающим совокупный ВВП группы стран с низким уровнем дохода, в которых проживает 59% населения мира (см. таблицу 1.1)¹⁵. Личное состояние семьи Уолтон из Северо-западного Арканзаса, владельцев розничной сети «Уолмарт» (85 миллиардов долларов), включая наследницу Элис Уолтон, братьев Робсон, Джона и Джима и мать Хелен, более чем в два раза превышало ВВП Бангладеш (33,4 миллиарда долларов) с населением 127 миллионов человек и доходом на душу населения 260 долларов в год¹⁶.

Более того, процесс накопления богатства все чаще происходит за пределами реальной экономики, оторванной от добросовестной производственной и коммерческой деятельности: «Успехи на фондовом рынке Уолл-стрит [имеется в виду спекулятивная торговля] привели к большей части прошлогоднего [1996] взрывного роста числа миллиардеров»¹⁷. В свою очередь, миллиарды долларов, накопленные в результате спекулятивных операций, направляются на конфиденциальные номерные счета в более чем 50 банковских оффшорах по всему миру. По консервативным оценкам американского инвестиционного банка «Меррилл Линч», состояние частных лиц, управляемых через частные банковские счета в оффшорных зонах, составляет 3,3 трлн. долларов¹⁸. МВФ оценивает оффшорные активы корпораций и частных лиц в 5,5 триллионов долларов, что эквивалентно 25% совокупного мирового дохода¹⁹. Полученное в основном нечестным путем имущество элит третьего мира на номерных счетах оценивалось в 1990-х годах в 600 миллиардов долларов, причем одна треть этой суммы находилась в Швейцарии²⁰.

Перепроизводство: увеличение предложения, снижение спроса

Расширение производства в глобальной капиталистической системе происходит за счет «минимизации занятости» и снижения заработной платы работников. Этот процесс, в свою очередь, отрицательно сказывается на уровнях потребительского спроса на необходимые товары и услуги: неограниченные возможности для производства, ограниченные возможности для потребления. В глобальной экономике дешевой рабочей силы сам процесс расширения производства (за счет сокращения штатов, увольнений и низкой заработной платы) способствует сокращению потребительской способности общества.

Таким образом, наблюдается тенденция к перепроизводству в беспрецедентных масштабах. Корпоративная экспансия в этой системе может происходить только за счет одновременного высвобождения простаивающих производственных мощностей, а именно за счет банкротства и ликвидации «избыточных предприятий». Последние закрываются в пользу наиболее передового механизированного производства: простаивают целые отрасли промышленности, страдает экономика целых регионов, используется лишь часть мирового сельскохозяйственного потенциала.

Этот всеобщий переизбыток сырьевых товаров является прямым следствием снижения покупательной способности и роста уровня бедности. Последнее также является результатом минимизации затрат на рабочую силу и занятость на мировом уровне под бременем реформ МВФ, Всемирного банка и ВТО.

Избыток предложения, в свою очередь, способствует дальнейшему снижению доходов прямых производителей за счет закрытия избыточных производственных

мощностей. Вопреки закону Сэя, провозглашаемому господствующей экономикой, *предложение не создает свой собственный спрос*. С начала 1980-х годов перепроизводство сырьевых товаров, ведущее к резкому падению (реальных) цен на сырьевые товары, вызвало хаос, особенно среди производителей сырья в странах третьего мира, но также и в сфере обрабатывающей промышленности.

Глобальная интеграция, локальная дезинтеграция

В развивающихся странах целые отрасли промышленности, производящие продукцию для внутреннего рынка, доводятся до банкротства по приказу Всемирного банка и МВФ. Неформальный городской сектор, который исторически играл важную роль в качестве источника создания рабочих мест, был подорван в результате девальвации валют, либерализации импорта и демпинга товаров. Например, в странах Африки к югу от Сахары швейная промышленность неформального сектора была уничтожена и заменена рынком подержанной одежды (импортируемой с Запада по цене 80 долларов за тонну)²¹.

На фоне экономической стагнации (включая отрицательные темпы роста, зафиксированные в Восточной Европе, бывшем Советском Союзе и странах Африки к югу от Сахары) крупнейшие корпорации мира пережили беспрецедентный рост и расширение своей доли на мировом рынке. Однако этот процесс в значительной степени происходил за счет вытеснения ранее существовавших производственных систем, т.е. за счет местных, региональных и национальных производителей. Расширение и «прибыльность» крупнейших мировых корпораций основаны на глобальном сокращении покупательной способности и обнищании крупных слоев населения мира. В свою очередь, реформы «свободного рынка» способствовали открытию новых экономических границ, обеспечивая при этом «рентабельность» посредством введения ужасающе низких заработных плат и дерегуляции рынка труда. В этом процессе *бедность становится фактором предложения*. Комплекс реформ МВФ, Всемирного банка и ВТО, проводимых во всем мире, играет решающую роль в регулировании затрат на рабочую силу со стороны корпоративного капитала.

В мировой экономике, характеризующейся перепроизводством, выживает сильнейший: предприятия с самыми передовыми технологиями или те, которые предлагают самые низкие заработные платы. В то время как дух англосаксонского либерализма направлен на «стимулирование конкуренции», макроэкономическая политика «Большой семерки» (посредством жесткого фискального и денежно-кредитного контроля) на практике поддерживает волну корпоративных слияний и поглощений, а также банкротство малых и средних предприятий.

Разрушение региональных экономик

На местном уровне малые и средние предприятия оказываются в ситуации банкротства или вынуждены производить продукцию для глобального дистрибутора. В свою очередь, крупные транснациональные компании взяли под контроль рынки местного уровня через систему корпоративного франчайзинга. Этот процесс позволяет крупному корпоративному капиталу (франчайзеру) получить контроль над человеческими ресурсами, дешевой рабочей силой и предпринимательством. Таким образом, значительная доля

прибыли небольших местных фирм и/или розничных продавцов присваивается глобальной корпорацией, в то время как основная часть инвестиционных расходов ложится на независимого производителя (франчайзи).

Этот процесс можно наблюдать и в Западной Европе. Согласно Маастрихтскому договору, процесс политической реструктуризации в Европейском союзе все больше учитывает доминирующие финансовые интересы в ущерб единству европейских обществ. В этой системе государственная власть намеренно санкционирует развитие частных монополий: крупный капитал уничтожает мелкий капитал во всех его формах. Стремление к формированию экономических блоков как в Европе, так и в Северной Америке приводит к искоренению предпринимателей регионального и местного уровня, преобразованию городской жизни и уничтожению индивидуальной мелкой собственности. «Свободная торговля» и экономическая интеграция обеспечивают большую мобильность глобальным предприятиям и в то же время подавляют (посредством нетарифных и институциональных барьеров) движение мелкого капитала местного уровня²². «Экономическая интеграция» (под руководством глобальных предприятий), демонстрируя видимость политического единства, часто способствует фракционности и социальной розни между национальными обществами и внутри них.

Война и глобализация

Навязывание макроэкономических и торговых реформ под наблюдением Международного валютного фонда, Всемирного банка и Всемирной торговой организации направлено на «мирную» реколонизацию стран путем преднамеренного манипулирования рыночными силами. Хотя явное применение силы не требуется, безжалостное проведение экономических реформ, тем не менее, представляет собой форму военных действий. В общем плане необходимо понимать опасность войны. Война и глобализация неотделимы друг от друга.

Что происходит со странами, которые отказываются «открываться» западным банкам и ТНК (транснациональным корпорациям), как того требует Всемирная торговая организация? Западный аппарат военной разведки и его различные бюрократические структуры регулярно взаимодействуют с финансовыми учреждениями. МВФ, Всемирный банк и ВТО, которые следят за экономическими реформами на уровне страны, также сотрудничают с НАТО в его различных «миротворческих» устремлениях, не говоря уже о финансировании «постконфликтного» восстановления под покровительством Бреттон-Вудских учреждений.

В начале третьего тысячелетия война и «свободный рынок» идут рука об руку. Война не требует ВТО или многосторонних инвестиционных соглашений (МИТ), закрепленных в международном праве: война – это многостороннее инвестиционное соглашение последнего средства. Война физически разрушает то, что не было демонтировано путем deregулирования, приватизации и навязывания реформ «свободного рынка». Прямая колонизация посредством войны и установление западных протекторатов равносильны предоставлению «национального режима» западным банкам и ТНК (как предусмотрено ВТО) во всех секторах деятельности; «ракетная дипломатия» повторяет «дипломатию

канонерок», использовавшуюся для обеспечения «свободной торговли» в XIX веке. Именно миссия Кушинга в Китай в 1844 г. (после Опиумных войн 1839-1842 гг., 1856-1860 гг.) предупредила правительство Китайской империи, «что отказ удовлетворить американские требования может быть расценен как приглашение к войне»²³.

Разоружение Нового мирового порядка

Идеология «свободного» рынка поддерживает новую и жестокую форму государственного интервенционизма, основанную на преднамеренном воздействии рыночных сил. Ущемляя права граждан, «свободная торговля» в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) предоставляет «закрепленные права» крупнейшим мировым банкам и глобальным корпорациям. Процесс обеспечения соблюдения международных соглашений всемирной торговой организацией на национальном и международном уровнях неизменно проходит в обход демократического процесса. Статьи ВТО угрожают привести к бесправию национальных обществ, поскольку они передают обширные полномочия финансовому учреждению (см. главу 1). Таким образом, с помощью риторики о так называемом «государственном управлении» и «свободном рынке» неолиберализм обеспечивает шаткую легитимность тем, кто находится в центре политической власти.

Новый мировой порядок основан на «ложном консенсусе» Вашингтона и Уолл-стрит, который предписывает «систему свободного рынка» как единственно возможный выбор на предначертанном пути к «глобальному процветанию». Все политические партии, включая «зеленых», социал-демократов и бывших коммунистов, теперь разделяют этот консенсус.

Необходимо разоблачить скрытые связи политиков и международных чиновников с мощными финансовыми интересами. Чтобы добиться значимых изменений, государственные учреждения и межправительственные организации должны быть в конечном счете вырваны из-под контроля глобального финансового учреждения. В свою очередь мы должны демократизировать экономическую систему и ее структуры управления и собственности, решительно бросить вызов вопиющей концентрации собственности и частного богатства, разоружить финансовые рынки, заморозить спекулятивную торговлю, пресечь отмывание грязных денег, демонтировать систему офшорных банковских операций, перераспределить доходы и богатство, восстановить систему права прямых производителей и перестроить государство всеобщего благосостояния. Однако, следует понимать, что западный военный аппарат и устройство безопасности одобряет и поддерживает доминирующие экономические и финансовые интересы – то есть наращивание, а также применение военной мощи обеспечивает «свободную торговлю». Пентагон является подразделением Уолл-стрит; НАТО согласовывает свои военные операции со Всемирным банком и политическими интервенциями МВФ, и наоборот. Органы безопасности и обороны Западного военного альянса вместе с различными гражданскими правительственными и межправительственными бюрократическими структурами (например, МВФ, Всемирный банк, ВТО) последовательно демонстрируют общее понимание, идеологический консенсус и приверженность новому мировому порядку. Поэтому международная кампания против

«глобализации» должна быть интегрирована в более широкую коалицию общественных сил, нацеленных на расформирование существующих военно-промышленного комплекса, НАТО и оборонного механизма, включая разведывательный, охранный и полицейский аппарат.

Глобальные средства массовой информации фабрикуют новости и открыто искажают ход мировых событий. Это «ложное сознание», которое пронизывает наши общества, препятствует критическим дебатам и маскирует истину. В конечном счете, это ложное сознание препятствует коллективному пониманию работы экономической системы, которая разрушает жизни людей. Единственное обещание «свободного рынка» - это мир безземельных фермеров, закрытых фабрик, безработных рабочих и разрушенных социальных программ, рецептом которых является «горькое экономическое лекарство» в рамках ВТО и МВФ. В связи с этим необходимо восстановить правду, разоружить контролируемые корпоративные СМИ, восстановить суверенитет наших стран и народов, а также разоружить и уничтожить глобальный капитализм.

Борьба должна быть широкомасштабной и демократической, охватывающей все слои общества на всех уровнях, во всех странах, объединяющей в основном направлении рабочих, фермеров, независимых производителей, малых бизнесменов, специалистов, артистов, государственных служащих, представителей духовенства, студентов и интеллектуалов. Во всех секторах люди должны быть объединяться, группы по частным проблемам должны сплотиться в общем и коллективном понимании того, как разрушает и доводит до обнищания эта экономическая система. Глобализация этой борьбы носит фундаментальный характер, требуя беспрецедентной в мировой истории степени солидарности и интернационализма. Существующая глобальная экономическая система подпитывается социальным расколом между странами и внутри них. Поэтому единство целей и всемирное согласование между различными группами и общественными движениями имеет решающее значение. Необходим серьезный толчок, который объединил бы общественные движения во всех основных регионах мира в общем стремлении и приверженности делу ликвидации нищеты и установления прочного всеобщего мира.

ЧАСТЬ I

ГЛОБАЛЬНАЯ БЕДНОСТЬ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА

Глава 1

Глобализация нищеты

С начала 1980-х годов программы «макроэкономическая стабилизация» и структурная перестройка, навязанные МВФ и Всемирным банком развивающимся странам (в качестве условия для пересмотра их внешнего долга), привели к обнищанию сотен миллионов людей. Вопреки духу Бреттон-Вудского соглашения, которое основывалось на «восстановлении экономики» и стабильности основных валютных курсов, программа структурной перестройки в значительной степени способствовала дестабилизации национальных валют и разрушению экономик развивающихся стран.

Это способствовало резкому падению внутренней платежеспособности, голоду, закрытию медицинских клиник и образовательных учреждений, сотням миллионов детей было отказано в праве на начальное образование. В некоторых регионах развивающегося мира реформы привели к всплеску инфекционных заболеваний, включая туберкулез, малярию и холеру. Хотя мандат Всемирного банка заключается в «борьбе с бедностью» и защите окружающей среды, его поддержка крупномасштабных гидроэлектростанционных и агропромышленных проектов также ускорила процесс обезлесения, а разрушение природной среды привело к насильственному перемещению и выселению нескольких миллионов человек.

Глобальная geopolитика

После окончания Холодной войны (1947-1989 гг.) макроэкономическая реструктуризация поддерживала глобальные geopolитические интересы, включая внешнюю политику США. Структурная перестройка была использована для подрыва экономики бывшего Советского блока и ликвидации его системы государственных предприятий. С конца 1980-х годов «экономическое лекарство» Всемирного банка и МВФ было навязано Восточной Европе, Югославии и бывшему Советскому Союзу с разрушительными экономическими и социальными последствиями (см. главы 16 и 17.)

Механизм принуждения на постсоветском пространстве очевиден, однако программа структурной перестройки с 1990-х годов применяется также в западных странах. В то время как макроэкономические методы «лечения» в западных странах находятся под юрисдикцией национальных правительств и, как правило, менее жестоки, чем те, которые применяются к Югу и Востоку, теоретические и идеологические основы в целом схожи. Обслуживаются одни и те же глобальные финансовые интересы. Монетаризм применяется в мировом масштабе, и процесс реструктуризации глобальной экономики затрагивает также самые богатые страны. Последствия таковы: безработица, низкая заработная плата и маргинализация широких слоев населения. Социальные расходы сокращаются, и многие достижения государства всеобщего благосостояния отменяются. Государственная

политика поощряет разрушение малых и средних предприятий. Низкий уровень потребления продуктов питания и недоедание также сказываются на бедности городского населения в богатых странах. Согласно недавнему исследованию, 30 миллионов человек в Соединенных Штатах классифицируются как «недоедающие»²⁴.

Последствия структурной перестройки, включая нарушение социальных прав женщин и пагубные экологические последствия экономических реформ, были подробно задокументированы. Хотя Бреттон-Вудские учреждения признали «социальные последствия перестройки», никаких изменений политики в этом направлении не предвидится. Фактически, с начала 1990-х годов, совпавших с распадом Восточного блока, политические предписания МВФ и Всемирного банка (теперь навязываемые во имя «сокращения масштабов нищеты») становились все более жесткими и непреклонными.

Социальная поляризация и концентрация богатства

На Юге, Востоке и Севере привилегированное социальное меньшинство накопило огромные богатства за счет подавляющего большинства населения. Этот новый международный финансовый порядок подпитывается нищетой людей и разрушением природной среды. Он порождает социальный апартеид, поощряет расизм и этническую рознь, подрывает права женщин и часто ввергает страны в разрушительную конфронтацию между национальностями. Более того, эти реформы – при одновременном применении более чем 150 странах – способствуют «глобализации бедности», процессу, который подрывает средства к существованию людей и разрушает гражданское общество на Юге, Востоке и Севере.

«Экономическое лекарство» МВФ

Под юрисдикцией МВФ прописывается один и то же «рецепт» жесткой бюджетной экономии, девальвации, либерализации торговли и приватизации, которые применяются одновременно более чем в 150 странах-должниках. Страны-должники отказываются от экономического суверенитета и контроля над налогово-бюджетной и денежно-кредитной политикой, Центральный банк и министерства финансов реорганизуются (часто при соучастии местной бюрократии), государственные институты ликвидируются и устанавливается «режим экономии». «Параллельное правительство», учрежденное международными финансовыми институтами, действует в обход гражданского общества. Страны, которые не соответствуют «целевым показателям эффективности» МВФ, попадают в черный список.

Хотя программа структурной перестройки и принята во имя «демократии» и так называемого «хорошего управления», она требует укрепления аппарата внутренней безопасности и военной разведки: политические репрессии – приговоре с элитами стран третьего мира – поддерживают параллельный процесс «экономических репрессий».

В качестве условий, навязанных донорами и кредиторами, добавляются «хорошее управление» и проведение многопартийных выборов, однако сама природа экономических реформ исключает подлинную демократизацию, т.е. их осуществление неизменно требует (вопреки «духу англосаксонского либерализма») поддержки со стороны военных и авторитарного государства. Структурная перестройка способствует созданию фиктивных

институтов и фальшивой парламентской демократии, что, в свою очередь, поддерживает процесс реструктуризации экономики.

Во всех странах, подвергшихся реформам МВФ, ситуация характеризовалась социальным отчаянием и безнадежностью населения, обнищавшего в результате действия рыночных механизмов. Бунты против программ структурной перестройки и народные восстания были жестоко подавлены. Например, в январе 1984 г. в Тунисе произошли хлебные бунты, спровоцированные в основном безработной молодежью, протестовавшей против роста цен на продовольствие. Так было и в Нигерии в период с мая по июнь 1989 г., где студенческие беспорядки против программы структурной перестройки привели к закрытию шести университетов страны с помощью вооруженных сил страны. В том же году президент Венесуэлы Карлос Андрес Перес, после риторического осуждения МВФ за практику «экономического тоталитаризма, который убивает не пулями, а голодом», объявил чрезвычайное положение и направил регулярные подразделения пехоты и морской пехоты в районы трущоб Каракаса, где 200-процентное повышение цен на хлеб по рецепту МВФ спровоцировало беспорядки. Мужчины, женщины и дети подверглись беспорядочному обстрелу. «Сообщалось, что в морге Каракаса за первые три дня было обнаружено до 200 тел убитых людей (...), и было предупреждение, что в городе заканчиваются гробы»²⁵. Неофициально погибло более тысячи человек. В 1990 г. в Марокко произошли всеобщая забастовка и народное восстание против реформ, спонсируемых МВФ. В 1993 г. в Мексике произошло восстание сапатистской армии освобождения в регионе Чьяпас на юге страны. С гневом вспоминаются протестные движения против реформ МВФ в Российской Федерации и вооруженный штурм российского парламента в 1993 году. В январе 2000 г. было массовое протестное движение народа Эквадора против закона о защите прав человека и принятия доллара США в качестве национальной валюты, которое привело к отставке президента. В апреле 2000 г. в Боливии (Кочабамба) тысячи крестьян протестовали против приватизации водных ресурсов страны и введения платы за пользование ими. Список можно продолжать.

Экономический геноцид

Структурная перестройка способствовала определенной форме «экономического геноцида», который осуществляется посредством сознательного манипулирования рыночными силами. По сравнению с предыдущими периодами колониальной истории (например, принудительный труд и рабство) его социальные последствия гораздо более разрушительны.

Программы структурной перестройки напрямую влияют на средства к существованию более четырех миллиардов человек. Применение программы структурной перестройки в большом числе отдельных стран-должников способствует интернационализации макроэкономической политики под прямым контролем МВФ и Всемирного банка, действующих от имени влиятельных финансовых и политических кругов (например, Парижского и Лондонского клубов, G7). Эта новая форма экономического и политического господства – форма «рыночного колониализма» – подчиняет людей и правительства посредством кажущегося «нейтральным»

взаимодействия рыночных сил. Базирующаяся в Вашингтоне международная бюрократия была уполномочена международными кредиторами и транснациональными корпорациями осуществлять глобальный экономический проект, который влияет на средства к существованию более 80% населения земного шара. Никогда в истории «свободный» рынок, действующий в мире с помощью инструментов макроэкономики, не играл такой важной роли в формировании судьбы суверенных государств.

Разрушение национальных экономик

Реструктуризация мировой экономики под руководством базирующихся в Вашингтоне финансовых институтов все больше лишает отдельные развивающиеся страны возможности построения национальных экономик: интернационализация макроэкономической политики превращает страны в открытые экономические территории, а национальные экономики – в «резервы» дешевой рабочей силы и природных ресурсов. Применение «экономической лекарства МВФ» имеет тенденцию к дальнейшему снижению мировых цен на сырьевые товары, поскольку вынуждает отдельные страны одновременно приспосабливать свои национальные экономики к сужающемуся мировому рынку.

В основе глобальной экономической системы лежит неравноправная структура торговли, производства и кредитования, которая определяет роль и положение развивающихся стран в мировой экономике. Какова природа этой развивающейся мировой экономической системы; на какой структуре глобальной бедности и неравенства доходов она основана? В XXI в. население земли превысит 6 миллиардов человек, из которых подавляющее большинство будут жить в относительно небогатых странах. В то время как богатые страны (с населением около 15% от мирового населения) контролируют около 80% общего мирового дохода, примерно 60% мирового населения, представляют группу «стран с низким уровнем дохода» (включая Индию и Китай). Эти страны с населением свыше 3,5 миллиардов человек получают 6,3% от общего мирового дохода (меньше, чем ВВП Франции и ее заморских территорий). При населении более 600 миллионов человек валовый внутренний продукт всего африканского региона к югу от Сахары примерно вдвое меньше, чем в штате Техас. В совокупности страны с низким и средним уровнем дохода (включая бывшие «социалистические» страны и бывший Советский Союз), на долю которых приходится около 85% мирового населения, получают примерно 20% от общего мирового дохода (см. таблицу 1.1.)

Во многих странах третьего мира, имеющих задолженность, реальные заработки в современном секторе к началу 1990-х годов уже сократились более чем на 60%. Положение неформального сектора и безработных было еще более критическим. Например, в Нигерии при военном правительстве генерала Ибрагима Бабангида минимальная заработка плата в течение 1980-х годов снизилась на 85%. Заработка плата во Вьетнаме упала ниже 10 долларов США в месяц, в то время как внутренние цены на рис выросли до мирового уровня в результате программы МВФ, осуществляющей правительством Ханоя: к примеру, учитель средней школы Ханоя, имеющий высшее образование, получал в 1991 году ежемесячную зарплату менее 15,2 долларов США²⁶ (см. главу 12). В Перу после «Фуджишока» в августе 1990 года, который спонсировали МВФ и Всемирный банк и который осуществил

президент Альберто Фухимори, цены на топливо за ночь выросли в 31 раз, а цены на хлеб – в 12 раз. Реальная минимальная заработная плата снизилась более чем на 90% по отношению к уровню середины 1970-х годов (см. главу 14).

Таблица 1.1. Распределение населения и доходов в мире (1998)					
	Население (миллионы)	Доля населения земного шара (%)	Доход на душу населения (в долларах США)	Общий доход (миллиарды долларов США)	Доля в мировом доходе (%)
Страны с низким уровнем дохода	3515	59,6	520	1828	6.3
Страны со средним уровнем дохода	1496	25,4	2950	4413	15.3
Общее количество бедных стран	5011	85,0	1250	6264	21.7
Африка к югу от Сахары	628	10,6	480	301	1.0
Южная Азия	1305	22,1	430	561	1.9
Китай	1239	21.0	750	929	3.2
Бывший СССР и Восточная Европа	395	6.7	1965	776	2.7
Глобальный третий мир	4616	78.3	1180	5447	18.9
Общее количество богатых стран*	885	15.0	25510	22576	78.3
ОЭСР**	932	15.8	20853	19435	67.4
Всего в мире	5897	100.0	4890	28836	100.0

Источник: Оценка по данным Всемирного банка, опубликованным в Докладе о мировом развитии за 1999/2000 гг., Вашингтон, округ Колумбия, 2000 г., стр. 230-231

* Богатые страны – страны с высоким уровнем дохода.

** Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), создана в 1961 году, сегодня включает около 38 членов, среди которых США, Канада, Япония, большинство европейских стран, Австралия, Новая Зеландия, Турция, Мексика, Чили и другие.

Техническое примечание: Общее количество бедных стран – сумма стран с низким и средним уровнем дохода.

Глобальный третий мир – общее количество бедных стран за вычетом бывшего СССР и Восточной Европы.

Долларизация цен

Несмотря на значительные различия в стоимости жизни между развивающимися и развитыми странами, девальвация в сочетании с либерализацией торговли и дерегулированием внутренних товарных рынков в рамках программы структурной перестройки способствует «долларизации» внутренних цен. Внутренние цены на основные продукты питания все чаще поднимаются до уровня мировых рынков. Хотя этот новый мировой экономический порядок основан на интернационализации цен на сырьевые товары и полностью интегрирован на товарном рынке, он все в большей степени функционирует в условиях жесткого разделения между двумя различными рынками труда. Эта глобальная рыночная система характеризуется двойственностью в структуре заработной платы и затрат на рабочую силу между богатыми и бедными странами. В то время как цены унифицированы и доведены до мирового уровня, заработка плата (и затраты на рабочую силу) в странах третьего мира и Восточной Европы в 70 раз ниже, чем в странах ОЭСР.

Различия в доходах между странами накладываются на чрезвычайно широкие различия в доходах между социальными группами внутри стран. Во многих странах третьего мира более 60% национального дохода приходится на верхние 20% населения. Во многих развивающихся странах с низким и средним уровнем дохода 70% сельских домохозяйств имеют доход на душу населения 10-20% от среднего показателя по стране. Эти огромные различия в доходах между странами и внутри них являются следствием структуры торговли сырьевыми товарами и неравноправного международного разделения труда, которое придает странам третьего мира, а в последнее время и странам бывшего советского блока статус подчинения в глобальной экономической системе. В течение 1990-х годов различия увеличились в результате перестройки национальных экономик в рамках программы структурной перестройки²⁷.

«Третий мир» бывшего Восточного блока

Окончание холодной войны оказало глубокое влияние на глобальное распределение доходов. До начала 1990-х годов Восточная Европа и Советский Союз рассматривались как часть развитого Севера, то есть с уровнями материального потребления, образования, здравоохранения, научного развития и т. д. сопоставимыми с теми, которые преобладают в странах ОЭСР. Несмотря на то, что средние доходы были несколько ниже, мир, в том числе, западные ученые, признавал достижения стран Восточного блока, особенно в области социального обеспечения, здравоохранения, образования и науки.

Обнищавшие в результате реформ, спонсируемых МВФ, страны бывшего социалистического блока классифицировались Всемирным банком, наряду со странами третьего мира, как «развивающиеся экономики» с «низким и средним уровнем дохода». Среднеазиатские республики Казахстан и Туркменистан находятся рядом с Сирией, Иорданией и Тунисом в категории «доходов ниже среднего», в то время как Российская Федерация находится рядом с Бразилией с доходом на душу населения порядка 3000 долларов США. Этот сдвиг в категориях отражает итоги холодной войны и лежащий в ее основе процесс «превращения Восточной Европы и бывшего Советского Союза в третий мир» (на момент издания данной книги в 2003 г.).

Роль глобальных институтов

Создание Всемирной торговой организации (ВТО) в 1995 году ознаменовало новый этап в эволюции послевоенной экономической системы. Возникло новое трехстороннее разделение полномочий между МВФ, Всемирным банком и ВТО. МВФ призвал к более эффективному «надзору» за экономической политикой развивающихся стран и усилению координации между тремя международными органами, что свидетельствует о дальнейшем посягательстве на суверенитет национальных правительств.

В соответствии с новым торговым порядком, который появился после завершения Уругвайского раунда в Марракеше в 1994 году, отношения базирующихся в Вашингтоне институтов с национальными правительствами должны быть пересмотрены. Обеспечение соблюдения политических предписаний МВФ и Всемирного банка больше не будет зависеть от специальных кредитных соглашений на уровне стран (которые не являются юридически обязательными документами). Отныне многие из основных положений программы структурной перестройки (например, либерализация торговли, приватизация и режим иностранных инвестиций) навсегда закреплены в статьях соглашения новой ВТО. Эти статьи закладывают основы для поддержания правопорядка в странах и обеспечения соблюдения «условий» в соответствии с международным правом.

Дерегулирование торговли в соответствии с правилами ВТО в сочетании с новыми положениями, касающимися прав интеллектуальной собственности, позволяет транснациональным корпорациям проникать на местные рынки и распространять свой контроль практически на все сферы национального производства, сельского хозяйства и сферы услуг.

Закрепление прав банков и транснациональных корпораций

В этих новых экономических условиях международные соглашения, заключаемые бюрократами под эгидой межправительственных организаций, стали играть решающую роль в перестройке национальных экономик. Статьи соглашения ВТО предусматривают то, что некоторые наблюдатели назвали «хартией прав для многогранных корпораций», умаляют способность национальных обществ регулировать свою национальную экономику, ставя под угрозу социальные программы на национальном уровне, политику создания рабочих мест, позитивные действия и инициативы на уровне общин. Статьи ВТО угрожают привести к лишению прав национальные общества, поскольку она передает обширные полномочия глобальным корпорациям.

ВТО была создана после подписания «технического соглашения», согласованного бюрократами за закрытыми дверями. Даже главы делегаций стран в Марракеше в 1994 году не были проинформированы относительно устава ВТО, который был разработан на отдельных закрытых заседаниях технократами. Структура ВТО обеспечивает «единий подход» к результатам Уругвайского раунда, таким образом, «членство в ВТО влечет за собой принятие всех результатов раунда без исключения»²⁸.

После встречи в Марракеше 550-страничное соглашение (плюс многочисленные приложения к нему) было либо подписано в спешке, либо так и не было официально одобрено национальными парламентами. Статьи соглашения ВТО, вытекающие из этого

«технического соглашения», включая процедуры урегулирования споров, были закреплены в международном праве случайно. Марракешское соглашение 1994 года, которое учреждает ВТО как многосторонний орган, обходит демократический процесс в каждой из стран-участниц. Оно явно противоречит национальным законам и конституциям, одновременно предоставляя широкие полномочия глобальным банкам и транснациональным корпорациям. Эти полномочия, по сути, закреплены в статьях соглашения ВТО.

Процесс фактического создания ВТО после заключительного акта Уругвайского раунда является явно незаконным. А именно, в Женеве случайно был создан тоталитарный межправительственный орган, наделенный в соответствии с международным правом мандатом контролировать экономическую и социальную политику на уровне стран, ущемляя суверенные права национальных правительств. Аналогичным образом, ВТО «росчерком пера» практически нейтрализует авторитет и деятельность нескольких учреждений Организации Объединенных Наций, включая Конференцию Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) и Международную организацию труда (МОТ). Статьи ВТО противоречат не только ранее существовавшим национальным и международным законам; они также противоречат Всеобщей декларации прав человека. Принятие ВТО в качестве законной организации равносильно «бессрочному мораторию» на Всеобщей декларации прав человека или даже ее отмене.

В дополнение к вопиющему нарушению международного права правила ВТО обеспечивают легитимность торговой практики, граничащей с преступлениями, включая «интеллектуальное пиратство» со стороны транснациональных корпораций, нарушение прав растениеводов-селекционеров, не говоря уже о генетических манипуляциях биотехнологических гигантов и патентовании форм жизни, включая растения, животных, микроорганизмы, генетический материал и человеческие формы жизни в соответствии с соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights)). Это соглашение (ТРИПС) было заключено в 1994 году и было одним из столпов глобального торгового режима, который реализуется через Всемирную торговую организацию (см. главу 9, которая иллюстрирует роль биотехнологических конгломератов в Эфиопии.)

В сфере финансовых услуг положения Генерального соглашения по торговле и услугам (GATS) обеспечивают легитимность крупномасштабным финансовым и спекулятивным манипуляциям, направленным против развивающихся стран, которые часто приводят к прекращению денежно-кредитной политики на уровне стран.

Согласно правилам ВТО, банки и транснациональные корпорации могут законно манипулировать рыночными силами в своих интересах, что приводит к прямой реколонизации национальных экономик. Статьи ВТО обеспечивают легитимность глобальным банкам и ТНК в их стремлении дестабилизировать институты, довести национальных производителей до банкротства и, в конечном счете, взять под контроль целые страны.

Глава 2

Глобальная ложь

Правительства стран G7 и глобальные институты, включая МВФ, Всемирный банк и Всемирную торговую организацию, имеют обыкновение отрицать растущий уровень глобальной бедности; социальные реалии скрываются, официальная статистика подделывается, а экономические концепции извращаются. В свою очередь, средства массовой информации бомбардируют общественное мнение радужными образами глобального роста и процветания, утверждают, что мировая экономика переживает бум под воздействием реформ «свободного рынка»: «Снова наступили счастливые дни «...», прекрасная возможность для устойчивого и все более интенсивного глобального экономического роста, которой необходимо воспользоваться»²⁹. Без дебатов и обсуждений так называемая «разумная макроэкономическая политика» (подразумевающая широкий спектр мер жесткой экономии, deregулирования, сокращения штатов и приватизации) провозглашается ключом к экономическому успеху.

Доминирующий экономический дискурс также укрепил свое влияние в академических и исследовательских институтах по всему миру. Критический анализ настоятельно не рекомендуется; социальную и экономическую реальность предписывается рассматривать через единый набор фиктивных экономических отношений, которые служат цели сокрытия функционирования глобальной экономической системы.

Господствующая экономическая наука создает теорию без фактов («чистая теория») и факты без теории («прикладная экономика»). Доминирующая экономическая догма не допускает ни несогласия, ни обсуждения своих основных теоретических положений; главная функция университетов состоит в том, чтобы подготовить поколение лояльных и надежных экономистов, которые не способны раскрыть социальные основы глобальной рыночной экономики.

Аналогичным образом, интеллектуалы третьего мира все чаще привлекаются к поддержке неолиберальной парадигмы; интернационализация экономической «науки» безоговорочно поддерживает процесс реструктуризации глобальной экономики.

Эта официальная неолиберальная догма также создает собственную «контрпарадигму», представляющую собой «высоко моральный» и «этический» дискурс. Последний фокусируется на «устойчивом развитии» и «борьбе с бедностью», хотя часто политические вопросы, касающиеся бедности, защиты окружающей среды и социальных прав женщин искажаются и упрощаются. Эта «контридеология» редко бросает вызов предписаниям неолиберальной политики. Она развивается параллельно и в гармонии, а не в оппозиции к официальной неолиберальной догме.

В рамках этой контридеологии, которая щедро финансируется исследовательским истеблишментом, находят удобную нишу исследователи в области развития (не говоря уже о многочисленных неправительственных организациях). Их роль состоит в том, чтобы создавать в рамках этого контродискурса подобие критической дискуссии, не затрагивая социальных основ глобальной рыночной системы. В этой связи Всемирный банк играет ключевую роль в продвижении исследований по «сокращению масштабов нищеты» и так

называемым «социальным аспектам перестройки». Эта этическая направленность и лежащие в ее основе категории (например, борьба с бедностью, гендерные вопросы, равенство и т.д.) обеспечивают Бреттон-Вудским учреждениям «человеческое лицо» и видимость приверженности социальным изменениям. Однако поскольку этот анализ функционально оторван от понимания основных макроэкономических реформ, он редко представляет угрозу неолиберальной экономической повестке дня.

Манипулирование цифрами о глобальной бедности

Легитимность реформ «свободного рынка» основывается на иллюзии, что глобализация способствует долгосрочному процветанию. Эта иллюзия поддерживается путем откровенного манипулирования экономическими и социальными данными, включая цифры о бедности. Всемирный банк «оценивает», что 18% населения третьего мира «крайне бедны», а 33% – «бедны». В авторитетном исследовании Всемирного банка о глобальной бедности «верхняя черта бедности» произвольно установлена на уровне дохода на душу населения в размере 1 доллара США в день, что соответствует годовому доходу на душу населения в размере 370 долларов США в год³⁰. Группы населения в отдельных странах с доходами на душу населения, превышающими 1 доллар США в день, произвольно определяются как «небедные». Благодаря грубым манипуляциям со статистикой доходов данные Всемирного банка служат полезной цели представления бедных в развивающихся странах как группы меньшинства.

Всемирный банк произвольно устанавливает «порог бедности» в размере одного доллара в день, обозначая группы населения с доходом на душу населения выше одного доллара в день как «небедные». Например, «оценивает», что в Латинской Америке и Карибском бассейне только 19% населения являются «бедными». Это грубое искажение, так как, скажем, в Соединенных Штатах с годовым доходом на душу населения более 25000 долларов США один американец из семи определяется Бюро переписи населения как находящийся за чертой бедности (см. таблицу 2.2.)³¹.

Эта субъективная и предвзятая оценка проводится независимо от фактических условий уровня страны³². С либерализацией товарных рынков внутренние цены на основные продукты питания в развивающихся странах выросли до уровня мирового рынка. Норма в один доллар в день не имеет рациональной основы; группы населения в развивающихся странах с доходами на душу населения в размере 2, 3 или даже 5 долларов в день остаются за чертой бедности, т. е. неспособны покрыть основные расходы на питание, одежду, жилье, здравоохранение и образование.

Определение бедности по «одному доллару в день»

Как только был установлен порог бедности в «один доллар в день», оценка национальных и глобальных уровней бедности превращается в арифметическое упражнение. Показатели бедности рассчитываются механическим способом исходя из первоначального предположения о доходе в один доллар в день. Затем данные сводятся в таблицы с прогнозами снижения уровня глобальной бедности в XXI веке.

Эти прогнозы бедности основаны на предполагаемых темпах роста дохода на душу населения; рост последнего предполагает, в конечном счете, соответствующее снижение

уровня бедности. Например, согласно расчетам Всемирного банка, уровень бедности в Китае должен был снизиться с 20% в 1985 году до 2,9% в 2000 году³³. Аналогично, в Индии, где, согласно официальным данным за 1980-1990 гг., более 80% населения имеют доход на душу населения ниже одного доллара в день, «моделирование» Всемирного банка (которое противоречит его собственной методологии «один доллар в день») указывает на уровни снижения бедности с 55% в 1985 году до 25% в 2000 году.

Вся концепция «один доллар в день» полностью исключена из реальных жизненных ситуаций. Нет необходимости анализировать расходы домашних хозяйств на питание, жилье и социальные услуги; нет необходимости наблюдать за конкретными условиями в бедных деревнях или городских трущобах. В рамках работы Всемирного банка «оценка» показателей бедности превратилась в численное упражнение, которое с пользой служит для сокрытия глобализации бедности.

Данные Организации Объединенных Наций о бедности

Организация Объединенных Наций повторяет ложь Всемирного банка. Программа развития Организации Объединенных Наций «Группа по человеческому развитию» утверждает без подтверждающих доказательств, что «прогресс в сокращении бедности за ХХ в. примечателен и беспрецедентен... Ключевые показатели человеческого развития [в конце ХХ в.] значительно улучшились»³⁴. ООН разработала «индекс бедности населения» (ИБН), основанный на ряде показателей депривации: «короткая продолжительность жизни, отсутствие базового образования и отсутствие доступа к государственным и частным ресурсам»³⁵. Основываясь на этих критериях, Группа ООН по развитию человеческого потенциала составляет «оценки» человеческой бедности, которые полностью не соответствуют реалиям на страновом уровне. Индекс бедности населения (ИБН) для Колумбии, Мексики и Таиланда, например, составляет около 10-11% (см. таблицу 2.1). Социальные реалии на страновом уровне сфабрикованы: измерения ООН указывают на достижения в сокращении бедности в странах Африки к югу от Сахары, на Ближнем Востоке и в Индии, которые полностью расходятся с оценками бедности самими этими странами и имеющимися данными.

Фактически, оценки бедности населения, представленные ООН, отражают еще более искаженную и вводящую в заблуждение картину, чем оценки Всемирного банка. Например, только 10,9% населения Мексики отнесены ООН к категории «бедных». Однако эта оценка противоречит ситуации, наблюдавшейся в Мексике в течение последних двадцати лет: массовая безработица, коллапс социальных служб, обнищание мелких фермеров и резкое снижение реальных доходов, вызванное последовательными девальвациями валюты.

Двойные стандарты в «научном» измерении бедности

При измерении бедности преобладают двойные стандарты. Критерий Всемирного банка «один доллар в день» применяется только к «развивающимся странам». Как Банк, так и ООН не признают существования бедности в Западной Европе и Северной Америке. Более того, стандарт «один доллар в день» противоречит устоявшимся методологиям,

используемым западными правительствами для определения и измерения бедности в их собственных странах.

На Западе методы измерения бедности основаны на минимальных уровнях расходов домашних хозяйств, основных расходов на питание, одежду, жилье, здравоохранение и образование. Например, в Соединенных Штатах Администрация социального обеспечения (АСО) в 1960-х годах установила «порог бедности», который состоит из «стоимости минимального адекватного рациона питания, умноженной на три, чтобы учесть другие расходы». Это измерение было основано на широком консенсусе внутри администрации США³⁶. «Порог бедности» в США для семьи из четырех человек (двоих взрослых и двоих детей) в 1996 году составлял 16036 долларов. Эта цифра переводится в доход на душу населения в размере одиннадцати долларов в день (по сравнению с критерием Всемирного банка в один доллар в день, используемым для развивающихся стран). Согласно этому, 13,7% населения США и 19,6% населения центральных городов этой страны находятся за порогом бедности³⁷. Ни ООН, ни Всемирный банк не проводят сравнений уровней бедности между «развитыми» и «развивающимися» странами. Сравнения такого рода, без сомнения, стали бы источником «научного конфузса», поскольку показатели бедности, представленные обеими организациями для стран третьего мира, в некоторых случаях выглядят лучше официальных уровней бедности в США, Канаде и Европейском союзе. Например, в Канаде, которая занимала первое место среди всех стран согласно Индексу человеческого развития ООН, согласно Индексу бедности населения ООН 17,4% населения находились ниже общенационального порога бедности по сравнению с 10,9% в Мексике и 4,1% в Тринидаде и Тобаго³⁸.

И наоборот, если бы методология Бюро переписи населения США (основанная на затратах на соблюдение минимального рациона питания) была применена к развивающимся странам, подавляющее большинство их населения было бы отнесено к категории «бедных». Всемирный банк, без сомнения, заявил бы, что использование «западных стандартов» и определений бедности неприменимо в развивающихся странах. Тем не менее, последние данные подтверждают, что розничные цены на основные потребительские товары в них намного ниже, чем в США или Западной Европе. Фактически, благодаря дерегулированию и «свободной торговле» стоимость жизни во многих городах третьего мира сейчас выше, чем в Соединенных Штатах. Более того, исследования бюджетов домашних хозяйств в нескольких странах Латинской Америки показывают, что питание по меньшей мере 60% населения региона не удовлетворяет минимальным потребностям в калориях и белках. Например, в результате реформ МВФ в Перу 83% населения, согласно данным переписи домашних хозяйств, не могли удовлетворить минимальные ежедневные потребности в калориях и белке (см. главу 14). Еще более серьезная ситуация сложилась в странах Африки к югу от Сахары и Южной Азии, где большинство населения страдает от хронического недоедания.

Оценки бедности, проводимые Всемирным банком и Организацией Объединенных Наций, в основном проводятся в офисах в Вашингтоне и Нью-Йорке при недостаточной осведомленности о местных реалиях. Например, в отчете о бедности Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) указывается на снижение детской

смертности на от трети до половины в странах Африки к югу от Сахары, однако бедность там фактически возросла, а программы общественного здравоохранения были свернуты. Что в отчете не упоминается, так это то, что закрытие медицинских клиник и массовые увольнения медицинских работников, ответственных за сбор данных о смертности (часто заменяемых полуграмотными добровольцами-медиками), привели к фактическому снижению регистрируемой смертности, т.е. к разрушению надежных систем данных о смертности и заболеваемости.

Сокрытие реальности на уровне стран

Показатели бедности в исследованиях Всемирного банка и отчетах ПРООН намеренно искажают ситуацию на страновом уровне, а также серьезность этой проблемы в глобальном масштабе. Они служат цели представить бедных как группу меньшинства, составляющую около 20% населения земного шара.

Показатели снижения уровня бедности, включая прогнозы будущих тенденций, составляются с целью обоснования политики «свободного рынка» и поддержки «Вашингтонского консенсуса» по макроэкономическим реформам. Система «свободного рынка» преподносится как наиболее эффективное средство сокращения масштабов нищеты, в то время как последствия макроэкономических реформ отрицаются. Оба учреждения указывают на преимущества технологической революции и вклад иностранных инвестиций и либерализации торговли, не указывая на то, что эти глобальные тенденции способствуют росту уровня бедности, и не определяя, каким образом это происходит.

Таблица 2.1 Индекс бедности населения ПРООН по отдельным развивающимся странам

Страна	Уровень бедности (процент населения за чертой бедности)
Тринидад и Тобаго	4,1
Мексика	10,9
Таиланд	11,7
Колумбия	10,7
Филиппины	17,7
Иордания	10,9
Никарагуа	27,2
Ямайка	12,1
Ирак	30,7
Руанда	37,9
Папуа - Новая Гвинея	32,0
Нигерия	41,6
Зимбабве	17,3

Источник: Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Отчет о развитии потенциала за 1997 год, таблица 1.1, стр. 21

Таблица 2.2 Бедность в отдельных странах G7 по национальным стандартам

Страна	Уровень бедности (процент населения, живущего в бедности)
Соединенные Штаты (1996)*	13,7
Канада (1995)**	17,8
Великобритания (1993)***	20,0
Италия (1993)***	17,0
Германия (1993)***	13,0
Франция (1993)***	17,0

Источники:

* Бюро переписи населения США.

** Центр международной статистики Канадского совета по социальному развитию.

***Европейская информационная служба.

Глава 3

Кредитные условия как инструмент контроля и подчинения стран

Глобальный долг

Как суверенные страны оказались под опекой международных финансовых институтов? Поскольку страны были в долгах, Бреттон-Вудские институты смогли обязать их посредством так называемых «условий», прилагаемых к кредитным соглашениям, надлежащим образом переориентировать свою макроэкономическую политику в соответствии с интересами официальных и коммерческих кредиторов.

Долговое бремя развивающихся стран неуклонно росло с начала 1980-х годов, несмотря на различные схемы пересмотра сроков погашения, реструктуризации и конверсии долга, предложенные кредиторами. Фактически, эти процедуры в сочетании с кредитованием, основанным на политике МВФ и Всемирного банка (в рамках программы структурной перестройки), способствовали увеличению непогашенного долга развивающихся стран, обеспечивая при этом оперативное возмещение процентных платежей.

Общий непогашенный долгосрочный долг развивающихся стран из официальных и частных источников в 1970 году составлял приблизительно 62 миллиарда долларов США. В течение 1970-х годов он увеличился в семь раз и достиг 481 миллиарда долларов в 1980 году. Общий долг развивающихся стран составлял почти 2 трлн. долларов (1998 год), что

в 32 раза больше по сравнению с 1970 годом (см. таблицу 3.1.).

Таблица 3.1

Внешний долг развивающихся стран (в миллиардах долларов США)

Год	Общий внешний долг	Долгосрочный долг	Краткосрочный долг	Использование кредита МВФ
1980	658	481	164	12
1981	672	498	159	14
1982	745	557	168	20
1983	807	633	140	33
1984	843	675	132	36
1985	990	809	141	40
1986	1218	996	179	43
1987	1369	1128	198	43
1988	1334	1092	207	35
1989	1403	1134	237	32
1990	1510	1206	269	35
1991	1594	1265	291	38
1992	1667	1305	324	38
1993	1776	1391	345	40
1994	1921	1523	355	44
1995	2066	1626	378	61
1996	2095	1650	385	60
1997	2317	1783	463	71
1998	2465	1958	412	96
2000	2500	2048	Н.А.	64

Источник: Всемирный банк, таблицы мирового долга, несколько выпусков
Вашингтон, округ Колумбия.

Техническое примечание: Данные до 1985 года основаны на данных всех стран, отчитывающихся перед Всемирным банком, и напрямую не сопоставимы с данными после 1985 года. Данные за 2000 год представляют собой оценки, основанные на таблицах мирового долга за 2001 год, которые не полностью сопоставимы с данными за 1990-98 годы.

Таблица 3.2

Доля экспорта, направленного на обслуживание долга (%) по географическим регионам

Год	Восточная Азия и Тихоокеанский регион	Европа и Центральная Азия	Латинская Америка и Карибский бассейн	Ближний Восток и Северная Африка	Южная Азия	Африка югу о Сахары
1980	13,6	18,1	36,9	20,3	11,6	11,0
1981	7,1	12,8	21,6	20,5	10,2	9,9
1982	18,0	20,4	47,6	21,3	14,5	19,3
1983	18,6	20,2	42,1	23,0	17,7	22,4
1984	18,3	22,4	38,9	22,3	18,2	25,5
1985	25,1	25,5	42,7	23,8	22,6	30,8
1986	26,0	26,6	46,9	30,9	28,7	31,3
1987	25,0	19,4	37,4	15,9	27,5	23,4
1988	19,1	18,7	39,6	17,5	26,2	27,2
1989	16,8	17,1	32,1	16,9	26,8	17,9
1990	15,3	16,8	26,3	14,7	27,6	17,8
1991	13,4	20,5	26,2	16,8	25,0	16,4
1992	13,1	12,8	28,9	16,2	24,7	15,7
1993	14,7	12,4	30,0	15,5	23,7	14,9
1994	12,0	14,6	27,5	15,4	25,6	14,0
1995	12,8	13,8	26,1	14,9	24,6	14,5
1996	13,0	11,4	32,3	11,4	22,0	14,2
1997	11,3	11,5	35,5	13,2	20,3	12,8
1998	12,0	13,3	33,8	13,5	17,9	14,9

Источник: Всемирный банк, Всемирная задолженность столы, несколько вопросов, Вашингтон округ Колумбия

Примечание: Доля экспорта, направляемая на обслуживание долга, представляет собой отношения платежей по обслуживанию долга (процентов и основного долга) к экспорту товаров и услуг.

План Маршалла для богатых стран

В то время как цены на сырьевые товары падали, что с начала 1980-х годов привело к снижению стоимости экспорта, все большая доля доходов от экспорта направлялась на обслуживание долга.

К середине 1980-х годов развивающиеся страны стали чистыми экспортёрами капитала в пользу богатых стран. Поток фактического обслуживания долга превышал новые притоки капитала в виде займов, иностранных инвестиций и иностранной помощи³⁹. «Вплоть до середины 1980-х годов международные финансовые институты рефинансировали долг в основном от имени коммерческих банков и официальных кредиторов. Однако срок погашения многих займов, предоставленных многосторонними

учреждениями в начале долгового кризиса, истекал, и базирующиеся в Вашингтоне международные финансовые организации потребовали возмещения этих займов. А согласно статьям Бреттон-Вудского соглашения, эти займы не могли быть перенесены.

Кредитование на основе политики

Существует тесная, почти симбиотическая взаимосвязь между политикой управления долгом и макроэкономическими реформами. Управление долгом сводится к обеспечению того, чтобы отдельные страны-должники продолжали формально выполнять свои финансовые обязательства. Благодаря «финансовой инженерии» и тщательному искусству реструктуризации долга погашение основной суммы откладывается на время принудительной выплаты процентов; долг обменивается на акционерный капитал, а «новые» деньги «одолживаются» странам, находящимся на грани банкротства, чтобы они могли погасить задолженность по процентам по «старым» долгам чтобы временно предотвратить дефолт и так далее. В этом процессе формальная лояльность отдельных должников имеет первостепенное значение. Кредиторы соглашаются на перенос сроков только в том случае, если страны-должники соблюдают «политические условия», прилагаемые к кредитным соглашениям.

Цель состоит в обеспечении законности отношений обслуживания долга при одновременном удержании стран-должников в смирительной рубашке, что не позволяет им проводить независимую национальную экономическую политику. Было разработано новое поколение «займов, основанных на политике». Деньги предоставлялись «для того, чтобы помочь странам адаптироваться». Но кредитные соглашения Всемирного банка включали жесткие «условия»: деньги предоставлялись только в том случае, если правительство выполняло реформы структурной перестройки, в то же время соблюдая очень точные сроки их реализации. В свою очередь, принятие политических предписаний МВФ в рамках программы структурной перестройки не только обуславливала получение новых кредитов со стороны многосторонних институтов, но и давало «зеленый свет» Парижскому и Лондонскому клубам, иностранным инвесторам, коммерческим банковским учреждениям и двусторонним донорам. Страны, которые отказывались принять корректирующие меры политики Фонда, сталкивались с серьезными трудностями при реструктуризации своего долга и/или получении новых займов на цели развития и международной помощи. У МВФ также были средства для серьезного подрыва национальной экономики путем блокирования краткосрочных кредитов для поддержки торговли сырьевыми товарами.

Так называемые «условия» были связаны с «быстрым предоставлением кредитов, основанных на политике». Международные финансовые учреждения предоставляли займы при условии принятия комплексной программы макроэкономической стабилизации и структурных экономических реформ, т.е. кредитные соглашения никоим образом не были связаны с инвестиционной программой, как при обычном проектном кредитовании. Займы предназначались для поддержания изменений в политике; последние жестко контролировались Бреттон-Вудскими учреждениями, чья оценка основывалась на «эффективности политики». После подписания кредитного соглашения выплаты могли

быть прерваны, если правительство не согласится с опасностью того, что страна будет внесена в черный список так называемой «группой по координации помощи», состоящей из двусторонних и многосторонних доноров⁴⁰.

Характер этих кредитных соглашений не благоприятствовал реальной экономике, поскольку ни одна из сумм не была направлена на инвестиции в экономику стран-должников. Но достигалась другая важная цель: кредиты на перестройку отвлекали ресурсы от внутренней экономики и побуждали эти страны продолжать импортировать большое количество потребительских товаров, включая продукты питания, из богатых стран. Деньги, выделенные на поддержку «перестройки» сельского хозяйства, например, не предназначались для инвестиций в сельскохозяйственные проекты. Кредиты можно было свободно тратить на импорт товаров, включая потребительские товары длительного пользования и предметы роскоши⁴¹. Результатом этого процесса стала стагнация национальных экономик, углубление кризиса платежного баланса и рост долговой нагрузки.

Увеличение долга

Новые «займы с быстрой выплатой» (теоретически предназначенные для импорта товаров) представляли собой «фиктивные деньги», поскольку суммы, предоставляемые странам-должникам, неизменно были ниже сумм, возмещаемых в форме обслуживания долга. Представьте, например, развивающуюся страну, общий объем долга которой составляет 10 миллиардов долларов США, а обязательства по обслуживанию долга Парижскому и Лондонскому клубам (ежегодно) составляют 1 миллиард долларов. Однако при снижении экспортных поступлений страна не в состоянии выполнять эти обязательства. И если не поступят новые кредиты «для погашения старых долгов», задолженность будет накапливаться, и страна будет внесена в международный черный список.

В нашем примере кредит с быстрой выплатой в размере 500 миллионов долларов США предоставляется в виде поддержки платежного баланса, предназначенному для закупки импортных товаров. Кредит действует как катализатор: он позволяет перенаправить валютные поступления страны от экспорта на выплату процентов, тем самым позволяя правительству уложиться в сроки, установленные коммерческими и официальными кредиторами. Миллиард долларов на обслуживание долга собран за счет нового займа в размере 500 миллионов долларов США.

Чистый отток ресурсов составляет 500 миллионов долларов США. Мы видим, что кредит является «фиктивным», поскольку деньги, которые авансируются МВФ или Всемирным банком, немедленно повторно присваиваются официальными и/или коммерческими кредиторами. Более того, этот процесс приводит к увеличению суммы долга на 500 миллионов долларов, поскольку новый кредит используется для погашения процентной части обслуживания долга, а не основной суммы.

«Теневая программа» МВФ

До проведения реальных переговоров о предоставлении кредита МВФ неизменно требует существенных реформ. Правительство должно предоставить фонду доказательства

того, что оно «серьезно привержено экономическим реформам». Этот процесс часто принимает форму так называемого «Письма о намерениях», представляемого МВФ, в котором определяются основные направления правительства в макроэкономической политике и управлении долгом. Этот процесс осуществляется также в контексте так называемой «Теневой программы МВФ», в рамках которой фонд обозначает руководящие принципы политики и дает технические консультации правительствам без официальной кредитной поддержки. Теневая программа применяется к странам, экономические реформы которых (по данным МВФ) идут не по плану (например, Бразилии при президентах Фернандо Коллоре де Меллу и Итамаре Франко (1990-94)). Теневая программа была также реализована в странах бывшего Советского блока, во Вьетнаме в форме технической помощи МВФ и Всемирного банка до официального вступления этих стран в Бреттон-Вудские учреждения и/или подписания кредитных соглашений.

«Удовлетворительные показатели» в рамках Теневой программы являются предварительным условием для официальных переговоров о предоставлении кредита. После предоставления кредита washingtonские учреждения ежеквартально тщательно отслеживают эффективность политики стран-должников. Выплаты, предоставляемые несколькими «траншами», могут быть прерваны, если реформы «идут не по плану», и в этом случае страна снова оказывается «в черном списке» и подвергается репрессиям в области торговли и потоков капитала. Выплаты также могут быть прерваны, если страна не выполняет свои текущие обязательства по обслуживанию долга. Вместе с тем, страна может продолжать получать техническую помощь МВФ и Всемирного банка, т.е. создается новая теневая программа (как в случае с Кенией в 1991 году), ведущая к новому раунду политических переговоров.

Документ об основах экономической политики

Во многих странах-должниках правительство обязано, согласно своему соглашению с базирующимися в Вашингтоне институтами, изложить свои приоритеты в так называемом «документе об основах экономической политики». Последний часто сопровождается «письмом о намерениях», представляемым МВФ вместе с «Меморандумом об экономической и финансовой политике» (см. вставку 3.1.).

Хотя официально этот документ является правительственным и определяется национальными властями, он составляется под пристальным наблюдением МВФ и Всемирного банка в соответствии со стандартным, заранее установленным форматом. В этом контексте существует четкое разделение задач между двумя родственными организациями. МВФ участвует в ключевых политических переговорах в отношении обменного курса и дефицита бюджета, в то время как Всемирный банк гораздо активнее участвует в фактическом процессе реформ через свое представительство на страновом уровне и в своих многочисленных технических миссиях.

МВФ отслеживает экономические показатели стран в контексте «консультаций по статье IV», представляющих собой регулярный, на ежегодной основе, обзор экономик стран-участниц. Этот обзор обеспечивает – в дополнение к более строгому ежеквартальному мониторингу выполнения целевых показателей по кредитным

соглашениям – основу для так называемой «деятельности МВФ по надзору» за экономической политикой государств-участников.

Всемирный банк управляет многими министерствами; реформы в здравоохранении, образовании, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, окружающей среде и т. д. находятся под его юрисдикцией. Более того, с конца 1980-х годов Всемирный банк осуществляет надзор за приватизацией государственных предприятий, структурой государственных инвестиций и структурой государственных расходов посредством так называемого «обзора государственных расходов».

Вставка 3.1 Письмо о намерениях

Г-н Мишель Камдессю, Директору
Распорядителю Международного валютного фонда
Вашингтон, Округ Колумбия, 20431
Уважаемый мистер Камдессю:

1. Цели программы экономической и финансовой перестройки Гвинеи на трехлетний период 1999-2001 годов изложены в обновленном документе о политических рамках, подготовленном в тесном сотрудничестве с Фондом и Всемирным банком, который направляется вам в отдельном виде.

2. В прилагаемом меморандуме об экономической и финансовой политике, основанном на упомянутом выше документе о политических рамках, излагаются цели и политика, которые правительство Гвинеи намерено проводить в течение 1999-2000 годов. В поддержку этих целей и политики правительство запрашивает третье ежегодное соглашение в рамках Расширенного механизма структурной перестройки (ESAF) на сумму, эквивалентную 23,6 млн. СПЗ (30% от квоты). В этом контексте Гвинея также просит продлить первоначальный трехлетний период действия обязательств ESAF до 12 января 2001 года.

3. Правительство Гвинеи предоставит Фонду такую информацию, которую Фонд запросит в связи с прогрессом, достигнутым в реализации экономической и финансовой политики и достижении целей программы.

4. Правительство Гвинеи считает, что политика и меры, изложенные в прилагаемом меморандуме, достаточны для достижения целей его программы; оно предпримет любые дальнейшие меры, которые могут оказаться целесообразными. В течение периода действия третьего ежегодного соглашения ESAF правительство будет консультироваться с директором-распорядителем относительно принятия любых мер, которые могут оказаться целесообразными, по инициативе правительства или всякий раз, когда директор-распорядитель обратится с просьбой о такой консультации. Более того, по истечении срока действия третьего ежегодного соглашения ESAF и пока Гвинея имеет непогашенные финансовые обязательства перед Фондом, вытекающие из займов в рамках соглашения, правительство будет время от времени консультироваться с Фондом по инициативе правительства или всякий раз, когда директор-распорядитель запрашивает консультации по экономической и финансовой политике Гвинеи.

5. Правительство Гвинеи проведет совместно с Фондом первый обзор своей программы, поддерживаемой третьим ежегодным соглашением, не позднее 30 июня 2000 года и второй обзор не позднее 31 декабря 2000 года.

С уважением

Ибрахима Кассори Фофана

Министр экономики и финансов

Шериф Ба

Управляющий Центральным банком Гвинеи

Механизмы кредитования МФО

Бреттон-Вудские институты предлагают разнообразные механизмы кредитования, предназначенные для поддержки экономических политик различных государств. Среди инструментов МВФ выделяют следующие ключевые программы: 1)механизмы резервного финансирования, обеспечивающие странам быстрый доступ к финансовым средствам для покрытия временных дефицитов платежного баланса; 2)компенсационный и непредвиденный механизм финансирования (CCFF), предназначенный для поддержки стран, испытывающих трудности вследствие неблагоприятных внешних шоков; 3)механизм расширенного финансирования (EFF), предоставляющий долгосрочные ресурсы государствам, осуществляющим глубокие структурные реформы; 4)механизмы структурной перестройки и расширенные механизмы структурной перестройки (SAF и ESAF), направленные на стабилизацию экономик развивающихся стран посредством комплексных мер бюджетной и финансовой политики; 5)механизм системных преобразований (STF), используемый странами Восточной Европы и СНГ для перехода к рыночной экономике; 6)экстренный кредитный механизм для постконфликтных стран, оказывающий финансовую помощь государствам, восстанавливающимся после вооруженных конфликтов.

Со своей стороны, Всемирный банк предлагает два ключевых инструмента: 1)кредиты на структурную перестройку (Structural Adjustment Loans, SAL), нацеленные на проведение глубоких институциональных изменений в экономиках заемщиков; 2)кредиты на секторальную перестройку (Sectoral Structural Adjustment Credit, SECAL), ориентированные на реформирование отдельных отраслей экономики. Кроме того, Всемирный банк использует механизм системных преобразований (System Transformation Facility, STF), аналогичный программам структурной перестройки, но специально разработанный для стран бывшего социалистического лагеря, проходящих переход к рыночным отношениям.

Фаза первая: «Экономическая стабилизация»

Структурная перестройка рассматривается международными финансовыми институтами как состоящая из двух отдельных этапов: «краткосрочной» макроэкономической стабилизации (подразумевающей девальвацию, либерализацию цен и жесткую бюджетную экономику), за которой следует осуществление ряда более фундаментальных (и «необходимых») структурных реформ. Однако чаще всего «структурные реформы» проводятся одновременно с процессом «экономической

стабилизации». Мероприятия по стабилизации, проводимые МВФ и Всемирным банком, касаются как дефицита бюджета, так и платежного баланса. По данным Всемирного банка, для этого требуется «проведение правильной макроэкономической политики. Поддержание небольшого дефицита бюджета помогает контролировать инфляцию и избегать проблем с платежным балансом. Поддержание реалистичного обменного курса окупается повышением международной конкурентоспособности и поддержкой конвертируемых валют»⁴².

Разрушение национальных валют

Обменный курс, безусловно, является наиболее важным инструментом макроэкономических реформ: девальвация валюты (включая унификацию обменного курса и отмену валютного контроля) влияет на фундаментальные соотношения спроса и предложения в национальной экономике. МВФ играет ключевую политическую роль в принятии решений о девальвации. Обменный курс регулирует реальные цены, выплачиваемые непосредственным производителям, а также реальную стоимость заработной платы.

МВФ неизменно утверждает, что валютный курс «завышен», и требует девальвации валюты в качестве предварительного условия перед переговорами о предоставлении кредита на структурную перестройку. Ключевой целью «скрытой программы» МВФ и Всемирного банка является дестабилизация национальной валюты. Максимальная девальвация, приводящая к немедленному и резкому росту цен, способствует резкому сокращению реальных доходов и одновременно снижает стоимость затрат на оплату труда, выраженную в твердой валюте. Девальвация также снижает долларовую стоимость государственных расходов, способствуя высвобождению государственных доходов для обслуживания внешнего долга.

МВФ навязывает унификацию обменного курса в контексте положений статьи VIII соглашения МВФ. Страны, принимающие статью VIII, не имеют права применять различные виды валютного регулирования или валютного контроля без разрешения МВФ. Более ста стран-членов МВФ приняли положения статьи VIII.

Социальные последствия девальвации

Социальные последствия девальвации, проводимой под эгидой МВФ, жестоки и незамедлительны: в одночасье повышаются внутренние цены на основные продукты питания, лекарства, топливо и коммунальные услуги. Девальвация неизменно вызывает инфляцию и «долларизацию» внутренних цен, при этом МВФ обязывает правительства в рамках экономического пакета принимать так называемую «антиинфляционную программу». Последняя имеет мало общего с реальными причинами инфляции (т.е. с девальвацией). В ее основе лежит сокращение спроса, требующее увольнения государственных служащих, резкого сокращения социальных программ и деиндексации заработной платы. Например, в странах Африки к югу от Сахары девальвация франка Центральной и Западной Африки (CFA), навязанная МВФ и казначейством Франции в 1994 году, одним росчерком пера уменьшила реальную стоимость заработной платы и государственных расходов (выраженных в твердой валюте) на 50%, при этом

государственные доходы были в значительной степени перенаправлены на обслуживание долга.

В некоторых случаях девальвация валюты служит основой для краткосрочной активизации коммерческого сельского хозяйства, ориентированного на экспорт. Однако чаще всего выгоду от девальвации получают крупные торговые плантации и агропромышленные экспортеры в виде снижения реальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Но «краткосрочные выгоды» от девальвации неизменно сводятся на нет, когда конкурирующие страны третьего мира вынуждаются проводить девальвацию в рамках аналогичных соглашений с МВФ.

«Долларизация» внутренних цен

Девальвация приводит к «перестройке внутренних цен» на уровня, преобладающие на мировом рынке. Этот процесс «долларизации» внутренних цен приводит к резкому росту цен на большинство товаров, включая основные продукты питания, потребительские товары длительного пользования, бензин и топливо, а также большинство факторов производства и сырья, используемых в производстве (например, сельскохозяйственное сырье, оборудование и т. д.). При этом внутренние цены будут корректироваться до уровня мирового рынка независимо от направления денежно-кредитной политики.

Именно девальвация, а не увеличение предложения денег, является основным фактором, запускающим инфляционную спираль. МВФ отрицает инфляционное воздействие девальвации валюты: жесткие ограничения на предложение денег вводятся после девальвации, когда рост цен уже произошел, с целью «борьбы с инфляционным давлением». Замораживание денежной массы вынуждает правительства сокращать реальные расходы, снижать реальные зарплаты и увольнять государственных служащих.

Деиндексация заработной платы

Разумеется, в обществе нарастает давление, требующее повышения номинальной заработной платы, чтобы компенсировать резкое снижение реальных доходов, однако соглашение с МВФ формально не допускает индексации реальных доходов (и социальных расходов). МВФ требует «либерализации рынка труда», отмены положений о корректировке стоимости жизни в коллективных договорах и постепенного отказа от законодательства о минимальной заработной плате. Аргумент в пользу деиндексации основан на «инфляционном воздействии требований по заработной плате».

Анализ влияния девальвации

Влияние девальвации должно быть проанализировано в отношении следующих переменных:

- уровень внутренних цен (P),
- номинальная заработная плата (W),
- реальная заработная плата (W/P),
- номинальные государственные расходы (G),
- реальные государственные расходы (G/P),
- номинальная денежная масса (M),

- реальная денежная масса (M/P).

Долларизация внутренних цен приводит к сокращению:

- реальной заработной платы (W/P),

- реальной величины государственных расходов (G/P).

Номинальное предложение денег (M) может увеличиться, но реальная стоимость предложения денег (M/P) резко снижается. Девальвация влечет за собой процесс сжатия денежной массы (M/P) и масштабное сжатие реальной стоимости государственных расходов (G/P) и заработной платы (W/P). Реальные цены, выплачиваемые непосредственным производителям, также снижаются в результате девальвации.

Взятие под контроль центральных банков

МВФ осуществляет жесткий контроль и предоставляет ресурсы для реструктуризации центральных банков. Фонд требует так называемой «независимости центральных банков от политической власти как средства защиты от инфляционных пристрастий правительства»⁴³. На практике это означает, что МВФ, а не правительство, контролирует создание денег. Соглашение, подписанное между правительством и МВФ, не позволяет финансировать государственные расходы и препятствует предоставлению центральными банками кредитов путем создания денег, то есть МВФ от имени кредиторов фактически парализует финансирование реального экономического развития. Не имея возможности использовать внутреннюю денежно-кредитную политику для мобилизации внутренних ресурсов, страна становится все более зависимой от международных источников финансирования, что влечет за собой дополнительные последствия в виде увеличения уровня внешней задолженности.

Еще одно важное условие, выдвигаемое МВФ, заключается в том, что «независимость центрального банка должна быть обеспечена и в отношении парламента»⁴⁴. После назначения высших должностных лиц центробанков они не подотчетны ни правительству, ни парламенту, но предпочитают подчиняться международным финансовым институтам. Во многих развивающихся странах старшие должностные лица центробанков являются бывшими сотрудниками международных финансовых организаций и региональных банков развития. Более того, чиновники этих банков часто получают надбавки к заработной плате в твердой валюте, финансируемые из многосторонних и двусторонних источников.

Дестабилизация государственных финансов стран

Бреттон-Вудскими институтами навязывается увольнение государственных служащих и резкое сокращение социальных программ. Эти меры жесткой экономии затрагивают все категории государственных расходов. В начале долгового кризиса МФО ограничивались установлением общего целевого уровня бюджетного дефицита с целью высвобождения государственных доходов для обслуживания долга. С конца 1980-х годов Всемирный банк начал внимательно следить за структурой государственных расходов, производя так называемый «Обзор государственных расходов» (PER). В связи с этим структура расходов каждого из министерств находится под контролем Бреттон-Вудских институтов. Всемирный банк рекомендует «экономически эффективный» переход от

обычных категорий расходов к «целевым расходам». По мнению Всемирного банка, PER должен «способствовать сокращению бедности экономичным и эффективным способом».

Что касается социальных секторов, то МФО настаивают на принципе возмещения затрат и постепенного ухода государства из сферы базовых услуг здравоохранения и образования. Концепция адресности в социальных секторах связана с выявлением так называемых «уязвимых групп». Меры жесткой экономии в социальной сфере, требующие перехода от обычных программ к целевым, во многом стали причиной разрушения школ, поликлиник и больниц, обеспечив при этом видимость легитимности вавингтонских институтов.

Дефицит бюджета: движущаяся цель

В кредитных соглашениях устанавливаются первоначальные целевые показатели дефицита бюджета. Однако с начала 1990-х годов МВФ применяет концепцию «подвижной цели» для бюджетного дефицита: сначала устанавливается цель в 5% ВВП, правительство выполняет ее; в ходе последующих переговоров по кредиту или в рамках того же кредитного соглашения МВФ снижает цель до 3,5% на том основании, что структура государственных расходов является «инфляционной».

После достижения целевого показателя в 3,5% МВФ будет настаивать на снижении дефицита бюджета до 1,5% ВВП и так далее. В конечном итоге эти действия усугубляют бюджетный кризис государства, приводят к сворачиванию государственных программ и одновременно высвобождают государственные доходы (в краткосрочной перспективе) для выплаты процентов по внешнему долгу.

Инженерия краха государственных инвестиций

Навязанные Бреттон-Вудскими институтами бюджетные цели в сочетании с последствиями девальвации приводят к краху государственных инвестиций. Устанавливаются новые правила в отношении как текущих расходов, так и расходов на развитие: устанавливаются четкие «потолки» по всем категориям расходов. Государство больше не имеет права мобилизовать собственные ресурсы для строительства общественной инфраструктуры, дорог, больниц и т.д. Кредиторы становятся не только «брокерами» всех крупных государственных инвестиционных проектов, но и решают в рамках «программ государственных инвестиций» (ПГИ), созданных под технической эгидой Всемирного банка, какие виды государственной инфраструктуры должны или не должны финансироваться «донорским сообществом». Выдвигается концепция целевых инвестиций и резко сокращается капиталообразование в необходимой экономической и социальной инфраструктуре.

В соответствии с ПГИ, все проектные займы предполагают систему закупок и международных тендеров («конкурсных торгов»), в результате которых все исполнение проектов общественных работ передается международным строительным и инжиниринговым компаниям. Последние, в свою очередь, требуют большие суммы денег на различные консалтинговые и управленческие услуги. Местные строительные компании, как государственные, так и частные, как правило, не участвуют в тендерах, хотя именно они, используя местную рабочую силу с очень низкой оплатой труда, выполняют большую

часть строительных работ в рамках отдельных субподрядных сделок, заключенных с транснациональными корпорациями. Другими словами, кредитные средства, предназначенные для реализации инфраструктурных проектов, в значительной степени «утилизируются» в пользу транснациональных подрядчиков.

Хотя финансирование проектов осуществляется в форме «льготных кредитов» по льготным процентным ставкам с длительными сроками погашения, фактические затраты (и вмененная процентная ставка, лежащая в основе этих затрат) для страны чрезвычайно высоки. ПГИ, осуществляемый под контролем Всемирного банка, направлен на увеличение внешнего долга при одновременной демобилизации внутренних ресурсов.

Либерализация цен

МВФ и Всемирный банк утверждают, что необходимо устраниить так называемые ценовые диспропорции. «Установление правильных цен» заключается в отмене всех субсидий и контроля за ценами. Это незамедлительно оказывает влияние на уровни реальных доходов, как в формальном, так и в неформальном секторах.

Дерегулирование внутренних цен на зерно, а также либерализация импорта основных продуктов питания являются существенной особенностью этой программы. Программа либерализации также касается цен на ресурсы и сырье. В сочетании с девальвацией основные меры приводят к существенному росту внутренних цен на удобрения, сельскохозяйственные ресурсы, оборудование и т.д., что оказывает непосредственное влияние на структуру затрат в большинстве сфер экономической деятельности.

Ценообразование на нефтепродукты и коммунальные услуги

Цены на нефтепродукты также начинают регулироваться государством под надзором Всемирного банка. Повышение цен как на топливо, так и на коммунальные услуги (часто на несколько сотен процентов), неизменно способствует дестабилизации внутреннего производства, т. к. высокие внутренние цены на бензин (нередко существенно превышающие уровень мирового рынка) негативно сказываются на структуре затрат отечественной промышленности и сельского хозяйства. Затраты на производство часто искусственно поднимаются выше внутренней цены продажи товара, что приводит к банкротству большого числа мелких и средних производителей.

Более того, периодические повышения цен на нефтепродукты, введенные Всемирным банком (принятые одновременно с либерализацией импорта сырьевых товаров), действуют как «внутренняя транзитная пошлина», которая служит цели отрезать отечественных производителей от их собственного рынка. Высокая цена на бензин способствует нарушению внутренних перевозок. Чрезвычайно высокие цены на бензин и дизельное топливо по отношению к очень низкой заработной плате в сочетании с многочисленными сборами за пользование мостами, дорогами, внутренними водными путями и т. д. влияют на всю структуру затрат на товары отечественного производства в значительной степени в пользу импортных товаров. В странах Африки к югу от Сахары высокие транспортные расходы, взимаемые международными финансовыми институтами, являются одним из ключевых факторов, которые мешают фермерам продавать свою

продукцию на городском рынке в условиях прямой конкуренции с сильно субсидируемыми сельскохозяйственными товарами, импортируемыми из Европы и Северной Америки.

Хотя условия различаются, тариф на топливо и коммунальные услуги имеет те же последствия, что и пошлина на внутренний транзит, введенная в Индии Британской Ост-Индской компанией в конце XVIII века.

Фаза вторая: «Структурная реформа»

За применением макроэкономической «стабилизации» (которая является условием предоставления промежуточного финансирования МВФ и реструктуризации внешнего долга Парижским и Лондонским клубами) следует осуществление так называемых «необходимых» структурных реформ. Здесь между МВФ и Всемирным банком существует разделение задач. Всемирный банк поддерживает «необходимые» экономические реформы займами на структурную перестройку (SALS) и кредитами на секторальную перестройку (SECALs). Пакет структурных реформ состоит из мер, касающихся либерализации торговли, deregулирования банковского сектора, приватизации государственных предприятий, налоговой реформы, приватизации сельскохозяйственных земель, «сокращения масштабов бедности» и «надлежащего управления». Рассмотрим их подробнее.

Либерализация торговли

Бреттон-Вудские учреждения утверждают, что тарифная структура представляет собой так называемый «антиэкспортный перекос», который препятствует развитию экспортной экономики, то есть способствует развитию внутреннего рынка за счет экспортного сектора, что приводит к неправильному распределению ресурсов. Однако существует мало свидетельств того, что отмена тарифов способствовала «перераспределению ресурсов» в пользу экспорта.

Программа либерализации торговли неизменно включает в себя отмену импортных квот, снижение и унификацию тарифов. Последующее снижение таможенных поступлений также оказывает значительное влияние на государственные финансы. Эти меры не только негативно сказываются на бюджетном дефиците, тем самым усугубляя бюджетные дисбалансы, но также не позволяют властям выборочно нормировать (посредством тарифов и квот) использование дефицитной иностранной валюты.

Отмена квот и снижение защитных тарифных барьеров объявляются средствами, позволяющими «сделать отечественную промышленность более конкурентоспособной», однако либерализация торговли неизменно приводит к краху отечественного производства, ориентированного на внутренний рынок. Эти меры также стимулируют приток товаров роскоши, в то время как налоговое бремя групп с высоким уровнем дохода снижается в результате снижения импортных пошлин на автомобили и потребительские товары длительного пользования.

Импортные потребительские товары не только заменяют отечественное производство, но порождают потребительское безумие, поддерживаемое на заемные деньги за счет различных кредитов с быстрой выплатой, и в конечном счете способствует увеличению внешнего долга.

Отчуждение и приватизация государственных предприятий

Структурная перестройка представляет собой способ изъятия реальных активов стран-должников посредством программы приватизации, а также взыскания обязательств по обслуживанию долга. Наиболее прибыльные полугосударственные предприятия часто переходят во владение иностранного капитала или совместных предприятий в обмен на долги. Доходы от этих продаж, депонированные в казначействе, направляются в Лондонский и Парижский клубы. Международный капитал получает контроль и/или право собственности на наиболее прибыльные государственные предприятия по очень низкой цене. Более того, поскольку большое количество стран-должников продают (или торгуют) свои государственные предприятия одновременно, цена государственных активов падает.

В некоторых странах государственная собственность на «стратегические секторы» (например, нефть, газ, телекоммуникации) и коммунальные услуги закреплена в конституции. Приватизация этих секторов может требовать, как в случае Бразилии, предварительной поправки к конституции (см. главу 13).

Налоговая реформа

Под руководством Всемирного банка в бюджетную структуру внедряется ряд фундаментальных изменений. Эти изменения, как правило, подрывают внутреннее производство как со стороны спроса, так и со стороны предложения. Введение налога на добавленную стоимость или налога с продаж и изменения в структуре прямого налогообложения неизменно предполагают увеличение налогового бремени для групп с низким и средним уровнем дохода. В рамках программы Всемирного банка предусмотрена регистрация для целей налогообложения мелких сельскохозяйственных производителей и подразделений неформального городского сектора. В то время как отечественные производители облагаются государственными налогами, совместные предприятия и иностранный капитал неизменно пользуются щедрыми налоговыми каникулами в качестве средства «привлечения иностранных инвестиций».

Землевладение и приватизация сельскохозяйственных земель

Реформы проводятся в контексте секторальных кредитов Всемирного банка на корректировку. Соответствующее законодательство о собственности на землю часто разрабатывается при технической поддержке юридического департамента Всемирного банка. Реформы заключаются в выдаче фермерам земельных титулов и одновременном поощрении концентрации сельскохозяйственных земель в руках меньшего числа людей. Также затрагиваются традиционные права на землю. Наблюдается тенденция к конфискации и/или залогу земли мелких фермеров, росту сектора агробизнеса и формированию класса безземельных сезонных сельскохозяйственных работников.

Более того, эти меры часто способствуют, под маской современности, восстановлению прав «старого» класса помещиков. По иронии судьбы, именно он часто выступает за экономическую «либерализацию».

Приватизация земли также служит цели обслуживания долга, поскольку доходы от продажи государственных земель, по совету Всемирного банка, используются для

получения государственных доходов, которые направляются национальным казначейством международным кредиторам.

Дерегулирование банковской системы

Центральный банк теряет контроль над денежно-кредитной политикой: процентные ставки определяются на «свободном рынке» коммерческими банками. Постепенно прекращается льготное кредитование сельского хозяйства и промышленности. Эти меры обычно способствуют значительному росту как реальных, так и номинальных процентных ставок. Динамика процентных ставок взаимодействует с динамикой внутренних цен. Номинальные процентные ставки поднимаются до аномально высоких уровней в результате периодических девальваций и вызванной ими «долларизации» внутренних цен. Дерегулирование банковской системы также приводит к притоку «горячих денег», привлеченных искусственно высокими процентными ставками. Коммерческие банки больше не в состоянии предоставлять кредиты реальному сектору экономики по разумным ставкам. Такая политика в сочетании со свертыванием деятельности государственных банков развития приводит к краху кредитования как сельского хозяйства, так и отечественной промышленности. Если краткосрочные кредиты коммерсантам, участвующим в экспортной торговле, сохраняются, то отечественный банковский сектор больше не ориентирован на кредитование местных производителей.

Международные финансовые институты также требуют приватизации государственных банков развития и дерегулирования коммерческой банковской системы. Стоит отметить, что в соответствии с соглашением Уругвайского раунда, заключенным под эгидой ГАТТ и подписанным в 1994 году, иностранным коммерческим банкам разрешен свободный доступ в отечественный банковский сектор.

Движение идет в сторону отчуждения государственных банковских учреждений (в рамках программы приватизации), а также вытеснения частных отечественных банков. Реструктуризация банковского сектора осуществляется в контексте программы корректировки финансового сектора (FSAP). Последняя включает в себя отчуждение и продажу всех государственных банков под надзором МФИ, при этом ключевые государственные банковские учреждения переходят под контроль иностранных финансовых интересов.

Процесс отчуждения напрямую связан с получением обязательств по обслуживанию долга. Например, реструктуризация коммерческого долга в рамках плана Брейди часто обуславливала предварительной приватизацией государственных банковских учреждений в соответствии с положениями FSAP, а вырученные от этих продаж средства направлялись на обслуживание коммерческого долга.

Либерализация движения капитала

МВФ настаивает на «прозрачности» и «свободном перемещении» иностранной валюты в страну и из нее посредством электронных переводов. Этот процесс позволяет иностранным компаниям свободно репатриировать свою прибыль в иностранной валюте.

Достигается еще одна важная цель: либерализация движения капитала поощряет «репатриацию бегства капитала», а именно возвращение «черных» и «грязных денег»,

которые были депонированы элитами третьего мира с 1960-х годов на офшорные банковские счета. «Грязные деньги» представляют собой доходы от незаконной торговли и/или преступной деятельности, в то время как «черные деньги» – это деньги, которые избежали налогообложения.

Утилизация грязных денег для обслуживания долга

Кризис легальной экономики под воздействием макроэкономических реформ напрямую связан с быстрым ростом незаконной торговли. Более того, удобство и скорость, с которыми могут осуществляться операции с грязными деньгами (посредством электронных переводов), как правило, способствуют развитию незаконной торговли за счет легальной экономики.

Либерализация движения капитала отвечает интересам кредиторов. Она представляет собой средство для направления «грязных» и «черных денег», депонированных в офшорах, на обслуживание внешнего долга, предоставляя привилегированным социальным классам удобный механизм для отмывания крупных сумм денег, полученных незаконным путем.

Этот процесс работает следующим образом: твердая валюта переводится с офшорного банковского счета на межбанковский рынок развивающейся страны «без вопросов». Затем иностранная валюта конвертируется в местную валюту и используется для покупки государственных активов и/или государственной земли, выставленных правительством на аукцион в рамках программы приватизации, финансируемой Всемирным банком. В свою очередь, валютные поступления от этих продаж направляются в национальное казначейство, где они используются для обслуживания долга.

«Борьба с бедностью» и «система социальной защиты»

С конца 1980-х годов «борьба с бедностью» стала одним из «условий» кредитных соглашений Всемирного банка. «Борьба с бедностью» поддерживает цель обслуживания долга: «устойчивое сокращение бедности», осуществляющееся Бреттон-Вудскими учреждениями, основывается на сокращении бюджетов социального сектора и перенаправлении расходов на выборочной и символической основе «в пользу бедных». «Чрезвычайный социальный фонд» (созданный по модели Боливии и Ганы) намерен обеспечить «гибкий механизм» для «управления бедностью» и в то же время ликвидировать государственные финансы государства. Бедные слои населения определяются в этих рамках как «целевые группы».

Чрезвычайный социальный фонд (SEF) требует подхода социальной инженерии, политических рамок для «управления бедностью» и ослабления социальных волнений с минимальными затратами для кредиторов. Утверждается, что так называемые «целевые программы», предназначенные «для оказания помощи бедным», в сочетании с «возмещением затрат» и «приватизацией» услуг здравоохранения и образования представляют собой «более эффективный» способ реализации социальных программ. Государство уходит, и многие программы, находящиеся в ведении отраслевых министерств, отныне будут управляться организациями гражданского общества под эгидой SEF. Последний также финансирует в рамках «системы социальной защиты» выходные

пособия и/или проекты по обеспечению минимальной занятости, предназначенные для работников государственного сектора, уволенных в результате программы адаптации.

SEF официально санкционирует уход государства из социальных секторов и «управление бедностью» (на микросоциальном уровне) отдельными и параллельными организационными структурами. Различные неправительственные организации (НПО), финансируемые международными «программами помощи», постепенно берут на себя многие функции органов власти местного уровня. Проекты мелкосерийного производства и кустарных промыслов, субподрядные работы для экспортно-перерабатывающих фирм, программы обучения и трудоустройства на уровне общин и т. д. создаются под эгидой «системы социальной защиты». Обеспечивается скучное выживание сообществ местного уровня и в то же время сдерживается риск социальных потрясений.

«Благое управление»: продвижение фиктивных парламентских институтов

«Демократизация» стала девизом свободного рынка. Так называемое «управление» и проведение многопартийных выборов добавляются в качестве условий к кредитным соглашениям. Однако природа экономических реформ препятствует подлинной демократизации.

Решение долгового кризиса становится причиной дальнейшей задолженности. Пакет мер МВФ по экономической стабилизации теоретически предназначен для оказания помощи странам в реструктуризации их экономики с целью создания положительного сальдо торгового баланса, с тем чтобы погасить задолженность и начать процесс восстановления экономики. Однако все происходит с точностью до наоборот. Сам процесс «затягивания поясов», навязанный кредиторами, подрывает восстановление экономики и способность стран погашать свой долг.

Последствия структурной перестройки

Основные меры МВФ способствуют увеличению внешнего долга:

- Новые кредиты, предоставляемые на основе политики для погашения старого долга, способствуют увеличению объема задолженности.
- Либерализация торговли, как правило, усугубляет кризис платежного баланса. Внутреннее производство заменяется импортом широкого спектра товаров, предоставляются новые кредиты с быстрой выплатой, позволяющие странам продолжать импорт товаров с мирового рынка.
- С завершением Уругвайского раунда и образованием Всемирной торговой организации гораздо большую долю импортных счетов составляют «услуги», включая оплату прав интеллектуальной собственности. Таким образом расходы на импорт увеличиваются без соответствующего притока «произведенных» товаров.
- Программа структурной перестройки подразумевает значительный отказ от проектного кредитования и, как следствие, замораживание накопления капитала во всех областях, которые напрямую не служат интересам экспортной экономики.

Пакет мер по экономической стабилизации уничтожает возможность «эндогенного» процесса национального экономического развития, контролируемого национальными политиками. Реформы МВФ и Всемирного банка жестко разрушают социальные секторы

развивающихся стран, сводя на нет усилия и борьбу постколониального периода и обращая вспять «одним росчерком пера» достигнутый в прошлом прогресс. Во всем развивающемся мире существует согласованная схема: пакет реформ МВФ и Всемирного банка представляет собой последовательную программу экономического и социального коллапса. Меры жесткой экономии приводят к распаду государства, перестройке национальной экономики, уничтожению производства для внутреннего рынка из-за сокращения реальных доходов, в то время как внутреннее производство перенаправляется на мировой рынок. Эти меры выходят далеко за рамки поэтапного отказа от импортозамещающих отраслей. Они разрушают всю структуру отечественной экономики.

МВФ молчаливо признает провал своей политики

По иронии судьбы, МВФ и Всемирный банк негласно признали провал своей политики. По словам высокопоставленного чиновника МВФ, «хотя за последнее десятилетие был проведен ряд исследований на эту тему, нельзя с уверенностью сказать, «сработали» программы или нет (...). На основе существующих исследований, безусловно, нельзя сказать, привело ли принятие программ, поддерживаемых Фондом, к улучшению показателей инфляции и экономического роста. На самом деле часто обнаруживается, что программы привели к росту инфляции и падению темпов роста»⁴⁵. Несмотря на призыв к разработке усовершенствованных методов оценки программ, поддерживаемых фондом, эмпирические тесты, предложенные исследовательским департаментом МВФ, не в состоянии опровергнуть эти доказательства.

Контрафактический аргумент

Бреттон-Вудские учреждения обосновывают эти меры соображениями микроэкономической эффективности. Согласно международным финансовым институтам, «социальные издержки» должны быть сбалансированы с «экономическими выгодами» макроэкономической стабилизации. Девиз МВФ и Всемирного банка – «краткосрочная потеря ради долгосрочной выгоды».

Признавая «социальные аспекты перестройки», Бреттон-Вудские учреждения также подчеркивают так называемый «контрагумент»: «ситуация плохая, но она была бы намного хуже, если бы не были приняты меры по структурной перестройке». Согласно отчету Всемирного банка:

«Разочаровывающие экономические показатели Африки в совокупности представляют собой скорее неспособность к корректировке, чем провал корректировки (...). Большая, а не меньшая корректировка помогла бы бедным и окружающей среде. (...) Корректировка является необходимым первым шагом на пути к устойчивому сокращению масштабов бедности»⁴⁶.

В то время как пакет мер экономической политики в принципе направлен на повышение эффективности и более рациональное распределение производственных ресурсов на основе рыночного механизма, эта цель достигается за счет массового высвобождения людских и материальных ресурсов. Оборотной стороной «микроэкономической эффективности» является запрограммированная жесткая экономия

на макроэкономическом уровне. Следовательно, трудно оправдать эти меры с точки зрения эффективности и распределения ресурсов.

Социальное воздействие макроэкономической реформы

Социальные последствия этих реформ (включая их влияние на здравоохранение, образование, социальные права женщин и окружающую среду) были подробно задокументированы⁴⁷. Из-за нехватки средств закрываются учебные заведения и увольняются учителя; в сфере здравоохранения наблюдается общий развал лечебно-профилактической помощи из-за нехватки медицинского оборудования и расходных материалов, плохих условий труда и низкой оплаты труда медицинского персонала. Недостаток оборотных средств частично компенсируется путем взимания регистрационных и пользовательских сборов (например, «схема возмещения затрат на лекарства» в соответствии с предложением Бамако) и сборов Ассоциаций родителей и учителей (АРУ), взимаемых местными общинами для покрытия расходов, которые ранее несло Министерство образования.

Этот процесс предполагает частичную приватизацию основных государственных социальных услуг и фактическое исключение из него больших слоев населения (особенно в сельской местности), которые не в состоянии платить различные сборы, связанные с медицинскими и образовательными услугами⁴⁸.

Следует подчеркнуть, что программа структурной перестройки приводит не только к повышению уровня бедности в городах и сельской местности. Она также подразумевает снижение способности людей (включая домохозяйства среднего класса) оплачивать медицинские и образовательные услуги и урезание схем возмещения затрат.

Замораживание числа выпускников педагогических колледжей и увеличение числа учеников на одного учителя являются условиями выдачи Всемирным банком займов на цели адаптации социального сектора. Урезается образовательный бюджет, сокращается количество аудиторных часов, устанавливается двухсменная система, когда один учитель выполняет работу за двоих, а остальные учителя увольняются. Полученные же от экономии средства поступают в казну и направляются внешним кредиторам.

Однако эти «затратоэффективные» инициативы все еще считаются незавершенными, и в странах Африки к югу от Сахары сообщество инвесторов предложило новую творческую «затратоэффективную» формулу, которая заключается в полной отмене скучной зарплаты учителей (которая в некоторых странах составляет всего 15-20 долларов США в месяц), одновременно предоставляя небольшие кредиты, позволяющие безработным учителям открывать свои собственные неформальные «частные школы» в сельских дворах и городских трущобах. При этом, согласно этой схеме, министерства образования по-прежнему будут нести ответственность за мониторинг «качества» преподавания.

Реструктуризация сектора здравоохранения

Утверждается, что государственные субсидии здравоохранению создают нежелательные «рыночные искажения», которые «приносят пользу богатым». По данным Всемирного банка, расходы в размере 8 долларов США на человека в год вполне

достаточны для соответствия приемлемым стандартам клинических услуг⁴⁹. Более того, плата за первичную медико-санитарную помощь в бедных сельских общинах должна взиматься как на основе «большой справедливости», так и «эффективности». Сами общины должны участвовать в работе учреждений первичной медико-санитарной помощи, заменяя квалифицированных медсестер или медицинских братьев (до сих пор оплачиваемых Министерством здравоохранения) неподготовленными и малограмотными медицинскими волонтерами.

В результате за исключением небольшого числа «экспонатов», финансируемых из внешних источников, медицинские учреждения в странах Африки к югу от Сахары де-факто стали источниками болезней и инфекций. Нехватка средств, выделяемых на медикаменты (включая одноразовые шприцы), а также рекомендованный Всемирным банком рост цен на электричество, воду и топливо (например, необходимое для стерилизации игл) увеличивают заболеваемость инфекциями, включая передачу ВИЧ. Кроме того, в странах Африки к югу от Сахары неспособность населения платить за рецептурные лекарства создает тенденцию к снижению уровня посещаемости и использования государственных медицинских центров, что делает инфраструктуру здравоохранения и персонал экономически неэффективными⁵⁰.

Схема возмещения затрат может обеспечить ограниченную операционную жизнеспособность избранного числа медицинских центров, однако при этом наблюдается тенденция к усилению социальной поляризации в системе здравоохранения, сокращению охвата населения услугами здравоохранения и увеличение и без того большого процента населения, не имеющего доступа к здравоохранению. Такая макроэкономическая политика способствует значительному высвобождению человеческих и материальных ресурсов в социальных секторах.

Возвращение инфекционных заболеваний

В странах Африки к югу от Сахары произошла вспышка ряда инфекционных заболеваний, которые, как считалось, находились под контролем. К ним относятся холера, желтая лихорадка и малярия. Аналогичным образом, в Латинской Америке с середины 1980-х годов резко увеличилась распространенность малярии и денге. Мероприятия по контролю и профилактике резко сократились, что непосредственно связано с сокращением государственных расходов в рамках программы структурной перестройки. Вспышка бубонной и легочной чумы в Индии в 1994 году была признана «прямым следствием ухудшения городской санитарии и инфраструктуры общественного здравоохранения в связи с сокращением национального и муниципального бюджетов в рамках программы структурной перестройки 1991 года, спонсируемой МВФ и Всемирным банком»⁵¹.

Социальные последствия структурной перестройки полностью признаются международными финансовыми организациями. Однако методология МВФ и Всемирного банка рассматривает «социальные сектора» и «социальные аспекты адаптации» как нечто отдельное, т. е. согласно доминирующей экономической догме, эти «нежелательные побочные эффекты» не являются частью работы экономической модели. Они принадлежат к отдельному «социальному сектору».

Глава 4

Всемирный банк и права женщин

Всемирный банк стал защитником прав женщин, призывая национальные правительства «больше инвестировать в женщин, чтобы уменьшать гендерное неравенство и ускорять экономическое развитие»⁵². Через свою программу «Женщины в развитии» (WID), принятую в развивающемся мире, Всемирный банк диктует основные правила гендерной политики. Предписывается «рыночный» подход к гендеру; гендерному равенству придается денежная оценка. Женские программы должны быть составлены с учетом «альтернативных издержек» и «эффективности» прав женщин.

Признавая возможность «провала рыночной экономики» и, следовательно, необходимость государственного вмешательства для защиты прав женщин, Всемирный банк утверждает, что «свободные рынки» в целом поддерживают «расширение прав и возможностей женщин» и достижение гендерного равенства:

Крайне важно, чтобы правительства взяли на себя инициативу там, где рынки не могут в полной мере воспользоваться выгодами для общества от инвестиций в женщин. (...) Инвестиции в женщин имеют жизненно важное значение для достижения экономической эффективности и роста. Банк призван продвигать гендерное равенство как вопрос социальной справедливости и расширять участие женщин в экономическом развитии⁵³.

Утверждается, что политика, которая «углубляет рынки» и «стимулирует более конкурентные рыночные структуры», способствует большему гендерному равенству. Всемирный банк утверждает, что программа структурной перестройки улучшает экономическое положение женщин на рынке труда, признавая при этом, что существуют также «риски» для женщин, связанные с сокращением социальных расходов и сокращением государственных программ.

Гендерная перспектива Всемирного банка

Всемирный банк выступает в роли хранителя: он определяет концепции, методологические категории и базу данных, используемые для анализа гендерных проблем. «Инвестиционное сообщество» контролирует институциональную структуру на уровне стран, включая Женское бюро и Министерство по делам женщин. Поскольку Всемирный банк является основным источником финансирования, национальные женские организации, связанные с центром политической власти, часто поддерживают его гендерную перспективу. Однако основная цель последнего – не расширение прав женщин, а навязывание гендерной перспективы свободного рынка и демобилизация женского движения.

«Расширение прав и возможностей женщин» под опекой международных финансовых институтов достигается с помощью обычных макроэкономических рецептов: девальвации, жесткой бюджетной экономии, применения сборов в сфере здравоохранения и образования, постепенный отказ от государственного кредита, либерализация торговли, deregulирование рынков зерна, отмена законодательства о минимальной заработной плате и так далее. Другими словами, донорская поддержка женских программы через проекты,

финансируемые «Женщины в развитии» (WID), зависит от предварительного ущемления прав женщин посредством «удовлетворительного соблюдения» условий МВФ и Всемирного банка.

Например, реализация символических кредитных схем, предназначенных для сельских женщин в рамках кредитных программ Всемирного банка на микроуровне, неизменно требует предварительной продажи поддерживаемых государством банков развития, резкого повышения процентных ставок и постепенного закрытия сельских кредитных кооперативов. То же самое относится и к «программам борьбы с бедностью».

Последние зависят от предварительного принятия макроэкономических мер, которые порождают массовую бедность. Программы борьбы с бедностью, реализованные в рамках «сети социальной защиты» ориентированы на так называемые «уязвимые группы»: «неблагополучные женщины, женщины из числа коренных народов, женщины-главы домохозяйств, женщины-беженцы и женщины-мигранты, а также женщины-инвалиды». При этом структурные причины бедности и роль в этом макроэкономических реформ отрицаются.

Ущемление прав женщин на образование

Еще одним направлением вмешательства Всемирного банка стало предоставление символических стипендий и/или субсидий девочкам (программа «Позволим девочкам учиться») для финансирования расходов на обучение в начальной и средней школе, включая книги и школьные материалы⁵⁴. Однако поддержка Всемирного банка в этой области осуществляется при условии предварительного увольнения учителей и перехода на двухсменное и многоуровневое обучение, т.е. обучение учащихся разного возраста, классов и способностей в одной группе (см. главу 3). Конкретно, кредитные соглашения Всемирного банка для сектора образования требуют от министерств образования сокращения бюджета, увольнения педагогов и увеличения соотношения учеников и учителей в пользу первых. При этом введение платы за обучение и прокат книг – также под руководством Всемирного банка – способствовало резкому сокращению количества учащихся в школах как среди женщин, так и среди мужчин. В центре внимания Всемирного банка – реализация экономически эффективных «целевых программ» для девочек, и в то же время банк предписывает выход государства из финансирования начального и среднего образования.

Возмещение затрат в здравоохранении

Концепция возмещения затрат на оплату услуг здравоохранения под надзором Всемирного банка способствует ущемлению прав женщин на репродуктивное здоровье. Это объясняется тем, что фактически принятые ранее программы структурной перестройки во многих частях мира способствовали постепенному сворачиванию программ охраны здоровья матери и ребенка (ЗМР). Имеющиеся данные подтверждают возобновление материнской и младенческой смертности, поскольку у женщин нет средств на оплату пренатальных услуг, родов и услуг в послеродовой период.

Кроме того, в странах Африки к югу от Сахары наблюдается тенденция к «депрофессионализации» медицинских услуг, что в конечном итоге приводит к краху

системы первичной медицинской помощи в здравоохранении. Деревенские волонтеры здравоохранения и народные целители фактически заменили местных медицинских сестер и братьев. При этом сбережения казначейства от урезания финансирования здравоохранения направляются на обслуживание внешнего долга, в Всемирный банк предсказуемо утверждает, что «неформальное здравоохранение» не только «рентабельно», но и более «демократично», поскольку «дает возможность женщинам в местных сообществах управлять сельскими медицинскими центрами».

Скрытая повестка дня

Концепция Всемирного банка изображает «свободное» рыночное общество, состоящее из людей обоих полов. Женщины идентифицируются как принадлежащие к отдельной социальной категории, отличной от мужчин, как если бы мужчины и женщины принадлежали к разным социальным классам. Противостояние между мужчиной и женщиной как личностями рассматривается как основной источник социального конфликта. Согласно гендерной концепции Всемирного банка, социальный статус женщин зависит от отношений мужчин и женщин в семье, а то, как на женщин влияет сама глобализация, не составляет проблемы. По данным Всемирного банка, концентрация богатства и структура корпоративной экономической власти никак не влияют на права женщин.

Средствами достижения гендерного равенства объявляются «современность» и «расширение прав и возможностей женщин посредством свободного рынка». Сама система глобальной торговли и финансов никогда не подвергается сомнению, роль глобальных институтов, включая Всемирную торговую организацию и Бреттон-Вудские институты, не является предметом серьезных дискуссий. Однако эта глобальная экономическая система, основанная на «дешевой рабочей силе» и частном накоплении богатства, в конечном итоге представляет собой одно из главных препятствий на пути достижения гендерного равенства. Неолиберальная гендерная перспектива под опекой «доноров» в значительной степени нацелена на создание раскола внутри национальных обществ, демобилизацию женского движения и разрушение солидарности между женщинами и мужчинами в их борьбе против Нового мирового порядка.

Глава 5

Глобальная экономика дешевой рабочей силы

Глобализация бедности сопровождается перестройкой национальных экономик развивающихся стран и переопределением их роли в Новом мировом экономическом порядке. Обсуждаемые в предыдущей главе макроэкономические реформы национального уровня, которые применяются одновременно в большом количестве отдельных стран, играют ключевую роль в регулировании заработной платы и затрат на рабочую силу на мировом уровне. Глобальная бедность является «вкладом» со стороны предложения, мировая экономическая система питается дешевой рабочей силой. Бедность создает условия для предложения дешевой рабочей силы, которую использует мировая экономика.

Мировая экономика характеризуется перемещением значительной части промышленной базы развитых капиталистических стран в места с дешевой рабочей силой в развивающихся странах. Развитие экономики экспорта дешевой рабочей силы началось в Юго-восточной Азии в 1960-1970 гг. преимущественно в «трудоемком производстве». Первоначально ограниченное несколькими экспортными анклавами (Гонконг, Сингапур, Тайвань и Южная Корея), развитие офшорного производства дешевой рабочей силы получило новый импульс в 1970-1980 гг.

С конца 1970-х годов появилось «новое поколение» зон свободной торговли – с основными полюсами роста в Юго-восточной Азии и на Дальнем Востоке, в Китае, Бразилии, Мексике и Восточной Европе. При этом глобализация промышленного производства затрагивает широкий спектр промышленных товаров, и промышленность третьего мира в настоящее время охватывает большинство отраслей – автомобилестроение, судостроение, сборка самолетов, производство оружия и т. д.⁵⁵.

Современная мировая экономика больше не структурирована по традиционному разделению между промышленностью и «первичным производством» (ср. дебаты об условиях торговли между производителями первичного и промышленного сырья). Страны третьего мира продолжают играть роль крупного производителя первичного сырья, но все большая доля мирового производства приходится на Юго-восточную Азию, Китай, Латинскую Америку и Восточную Европу.

Это всемирное развитие отраслей с дешевой рабочей силой (включая все более сложные и тяжелые области производства) основывается на сокращении внутреннего спроса в экономиках некоторых стран третьего мира и формировании дешевой, стабильной и дисциплинированной промышленной рабочей силы в безопасной политической среде. Данный процесс базируется на разрушении национального производства для внутреннего рынка (то есть импортозамещающих отраслей) в ряде стран третьего мира и укреплении экспортной экономики с использованием дешевой рабочей силы. После завершения Уругвайского раунда переговоров в Марракеше и создания Всемирной торговой организации (ВТО) в 1995 году границы таких зон свободной торговли с дешевой рабочей силой распространились на всю территорию развивающихся стран.

Макроэкономическая реформа поддерживает перемещение промышленности

Реструктуризация отдельных национальных экономик под руководством Бреттон-Вудских институтов ведет к ослаблению государств. Подрывается промышленность внутреннего рынка, множество национальных предприятий доводятся до банкротства. Сокращение внутреннего потребления вследствие программ структурной перестройки подразумевает соответствующее снижение затрат на рабочую силу; именно в этом состоит скрытый смысл политики финансовых институтов: уменьшение зарплат в странах третьего мира и Восточной Европы способствует переносу экономической активности из богатых стран в бедные.

Глобализация бедности стимулирует развитие мировой экономики, ориентированной на экспорт дешевой рабочей силы; производственные возможности огромны благодаря массе дешевых работников по всему миру. Однако бедные страны

практически не торгуют друг с другом: бедные люди не являются рынком для тех товаров, которые сами производят.

Потребительский спрос сосредоточен главным образом среди 15% населения мира, живущего в богатых странах, а также на небольших островках благополучия стран третьего мира и постсоветского пространства (см. таблицу 1.1). В такой системе, вопреки известному утверждению французского экономиста Жана-Батиста Сэя («закону Сэя»), предложение не создает собственного спроса. Наоборот, когда в стране высокая степень бедности, это приводит к снижению стоимости труда, поскольку рабочие готовы работать за меньшую плату. Бедность фактически помогает экономике, предоставляя ей доступ к дешевой рабочей силе. В контексте рыночной экономики это называется «вкладом со стороны предложения», то есть предложением рабочей силы по низкой цене.

Продвижение промышленного экспорта

Девиз «Умри или экспортируй!» заменяет старые стратегии замещения импорта и ориентирования на внутренний рынок. Согласно новым рекомендациям международных финансовых институтов, страна должна развивать специализацию исходя из своих сравнительных преимуществ, главным образом заключённых в избытке и дешевизне рабочей силы. Таким образом, экономический рост связывается с активным расширением экспорта, поддерживаемым Всемирным банком и Международным валютным фондом. Под влиянием глобализации подобные программы форсированного развития «нетрадиционного» экспорта внедряются синхронно во многих развивающихся странах. К ним теперь присоединились также новые поставщики дешёвой рабочей силы из Восточной Европы, вступившие в жёсткое соперничество за ограниченный спрос. Все участники глобальной конкуренции нацеливаются на одни и те же западные рынки сбыта — Европу и Северную Америку. Избыточность предложения ведёт к обострению ценовой борьбы, вынуждая поставщиков сокращать отпускные цены. Мировые рыночные цены промышленных товаров стремительно снижаются, аналогично ситуации с сырьём. Таким образом, конкуренция как между разными государствами, так и внутри самих экономик порождает снижение заработной платы и общей доходности производства. Прежняя стратегия экспортной экспансии, применённая повсеместно, приводит к резкому увеличению объёмов производства и падению мировых цен на промышленную продукцию. Возникает парадоксальная ситуация: стремление увеличить экспорт сопровождается снижением выручки от продаж и уменьшением дохода, необходимого для обслуживания растущего внешнего долга. Иронично, что наиболее успешные экспортёры оказываются крупнейшими должниками мировой финансовой системы.

Более того, меры экономической стабилизации, применяемые на Юге и Востоке, оказывают негативное влияние на экономику развитых стран: бедность в странах третьего мира приводит к глобальному снижению спроса на импорт, что, в свою очередь, отражается на экономическом росте и занятости в странах-членах ОЭСР.

Структурные реформы превращают национальные экономики в открытые экономические зоны, а страны — в территории, представляющие собой «резервы» дешевой рабочей силы и природных ресурсов. Однако, поскольку этот процесс опирается на

глобализацию бедности и повсеместное сжатие потребительского спроса, успешное продвижение экспорта возможно лишь в небольшом числе стран с дешевой рабочей силой. Иначе говоря, одновременное развитие нового экспортного сектора в различных регионах усиливает конкуренцию между развивающимися странами как в добывающем секторе, так и в обрабатывающей промышленности. Так как мировой спрос остается неизменным, создание новых производственных мощностей в одних странах неизбежно сопровождается экономическими трудностями и стагнацией в других конкурирующих странах третьего мира.

Глобальная адаптация

Что происходит, когда макроэкономические реформы применяются одновременно в большом количестве стран? В взаимосвязанной мировой экономике «сумма» национальных программ структурной адаптации (SAP) способствует «глобальной адаптации» в структуре мировой торговли и экономического роста.

Воздействие «глобальной адаптации» на условия торговли достаточно хорошо понято: одновременное применение политики продвижения экспорта в отдельных странах третьего мира способствует возникновению избыточного предложения — особенно на товарных рынках, сопровождающегося дальнейшим снижением мировых цен на сырьевые товары. Во многих странах, подвергшихся структурной перестройке, объем экспорта значительно увеличился, однако стоимость экспортных поступлений ухудшилась. Другими словами, так называемая «глобальная структурная адаптация» (основанная на интернационализации макроэкономической политики) еще больше понижает цены на сырьевые товары и способствует отрицательному трансферу экономических ресурсов между странами-должниками и кредиторами.

Разложение национальных экономик

Программы структурной адаптации (SAP) играют ключевую роль в разложении национальной экономики задолжавшей страны и в «переосмыслении» ее «новых отношений» с глобальной экономикой. Другими словами, экономические реформы подразумевают «разложение/переосмысление» структуры национального производства и потребления.

Снижение реальных доходов способствует снижению затрат на рабочую силу и снижению уровня необходимого массового потребления (базовых человеческих потребностей) большинством населения. С другой стороны, «переосмысление» потребления характеризуется увеличением «высокого уровня потребления» посредством либерализации торговли и динамического притока импортируемых потребительских товаров длительного пользования и предметов роскоши для небольшой части общества. Это «разложение/переосмысление» национальной экономики и ее включение в глобальную экономику дешевого труда основаны на сжатии внутреннего спроса (и уровня социального обеспечения): бедность, низкая заработная плата и наличие дешевой рабочей силы являются «входящими факторами» на стороне предложения. Бедность и снижение производственных затрат составляют инструментальную основу (на стороне предложения) для восстановления производства, ориентированного на внешний рынок.

Одновременное применение программ структурной адаптации в странах-должниках ускоряет перемещение производственной индустрии из существующих производственных площадок в развитых странах в регионы с дешевым трудом в странах третьего мира и Восточной Европы. Однако новая производственная мощность (ориентированная на экспорт), которая получается в результате, формируется на общем фоне замедленного и/или подавленного роста мирового спроса. Таким образом позитивная «вовлеченность» в создание новых производственных мощностей (для экспорта) в одной или нескольких отдельных странах третьего мира сопровождается процессом «разъединения производственных ресурсов» и упадка в других частях мировой экономической системы.

«Разложение» не гарантирует успешного «переосмысления». Другими словами, вывод из строя внутренней промышленности не обеспечивает для внутреннего рынка развитие новых «жизнеспособных» и стабильных отношений с мировым рынком — иными словами, сжатие затрат на рабочую силу (в поддержку предложения) само по себе не гарантирует рост экспортного сектора и интеграцию национальной экономики стран третьего мира в международный рынок (и не гарантирует, кстати, развитие промышленного экспорта).

Географическое расположение новых полюсов производства дешевой рабочей силы, ориентированных на мировой рынок, определяют комплексные экономические, geopolитические и исторические факторы. «Разложение»/«переосмысление» имеет тенденцию происходить в специфических функциональных регионах глобальной экономики. Формирование новых динамичных полюсов экономики дешевой рабочей силы в Мексике, Восточной Европе и Юго-восточной Азии резко контрастирует с ситуацией, преобладающей в большинстве регионов Африки к югу от Сахары, частей Латинской Америки и Ближнего Востока.

Мировая безработица

Многие регионы мира, хотя и не включенные в глобальную экономику дешевой рабочей силы активно, тем не менее обладают важными «резервами дешевой рабочей силы», играющими значительную роль в регулировании стоимости рабочей силы на международном уровне. Если возникают волнения среди рабочих, включая социальное давление на заработную плату, в какой-либо стране третьего мира, транснациональный капитал может перенести свое производство или передать его на аутсорсинг в альтернативные места с дешевой рабочей силой. Проще говоря, наличие «резервных стран» с большим количеством дешевой рабочей силы склонно ослаблять динамику заработной платы и стоимости рабочей силы, характерную для более активных экспортных экономик с дешевой рабочей силой (таких как Юго-восточная Азия, Мексика, Китай и Восточная Европа).

Иначе говоря, установление национального уровня заработной платы в отдельных развивающихся странах определяется не только структурой национального рынка труда, но и уровнем заработной платы, существующей в конкурирующих регионах с дешевой рабочей силой.

Таким образом, уровень затрат на рабочую силу обусловлен наличием «глобального резерва дешевой рабочей силы», состоящего из «резервных армий» рабочей силы в разных странах. Это «мировое перенаселение» определяет международную миграцию производственного капитала одной и той же отрасли промышленности из одной страны в другую: международный капитал (прямой или косвенный покупатель рабочей силы) перемещается с одного национального рынка труда на другой. С точки зрения капитала «национальные резервы рабочей силы» интегрированы в общий международный резервный пул, где работники из разных стран вовлечены в открытую конкуренцию друг с другом. Мировая безработица становится «рычагом» глобального накопления капитала, который «регулирует» стоимость рабочей силы в каждой из национальных экономик. Массовая бедность регулирует международную стоимость рабочей силы. Заработка плата также определяется на уровне каждой национальной экономики отношениями между городом и деревней. То есть, сельская бедность и наличие большого числа безработных и безземельных сельскохозяйственных рабочих, как правило, способствуют низким заработкам в городской производственной экономике.

Снижение заработной платы

Во многих странах-экспортерах дешевой рабочей силы доля заработной платы в ВВП резко снизилась. В Латинской Америке, например, программы корректировки способствовали заметному сокращению заработной платы как в процентах от ВВП, так и в процентах от добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности. В то время как доходы работников в развитых странах составляют примерно 40% добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности, соответствующий процент в Латинской Америке и Юго-восточной Азии составляет порядка 15%.

Закрытие заводов и перемещение промышленных предприятий

Развитие экспортных фабрик с дешевой рабочей силой в странах третьего мира сопровождается закрытием заводов в промышленных городах развитых стран. Предыдущая волна закрытия заводов в основном затронула трудоемкие отрасли легкой промышленности. Однако с 1980-х годов были затронуты все сектора западной экономики (и все категории рабочей силы): корпоративная реструктуризация аэрокосмической и машиностроительной промышленности, перенос автомобильного производства в Восточную Европу и страны третьего мира, закрытие сталелитейных заводов, промышленность и т. д.

Развитие производства в *maquilas* (сборочных предприятиях) и зонах экспортной переработки, расположенных к югу от Рио-Гранде на границе США и Мексики, на протяжении 1980-х годов сопровождалось массовыми увольнениями и безработицей в промышленных центрах США и Канады. В соответствии с Североамериканским соглашением о свободной торговле (НАФТА) этот процесс перемещения был распространен на всю мексиканскую экономику. Аналогичным образом японские транснациональные корпорации переносят значительную часть своего производственного потенциала на производственные площадки в Таиланде или на Филиппинах, где промышленным рабочим платят всего 3–4 доллара в день⁵⁶. Немецкий капитализм после

распада Советского Союза значительно расширил зону своего влияния, вернувшись к территориям бывшего «жизненного пространства», которое Германия пытлась установить накануне Второй мировой войны. Новая волна расширения выразилась в переносе производств в восточноевропейские страны, такие как Польша, Венгрия, Чехия и Словакия, где уровень оплаты труда составлял всего около 120 долларов в месяц, что гораздо ниже средних показателей Европейского союза. Для сравнения, сотрудники аналогичных заводов в Германии получали заработную плату порядка 28 долларов в час, демонстрируя огромный разрыв в уровне доходов и условиях труда. Это позволило немецким компаниям существенно снизить производственные издержки, перенеся трудоемкие процессы в регионы с низкой оплатой труда, сохранив при этом высокую прибыльность бизнеса в самой Германии.

В этом контексте бывшие социалистические страны интегрировались в глобальную экономику дешевой рабочей силы. Несмотря на пристаивающие заводы и высокий уровень безработицы в бывшей Германской Демократической Республике, немецкому капитализму было выгоднее расширить свою производственную базу в Восточной Европе.

На каждое потерянное рабочее место в развитых странах, которое переводят в страны третьего мира, приходится соответствующий спад потребления в развитых странах. Хотя закрытия заводов и массовые увольнения обычно преподносятся в прессе как изолированные и несвязанные случаи корпоративной реструктуризации, их совокупное воздействие на реальные доходы и занятость разрушительно. Потребительские рынки рушатся, потому что большое число предприятий в нескольких странах одновременно сокращают численность своих сотрудников. В свою очередь, падение продаж оказывает обратное воздействие на производство, способствуя дальнейшей волне закрытий заводов, банкротств и так далее.

Мировое сжатие потребительских расходов

На Севере сокращение уровня расходов еще больше усугубляется дерегулированием рынка труда: деиндексацией заработков, неполной занятостью, досрочным выходом на пенсию и введением так называемых «добровольных» сокращений заработной платы. В свою очередь, практика истощения кадров (которая перекладывает социальное бремя безработицы на более молодые возрастные группы) лишает целое поколение доступа на рынок труда. Другими словами, процесс свертывания промышленности в развитых странах способствует сокращению рыночного спроса, что, в свою очередь, подрывает усилия развивающихся стран по продаже промышленных товаров на (сокращающийся) западный рынок. Это порочный круг: перемещение промышленности на Юг и Восток приводит к экономическому беспорядку и безработице в развитых странах, что, в свою очередь, имеет тенденцию к тому, чтобы подталкивать мировую экономику к глобальной рецессии. Эта система характеризуется неограниченными производственными возможностями из-за ресурсов дешевой рабочей силы в разных уголках мира, возможности автоматизации процессов производства и открытия новых рынков сбыта в развивающихся странах. Однако, сам акт расширения производства – путем перемещения материального производства из «стран с высокой заработной платой» в «страны с низкой заработной

платой» способствует сокращению расходов, например, тех, кто был уволен, что в конечном счете ведет мировую экономику по пути глобальной стагнации. А без достаточного спроса на произведенную продукцию экономика сталкивается с проблемами перепроизводства и падения цен, что приводит к глобальной стагнации.

Перемещение внутри торговых блоков

Перемещение экономической деятельности чаще всего происходит в пределах континентального шельфа каждого торгового блока. Западная Европа и Северная Америка одновременно и пропорционально развиваются «регионы дешевой рабочей силы» на своих непосредственных географических границах. В европейском контексте линия Одер-Нейсе для Польши является тем же, что является Рио-Гранде для Мексики, т. е. бывший «железный занавес» выполняет ту же роль, что и Рио-Гранде. Он отделяет экономики с высокой заработной платой Западной Европы от экономики стран с низкой заработной платой бывшего советского блока.

Однако НАФТА – Североамериканское соглашение о свободной торговле, заключенное в январе 1994 года США, Канадой и Мексикой, отличается от Маастрихтского договора, который допускает «свободное перемещение» рабочей силы внутри стран Европейского Союза. В рамках НАФТА, Рио-Гранде разделяет два отдельных рынка труда: производственные предприятия закрываются в США и Канаде и переносятся в Мексику, где заработка плата как минимум в десять раз ниже. «Неподвижность рабочей силы» и снятие тарифных барьеров, а не «свободная торговля» являются главной особенностью НАФТА.

В соответствии с НАФТА, американские корпорации могут сократить заработные затраты более чем на 80%, переехав в Мексику или заключив там субподрядные работы. Этот механизм не ограничивается производством или деятельностью с использованием неквалифицированной рабочей силы: ничто не препятствует перемещению высокотехнологичных отраслей Америки в Мексику, где инженеров и ученых можно нанять за несколько сотен долларов в месяц. Такое перемещение потенциально затрагивает значительную часть экономики США и Канады, включая сектор услуг.

С самого начала НАФТА было основано на сокращении занятости и реальной заработной платы. Перенос промышленности в Мексику уничтожает рабочие места и снижает реальные доходы в США и Канаде. НАФТА усугубляет этот экономический спад: рабочие, уволенные в США и Канаде, не перераспределяются в другие сферы экономики, и в результате такого перемещения промышленности не создаются новые возможности экономического роста. Сокращение потребительских расходов в результате увольнений и закрытия предприятий приводит к общему сокращению продаж и занятости, а также к дальнейшим увольнениям в промышленности.

Более того, хотя НАФТА и позволяет американским и канадским корпорациям проникать на мексиканский рынок, этот процесс осуществляется в основном за счет вытеснения существующих мексиканских предприятий. Тенденция направлена на усиление промышленной концентрации, ликвидацию малых и средних предприятий, а также захват части сферы услуг Мексики посредством корпоративного франчайзинга.

США «экспортируют свою рецессию» в Мексику. За исключением небольшого рынка привилегированного потребления, бедность и низкие зарплаты в Мексике не способствуют расширению потребительского спроса. В Канаде соглашение о свободной торговле, подписанное с США в 1989 году, привело к постепенному отказу от отраслевой экономики. Канадские дочерние компании закрываются и заменяются региональными офисами продаж.

Образование НАФТА способствовало обострению экономического спада, тенденции к снижению заработной платы и занятости во всех трех странах. Потенциал производства увеличивается, однако сам факт расширения производства путем перемещения производства из США и Канады в Мексику способствует уменьшению расходования средств на их потребление.

Динамическое развитие потребления предметов роскоши

Повышенная концентрация дохода и богатства в руках социальной элиты (как в развитых странах, так и в небольших анклавах процветания в странах третьего мира и Восточной Европы) привела к динамичному росту экономики товаров класса люкс: путешествия и отдых, автомобилестроение, революция в электронике и телекоммуникациях и т.д. Культура «в пути» и «беспошлинная торговля», построенная вокруг автомобилей и воздушного транспорта, стали центрами современной экономики «высокодоходного» потребления и досуга, куда направляются огромные финансовые ресурсы. В то время как ассортимент потребительских товаров, поддерживающих образ жизни высшего класса, расширился почти безгранично, с начала долгового кризиса начала 1980-х годов произошло соответствующее сокращение уровня потребления большей части населения мира. В отличие от большого разнообразия товаров, доступных социальному меньшинству, базовое потребление (около 85% населения мира) ограничивается небольшим количеством основных продуктов питания и товаров первой необходимости.

Динамичный рост потребления предметов роскоши обеспечивает временную «передышку» мировой экономике, охваченной рецессией⁵⁷. Однако стремительный рост потребления товаров роскоши все больше различается со стагнацией секторов, производящих необходимые товары и услуги. В странах третьего мира и Восточной Европы стагнация производства продуктов питания, жилья и основных социальных услуг диссонирует с развитием небольших очагов социальных привилегий и потребления предметов роскоши. Элиты бедных стран, бывшие чиновники, новые бизнес-магнаты Восточной Европы и бывшего Советского Союза являются одновременно и сторонниками, и бенефициарами этого процесса. Социальное неравенство и неравенство в доходах в Венгрии и Польше сейчас сопоставимо с дисбалансом, преобладающим в Латинской Америке. (Например, Порш Каррера можно купить в представительстве Порш Хенгария в центре Будапешта за «скромную» сумму в 9 миллионов 720 тысяч форинтов, больше, чем средний венгерский рабочий зарабатывает за всю жизнь, то есть заработка за 70 лет при средней (годовой) промышленной заработной плате)⁵⁸.

Низкая структура заработной платы в странах третьего мира, наряду с последствиями экономической реструктуризации и рецессии в развитых странах, не

способствует развитию массового потребления и общему повышению покупательной способности. Таким образом, глобальная производственная система все больше ориентирована на обслуживание ограниченных рынков — то есть рынков высокодоходных потребителей на Западе плюс небольшие анклавы потребления товаров класса люкс на Юге и Востоке. В данном контексте низкая заработка плата и низкие затраты на производство способствуют низкому уровню покупательной способности и недостаточному спросу. Это противоречивое соотношение является важной характеристикой глобальной экономики дешевого труда: те, кто производит, не являются теми, кто потребляет.

Рентная экономика

С прекращением производства в богатых странах складывается «рентная экономика», которая практически ничего не производит. Эта многоуровневая экономика, сосредоточенная в секторе услуг, выкачивает прибыли из обрабатывающей промышленности третьего мира. Высокотехнологичная экономика, основанная на владении промышленными навыками, разработках продукции, исследованиях и разработках и т. д., подчиняет себе отрасли «материального производства». «Нематериальное производство» подчиняет себе «материальное производство»; сектор услуг присваивает добавленную стоимость производства. Более того, помимо выплат роялти и лицензионных сборов за использование западных и японских технологий, доходы производителей третьего мира неизменно присваиваются дистрибуторами, оптовиками и розничными торговцами в развитых странах. Промышленное производство остается в подчинении корпоративного монопольного капитала.

Так называемое «развитие промышленности» в странах третьего мира является следствием процесса глобальной перестройки производства и процесс «деиндустриализации» в индустриальных странах следует понимать правильно: значение термина «промышленность» кардинально изменилось. Центры роста высоких технологий стремительно развиваются за счет старых традиционных отраслей, исторически сложившихся в развитых странах с начала промышленной революции. Центрами роста в развитых странах становятся «нематериальные секторы» (высокие технологии, включая проектирование продукции и инновации, экономика услуг, коммерческая и финансовая инфраструктура, связь и транспорт), а не материальное производство как таковое.

Глобализация производственной сферы

Мы имеем дело с мировой экономикой, в которой большое количество национальных экономик производят промышленные товары для экспорта на рынок стран ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития). Однако, за некоторыми важными исключениями, например, Корея, Бразилия, Мексика, эти страны нельзя считать «новыми индустриальными государствами»: процесс «индустриализации» в значительной степени является следствием перемещения производства в районы с дешевой рабочей силой в странах третьего мира. Он обусловлен изменением структуры мировой экономики. Децентрализация и перемещение материального производства в страны третьего мира были мотивированы, в первую очередь, значимыми различиями в заработной плате между богатыми и бедными странами. Последние стали производителями «промышленных

товаров первой необходимости». В этом контексте на мировом уровне происходит перепроизводство промышленных товаров, что приводит к снижению цен на изготовленные изделия, подобно процессу избыточного предложения, характерного для рынков сырьевых товаров. Вхождение Китая в международное разделение труда в конце 1970-х годов еще больше усилило структуры перепроизводства.

Рост в богатых странах, основанный на импорте

Рентная экономика присваивает доходы прямых производителей. Материальное производство осуществляется в странах третьего мира с дешевой рабочей силой, однако самый значительный рост ВВП отмечается в странах-импортерах. Рост ВВП в богатых странах в этом случае носит «импортозависимый» характер: дешевые импортные товары (сырье и готовые изделия) создают соответствующее увеличение доходов в сервисной экономике богатых стран.

Применение программ структурной перестройки, спонсируемых Международным валютным фондом, в большом количестве отдельных стран также способствует укреплению этой рентной экономики: каждая страна обязана производить (конкурируя с другими развивающимися странами) аналогичный набор базовых сырьевых и промышленных товаров для мирового рынка. Хотя в сфере производства материальных товаров в развивающихся странах существует конкуренция, каналы международной торговли, а также оптовый и розничный рынок в развитых странах контролируются корпоративными монополиями. Двойственность между конкуренцией и монополией является фундаментальной чертой системы глобального обмена. Жесткая конкуренция между «непосредственными производителями», находящимися в разных странах в условиях избыточной глобальной поставки, противопоставлена ситуации контроля над международной торговлей, патентами на промышленные товары, оптовой и розничной торговлей со стороны небольшого количества глобальных корпораций.

Присвоение прибавочной стоимости непрямыми участниками

Поскольку продукция, производимая в развивающихся государствах, ввозится в развитые страны по крайне низким международным ценам (FOB), её оценочная стоимость на этапе официального учёта импорта остаётся сравнительно низкой. Тем не менее, после прохождения цепочки посредников и розничной реализации в экономически благополучных регионах конечная цена продукта возрастает многократно. К примеру, средняя розничная цена изделий, изготовленных в беднейших странах, часто превышает первоначальную закупочную стоимость в десять и более раз. Данная значительная разница формируется преимущественно в результате маркетинговых усилий и услуг, оказываемых торговыми сетями и дистрибуторскими компаниями богатых государств, практически не затрагивающих материальное производство. Эта виртуальная прибавка стоимости автоматически учитывается в ВВП благополучных стран, хотя реально произведённые ценности принадлежат странам-производителям сырья и готовых товаров. Так, итоговая розничная цена кофе вырастает в семь-десять раз по сравнению с первоначальной международной стоимостью (FOB) и достигает примерно двадцатикратного уровня суммы, выплаченной изначально фермерам третьих стран (таблица 5.1).

Иными словами, большая часть доходов от продажи сырьевых товаров и промышленных изделий, произведенных в офшорных местах с дешевой рабочей силой, присваивается посредниками, такими как торговцы, посредники, оптовые и розничные торговцы. Подобный механизм присвоения характерен для большинства промышленных товаров, производимых в дешевых трудовых зонах. Например, 60% обуви, продающейся в США, производится на китайских фабриках, где рабочие получают крайне низкую зарплату. Доходы от продажи обуви в США идут на американский корпоративный капитал, что способствует увеличению ВВП США, а не возвращается китайским работникам, получающим мизерные оклады (см. блок 5.1).

Блок 5.1

Заработка плата на китайских фабриках, производящих продукцию для розничных фирм США

«Женщины, работающие на производстве обуви Тимберленд в Пу Юэнь, Пятая фабрика, город Чжуншань в провинции Гуандонг, работают по 14 часов в сутки. Фабрика нанимает девушек в возрасте 16-17 лет с оплатой 22 цента в час (что эквивалентно 16 долларов за неделю работы продолжительностью 70 часов). На фабрике, производящей сумки Кэти Ли [Гиффорд] для Уолмарт, максимальная зарплата составляла 7 долларов в неделю или 8 центов в час. Зарплата для лучших 14% работников на фабрике Цинь Ши составляла 18 долларов в месяц».

В другой фабрике, производящей автомобильные стереосистемы, молодые женщины получали оплату в размере 31 цента в час, работая «сгорбившись» над микроскопами по девять часов в день шесть дней в неделю.

Исследователи отметили, что на китайской фабрике «работницы, которым было от 17 до 25 лет, работали 14 часов в сутки». Эти девушки работали с микроскопами по девять часов ежедневно, шесть дней в неделю. «Компании в Китае нанимают только незамужних женщин в возрасте от 17 до 25 лет, после чего их заменяют новыми молодыми женщинами, когда они окончательно «изнашиваются».

Согласно исследованию, компания увольняла беременных женщин и заменяла их новым поколением молодых работниц. Если женщина забеременела, то негласное правило заключалось в том, что ее увольняют.

Пример: швейная промышленность

В международной швейной торговле, например, международный дизайнер моды приобретет рубашку, разработанную в Париже, за 3-4 доллара в Бангладеш, Вьетнаме или Таиланде⁵⁹. Затем изделие перепродается на европейском рынке в пять-десять раз дороже первоначальной цены. Таким образом валовой внутренний продукт импортирующей западной страны увеличится без осуществления реального производства. Данные, собранные на фабриках в Бангладеш, помогают нам определить структуру затрат и распределение доходов в швейной отрасли: фабрика продаёт дюжину рубашек по цене от 36 до 40 долларов США (FOB)⁶⁰. Все оборудование и сырье импортируется. Рубашки продаются в США по цене около 22 доллара за штуку или 266 долларов за дюжину (см. таблицу 5.2). Женская и детская рабочая сила в бангладэшских швейных мастерских

получает небольшую долю от общей стоимости товара. Менее двух процентов от общей стоимости товара идет на заработную плату швейникам в странах первого мира. Примерно один процент возвращается в виде промышленной прибыли независимому производителю из стран третьего мира.

Разница между фабричной ценой и розничной ценой (USD 266 - USD 38 = USD 228) распределяется на три компонента:

- 1.Прибыль торговых посредников, оптовых продавцов и розничных магазинов, включая владельцев торговых центров и т.д. (это самая крупная доля маржи).
- 2.Реальные затраты на обращение (транспортировку, хранение и т.д.).
- 3.Таможенные пошлины, взимаемые при ввозе товара в развитые страны, а также косвенные налоги и сборы, взимаемые при розничной продаже.

Хотя розничная цена в семь раз выше фабричной, прибыль не обязательно поступает мелким магазинам в развитых странах. Большая часть полученной маржи аккумулируется в форме арендной платы, процентов и налогов крупными коммерческими и банковскими интересами, недвижимостью.

Важно подчеркнуть, что поток импорта из стран третьего мира также служит источником налоговых поступлений для государственных бюджетов развитых стран в виде налогов на продажу и НДС, которые превышают 10% от розничной цены в Западной Европе. Процесс сбора налогов, таким образом, зависит от структуры неравного обмена товарами. В примере швейной промышленности, казначета развитых стран получают почти столько же, сколько и сама производящая страна, и примерно в четыре раза больше, чем получают швеи в производящей стране (см. таблицу 5.3).

Заработная плата и затраты на рабочую силу в развитых странах

В глобальной экономике услуги труда приобретаются капиталом на нескольких отдельных и обособленных национальных рынках труда, т.е. часть затрат труда, связанных с транспортировкой, хранением, оптовой и розничной торговлей, приходится на «высокооплачиваемый» труд рынка богатых стран. Например, розничные продавцы в развитых странах получают дневную заработную плату, которая как минимум в 40 раз выше, чем у фабричного рабочего в Бангладеш. Следовательно, значительно большая доля общих затрат на рабочую силу, связанных с производством и распределением товара, будет приходитьсь на работников сферы услуг в странах с высоким уровнем оплаты.

Таблица 5.1
Кофе – Иерархия цен
(v долларах США)

	Стоимость	Совокупная доля добавочной стоимости (%)
Закупочная цена	0,25 - 0,50	4,00
Договорная цена	1,00	10,00
Окончательная розничная торговля	10,00	100,00
Источники: Таблица основана на приблизительных суммах по условиям договорной цены (начало 1990-х годов) и розничных ценах на рынке Северной Америки (начало 1990-х годов). Закупочные цены значительно отличаются в зависимости от страны.		

Таблица 5.2
Структура расходов
Экспорт одежды стран третьего мира
(v долларах США)

Материалы и фурнитура (импортные)	27
Амортизация оборудования	3
Заработка плата	5
Чистая производственная прибыль	3
Заводская цена (одна дюжина рубашек)	38
Валовая оценка	228
Розничная цена (за дюжину) в развитых странах	266
Розничная цена, включающая налог с продаж (10%)	292,60
Источник: на основе структуры затрат и отпускных цен швейной фабрики Бангладеш, 1992 г.	

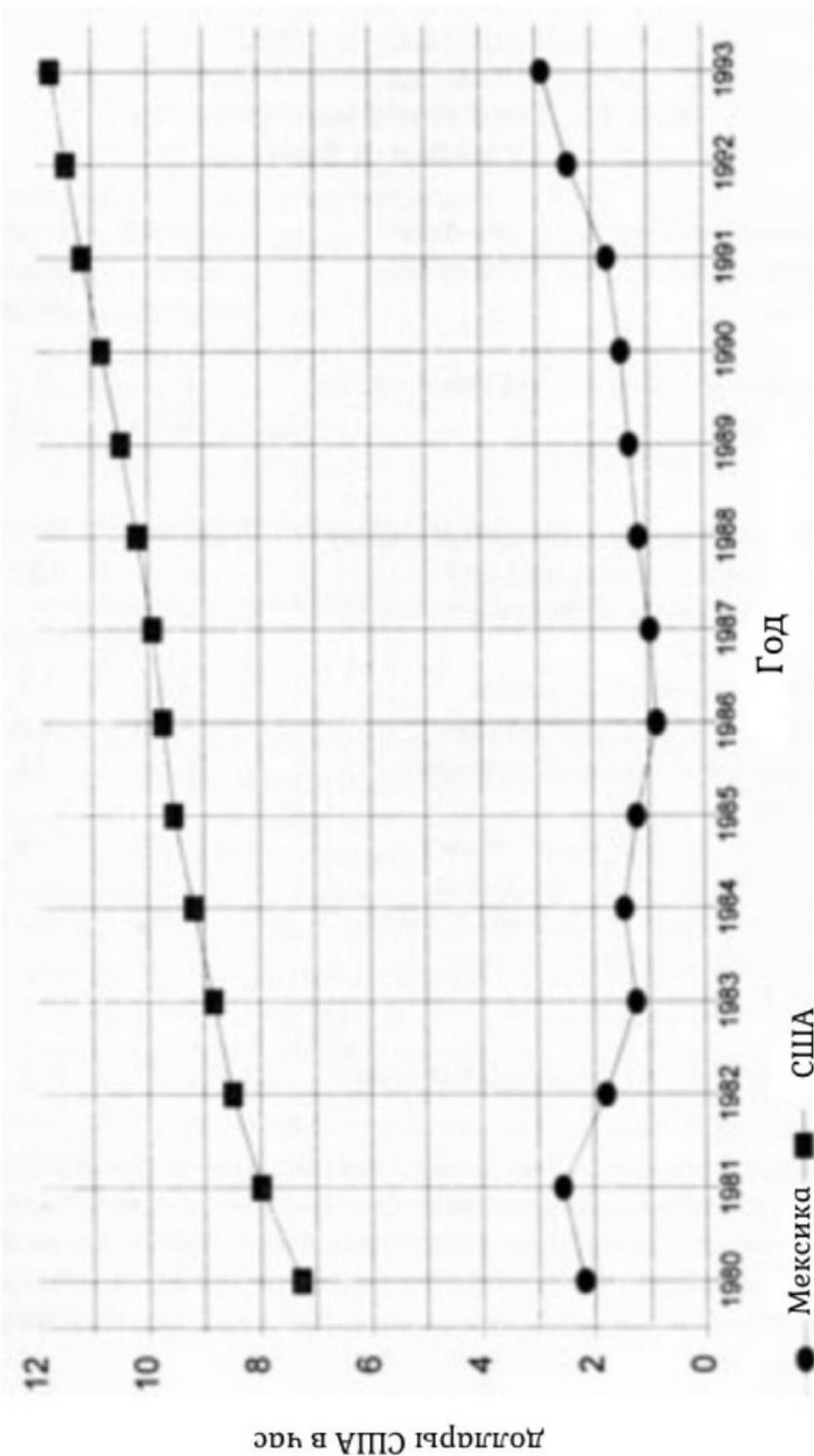
Вместе с тем, взаимосвязи «неэквивалентного товарного обмена» между фабричными рабочими в Бангладеш и розничным персоналом в США нет: имеющиеся данные подтверждают, что работникам сферы услуг в богатых странах сильно недоплачивают. Более того, их заработка плата (которая представляет собой подлинную добавленную стоимость, т. е. «реальную стоимость») составляет относительно небольшой процент от общего объема продаж.

Например, затраты на рабочую силу, связанные с производством дюжины рубашек в Бангладеш, составляют 5 американских долларов, что соответствует 25–30 часам труда (по 15–20 центов в час). Если предположить, что работник розничной торговли в США получает 5 долларов в час и продает полдюжины рубашек в час, то затраты на рабочую силу при производстве дюжины рубашек (5 долларов) составляют половину стоимости розничной торговли (10 долларов). Последний, однако, по-прежнему составляет относительно небольшой процент от общей цены (292,60 американских доллара, включая налог с продаж); т. е. основная часть излишков присваивается в виде торговой прибыли и ренты не-производителями богатых стран (см. Таблицу 5.2.)

В то время как предприятия третьего мира работают в условиях, приближенных к «совершенной конкуренции», покупателями их продукции являются торговые компании и транснациональные фирмы. Чистая промышленная прибыль, получаемая «конкурентоспособным» предпринимателем из стран третьего мира – 3 американских доллара, что составляет порядка 1% от общей стоимости товара. Поскольку фабрики третьего мира работают в условиях глобальной экономики, характеризующейся избыточным предложением, заводские цены имеют тенденцию к снижению, сводя норму промышленной прибыли к минимуму. Этот процесс облегчает сбор и присвоение излишков влиятельными международными торговцами и дистрибуторами.

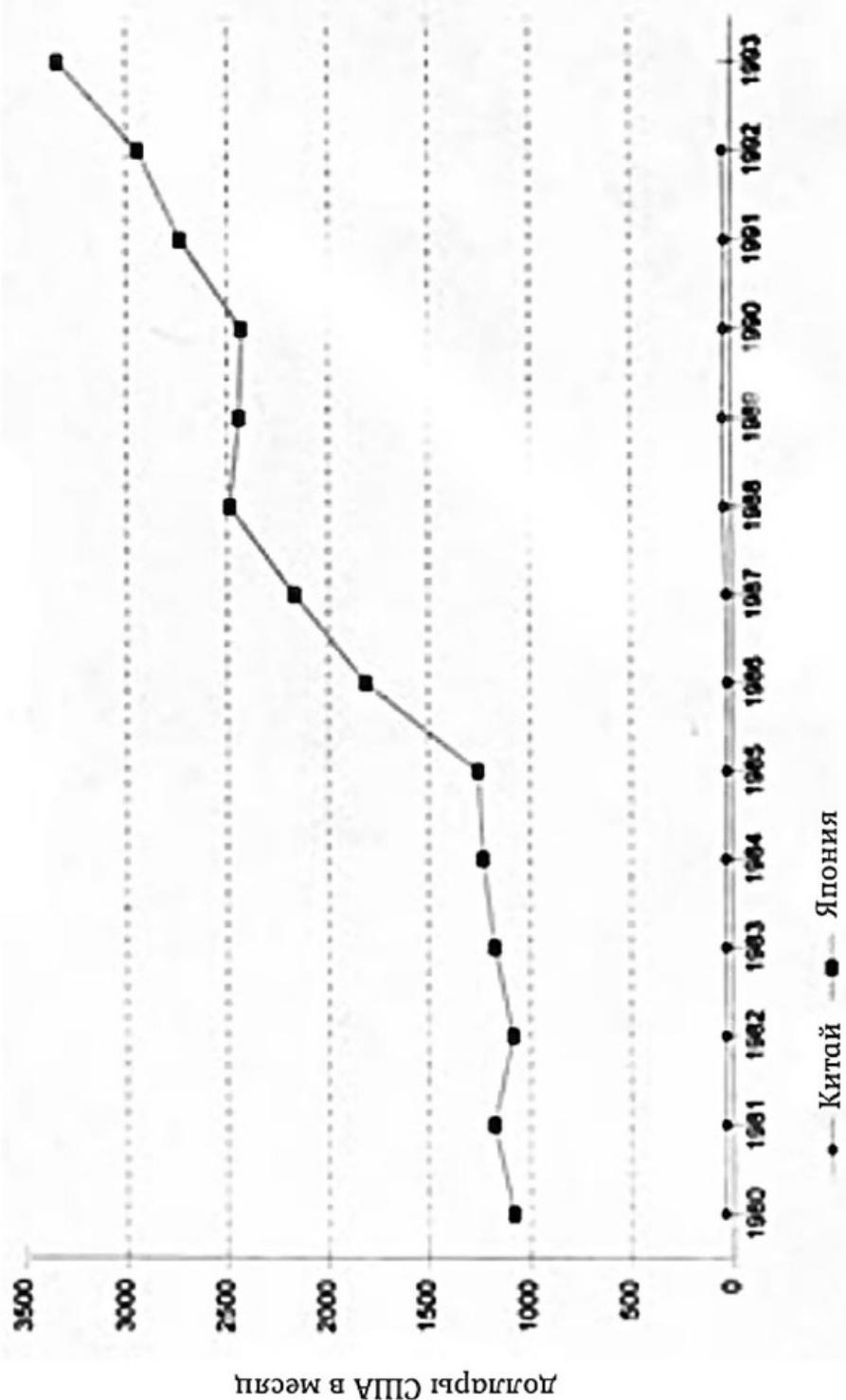
Таблица 5.3			
Производство стран третьего мира, распределение доходов			
Распределение доходов: дюжина рубашек, произведенных на фабрике с дешевой рабочей силой стран третьего мира	Сумма в долларах США	Процент цены с продаж	
1. Доходы, получаемые страной третьего мира	8.00	2.7	
1.1 Заработка плата	5.00	1.7	
1.2 Чистая промышленная прибыль	3.00	1.0	
2. Доходы, получаемые развитой страной	284.60	97.3	
2.1 Материалы, аксессуары и оборудование, импортированные из богатых стран	30.00	10.2	
2.2 Транспортные расходы и комиссия	4.00	1.4	
2.3 Таможенная пошлина по договоренной цене	4.00	1.4	
2.4 Заработка плата оптово-розничному персоналу	10.00	3.4	
2.5 Валовая коммерческая прибыль, рента и другие доходы дистрибуторов	210.00	71.8	
2.6. Налоги с продаж (10% от розничной цены), начисляемые в развитой стране	26.60	9.1	
Государственная казна			
3. Общая розничная цена (включая налоги с продаж)	292.60	100.0	
Примечание: Для данной иллюстрации наценки на транспортные расходы и комиссионные, таможенные пошлины и налоги с продаж были установлены на реалистичном уровне (в соответствии с доступной информацией). Однако, информация об оптовых и розничных затратах на рабочую силу отсутствует. В этой таблице предполагается, что затраты на розничную продажу одной дюжины рубашек составляют примерно 25% от договорной цены (10 американских долларов).			

График 5.1: Сравнительная стоимость рабочей силы обрабатывающегося производства (номинальная заработная плата в долларах США)

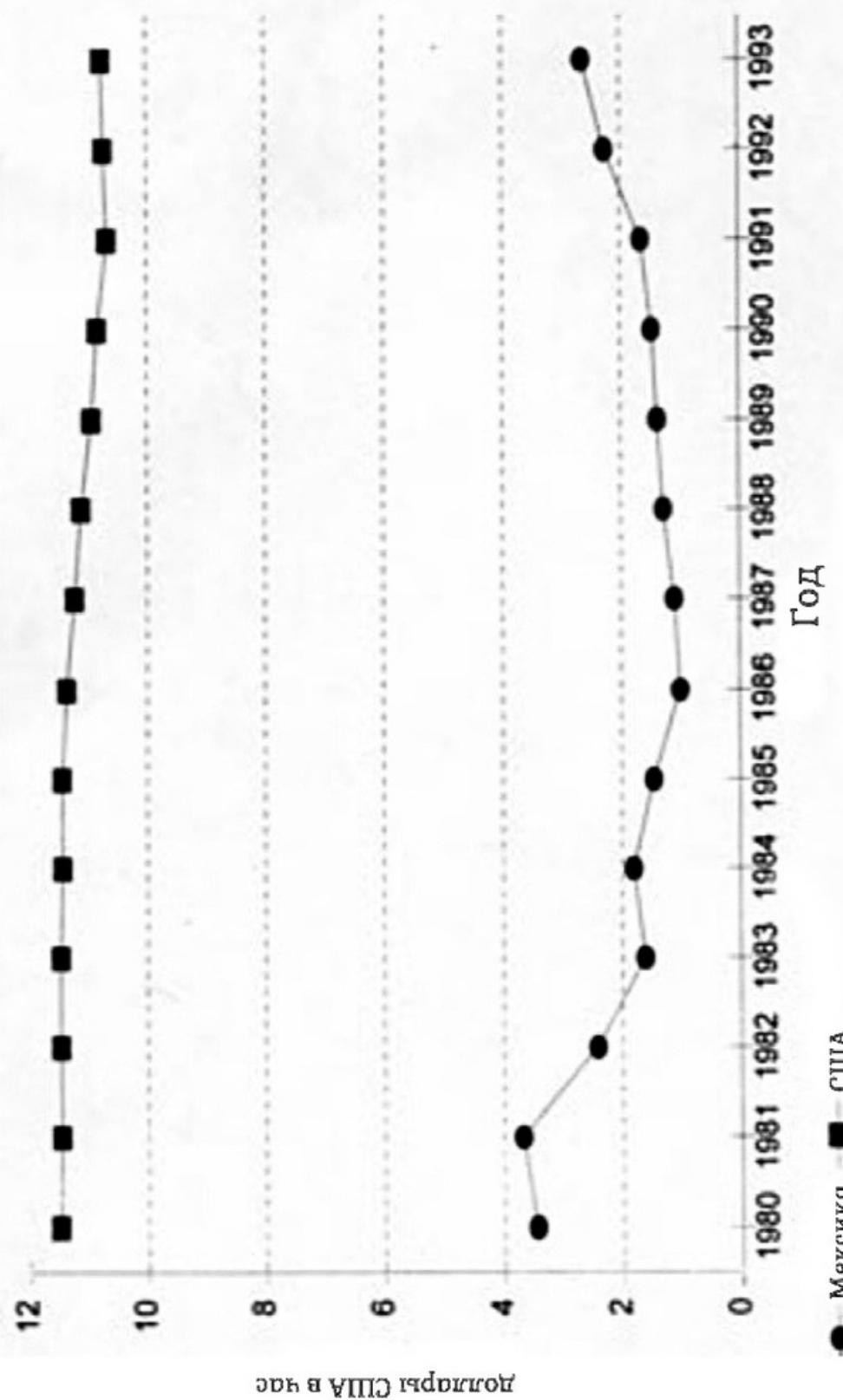
Источники: Международное бюро труда, Ежегодник статистики труда, Женева, 1980–1994 годы. Международный валютный фонд, Международная финансовая статистика, Вашингтон, округ Колумбия, 1995

График 5.2: Сравнительная стоимость рабочей силы обрабатывающегося производства (номинальная заработная плата в долларах США)

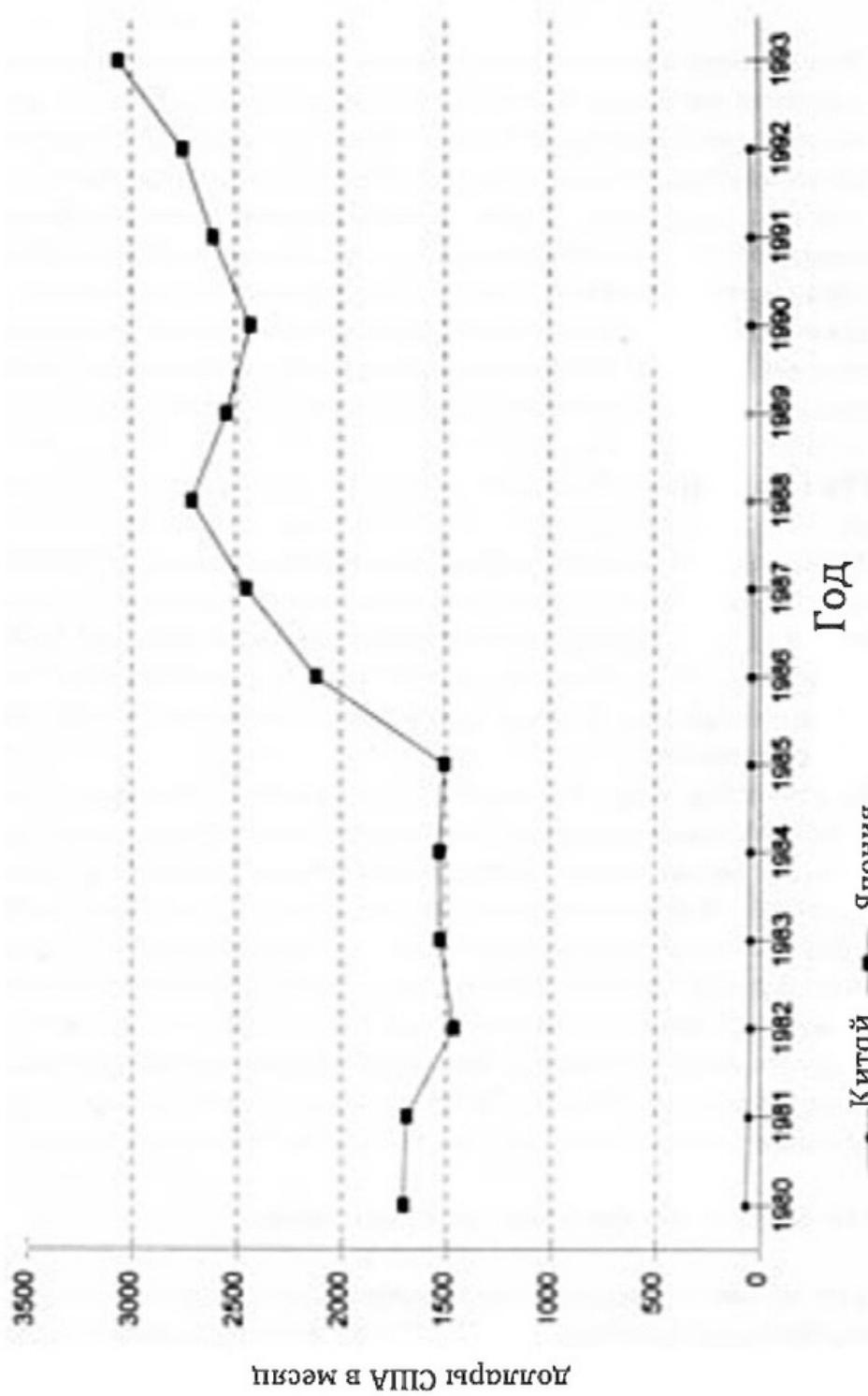
Источники: Международное бюро труда, Ежегодник статистики труда, Женева, 1980–1994 годы.
Международный валютный фонд, Международная финансовая статистика, Вашингтон, округ Колумбия, 1995 г.

График 5.3: Сравнительная стоимость рабочей силы обрабатывающегося производства (реальная заработная плата в долларах США)

Источники: Международное бюро труда, Ежегодник статистики труда, Женева, 1980–1994 годы.
Междунородный валютный фонд, Международная финансовая статистика, Вашингтон, округ Колумбия,
1995 г.

График 5.4: Сравнительная стоимость рабочей силы обрабатывающегося производства (реальная заработная плата в постоянных долларах США)

Источники: Международное бюро труда, Ежегодник статистики труда, Женева, 1980–1994 годы. Международный валютный фонд, Международная финансовая статистика, Вашингтон, округ Колумбия, 1995 г.

Подвижный и неподвижный сектор

Перенос материального производства в места, где используется дешевая рабочая сила, не ограничивается несколькими направлениями легкой промышленности. Он охватывает все области материального производства, которые являются «подвижными» на международном уровне. «Подвижный сектор» определяется как отрасль деятельности,

которую можно перемещать из одного географического места в другое – либо посредством инвестиций за рубежом в страну с дешевой рабочей силой, либо путем заключения субподрядного производства с независимым производителем из стран третьего мира. «Неподвижные сектора» развитых стран, напротив, включают виды деятельности, которые по самой своей природе не могут быть перемещены на международный уровень: строительство, общественные работы, сельское хозяйство и большая часть сферы услуг.

Ограничение мобильности труда

«Подвижный капитал» движется в сторону «неподвижных трудовых резервов». В то время как капитал «свободно» перемещается с одного рынка труда на другой, труд не может пересекать международные границы. Национальные рынки труда представляют собой закрытые отсеки с тщательно охраняемыми границами. Система основана на удержании национальных трудовых резервов в пределах своих границ.

Например, НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле) жестко ограничивает передвижение мексиканцев через американо-мексиканскую границу, чтобы сохранить мексиканскую рабочую силу «в пределах экономики дешевой рабочей силы». Однако в таких сферах экономической деятельности, как строительство, общественные работы и сельское хозяйство, которые по своей природе не являются «подвижными» на международном уровне, соглашения допускают выборочное перемещение контрактной сезонной рабочей силы. Для этих «немобильных» видов деятельности экспорт рабочей силы как из Мексики, так и из стран Карибского бассейна служит цели снижения заработной платы американских и канадских рабочих, а также подрыву роли профсоюзов.

Секторы нематериального производства

С изменением географического положения предприятий также меняется структура промышленности в передовых странах. Из-за постепенной ликвидации материального производства, новыми полюсами роста становятся отрасли информационных систем, телекоммуникаций и т. д. Старые промышленные центры из красного кирпича постепенно сворачиваются, «фабричная система» закрывается. Материальное производство в обрабатывающей промышленности (составляющее «подвижный» сектор) перемещается в страны с низкой заработной платой. Значительный сектор рабочей силы в развитых странах сейчас ассоциируется с экономикой услуг и «нематериальным» сектором.

Влияние научно-технической революции

Конец XX века стал свидетелем быстро растущего прогресса в области телекоммуникационных и компьютерных технологий, а также в производственном машиностроении. Последнее представляет собой жизненно необходимый рычаг в процессе промышленного переноса производства: центры принятия корпоративных решений находятся в постоянном контакте с производственными площадками и монтажными заводами по всему миру. Высокотехнологичные разработки 1980-х и 1990-х годов представляют собой мощный инструмент всемирного корпоративного контроля и наблюдения при глобальном капитализме. Глобальное предприятие минимизирует затраты на рабочую силу на мировом рынке благодаря своей способности объединяться (или заключать субподряды) с производственными

площадками с дешевой рабочей силой по всему миру. В одной (высокооплачиваемой) стране работников увольняют, а производство переносят в другую (низкооплачиваемую) страну, в результате чего меньшее количество сотрудников трудятся дольше и получают существенно более низкую заработную плату.

Более того, технологическая революция открывает новые направления профессиональной деятельности в развитых странах, но вместе с этим значительно уменьшается общая потребность в рабочей силе в промышленности. Открываются новые роботизированные сборочные линии, в то время как работники существующих производственных учреждений увольняются. Технологические изменения в сочетании с тенденцией к делокации и реструктуризации предприятий способствуют новой волне слияний и объединений корпораций в ключевых отраслях.

Аутсорсинг экономики услуг

С революцией в глобальных телекоммуникациях и информационных технологиях некоторые виды деятельности в сфере услуг развитых капиталистических стран переносятся в страны с дешевой рабочей силой, такие как страны третьего мира и Восточная Европа. Другими словами, часть экономики услуг больше не является «неподвижной деятельностью». Коммерческие и финансовые учреждения могут сокращать свой персонал, занимающийся различными видами офисной деятельности. Например, бухгалтерская система крупных фирм может быть перенесена и управляться с помощью компьютерных сетей и электронной почты в развивающихся странах, где квалифицированные бухгалтеры и специалисты по информационным технологиям могут получать зарплату менее 100 долларов в месяц. Это позволяет экономить значительные суммы средств. Обработка данных и редактирование текстов могут быть переданы на аутсорсинг специалистам в странах, таких как Филиппины, где квалифицированные сотрудники работают в условиях тяжелой эксплуатации за 2-3 доллара в день. Поскольку более 70% рабочей силы развитых капиталистических стран занято в секторе услуг, потенциальное влияние дислокации на заработную плату и занятость (не говоря уже о социальных последствиях) имеет далеко идущие последствия.

ЧАСТЬ II

АФРИКА К ЮГУ ОТ САХАРЫ

Глава 6

Сомали: истинные причины голода

В 1993 году вооружённые силы США совместно с Организацией Объединённых Наций инициировали гуманитарную миссию под названием «Восстановление надежды» в Сомали. Официально целью операции заявлялось оказание помощи голодающему населению, пострадавшему от засухи, неблагоприятных природных условий и разрушительной гражданской войны. Однако реальные причины кризиса оставались вне публичного обсуждения. Экономические реформы, навязанные внешними кредиторами Сомали задолго до начала военных действий, существенно усугубили ситуацию, приведя страну к глубокому экономическому упадку и социальному кризису. Эти факторы фактически остались незамеченными в официальной риторике международного сообщества.

Вмешательство МВФ в начале 1980-х

Сомали была животноводческой экономикой, основанной на «обмене» между животноводами-кочевниками и мелкими земледельцами⁶¹. Животноводы-кочевники составляли 50% населения. В 1970-х годах программы переселения привели к развитию значительного сектора коммерческого животноводства. Оно приносило 80% экспортных поступлений до 1983 года⁶². Несмотря на периодические засухи, Сомали оставалась практически самостоятельной в области продовольствия до 1970-х годов⁶³.

Вмешательство МВФ и Всемирного банка в начале 1980-х годов способствовало усугублению кризиса сельского хозяйства Сомали. Экономические реформы подорвали хрупкие обменные отношения между «кочевой экономикой» и «оседлой экономикой», т.е. между животноводами и мелкими фермерами, характеризующиеся денежными операциями, а также традиционным бартером. Правительству была навязана очень жесткая программа жесткой экономии в основном для того, чтобы высвободить средства, необходимые для погашения долга Сомали перед Парижским клубом. Фактически, значительная доля внешнего долга находилась в руках финансовых институтов, базирующихся в Вашингтоне⁶⁴. Согласно отчету миссии Международной организации труда (МОТ):

Международный валютный фонд отказывается пересматривать график выплат по обслуживанию долга для Сомали, являясь при этом одним из главных получателей средств на погашение долга. Фактически он поддерживает программу реструктуризации, одной из целей которой является возврат средств самому фонду⁶⁵.

На пути к разрушению продовольственного сельского хозяйства

Программа структурной перестройки усилила зависимость Сомали от импортного зерна. Примерно с середины 1970-х по середину 1980-х годов продовольственная помощь увеличилась в пятнадцать раз, по 31% в год⁶⁶. Вкупе с увеличением коммерческого импорта этот поток дешевой пшеницы и риса, которые продавались на внутреннем рынке, привел к вытеснению отечественных производителей, а также серьезный сдвиг в структуре потребления

продуктов питания в ущерб традиционным культурам (кукурузе и сорго). Вслед за обесцениванием сомалийского шиллинга, проведенной МВФ в июне 1981 года, последовали периодические девальвации, которые привели к росту цен на топливо, удобрения и сельскохозяйственные ресурсы. Вскоре после этого возросло давление на сельскохозяйственных производителей, особенно в районах неорошаемого и орошаемого земледелия. Система снабжения городов резко снизилась, государственные программы расширения не получили продвижения, инфраструктура разрушена, deregулирование зернового рынка и приток «продовольственной помощи» привели к обнищанию фермерских сообществ⁶⁷.

Кроме того, в этот период большая часть лучших сельскохозяйственных территорий была распределена между бюрократами, армейскими офицерами и торговцами, имеющими связи с правительством⁶⁸. Вместо того, чтобы продвигать производство продуктов питания для внутреннего рынка, вкладчики поощряли выращивание фруктов, овощей, масличных культур и хлопка с высокой надбавкой стоимости для экспорта на лучших орошаемых сельскохозяйственных территориях.

Распад животноводческой отрасли

С начала 1980-х годов цены на импортные препараты для животноводства выросли в результате обесценивания национальной валюты. Всемирный банк поощрял взимание платы за ветеринарные услуги с кочевых скотоводов, включая вакцинацию животных. Был основан частный рынок ветеринарных препаратов. Функции, выполняемые министерством, были постепенно остановлены, а ветеринарные лабораторные службы стали полностью финансироваться на основе возмещения затрат. По данным Всемирного банка:

Ветеринарные услуги необходимы для развития животноводства во всех областях, и они могут предоставляться частным сектором (...). Поскольку не все частные ветеринары решатся практиковать в отдаленных районах, улучшение ухода за скотом также будет зависеть от «параветеринаров», которые будут получать зарплату от продажи лекарств⁶⁹.

Приватизация системы охраны животных сочеталась с отсутствием кормов в период засухи, нехватки воды и пренебрежением охраной водных ресурсов и территории. Результаты были предсказуемыми: стада были уничтожены, как и скотоводы, которые составляли 50% населения страны. «Скрытая цель» этой программы состояла в том, чтобы избавиться от скотоводов-кочевников, вовлеченных в традиционную меновую экономику. По данным Всемирного банка, «корректировки» в любом случае были полезны, поскольку кочевые скотоводы из стран Африки к югу от Сахары рассматривались как причина деградации окружающей среды⁷⁰.

Коллапс в сфере ветеринарных услуг также косвенно служил интересам богатых стран: в 1984 году экспорт сомалийского скота в Саудовскую Аравию и страны Персидского залива резко упал, поскольку саудовский импорт говядины был переориентирован на поставщиков из Австралии и Европейского сообщества. Запрет на экспорт сомалийского скота, введенный Саудовской Аравией, не был снят и после того, как эпидемия чумы крупного рогатого скота была ликвидирована.

Разрушение государства

Реструктуризация государственных расходов под контролем Бреттон-Вудских учреждений также сыграла решающую роль в уничтожении продовольственного сельского хозяйства. Сельскохозяйственная инфраструктура пришла в упадок, а текущие расходы на сельское хозяйство сократились примерно на 85% по сравнению с серединой 1970-х годов⁷¹. МВФ помешал Сомали мобилизовать внутренние ресурсы. Были установлены строгие целевые показатели по сокращению бюджета. Кроме того, спонсоры все чаще оказывали «помощь» не импортом капиталов и оборудованием, а так называемой «продовольственной помощью». Продовольствие, в свою очередь, стало продаваться правительством на местном рынке, а вырученные от продаж средства (или так называемые «параллельные фонды») стали использоваться для покрытия внутренних расходов. С начала 1980-х годов продажа «продовольственной помощи» стала основным источником доходов государства, что позволило спонсорам взять под свой контроль весь бюджет⁷².

Экономические реформы ознаменовались распадом программ здравоохранения и образования⁷³. К 1989 году расходы на здравоохранение сократились на 78% по сравнению с уровнем 1975 года. Согласно данным Всемирного банка, уровень расходов на образование в 1989 году составлял около четырех долларов США в год на одного учащегося начальной школы, по сравнению с 1982 годом, когда расходы составляли примерно восемьдесят два доллара. С 1981 по 1989 года школьное образование сократилось на 41% (несмотря на резко поднявшуюся численность населения), школы перестали предоставлять учащимся учебники и школьные принадлежности, здания учебных учреждений пришли в аварийное состояние и почти четверть школ страны были закрыты. Заработка платы учителей снизилась до катастрофически низкого уровня.

Программа МВФ завела сомалийскую экономику в порочный круг: истребление домашнего скота привело скотоводов к голоду и нищете, что также негативно сказалось на производстве зерна, которое продавали или обменивали на крупный рогатый скот. Вся социальная структура скотоводческой экономики была разрушена. Сокращение валютных поступлений из-за запрета экспорта крупного рогатого скота и денежных переводов (от сомалийских рабочих в странах Персидского залива) негативно сказалось на денежном балансе и государственных финансах, что привело к срыву экономических и социальных программ.

В результате продажи субсидируемого американского зерна на внутреннем рынке в сочетании с повышением цен на сельскохозяйственные ресурсы мелкие фермеры были вынуждены уйти. Нищета городского населения также привела к сокращению потребления продуктов питания. В свою очередь, государственная поддержка орошения земель была прекращена, а производство на государственных фермах прекратилось. Было предписано их закрыть или приватизировать под контролем Всемирного банка.

По оценкам международного банка, реальная заработка платы в государственном секторе в 1989 году снизилась на 90% по сравнению с серединой 1970-х годов. Средний доход упал до трех долларов США в месяц, что привело к неизбежной дезинтеграции гражданской администрации⁷⁴. В качестве реформы государственной службы Всемирным банком была предложена программа по восстановлению заработной платы государственных служащих, но она должна была производиться в рамках того же бюджета путем сокращения около 40%

работников государственного сектора и отмены надбавок к заработной плате. Согласно этому плану, к 1995 году численность рабочих на государственной службе в стране с населением в шесть миллионов человек должна была сократиться всего до 25 тысяч сотрудников⁷⁵. Несколько спонсоров проявили наибольшую заинтересованность в финансировании расходов, связанных с сокращением численности государственных служащих в Сомали⁷⁶.

Перед лицом надвигающейся катастрофы не было предпринято ни одной попытки восстановления экономической и социальной инфраструктуры страны, обеспечения достаточного уровня снабжения и перестройки государственной службы. Меры макроэкономической корректировки, предложенные кредиторами за год до прекращения государственной власти генерала Сиада Барре в январе 1991 года (во время гражданской войны), требовали дальнейшего ужесточения контроля государственных расходов, реструктуризации Центрального банка, либерализации кредитования (что подорвало частный сектор) и ликвидации большинства государственных предприятий.

В 1989 году обязательства по уплате долга составляли 194,6% экспортных поступлений. Кредит МВФ был аннулирован из-за задолженности Сомали. Всемирный банк одобрил структурную перестройку и кредит на сумму 70 миллионов долларов США в июне 1989 года, но он был заморожен несколько месяцев спустя из-за низких макроэкономических показателей Сомали⁷⁷. До предоставления новых займов и переговоров о реструктуризации долга задолженность перед кредиторами должна была быть погашена. Сомали была затянута в смирительную рубашку уплаты долга и структурной перестройки.

Голод в странах Африки к югу от Сахары: уроки Сомали

Опыт Сомали показывает, как страна может быть опустошена одновременным предоставлением «продовольственной помощи» и макроэкономической политикой. В развивающемся мире много таких примеров, и пакет экономических реформ, реализуемый в Сомали, аналогичен тем, которые применяются более чем в 100 развивающихся странах. Но есть еще один важный фактор. Сомали – это животноводческая экономика, а скот как кочевой, так и коммерческий уничтожается в рамках программы МВФ-Всемирного банка по всей Африке аналогичным образом. В этом контексте субсидируемая говядина и молочные продукты, беспощадно импортируемые из Европейского союза, привели к окончательному упадку скотоводческой экономики Африки. С 1984 года импорт европейской говядины в Западную Африку увеличился в семь раз: «низкокачественная говядина европейского производства продается в два раза дешевле мяса местного производства. Сахельские фермеры понимают, что никто не готов покупать их стада»⁷⁸.

Опыт Сомали показывает, что голод в конце XX века не является следствием нехватки продовольствия. Опыт Сомали показывает, что голод конца XX века не является следствием нехватки продовольствия. Напротив, голод разрастается в результате глобального переизбытка основных зерновых культур. С 1980-х годов под наблюдением Всемирного банка и США зерновые рынки дерегулируются и излишки зерна систематически используются (как в случае с Сомали) для уничтожения крестьянства и дестабилизации национального продовольственного сельского хозяйства. Последнее в этих обстоятельствах становится

гораздо более уязвимым к сильным засухам, и таким образом ухудшается состояние окружающей среды.

На всем континенте модель «отраслевой перестройки» в сельском хозяйстве, проводимая под руководством Бреттон-Вудских учреждений, однозначно ведет к разрушению продовольственной безопасности. Зависимость от мирового рынка усиливается, так, «продовольственная помощь» странам Африки к югу от Сахары увеличилась более чем в семь раз с 1974 года, а коммерческий импорт зерна удвоился. Импорт зерна в страны Африки к югу от Сахары увеличился с 3,72 млн. тонн в 1974 году до 8,47 млн. тонн в 1993 году. Продовольственная помощь увеличилась с 910 тысяч тонн в 1974 году до 6,64 миллиона тонн в 1993 году.

Однако «продовольственная помощь» теперь предназначалась не странам Сахеля, но направлялась странам, которые до недавнего времени были более или менее самодостаточны в плане продовольствия. Зимбабве (некогда считавшаяся хлебным центром Южной Африки) серьезно пострадала от голода и засухи, охвативших Южную Африку в 1992 году⁷⁹. Урожай кукурузы в стране сократился на 90%, в основном на менее продуктивных землях⁸⁰. Однако, по иронии судьбы, в разгар засухи экспортный табак (поддерживаемый современной ирrigацией, кредитами, исследованиями и т.д.) собрал небывалый урожай⁸¹. В то время как «голод вынуждал население питаться термитами», значительная часть доходов от табачного урожая Зимбабве использовалась для обслуживания внешнего долга.

В рамках программы структурной перестройки фермеры все чаще отказываются от традиционных продовольственных культур. В Малави, которая когда-то была чистым экспортером продовольствия, производство кукурузы в 1992 году сократилось на 40%, тогда как объем производства табака в 1986-1993 гг. удвоился. Сто пятьдесят тысяч гектаров лучших земель было отведено под выращивание табака⁸². На протяжении 1980-х годов африканским правительствам навязывались жесткие меры экономии, а расходы на развитие сельских районов резко сокращались, что привело к краху сельскохозяйственной инфраструктуры. По программе Всемирного банка вода должна была стать товаром, продаваемым бедным фермерам на основе возмещения затрат. Из-за нехватки средств государство было вынуждено отказаться от управления водными ресурсами и их охраны. Пункты водоснабжения и скважины пересохли из-за отсутствия технического обслуживания или были приватизированы местными торговцами и богатыми фермерами. В полузасушливых регионах такая коммерциализация воды и ирригации приводит к краху продовольственной безопасности и массовому голоду⁸³.

Выводы

В то время как «внешние» климатические переменные играют определенную роль в возникновении голода и усилении социальных последствий засухи, в эпоху глобализации голод зачастую является результатом деятельности человека. Он является следствием не дефицита продовольствия, а структуры глобального переизбытка предложения, которая подрывает продовольственную безопасность и разрушает национальное продовольственное сельское хозяйство. Жестко регулируемое и контролируемое международным агробизнесом, это избыточное предложение в конечном счете приводит к стагнации как производства, так и потребления основных пищевых продуктов и обнищанию фермеров по всему миру. Более того,

в эпоху глобализации программа структурной перестройки Международного валютного фонда и Всемирного банка имеет прямую связь с процессом формирования голода, поскольку она систематически подрывает все категории экономической деятельности, будь то городской или сельской местности, которые непосредственно не служат интересам глобальной рыночной системы.

Глава 7

Экономический геноцид в Руанде

Часть А

МВФ и Всемирный банк устанавливают правила

Кризис в Руанде, приведший к массовым этническим убийствам в 1994 году, представляется западными СМИ как история человеческих страданий, в то время как лежащие в их основе социальные и экономические причины последовательно игнорируются. В «странах переходного периода», таких как Руанда, этнические конфликты и вспышки гражданской войны чаще всего изображаются как нечто почти неизбежное и присущее этим обществам, проходящих болезненный этап эволюции от однопартийной диктатуры к демократии и свободному рынку. Жестокость массовых убийств в Руанде потрясла мировое сообщество, но международное СМИ не упомянуло о том, что гражданская война началась после обострения глубокого экономического кризиса. Именно реструктуризация сельскохозяйственной системы под наблюдением МВФ и Всемирного банка привела население к крайней нищете и разорению.

Ухудшение экономической конъюнктуры, немедленно последовавшее за крахом международного рынка кофе и проведением Бреттон-Вудскими учреждениями масштабных макроэкономических реформ, обострило тлеющую этническую напряженность и ускорило процесс политического коллапса. В 1987 году система квот, установленная в рамках Международного соглашения по кофе (ICA), начала разваливаться, мировые цены резко упали, и у Fonds d'égalisation (государственного стабилизационного фонда кофе), который закупал кофе у руандийских фермеров по фиксированной цене, начал накапливаться значительный долг. Смертельный удар по экономике Руанды был нанесен в июне 1989 года, когда ICA зашла в тупик в результате политического давления со стороны Вашингтона и со стороны крупных американских торговцев кофе. По итогам исторической встречи производителей, состоявшейся во Флориде, цены на кофе упали за считанные месяцы более чем на 50%»⁸⁴.

В Руанде и ряде других африканских стран падение цен привело к хаосу. Цена фермерского кофе стала составлять менее 5% от розничной цены на кофе в США. В результате торговли кофе по заниженным внутренним ценам богатыми странами было присвоено огромное количество материальных благ в ущерб непосредственным производителям (см. главу 5).

Наследие колониализма

Какова ответственность Запада за эту трагедию? Во-первых, важно подчеркнуть, что конфликт между хуту и тутси был в значительной степени результатом колониальной системы, многие черты которой все еще преобладают сегодня. С конца XIX века ранняя немецкая колониальная оккупация использовала ньигинья мвами («короля монархии»), поставленного на правление в Ньянзе, как средство для создания своих военных гарнизонов. Однако решающую роль в формировании социально-этнических отношений сыграли административные реформы, инициированные бельгийцами в 1926 году. Бельгийцы открыто использовали династические конфликты для усиления своего территориального контроля. Традиционные вожди на каждом «холме» (colline) использовались колониальной администрацией для реквизиции принудительного труда. Обычным делом стали избиения и

телесные наказания, применявшиеся от имени колониальных хозяев традиционными вождями. Последние находились под непосредственным наблюдением бельгийского колониального администратора, ответственного за определенную часть территории. В стране установилась атмосфера страха и недоверия, разрушалась общественная солидарность и традиционные отношения, преобразованные для того, чтобы служить интересам колонизатора. Цель состояла в том, чтобы разжечь межэтническое соперничество как средство достижения политического контроля, а также предотвратить развитие солидарности между двумя этническими группами, которая неизбежно была бы направлена против колониального режима. На династическую аристократию Тутси также была возложена ответственность за сбор налогов и отправление правосудия. Общинная экономика была подорвана, а крестьянство вынуждено переключиться с продовольственного сельского хозяйства на товарные культуры для экспорта. Общинные земли были преобразованы в отдельные участки, предназначенные исключительно для выращивания товарных культур (называемых «обязательными культурами»)⁸⁵.

Колониальным историографам была поручена задача переписывания и искажения устной истории Руанды-Бурунди. Исторические записи фальсифицировались. Монархия мвами идентифицировалась исключительно с тутсийской аристократической династией, а хуту изображались как угнетенная каста⁸⁶. Населению выдавались удостоверения личности с указанием этнического происхождения, которое определялось произвольно на основе владения головами скота, при этом тутси обозначались как «владельцы скота», а хуту – как «фермеры».

Навязав социально-этническое разделение, бельгийские колонизаторы создали новый социальный класс, так называемых «развитых негров» (*nègres évolués*), набранных из числа аристократии тутси. Была создана школьная система для обучения сыновей вождей и обеспечения африканских кадров, необходимых бельгийцам. Разнообразные апостольские миссии и викариатства получили при бельгийском колониальном правлении почти что политический мандат. Духовенство, к примеру, часто использовалось для принуждения крестьян к интеграции в экономику товарного производства. Эти социально-этнические разделения, развивающиеся с 1920-х годов, оставили глубокий след в современном руандийском обществе.

С момента обретения независимости в 1962 году отношения с бывшими колониальными державами и донорами стали значительно сложнее. Однако цель натравливания одной этнической группы на другую («разделяй и властвуй»), унаследованная от бельгийского колониального периода, продолжала стоять за различными «военными», «правозащитными» и «макроэкономическими» вмешательствами, предпринятыми с начала гражданской войны в 1990 году. Руандийский кризис сопровождался непрерывной чередой конференций, проводимых в Париже, соглашений о прекращении огня и мирных переговоров. Все эти инициативы тщательно контролировались и координировались сообществом доноров через систему «сложных и перекрестных условий». С начала гражданской войны предоставление многосторонних и двусторонних кредитов было поставлено в зависимость от реализации процесса так называемой «демократизации» под строгим контролем сообщества доноров. Западная помощь многопартийной демократии была связана почти симбиотическими отношениями с достижением соглашений правительства с МВФ и так далее. Любая свобода действий руандийского правительства была иллюзорной, потому что после краха кофейного

рынка в 1989 году реальная политическая власть в Руанде находилась в руках доноров. Коммюнике Государственного департамента США, выпущенное в начале 1993 года, ярко иллюстрирует эту ситуацию: продолжение американской двусторонней помощи было поставлено в зависимость от хорошего поведения в проведении политических реформ, а также прогресса в продвижении демократии.

«Демократизация», основанная на абстрактной модели межэтнической солидарности, предусмотренной Арущским мирным соглашением, подписанным в августе 1993 года, была невозможна с самого начала, и доноры это знали. Сильное обнищание населения, ставшее результатом как войны, так и реформ МВФ, помешало подлинному процессу демократизации. Цель состояла в соблюдении условий «благого управления» (новый термин в глоссарии доноров) и наблюдении за формированием фиктивного многопартийного коалиционного правительства под опекой внешних кредиторов Руанды.

Фактически, многопартийность – в узком понимании этого понятия донорами – способствовала подпитке различных политических фракций действующего режима. Неудивительно, что как только мирные переговоры зашли в тупик, Всемирный банк объявил, что приостанавливает выплаты в соответствии со кредитным соглашением⁸⁷.

Экономика после обретения независимости

Эволюция постколониальной экономической системы сыграла решающую роль в развитии кризиса в Руанде. Несмотря на то, что с момента обретения независимости действительно был зафиксирован прогресс в диверсификации национальной экономики, экспортная экономика в колониальном стиле, основанная на кофе (*les cultures obligatoires*), которая была создана при бельгийской администрации, в основном сохранялась. Фактически экспорт кофе обеспечивал Руанду, на него приходилось более 80% ее валютных поступлений. Сформировался класс арендаторов с интересами в торговле кофе и тесными связями с центром политической власти. Уровень бедности оставался высоким, однако в течение 1970-х годов и первой половины 1980-х годов был достигнут определенный экономический и социальный прогресс: реальный рост ВВП составлял около 4,9% в год (1965–1989 гг.), школьная посещаемость заметно увеличилась, а зарегистрированная инфляция была одной из самых низких в странах Африки к югу от Сахары — менее 4% в год⁸⁸.

Хотя руандийская сельская экономика оставалась хрупкой и при высоком росте населения (ежегодный прирост населения на уровне 3,2%) и характеризовалась фрагментацией земель и эрозией почв, на местном уровне в определенной степени была достигнута самообеспеченность продовольствием – наряду с развитием экспортной экономики. Кофе выращивали примерно 70% сельских домохозяйств, но он составлял лишь небольшую долю общего денежного дохода. Было развито множество других коммерческих видов деятельности, включая продажу традиционных продуктов питания и бананового пива на региональных и городских рынках⁸⁹. До конца 1980-х годов импорт зерновых, включая продовольственную помощь, был минимальным по сравнению с моделями, наблюдаемыми в других странах региона. Пищевая ситуация начала ухудшаться в начале 1980-х годов, когда доступность продовольствия на душу населения значительно снизилась. В явном противоречии с обычными торговыми реформами, проводимыми под эгидой Всемирного банка, местным производителям

предоставлялась защита посредством ограничений на импорт продовольственных товаров⁹⁰. Они были сняты с принятием программы структурной перестройки 1990 года.

Хрупкость государства

Экономические основы руандийского государства после обретения независимости оставались чрезвычайно хрупкими. Значительная доля государственных доходов зависела от кофе, и существовал риск того, что обвал цен на сырьевые товары ускорит кризис государственных финансов государства. Сельская экономика была основным источником финансирования государства. По мере развития долгового кризиса большая доля доходов от продажи кофе и чая стала направляться на обслуживание долга, что оказывало дополнительное давление на мелких фермеров.

В период с 1987 по 1991 год доходы от экспорта сократились на 50%. После этого начался упадок государственных институтов. Когда цены на кофе резко упали, по всей сельской местности Руанды разразился голод. Согласно данным Всемирного банка, рост ВВП на душу населения снизился с 0,4% в 1981-86 годах до -5,5% в период, непосредственно последовавший за резким падением рынка кофе (1987-91 г.).

Вмешательство МВФ и Всемирного банка

Миссия Всемирного банка посетила Руанду в ноябре 1988 года с целью анализа программы государственных расходов страны. Были разработаны ряд рекомендаций, направленных на возвращение Руанды на путь устойчивого экономического роста. Миссия Всемирного банка представила правительству два возможных сценария политики.

Сценарий I, озаглавленный «Без изменения стратегии», предполагал сохранение «старой системы государственного планирования», в то время как **Сценарий II**, обозначенный как «С изменением стратегии», предлагал проведение макроэкономических реформ и «переход к свободному рынку». После тщательного экономического моделирования вероятных результатов политики Всемирный банк с долей оптимизма заключил, что в случае принятия Руандой Сценария II уровень потребления значительно вырастет в период с 1989 по 1993 год, сопровождаясь восстановлением инвестиций и улучшением торгового баланса. Моделирование также указывало на рост экспортных показателей и существенное снижение уровня внешней задолженности⁹¹.

Эти результаты зависели от быстрого внедрения стандартных мер, таких как либерализация торговли и девальвация национальной валюты, а также отмены всех субсидий в сельском хозяйстве, постепенного упразднения Фонда стабилизации кофе (*Fonds d'égalisation*), приватизации государственных предприятий и сокращения численности государственных служащих.

Был принят сценарий II («С изменением стратегии»)⁹². У правительства не было выбора. В ноябре 1990 года была проведена 50%-ная девальвация руандийского франка — всего через шесть недель после вторжения повстанческой армии Руандийского патриотического фронта (RPF) из Уганды.

Девальвация была направлена на стимулирование экспорта кофе. Она была представлена общественному мнению как средство восстановления экономики, разрушенной войной. Неудивительно, что были достигнуты прямо противоположные результаты, что

усугубило последствия гражданской войны. После периода относительной стабильности цен обвал руандийского франка способствовал возникновению инфляции и коллапсу реальных доходов. Через несколько дней после девальвации были объявлены значительные повышения цен на топливо и товары первой необходимости. Индекс потребительских цен вырос с 1,0 процента в 1989 году до 19,2 процента в 1991 году. Ситуация с платежным балансом резко ухудшилась, а внешний долг, который уже удвоился с 1985 года, увеличился на 34 процента в период с 1989 по 1992 год. Государственный административный аппарат находился в хаосе, государственные предприятия оказались на грани банкротства, а общественные услуги рухнули⁹³. Здравоохранение и образование пришли в упадок под давлением мер жесткой экономии, навязанных МВФ: несмотря на создание «социальной защиты» (предназначенной донорами для программ в социальной сфере), уровень тяжелого детского недоедания резко вырос; количество зарегистрированных случаев малярии увеличилось на 21 процент в год после принятия программы МВФ, в основном из-за отсутствия противомалярийных препаратов в государственных медицинских центрах; а введение платы за обучение в начальной школе привело к массовому сокращению числа учащихся⁹⁴.

Экономический кризис достиг своего пика в 1992 году, когда руандийские фермеры, отчаявшись, выкорчевали около 300 тысяч кофейных деревьев⁹⁵. Несмотря на стремительный рост внутренних цен, правительство заморозило закупочные цены на кофе на уровне 1989 года (125 руандийских франков за килограмм) в соответствии с условиями соглашения с институтами Бреттон-Вудс. Правительству не разрешалось (в рамках кредита Всемирного банка) переводить государственные ресурсы в Фонд выравнивания. Следует также отметить, что значительная прибыль была присвоена местными торговцами кофе и посредниками, что еще больше усиливало давление на крестьян.

В июне 1992 года МВФ потребовал второй девальвации, что привело – на пике гражданской войны – к дальнейшему росту цен на топливо и товары первой необходимости. Производство кофе сократилось еще на 25 процентов за один год⁹⁶. Из-за чрезмерной эксплуатации кофейных деревьев все меньше земли оставалось для производства продовольствия, но крестьяне не могли легко переключиться на выращивание пищевых культур. Скудные денежные доходы от кофе были уничтожены, а альтернативных источников дохода не было. Денежные поступления от кофе не только не позволяли покупать продовольствие, но и цены на сельскохозяйственные ресурсы резко выросли, а доходы от кофе оказались крайне недостаточными. Кризис кофейной экономики негативно сказался на производстве традиционных продуктов питания, что привело к значительному снижению урожаев маниоки, бобов и сорго. Система сберегательных и кредитных кооперативов, предоставлявших кредиты мелким фермерам, также распалась. Более того, с либерализацией торговли и deregулированием зерновых рынков – как рекомендовали институты Бреттон-Вудс – в Руанду начали поступать субсидируемые дешевые продовольственные импортные товары и продовольственная помощь из богатых стран, что дестабилизировало местные рынки.

В условиях навязанной Руанде системы «свободного рынка» ни товарные, ни продовольственные культуры не были экономически выгодны. Вся сельскохозяйственная система оказалась в кризисе. Государственный административный аппарат был дезорганизован не только из-за гражданской войны, но и в результате мер жесткой экономии и снижения

зарплат государственных служащих – эта ситуация неизбежно усугубляла атмосферу всеобщей незащищенности, которая сложилась в 1992 году.

Серьезность ситуации в сельском хозяйстве была документально подтверждена ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), которая предупредила о существовании голода, распространившегося в южных провинциях⁹⁷. Отчет, выпущенный в начале 1994 года, также указывал на полный крах производства кофе в результате войны и провала государственной системы сбыта, которая постепенно сворачивалась при поддержке Всемирного банка. Rwandex, смешанное предприятие отвечающее за переработку и экспорт кофе, стало практически недействующим.

Решение о девальвации (с «печатью одобрения МВФ») было принято 17 сентября 1990 года, до начала военных действий, на встречах высокого уровня в Вашингтоне между МВФ и миссией, возглавляемой министром финансов Руанды г-ном Нтигурирва. «Зеленый свет» был дан: в начале октября, в тот самый момент, когда начинались боевые действия, миллионы долларов так называемой «платежной помощи» (из многосторонних и двусторонних источников) потекли в кассу Центрального банка. Эти средства, управляемые Центральным банком, были выделены (донорами) на импорт сырьевых товаров, однако представляется вероятным, что значительная часть этих «быстро выдаваемых кредитов» была перенаправлена режимом (и его различными политическими фракциями) на приобретение военной техники (из Южной Африки, Египта и Восточной Европы)⁹⁸. Закупки автоматов Калашникова, тяжелой артиллерии и минометов осуществлялись в дополнение к пакету двусторонней военной помощи, предоставленной Францией, которая включала, в частности, ракеты «Милан» и «Апила» (не говоря уже о самолете «Мистер Фалькон» для личного использования президентом Хабиаримана). Более того, с октября 1990 года, вооруженные силы увеличились практически за одну ночь с 5000 до 40000 человек, что неизбежно потребовало (в условиях жесткой экономии бюджетных средств) значительного притока внешних денег. Вокнослужащие были в основном набраны из числа городских безработных, число которых резко возросло после краха рынка кофе в 1989 году. Тысячи правонарушителей и бездельников из числа молодежи перемещающегося населения также были призваны в гражданское ополчение, ответственное за массовые убийства. А закупки оружия позволили вооруженным силам организовать и оснастить ополченцев.

С начала военных действий, которые хронологически совпали с девальвацией и первоначальным «приливом свежих денег» в октябре 1990 г., был утвержден общий пакет займов в размере около 260 млн. долларов США (со значительными двусторонними взносами Франции, Германии, Бельгии, Европейского сообщества и США). Хотя новые займы способствовали высвобождению средств для оплаты обслуживания долга, а также оснащения вооруженных сил, факты свидетельствуют о том, что значительная часть этой донорской помощи не была использована продуктивно и не была направлена на оказание помощи пострадавшим от голода.

Стоит также отметить, что Всемирный банк (занимающийся льготным кредитованием через свой филиал, Международную ассоциацию развития (МАР), распорядился в 1992 году приватизировать руандийское государственное предприятие «Электрогаз». Доходы от приватизации должны были быть направлены на обслуживание долга. В кредитном

соглашении, финансируемом совместно с Европейским инвестиционным банком (ЕИБ) и Французской кассой развития (ФКР), руандийские власти после выполнения «условий» должны были получить взамен скромную сумму в 39 миллионов североамериканских долларов, которую можно было свободно потратить на импорт товаров⁹⁹. Приватизация, проведенная в разгар гражданской войны, также включала увольнения персонала и немедленное повышение цен на электричество, что еще больше парализовало работу городских коммунальных служб.

Аналогичная приватизация Руандател, государственной телекоммуникационной компании при Министерстве транспорта и коммуникаций, была проведена в сентябре 1993 года¹⁰⁰.

Всемирный банк тщательно проанализировал программу государственных инвестиций Руанды. Изучив проектные документы, банк рекомендовал отказаться от более чем половины государственных инвестиционных проектов. В сельском хозяйстве Всемирный банк также потребовал значительного сокращения государственных инвестиций, включая отказ от программы мелиорации внутренних болот которая была инициирована правительством в ответ на острую нехватку пахотных земель (этую программу Всемирный банк счел «нерентабельной»). В социальных секторах Всемирный банк предложил так называемую «приоритетную программу» (в разделе «Система социальной защиты»), ориентированную на максимальную эффективность и «снижение финансового бремени правительства» путем взимания платы за пользование, увольнения учителей, медицинских работников и частичной приватизации здравоохранения и образования.

Всемирный банк утверждает, что ситуация была бы гораздо хуже, если бы не был принят сценарий II. Это так называемый «контрафактический аргумент» (см. главу 3.) Подобные рассуждения, однако, звучит абсурдно, особенно в случае Руанды. Банк не выразил никакой озабоченности по поводу возможных политических и социальных последствий экономической шоковой терапии, примененной к стране, находящейся на грани гражданской войны. Команда Всемирного банка сознательно исключила «неэкономические переменные» из своих «моделей».

Часть В

Установление американского протектората в Центральной Африке¹⁰¹

С самого начала гражданской войны в Руанде в 1990 году скрытая цель Вашингтона заключалась в создании американской сферы влияния в регионе, который исторически контролировался Францией и Бельгией. План США состоял в том, чтобы вытеснить Францию, поддерживая Руандийский патриотический фронт (RPF) и обеспечивая его военное крыло, Руандийскую патриотическую армию (RPA), оружием и снаряжением.

С середины 1980-х годов правительство Кампалы под руководством президента Йовери Мусевени стало для Вашингтона африканским образцом «демократии». Уганда также превратилась в плацдарм для поддерживаемых США партизанских движений, действовавших в Судане, Руанде и Конго. Генерал-майор Поль Кагаме, возглавлявший военную разведку в вооруженных силах Уганды, прошел обучение в Командно-штабном колледже армии США (CGSC) в Ливенворте, штат Канзас, где изучались военные стратегии и тактика ведения боевых

действий. Кагаме вернулся из Ливенвпорта, чтобы возглавить RPA вскоре после вторжения в Руанду в 1990 году.

До начала гражданской войны в Руанде RPA была частью вооруженных сил Уганды. Незадолго до вторжения в Руанду в октябре 1990 года военные обозначения были изменены. В одночасье большое количество угандинских солдат вступило в ряды Руандийской патриотической армии (RPA). На протяжении всей гражданской войны RPA снабжалась с военных баз Народных сил обороны Уганды (UPDF), расположенных на территории Уганды.

Офицеры-тутси, служившие в угандинской армии, заняли должности в РПА. Вторжение угандинских войск в октябре 1990 года было представлено общественности как освободительная война партизанской армии под руководством тутси.

Милитаризация Уганды

Милитаризация Уганды была неотъемлемой частью внешней политики США. Укрепление угандинских сил УПДФ и Руандийской патриотической армии (РПА) поддерживалось США и Великобританией. Британцы обеспечивали военную подготовку на военной базе в Джиндрже:

С 1989 года Америка поддерживала совместные силы РПФ [Руандийский патриотический фронт] и угандинские нападения на Руанду... На востоке страны было 56 «ситуационных отчетов» в файлах Госдепартамента США в 1991 году... По мере того, как укреплялись американские и британские отношения с Угандой и РПФ, обострялись и военные действия между Угандой и Руандой... К августу 1990 года РПФ начал подготовку вторжения с полного ведома и одобрения британской разведки¹⁰².

Войска РПА Руанды и ОНСО Уганды также оказывали поддержку Народно-освободительной армии Джона Гаранга в его сепаратистской войне на юге Судана. За этими инициативами стоял Вашингтон притайной поддержке ЦРУ¹⁰³.

В рамках Инициативы по реагированию на кризисные ситуации в Африке, угандинские офицеры проходили подготовку в спецназе США в сотрудничестве с наемной организацией «Военно-профессиональные ресурсы Инк.» (MPRI), которая работала по контракту с Государственным департаментом США. Организация проводила аналогичную подготовку Освободительной армии Косова (ОАК) и хорватских вооруженных сил во время гражданской войны в Югославии, а также колумбийским военным в рамках «Плана Колумбия».

Внешний долг Уганды

Наращивание внешнего долга Уганды при президенте Мусавени хронологически совпало с гражданскими войнами в Руанде и Конго. С приходом Мусавени к власти в 1986 году внешний долг Уганды составлял 1,3 миллиарда долларов. Однако с притоком новых средств внешний долг резко вырос, увеличившись почти втрое — до 3,7 миллиардов долларов к 1997 году. Интересно, что в начале своей программы «экономического восстановления» Уганда не имела задолженности перед Всемирным банком. Однако к 1997 году она уже была должна почти 2 миллиарда долларов только Всемирному банку¹⁰⁴.

«Куда ушли деньги?»

Иностранные займы, предоставленные правительству Мусавени, были предназначены для поддержки экономического и социального восстановления страны. Однако в условиях затяжной гражданской войны программа «экономической стабилизации», спонсируемая МВФ, потребовала масштабного сокращения бюджета всех гражданских программ.

Всемирный банк отвечал за мониторинг бюджета Уганды от имени кредиторов. В рамках «обзора государственных расходов» (Public Expenditure Review, PER) правительство было обязано полностью раскрывать точное распределение своего бюджета. Другими словами, каждая статья расходов, включая бюджет Министерства обороны, подлежала проверке со стороны Всемирного банка. Несмотря на меры строгой экономии, которые касались исключительно гражданских расходов, доноры позволили военным расходам расти без ограничений.

Часть средств, предназначенных для гражданских программ, была перенаправлена на финансирование Народных сил обороны Уганды (UPDF), которые, в свою очередь, участвовали в военных операциях в Руанде и Конго. Таким образом, внешний долг Уганды использовался для финансирования этих военных операций, проводимых по инициативе Вашингтона, в то время как страна и ее народ в конечном итоге несли бремя этих расходов. Фактически, сокращение социальных расходов облегчило перераспределение государственных доходов в пользу угандинской армии.

Финансирование обеих сторон гражданской войны

Аналогичный процесс финансирования военных расходов за счет внешнего долга происходил в Руанде при правительстве Хабиариманы. По жестокой иронии судьбы обе стороны гражданской войны финансировались одними и теми же донорскими институтами, при этом Всемирный банк выступал в роли наблюдателя.

Режим Хабиариманы располагал внушительным арсеналом военной техники, включая 83-мм ракетные установки, французские противотанковые гранатометы Blindicide, легкое оружие бельгийского и немецкого производства, а также автоматическое оружие, такое как автоматы Калашникова, произведенные в Египте, Китае и Южной Африке, а также бронированные машины AML-60 и M3.²³ Хотя часть этих закупок финансировалась за счет прямой военной помощи Франции, значительная часть средств, поступавших в виде кредитов на развитие от Международной ассоциации развития (IDA) — подразделения Всемирного банка, предоставляющего льготные займы, — а также от Африканского фонда развития (AFD), Европейского фонда развития (EDF), а также от Германии, США, Бельгии и Канады, была перенаправлена на финансирование военных расходов и ополчения Интерахамве.

Детальное расследование правительственных файлов, счетов и переписки, проведенное автором в Руанде в 1996-97 гг. совместно с бельгийским экономистом Пьером Галандом, подтвердило, что многие закупки оружия осуществлялись вне рамок соглашений о военной помощи между правительствами через различных посредников и частных торговцев оружием. Эти сделки, зарегистрированные как добросовестные правительственные расходы, были включены в государственный бюджет, который находился под контролем Всемирного банка. Большое количество мачете и другие предметы, использовавшиеся во время этнической резни

1994 года, которые обычно классифицируются как «гражданские товары», были импортированы по обычным торговым каналам¹⁰⁵.

Согласно документам Национального банка Руанды (НБР), часть этого импорта финансировалась в нарушение соглашений, подписанных с донорами. Согласно записям НБР о счетах-фактурах на импорт, около одного миллиона мачете было импортировано через различные каналы, включая Руандийскую радиостанцию «Radio Mille Collines», организацию, связанную с ополчением Интерхамве, которая использовалась для разжигания этнической ненависти¹⁰⁶.

Деньги были выделены донорами на поддержку экономического и социального развития Руанды. Было четко оговорено, что средства не могут быть использованы для импорта: «военных расходов на оружие, боеприпасов и других военных материалов»¹⁰⁷. На самом деле, кредитное соглашение с МАР Всемирного банка было еще более жестким, поскольку деньги не могли использоваться и для импорта гражданских товаров, таких как топливо, продукты питания, медикаменты, одежда и обувь, «подходящих для военного или полувоенного использования». Записи НБР (Нового банка развития), тем не менее подтверждают, что правительство Хабиаримана использовало деньги Всемирного банка для финансирования импорта мачете, которые рутинно классифицировались как «гражданские товары»¹⁰⁸.

В рамках кредитного соглашения Всемирный банк направил целую армию консультантов и аудиторов, чтобы оценить «эффективность политики» правительства Хабиаримана и ее соответствие кредитному договору¹⁰⁹. Использование донорских средств для импорта мачете и других материалов, использовавшихся в массовых убийствах мирных жителей, не было выявлено в независимом аудите, проведенном по заказу правительства и Всемирного банка в соответствии с кредитным соглашением МАР (Кредитное соглашение МАР, 2271-RW)¹¹⁰. В 1993 году Всемирный банк принял решение приостановить выплату второй части кредита МАР, поскольку, по мнению миссии Всемирного банка, имели место досадные «промахи» и «задержки» в реализации реформы свободного рынка, она не проводились «по плану», условия включения приватизации государственных активов не были выполнены. Тот факт, что страна была вовлечена в гражданскую войну, даже не упоминался, и то, как были потрачены деньги, не обсуждалось¹¹¹.

В то время как Всемирный банк заморозил вторую часть (транша) кредита МАР, деньги, предоставленные в 1991 году, были депонированы на специальном счете в банке «Брюссель Ламбер». Этот счет оставался открытым и доступным для бывшего режима в изгнании через два месяца после этнической резни в апреле 1994 года¹¹².

Послевоенное скрытие фактов

После завершения гражданской войны миссия Всемирного банка прибыла в Кигали с целью подготовки так называемого отчета о завершении займа¹¹³. Данный отчет носил рутинный характер и фокусировался преимущественно на макроэкономических вопросах, оставляя политические аспекты в стороне. Документ признавал, что ведение боевых действий вынудило прежнее правительство существенно превысить согласованные финансовые цели структурной перестройки экономики¹¹⁴.

При этом факт хищения средств Всемирного банка вообще не упоминается. Напротив, правительство Хабьяриманы получает похвалу за «искренние значительные усилия, особенно в 1991 году, направленные на сокращение внутренних и внешних финансовых дисбалансов, устранение искажений, препятствующих росту и диверсификации экспорта, а также введение механизмов распределения ресурсов, основанных на принципах свободного рынка...»¹¹⁵. Массовое уничтожение гражданского населения в отчете никак не отражено; с точки зрения доноров, «ничего существенного не произошло».

Фактически, отчет миссии Всемирного банка даже не признает наличие гражданской войны до апреля 1994 года.

На волне гражданской войны

Возобновление смертоносных экономических реформ МВФ

В 1995 году, спустя всего год после этнической резни 1994 года, внешние кредиторы Руанды вступили в переговоры с правительством РПФ, возглавляемым тутси, по поводу долгов прежнего режима, которые использовались для финансирования массовых убийств. РПФ решила полностью признать легитимность «одиозных долгов» 1990-94 годов. Вице-президент РПФ Поль Кагаме дал указание кабинету министров не заниматься этим вопросом и не обращаться во Всемирный банк. Под давлением Вашингтона РПФ не должен был вступать ни в какие переговоры, не говоря уже о неформальном диалоге с донорами.

Законность долгов военного времени так и не была поставлена под сомнение. Вместо этого кредиторы тщательно разработали процедуры, обеспечивающие их быстрое возмещение. В 1998 году на специальной встрече доноров в Стокгольме был создан Многосторонний трастовый фонд в размере 5,2 миллиона долларов, под лозунгом послевоенного восстановления¹¹⁶. На самом деле ни одна из этих сумм не предназначалась Руанде, они были предназначены для обслуживания «одиозных долгов» Руанды перед Всемирным банком (т.е. долгов МАР), Африканским банком развития и Международного фонда сельскохозяйственного развития (МФСР).

Другими словами, «свежие деньги», которые Руанда в конечном итоге должна возместить, были предоставлены для того, чтобы Руанда могла обслуживать долги, использованные для финансирования массовых убийств. Старые кредиты были обменены на новые долги под флагом послевоенного восстановления¹¹⁷. «Одиозные долги» были обелены; они исчезли из бухгалтерских книг. Ответственность кредитора была сведена на нет. Более того, на аферу закрыли глаза при условии принятия новой волны реформ МВФ и Всемирного банка.

Послевоенные «реконструкция и примирение»

Горькая экономическая медицина была навязана под лозунгом «реконструкции и примирения». Фактически, пакет постконфликтных реформ МВФ был гораздо более жестким, чем тот, что был навязан в начале гражданской войны в 1990 году. В то время как заработка плата и занятость упали до ужасающе низких уровней, МВФ потребовал заморозить зарплаты гражданских служащих, а также провести массовое сокращение учителей и работников здравоохранения. Целью было «восстановление макроэкономической стабильности». Было начато сокращение штатов государственной службы¹¹⁸. Заработка плата государственных

служащих не должна была превышать 4,5% ВВП, так называемые «неквалифицированные государственные служащие» (в основном учителя) должны были быть исключены из фонда оплаты труда»¹¹⁹.

Тем временем доход на душу населения в стране рухнул с 360 (до войны) до 140 долларов США в 1995 году. Доходы государства были направлены на обслуживание внешнего долга. Долги Кигали Парижскому клубу были пересмотрены в обмен на реформы «свободного рынка». Оставшиеся государственные активы были распроданы иностранному капиталу по бросовым ценам.

Правительство РПФ, возглавляемое тутси, вместо того чтобы требовать списания одиозных долгов Руанды, встретило Бреттон-Вудские институты с распостертыми объятиями. Им нужен был «зеленый свет» МВФ, чтобы стимулировать развитие вооруженных сил.

Несмотря на меры жесткой экономии, расходы на оборону продолжали расти. Была восстановлена модель 1990-94 годов. Займы на цели развития, предоставленные с 1995 года, не использовались для финансирования экономического и социального развития страны. Внешние деньги снова были направлены на наращивание военной мощи, на этот раз Патриотической армии Руанды (РПА). И это наращивание произошло в период, непосредственно предшествовавший началу гражданской войны в бывшем Заире (с 1997 г – Республике Конго).

Гражданская война в Конго

После установления режима клиентелы США в Руанде в 1994 году, обученные США руандийские и угандийские силы вмешались в дела бывшего Заира – оплота французского и бельгийского влияния при президенте Мобуту Сесе Секо. Согласно многочисленным документам, американские войска специального назначения, в основном «зеленые береты» из 3-й группы спецназа, базирующейся в Форт-Брэгге, штат Северная Каролина, активно тренировали РПА. Эта программа была продолжением тайной поддержки и военной помощи, оказанной РПА до 1994 года. Трагический исход гражданской войны в Руанде, включая кризис беженцев, создали предпосылки для участия угандийской и руандийской РПА в гражданской войне в Конго:

«Вашингтон активно поставлял военную помощь армии Кагаме, а подразделения Армии США, включая Специальные силы, обучали сотни руандийских солдат. Однако у Кагаме и его соратников были собственные планы. В то время как «зеленые береты» тренировали Руандийскую патриотическую армию, сама эта армия тайно готовила заирских повстанцев. (...) [В] Руанде американские официальные лица публично представляли свое взаимодействие с армией как почти исключительно направленное на обучение в области прав человека. Однако тренировки Специальных сил охватывали и другие области, включая боевые навыки... Сотни солдат и офицеров были зачислены в американские программы обучения как в Руанде, так и в Соединенных Штатах... [П]од руководством Специальных сил США руандийцы изучали методы маскировки, передвижение малых подразделений, процедуры управления войсками, развитие командной работы и [т.д.]... И пока шли тренировки, американские официальные лица регулярно встречались с Кагаме и другими высокопоставленными руандийскими

лидерами, чтобы обсудить продолжающуюся военную угрозу, с которой сталкивалось [бывшее руандийское] правительство [в изгнании] изнутри Заира... Очевидно, что фокус военных обсуждений между Руандой и США сместился с вопросов построения прав человека на борьбу с повстанцами. (...) При поддержке [президента Уганды] Мусевени Кагаме разработал план поддержки повстанческого движения на востоке Заира [во главе с Лораном Дезире Кабилой]. (...) Операция была запущена в октябре 1996 года, всего через несколько недель после поездки Кагаме в Вашингтон и завершения миссии по обучению Специальных сил. (...) Как только война [в Конго] началась, Соединенные Штаты оказали Руанде «политическую помощь», (...) Представитель посольства США в Кигали неоднократно выезжал на восток Заира для взаимодействия с Кабилой. Вскоре повстанцы продвинулись дальше. С помощью руандийских сил они легко преодолели сопротивление заирской армии и за семь месяцев прошли через третье по величине государство Африки, почти не вступая в серьезные бои. Мобуту бежал из столицы Киншасы, в мае 1997 года, и Кабила пришел к власти, переименовав страну в Конго... Американские официальные лица отрицают присутствие военных США среди руандийских войск в Заире во время войны, хотя неподтвержденные сообщения о присутствии американских советников циркулировали в регионе с самых первых дней конфликта»¹²⁰.

Американские горнодобывающие интересы

В центре этих военных операций в Конго находились обширные минеральные ресурсы Восточного и Южного Заира, включая стратегические запасы кобальта, имеющие критически важное значение для оборонной промышленности США. Во время гражданской войны, за несколько месяцев до падения Мобуту, Лоран Дезире Кабила, базировавшийся в Гоме (Восточный Заир), пересмотрел условия горнодобывающих контрактов с несколькими американскими и британскими горнодобывающими компаниями, включая American Mineral Fields (AMF) – компанию, штаб-квартира которой находилась в Хоупе, штат Арканзас, родном городе президента Билла Клинтона¹²¹.

Тем временем в Вашингтоне чиновники МВФ активно изучали макроэкономическую ситуацию в Заире. Времени на раскачку не было. Экономическая повестка дня на период после Мобуту уже была определена. В исследовании, опубликованном в апреле 1997 года – всего за месяц до того, как президент Мобуту Сесе Секо бежал из страны, МВФ рекомендовал «полностью и резко прекратить эмиссию валюты» в рамках программы экономического восстановления¹²². А несколько месяцев спустя, после прихода к власти в Киншасе новое правительство Лорана Дезире Кабилы получило от МВФ указание заморозить зарплаты государственных служащих с целью «восстановления макроэкономической стабильности». Из-за гиперинфляции средняя заработка плата в государственном секторе упала до 30 тысяч новых заир (NZ) в месяц, что эквивалентно одному доллару США¹²³.

Требования МВФ фактически обрекали все население на крайнюю нищету. Они с самого начала исключали возможность значимого послевоенного экономического восстановления, тем самым способствуя продолжению гражданской войны в Конго, в которой погибли почти два миллиона человек.

Заключительные замечания

Гражданская война в Руанде представляла собой жестокую борьбу за политическую власть между правительством Хабиариманы, возглавляемым хуту и поддерживаемым Францией, и Руандийским патриотическим фронтом (РПФ), состоящим из тутси и получавшим финансовую и военную поддержку от Вашингтона. Этнические противоречия умело использовались для достижения geopolитических целей. В конфликте были задействованы как ЦРУ, так и французские спецслужбы.

Как заявил бывший министр по сотрудничеству Бернар Дебре в правительстве премьер-министра Анри Балладюра:

«То, о чем забывают сказать, — это то, что если Франция была на одной стороне, то американцы были на другой, вооружая тутси, которые, в свою очередь, вооружали угандийцев. Я не хочу изображать противостояние между французами и англосаксами, но правду необходимо озвучить»¹²⁴.

Помимо военной помощи враждующим сторонам, важную роль в «финансировании конфликта» сыграл приток займов на развитие. Другими словами, внешние долги как Уганды, так и Руанды были перенаправлены на поддержку военных и парамилитарных формирований. Внешний долг Уганды увеличился более чем на два миллиарда долларов, то есть значительно быстрее, чем долг Руанды (который вырос примерно на 250 миллионов долларов с 1990 по 1994 год). В ретроспективе Руандийская патриотическая армия (РПА), финансируемая за счет американской военной помощи и внешнего долга Уганды, была гораздо лучше оснащена и обучена, чем Вооруженные силы Руанды (ФАР), лояльные президенту Хабиаримане. С самого начала РПА имела явное военное преимущество над ФАР.

Согласно свидетельству Поля Мугабе, бывшего члена высшего командования РПФ, генерал-майор Поль Кагаме лично отдал приказ сбить самолет президента Хабиариманы с целью захвата контроля над страной. Он полностью осознавал, что убийство Хабиариманы спровоцирует «геноцид» против гражданского населения тутси. В момент начала этнических массовых убийств силы РПА были полностью развернуты в Кигали, но не предприняли никаких действий для предотвращения трагедии:

«Решение Поля Кагаме сбить самолет президента Хабиариманы стало катализатором беспрецедентной драмы в истории Руанды, и генерал-майор Поль Кагаме принял это решение с полным осознанием последствий. Амбиции Кагаме привели к уничтожению наших семей: тутси, хуту и тва. Мы все проиграли. Захват власти Кагаме унес жизни огромного числа тутси и вызвал ненужный исход миллионов хуту, многие из которых были невиновны и стали жертвами организаторов геноцида. Некоторые наивные руандийцы провозгласили Кагаме своим спасителем, но время показало, что именно он стал причиной наших страданий и несчастий... Может ли Кагаме объяснить Народу Руанды, почему он отправил Клода Дусаиди и Чарльза Мулиганде в Нью-Йорк и Вашингтон, чтобы остановить военное вмешательство ООН, когда они должны были защитить руандийский народ от геноцида?

Причиной отказа от военной интервенции была в том, чтобы позволить руководству РПФ захватить власть в Кигали и показать миру, что именно РПФ остановил геноцид. Мы все помним, что геноцид происходил в течение трех месяцев, хотя Кагаме и говорил, что что он был способен остановить его в первую неделю после крушения самолета. Может ли генерал-

майор Поль Кагаме объяснить, почему он попросил МИНУАР покинуть руандийскую землю в течение нескольких часов, в то время как ООН изучала возможность увеличения численности своих войск в Руанде, чтобы остановить геноцид»¹²⁵.

Показания Пола Мугабе относительно сбитого самолета Хабиариманы по приказу Кагаме подтверждаются разведывательными документами разведки и информацией, предоставленной французскому парламентскому расследованию.

Генерал-майор Поль Кагаме был инструментом Вашингтона. Гибель африканцев не имела значения. Гражданская война в Руанде и этническая резня были неотъемлемой частью внешней политики США, тщательно скрежиссированной в соответствии с точными стратегическими и экономическими целями.

Несмотря на хорошие дипломатические отношения между Парижем и Вашингтоном, и кажущееся единство западного военного альянса, это была необъявленная война между Францией и Америкой. Поддерживая наращивание угандийских и руандийских войск и непосредственно вмешавшись в гражданскую войну в Конго, Вашингтон также несет прямую ответственность за этническую резню, совершенную в Восточном Конго, включая несколько сотен тысяч человек, погибших в лагерях беженцев.

Американские политики прекрасно понимали, что катастрофа неминуема. Фактически за четыре месяца до геноцида, ЦРУ в конфиденциальной записке предупредило Госдепартамент США о том, что Арушки соглашения провалятся, и что если военные действия возобновятся, то погибнет до полумиллиона человек¹²⁶. Эта информация была скрыта от Организации Объединенных Наций: «только пока геноцид не закончился, информация была передана генерал-майору Даллеру [который командовал силами ООН в Руанде]»¹²⁷.

Цель Вашингтона состояла в том, чтобы вытеснить Францию, дискредитировать французское правительство (которое поддерживало режим Хабиариманы) и установить англо-американский протекторат в Руанде под руководством генерал-майора Поля Кагаме. Вашингтон намеренно не сделал ничего, чтобы предотвратить этническую резню.

Когда были введены силы ООН, генерал-майор Пол Кагаме попытался отсрочить их введение, заявив, что он согласится только на поддержание мира, как только РПА установит контроль над Кигали. Кагаме «опасался, что предлагаемые силы ООН, состоящие из более чем 5 тысяч военнослужащих (...) [могут] вмешаться, чтобы лишить их [РПА] победы»¹²⁸. Тем временем Совет Безопасности после обсуждения и доклада генерального секретаря Бутроса Гали, решил отложить свое вмешательство.

Руандийский «геноцид» 1994 года преследовал сугубо стратегические и геополитические цели. Этническая резня стала ударом по авторитету Франции, что позволило США закрепиться в неоколониальной зоне Центральной Африки. Из ярко выраженного франко-бельгийского колониального окружения руандийская столица Кигали стала, при возглавлении экспатриантами-тутси правительстве РПФ, явно англо-американской. Английский стал доминирующим языком в правительстве и частном секторе. Многие частные предприятия, принадлежавшие хуту, были захвачены в 1994 году вернувшимися из страны экспатриантами тутси. Последние были изгнаны из англоязычных стран Африки, США и Великобритании.

Руандийская патриотическая армия (РПА) функционирует на английском и киньяруанда; университет, ранее связанный с Францией и Бельгией, теперь функционирует на английском языке. Английский стал официальным языком наряду с французским и киньяруанда, и французское политическое и культурное влияние в конечном итоге будет сведено на нет. Вашингтон стал новым колониальным хозяином франкоязычной страны.

Несколько других франкоязычных стран Африки к югу от Сахары заключили соглашения о военном сотрудничестве с США. Вашингтон планирует, что эти страны последуют примеру Руанды. Симтоматично, что во франкоязычной Западной Африке доллар США быстро вытесняет франк КФА, который в рамках соглашения валютного совета привязан к казначейству Франции.

Глава 8

«Экспорт апартеида» в страны Африки к югу от Сахары

При президенте Нельсоне Манделе правое крыло Африканерского Фронта Свободы (ФС) под руководством генерала Констанда Вильюна продвигало идею создания «Продовольственного коридора», который должен был протянуться через южную часть континента от Анголы до Мозамбика. В эпоху после апартеида африканерский агробизнес планировал расширить свое влияние на соседние страны за счет крупных инвестиций в коммерческое сельское хозяйство, переработку продуктов питания и экотуризм. Африканерские союзы Оранжевого Свободного Государства и Восточного Трансвааля стали партнерами этой инициативы; их целью было создание ферм, принадлежащих белым, за пределами границ Южной Африки¹²⁹.

Однако «Продовольственный коридор» не подразумевал «продовольствие для местного населения». Напротив, в рамках этой схемы крестьяне лишались своих земель; мелкие землевладельцы превращались в сельскохозяйственных рабочих или арендаторов на крупных плантациях, принадлежащих бурам. Более того, Южноафриканская палата сельскохозяйственного развития (SACADA), выступающая в качестве координирующей организации, объединяет несколько правых групп, включая Фронт Свободы (ФС) под руководством Вильюна и тайный Африканерский Брудербонд. Генерал Вильюн, будучи главнокомандующим Южноафриканских сил обороны (SADF) во времена апартеида, был замешан в атаках на так называемые «цели Африканского национального конгресса», включая взрывы, направленные против подозреваемых активистов и критиков антиапартеида¹³⁰. Фронт Свободы, хотя и считающийся «умеренным» по сравнению с ультраправым Африканерским движением сопротивления (AWB) Эжена Тербланша, остается расистским политическим движением, выступающим за создание Африканерского народного государства (Volksstaat)¹³¹. Тем не менее, инициатива SACADA и Фронта Свободы получила политическую поддержку Африканского национального конгресса, а также личное одобрение президента Нельсона Манделы.

В ходе обсуждений с президентом Манделой генерал Вильюн утверждал, что:

«Переселение африканерских фермеров будет стимулировать экономику соседних государств, обеспечит продовольствием и работой местных жителей, а также остановит поток нелегальных иммигрантов в ЮАР»¹³².

Вильджоен также провел встречи на высоком уровне по вопросам инвестиций в сельское хозяйство африканеров с представителями Европейского Союза, ООН и других донорских организаций¹³³.

В свою очередь, Претория проводила переговоры с правительствами ряда африканских стран от имени Южноафриканской палаты сельскохозяйственного развития и Фронта свободы. Правительство АНК стремилось способствовать расширению корпоративного агробизнеса в соседние страны. «Мандела обратился к правительству Танзании с просьбой принять фермеров-африканеров для помощи в развитии сельскохозяйственного сектора. Южноафриканская палата сельскохозяйственного развития обратилась примерно к 12 африканским странам, заинтересованным в белых

южноафриканских фермерах»¹³⁴. В рамках проекта, созданного в 1994 году под эгидой Южноафриканской корпорации развития (ЮАКР), правительство Конго предоставило бурам 99-летнюю аренду на сельскохозяйственные угодья. Президент Мандела одобрил эту схему, призвав африканские страны «принять мигрантов как своего рода иностранную помощь»¹³⁵.

Более ранний переход белых фермеров в Замбию и Конго, датируемый началом 1990-х годов, привел к неоднозначным результатам. В отличие от интересов корпоративного агробизнеса (как в случае с SACADA), этот процесс был основан на переселении отдельных (часто обанкротившихся) африканских фермеров, которые не имели политической поддержки, финансовой помощи и легитимности со стороны новой Южной Африки.

Под давлением Всемирного банка и Всемирной торговой организации (ВТО) правительства принимающих стран в целом приветствовали приток инвестиций африканеров. Либерализация торговли и инвестиций под эгидой ВТО способствовала расширению бизнес-интересов африканеров по всему региону.

Экспроприация крестьянских земель

«Продовольственный коридор» в конечном итоге вытеснит существующую сельскохозяйственную систему; он не только присваивает землю, но и захватывает экономическую и социальную инфраструктуру принимающей страны, что приводит к увеличению уровня бедности в сельской местности. Он подрывает натуральное хозяйство, а также экономику крестьянских товарных культур; вытесняет местные сельскохозяйственные рынки и усугубляет условия хронического голода, преобладающего в регионе. Жен Келенга, представительница прокоммунистической группы в Конго (бывший Заир), видит в бурах «завоевателей новых территорий для закрепления своего расистского образа жизни»¹³⁶.

«Продовольственный коридор» потенциально изменяет сельский ландшафт южноафриканского региона, требуя выселения и перемещения мелких фермеров на обширной территории. Согласно предложенной схеме, миллионы гектаров лучших сельскохозяйственных земель должны быть переданы южноафриканскому агробизнесу. Буры будут управлять крупными коммерческими фермами, используя сельское население как «арендаторов-рабочих», а также сезонных сельскохозяйственных работников.

Хотя проект задуман для того, чтобы «принести развитие» и «передать столь необходимые сельскохозяйственные знания», его основная цель заключается в «экспорте апартеида» в соседние страны. Эта цель, в свою очередь, поддерживается комплексом экономических реформ, спонсируемых МВФ, Всемирным банком и ВТО.

Инвестиции африканеров в сельское хозяйство идут рука об руку с земельным законодательством, поддерживаемым Всемирным банком. Экспроприация крестьянских земель часто требуется кредиторами как условие для реструктуризации долгов Парижского клуба. Крестьянские земли (которые формально принадлежали государству) продаются (по очень низким ценам) или сдаются в аренду международному агробизнесу (например, на

срок от 50 до 99 лет). Скудные доходы от продажи земли будут использоваться для обслуживания внешнего долга.

Всемирный банк также предложил изменения в земельном законодательстве, которые в конечном итоге могут лишить права на землю миллионы мелких землевладельцев. Идентичные земельные законы внедрялись по всему региону; национальные земельные законы (разработанные при технической поддержке юридического отдела Всемирного банка) с небольшими вариациями являются «точными копиями друг друга»:

«Конституция [Мозамбика] гласит, что земля является собственностью государства и не может быть продана или заложена. Однако существует сильное давление, особенно со стороны США и Всемирного банка, с целью приватизации земли и разрешения ипотеки»¹³⁷.

Южноафриканские компании и банки также участвуют в программах приватизации на уровне страны (в рамках программы структурной адаптации), приобретая по минимальным ценам государственные активы в горнодобывающей промышленности, коммунальных услугах и сельском хозяйстве. В последнем случае экспериментальные фермы, государственные исследовательские станции, государственные плантации, семеноводческие предприятия и т.д. выставляются на аукцион. С дерегулированием сельскохозяйственных рынков по рекомендации Всемирного банка государственная система маркетинга либо закрывается, либо переходит в руки частных инвесторов.

Ущемление традиционных прав на землю

Согласно предлагаемому земельному законодательству, как SACADA, так и Всемирный банк заявляют о защите традиционных прав на землю. Мелкие крестьяне должны быть «защищены» через создание «резерватов традиционных земель», расположенных в непосредственной близости от белых коммерческих ферм. Однако на практике новое законодательство приведет к тому, что большинство сельского населения окажется запертым в небольших территориальных анклавах («общинных землях»), в то время как основная часть лучших сельскохозяйственных угодий будет продана или сдана в аренду частным инвесторам.

Это также означает, что крестьянские общины, практикующие подсечно-огневое земледелие на обширных территориях, а также скотоводы, отныне будут преследоваться за «вторжение» на земли, предназначенные для коммерческого сельского хозяйства, часто даже без их предварительного уведомления. Обедневшие из-за макроэкономических реформ, без доступа к кредитам и современным сельскохозяйственным ресурсам, эти традиционные анклавы превратятся в «резервы рабочей силы» для крупного агробизнеса.

Фермы африканеров в Мозамбике

SACADA планировала инвестировать в Мозамбик, Заир, Замбию и Анголу, причем «Мозамбик стал пробным шаром»¹³⁸. Президент Мозамбика Жоаким Чиссано и президент Нельсон Мандела подписали межправительственное соглашение, предоставляющее африканерскому агробизнесу права на развитие инвестиций как минимум в шести провинциях, охватывающих территориальные концессии площадью около восьми миллионов гектаров¹³⁹:

«Мозамбiku нужны технические знания и деньги, а у нас есть люди... Мы предпочитаем районы с низкой плотностью населения, потому что большое количество людей на земле — это ахиллесова пятa. Для буров земля стоит рядом с Богом и Библией»¹⁴⁰.

На концессионных территориях SACADA в Мозамбике «социалистическое» правительство ФРЕЛИМО должно было обеспечить отсутствие вторжений; мелкие землевладельцы и фермеры, ведущие натуральное хозяйство (которые, как правило, не имеют юридических прав на землю), либо будут выселены, либо перемещены на маргинальные земли¹⁴¹. В свою очередь, члены вооруженных сил и правительственные министры, стремившиеся стать «деловыми партнерами» международного агробизнеса, получили концессии на миллионы гектаров земли, уже занятой крестьянством¹⁴². Всемирный банк вместе с двусторонними донорами предложил — от имени потенциальных иностранных инвесторов — систему регистрации земель, включая масштабное картографирование территории с помощью аэрофотосъемки для создания цифровых карт¹⁴³.

В провинции Ньяса в Мозамбике лучшие сельскохозяйственные земли были сданы в аренду африканерам на пятьдесят лет. «Здесь так много красивых, плодородных мест на выбор...», — сказал Эгберт Хиемстра, владелец двух ферм в Лиденбурге, который хочет приобрести третью в Мозамбике¹⁴⁴. По символической цене около \$0,15 за гектар в год аренда земли является практически дармовой¹⁴⁵.

Через создание компании Mosagrius (совместного предприятия) SACADA прочно обосновалась в плодородной долине реки Лугенда. Однако буры также присматриваются к сельскохозяйственным районам вдоль рек Замбези и Лимпопо, а также к дорожной и железнодорожной инфраструктуре, связывающей Лишингу, столицу Ньясы, с глубоководным портом Нагала. Железнодорожная линия реконструируется и модернизируется (французским подрядчиком) при финансовой поддержке Франции.

«Наше [африканерских фермеров] намерение — развивать высокогорные районы для выращивания кукурузы, пшеницы и разведения мясного скота, связав это с агропереработкой и экспортным рынком. В низменностях мы посадим различные тропические фруктовые деревья, а также создадим современные заводы по производству соков. Наши сельскохозяйственные институты создадут исследовательские станции в этом районе для поддержки инициатив SACADA... В конечном итоге мы также хотели бы выйти на хлопковые районы провинций Нампула и Кабу-Делгаду»¹⁴⁶.

Доступная инфраструктура, включая несколько государственных зданий и предприятий, будет передана; несколько государственных ферм в Ньясе перейдут к африканерам вместе с Техническим колледжем в Лишинге¹⁴⁷. Сельскохозяйственная исследовательская станция также будет передана: «Они хотят уйти», они ищут инвестиции африканеров, чтобы сохранить станцию на плаву¹⁴⁸. В конечном итоге африканерский агробизнес намерен взять под контроль государственные семеноводческие предприятия (SEMOC) в Ньясе¹⁴⁹.

В проекте Mosagrius «основной импульс будет исходить от успешных фермеров Южной Африки, которые сейчас ищут новые земли и способны мобилизовать значительные финансовые ресурсы»¹⁵⁰. Они будут управлять своими новыми фермами как

частью своих бизнес-проектов в Южной Африке, отправляя белых африканерских управляющих и надзирателей в Мозамбик. «Семейные фермы с хорошей репутацией, но без финансовых возможностей, также имеют право на участие. Они будут рассчитывать на финансирование со стороны ЮАПСР»¹⁵¹. Однако никакой помощи фермерам-африканерам, обанкротившимся в результате программы экономической либерализации Претории, не предусматривалось. Тем не менее, эти фермеры могли быть наняты на работу в качестве менеджеров в Мозамбике.

В свою очередь, буры привезут своих чернокожих «правых рук», трактористов, техников, операторов. По словам офицера по связям с Мозагрисом в Верховной комиссии ЮАР в Мапуту: «Каждый африканерский фермер привезет своих прирученных кафиров», которые будут использоваться для надзора за местными рабочими¹⁵².

ЮАПСР тщательно нанесла на карту выделенные территории с помощью вертолета. Южноафриканские сельскохозяйственные исследовательские институты провели обследование территории, и дали оценку существующим экологическим, климатическим и социальным условиям. Южноафриканские демографы были привлечены в качестве консультантов, чтобы оценить последствия переселения сельских жителей.

Создание «сельских поселений»

В соответствии со схемой ЮАПСР, сельские общины Ниассы, занимающие концессионные территории африканеров, должны быть объединены в «сельские поселения», подобные тем, что существовали при режиме апартеида:

Что вы делаете, так это развиваете деревни вдоль обочин дорог рядом с фермами [белых]. Эти деревни были очень тщательно спланированы [компанией ЮАПСР] в непосредственной близости от полей, чтобы работники ферм могли ходить туда и обратно; вы предоставляете деревням некоторую инфраструктуру и участок земли для каждого домохозяйства, чтобы работники ферм могли разводить свои огороды¹⁵³.

Если в пределах концессий или на прилегающих к ним территориях не будут закреплены права на обычные земли, крестьяне превратятся в безземельных сельскохозяйственных рабочих или «трудовых арендаторов». Последняя система была принята бурами в Южной Африке с XIX века, когда чернокожие крестьянские хозяйства выполняли трудовые обязательства («барщину») в обмен на право обрабатывать небольшой участок земли. Формально запрещенная в ЮАР в 1960 году националистическим правительством, «трудовая аренда» продолжает существовать во многих частях Южной Африки, включая Восточный Трансвааль и Квазулу-Натал¹⁵⁴. Она эволюционировала в сторону очень низкой номинальной заработной платы, в основном для того, чтобы замаскировать запрещенные законом феодальные отношения. Законопроект о земельной реформе (трудовые арендаторы), представленный министром по земельным вопросам Дереком Ханкелом, вступил в силу с 1995 года¹⁵⁵.

Сельские поселения, созданные в рамках концессий, представляют собой «резервы» дешевой рабочей силы для белых коммерческих ферм. Заработка плата в Мозамбике значительно ниже, чем в Южной Африке. Для сезонных рабочих заработка плата была

установлена на уровне минимального размера оплаты труда - скучные 18 долл. в месяц, которую даже представитель МВФ Сержио Лейте в своем выступлении на встрече доноров в 1995 году назвал «чрезмерной» по международным стандартам. Он также указал на инфляционное давление, вызванное требованиями заработной платы¹⁵⁶.

Ущемление прав трудящихся, а также дерегулирование по рекомендации МВФ, позволяют бурам не только платить своим мозамбикским рабочим чрезмерно низкую заработную плату, но и избегать выполнения требований черных сельскохозяйственных рабочих в Южной Африке. Это также позволяет корпоративному агробизнесу, инвестирующему в соседние страны, более эффективно лobbировать решения правительства АНК против земельной реформы и программ «позитивных действий» в Южной Африке.

Более того, согласно Соглашению Мосагриус (пункт 42), правительство Мозамбика будет нести полную ответственность за разрешение земельных споров и обеспечение экспроприации крестьянских земель «без ущерба или потерь, которые могут возникнуть в результате таких претензий к Мосагриусу и другим его участникам»¹⁵⁷.

Иностранная помощь и поддержка в учреждении белых ферм

Крупнейшие коммерческие банки Южной Африки, Всемирный банк и Европейский союз решительно поддержали этот проект. «Продовольственный коридор» стал неотъемлемой частью программы структурной перестройки, спонсируемой МВФ и Всемирным банком. По словам секретаря ЮАПСР Вилли Йордана, ЮАПСР стремилась привести свою политику в соответствие с требованиями Всемирного банка и МВФ и утверждала, что собирается стать международным агентством развития с мандатом на заключение контрактов с институтами-донорами и осуществление «программ иностранной помощи» от их имени¹⁵⁸.

В то время как Запад поддерживал борьбу АНК против режима апартеида, он оказывал в эпоху после апартеида финансовую поддержку расистской африканерской организации развития. Под видом «иностранный помощи» западные доноры способствовали распространению системы апартеида на соседние страны. Европейский союз выделил деньги ЮАПСР из пакета развития, явно предназначенного Брюсселем для Программы реконструкции и развития Южной Африки. По словам представителя ЕС, этот проект «был лучшими новостями из Африки за последние 30 лет»¹⁵⁹. Посол ЕС в ЮАР г-н Эрван Фуэре встретился с генералом Вильджоеном, чтобы обсудить проект. Фуэре подтвердил, что если все пойдет хорошо, дополнительные средства ЕС могут быть выделены для покрытия расходов на «расселение африканерских фермеров в соседних странах Южной Африки». Тот факт, что эта схема ущемляет права мелких землевладельцев на землю, повторяя систему «трудовой аренды», распространенную в Южной Африке во времена апартеида, не обсуждался.

Развитие экотуризма

Большая часть побережья Мозамбика на озере Ниасса, включая 160-километровый участок в долине Риффа от Мепонды до Мачангулы и далее на север до Ильха-собре-о-Лаго недалеко от границы с Танзианией, была выделена «для туризма и других дополнительных

и вспомогательных видов деятельности, [которые являются] экологически устойчивыми»¹⁶⁰.

Последнее также включало обозначение зон для южноафриканских инвестиций в рыболовство и аквакультуру на озере Ньяса, что вытесняло местную рыбную промышленность¹⁶¹.

В свою очередь, соглашение передало компании Мосагриуса права на разработку и эксплуатацию охотничьего заповедника Ниасса на границе с Танзанией. Заповедник включает в себя обширную территорию площадью около 20 тысяч гектаров, предназначенную для так называемого «экологически устойчивого туризма». ЮАПСР должна огородить всю территорию и создать высококлассные туристические домики на периферии парка; предполагается также охота на дичь для состоятельных людей «в строго контролируемых зонах»¹⁶². По словам офицера по связям с Мосагриусом, «чтобы туристы могли увидеть настоящую природу заповедника, фауну на его территории, возможно, придется дополнить резервы животных»¹⁶³. Специалист из Департамента охраны природы Южной Африки помогает ЮАПСР в планировании данного предприятия, а также в привлечении финансовых ресурсов. Международное финансирование домиков и заповедника осуществляется за счет богатых частных инвесторов...¹⁶⁴.

В рамках гораздо более масштабной затеи, Джеймс Улисс Бланшар III, правый техасский магнат, получил концессию на огромную территорию, включающую заповедник слонов Мапуту и прилегающий полуостров МачангULO. Во время гражданской войны в Мозамбике Бланшар оказывал финансовую поддержку «Ренамо» – повстанческой организации, непосредственно поддерживаемая режимом апартеида и обучаемая южноафриканскими силами обороны (ЮАСО).

Но теперь, похоже, человек, который когда-то финансировал повстанческую армию, ведущую войну с невероятными разрушениями и жестокостью (Государственный департамент Соединенных Штатов публично заявил, что жестокость движения «Ренамо» превосходит даже преступления печально известного режима Пол Пота в Камбодже), будет вознагражден контролем над огромным куском самой богатой провинции Мозамбика¹⁶⁵.

Бланшар намеревался создать в Индийском океане Парк мечты с плавучим отелем, туристическими домиками класса люкс по 600-800 долларов за ночь и казино. Большие участки земли в Мачангule также были выделены сельскохозяйственным инвесторам из Восточного Трансваля¹⁶⁶. Местные общины в концессионной зоне Бланшара должны были подвергнуться экспроприации; по словам его генерального менеджера Джона Перрота:

Мы собираемся прийти сюда и сказать [местным жителям]: «Так, теперь вы в национальном парке. Ваша деревня может быть либо огорожена, либо по вашей главной улице будут ходить дикие животные»¹⁶⁷.

В ходе этой территориальной борьбы правительство Мозамбика согласилось передать миллионы гектаров так называемых «неиспользуемых земель» религиозной организации, голландской компании Махариши «Рай на земле»¹⁶⁸.

Президент Чиссано являлся последователем Махариши Махеш Йоги, основателя Партии естественного права. Однако после подписания соглашения в июле 1993 года

правительство, похоже, отказалось от него, заявив, что к Церкви Махариши «будут относиться как к любому другому иностранному инвестору – не больше и не меньше»¹⁶⁹.

Раздел национальной территории

Автономная территория, «государство в государстве», первоначально было создано в провинции Ниасса; Мосагриус (по сравнению с национальным и провинциальными правительствами) стал единственным органом власти в отношении прав пользования землей в концессионных зонах (пункт 34). Кроме того, территория определяется как зона свободной торговли, позволяющая беспрепятственно перемещать товары, капитал и людей (имеются в виду белые южноафриканцы). Все инвестиции в пределах концессионной зоны «освобождаются от таможенных пошлин и других фискальных обременений»¹⁷⁰.

В свою очередь, в результате предоставления иностранным инвесторам концессий в различных частях страны, национальная территория вновь расчленилась на ряд отдельных «коридоров», напоминающих о колониальном периоде. Такая система территориальных концессий, с интеграцией каждого из коридоров в мировой рынок, привела к упадку экономики страны.

Упадок государственного аппарата Мозамбика, а также фрагментация национальной экономики способствуют превращению целых регионов страны (например, провинции Ниасса) в концессионные зоны или «коридоры», находящиеся под политической опекой доноров, неправительственных организаций и иностранных инвесторов. Последние представляют собой де-факто «параллельное правительство», которое все чаще обходит государственную систему.

Более того, в ряде районов Северного Мозамбика проапартеидная повстанческая группировка «Ренамо», которая также установила свои связи с донорами, формально руководит местными органами власти. После окончания войны несколько лидеров «Ренамо» стали «деловыми партнерами» южноафриканских компаний, инвестирующих в Мозамбик, в том числе под эгидой ЮАПСР: «Похоже, что в рамках мирного соглашения [1992 года] существует тайное понимание того, что именно «Ренамо» и его сторонники получат землю»¹⁷¹.

Глава 9

Разрушение крестьянской экономики Эфиопии

Уничтожение биоразнообразия

Посеяв семена голода в Эфиопии с помощью структурной перестройки, МВФ и Всемирный банк позволили американским транснациональным корпорациям воспользоваться катастрофой, предоставив в качестве помощи генетически модифицированные семена.

«Экономическая терапия» под юрисдикцией МВФ и Всемирного банка приводит к голоду и социальной разрухе в Эфиопии и других странах Африки к югу от Сахары, уничтожая крестьянскую экономику и приводя к обнищанию миллионов людей. При пособничестве ветвей власти США, она также открыла путь к присвоению традиционных семян и сортов земли американскими биотехнологическими корпорациями, которые способствуют внедрению генетически модифицированных семян под видом чрезвычайных ситуаций и помощи голодающим.

Кризис на Африканском Роге

Более 8 миллионов человек в Эфиопии, что составляет 15% населения страны, оказались в «зонах голода». Заработка плата в городах резко упала, а безработные сезонные сельскохозяйственные рабочие и безземельные крестьяне оказались в крайней нищете. Международные агентства по оказанию помощи без дальнейших разбирательств сходятся во мнении, что климатические факторы являются единственной и неизбежной причиной неурожая и последующей гуманитарной катастрофы. Однако таблоиды СМИ не сообщают, что, несмотря на засуху и пограничную войну с Эритреей, миллионы людей в самых богатых сельскохозяйственных районах также голодают. Их бедственное положение вызвано не нехваткой продовольствия, а «свободным рынком» и «горькими экономическими рецептами», навязанными Программой структурной перестройки (ПСП), Международного валютного фонда (МВФ). Эфиопия производит более 90% своей потребительских товаров.

Эфиопия сама производит более 90% товаров, которые потребляет население. Тем не менее, в разгар кризиса общенациональный дефицит продовольствия в 2000 году, по оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ПСО), составил 764 тысяч метрических тонн зерна, что представляет собой дефицит в 13 килограммов на человека в год¹⁷². В Амхаре производство зерна (1999-2000 гг.) на 20% превышало потребительские потребности. Тем не менее, по данным ПСО¹⁷³, 2,8 миллиона человек в Амхаре (что составляет 17% населения региона) оказались запертными в зонах голода и были «в группе риска». В то время как излишки зерна в Амхаре превышали 500 тысяч тонн (1999-2000 годы), ее «потребности в продовольствии» были отмечены международным сообществом почти в 300 тысяч тонн¹⁷⁴. Похожая картина преобладала в Оромии — самом густонаселенном штате страны, где 1,6 миллиона человек были классифицированы как «подверженные риску», несмотря на наличие более 600 тысяч метрических тонн излишков зерна¹⁷⁵. В обоих этих регионах, в которых проживает более 25% населения страны, нехватка продовольствия явно не является причиной голода, бедности и социальной

нищеты. Тем не менее, международные агентства по оказанию помощи и сельскохозяйственные научно-исследовательские институты не дали никаких объяснений.

Обещание «свободного рынка»

В Эфиопии переходное правительство пришло к власти в 1991 году после затяжной и разрушительной гражданской войны. После того, как просоветский режим полковника Менгисту Хайле Мариама был свергнут, финансируемый многими донорами Проект чрезвычайного восстановления и реконструкции (ПЧВР) был спешно введен в действие для решения проблемы внешнего долга в размере около 9 миллиардов долларов, накопленного во время правления Менгисту. Непогашенные долги Эфиопии перед Парижским клубом официальных кредиторов были реструктурированы в обмен на далеко идущие макроэкономические реформы. В соответствии с внешней политикой США были прописаны обычные дозы горького экономического лекарства МВФ. Оказавшись в смирильной рубашке долгов и структурной перестройки, новое Переходное правительство Эфиопии (ППЭ) во главе с Революционно-демократическим фронтом эфиопского народа (РДФЭН), в значительной степени сформированным из Тыграйского народно-освободительного фронта (НОФ), взяло на себя обязательство провести далеко идущие «реформы свободного рынка», несмотря на марксистские наклонности его лидеров. Вскоре Вашингтон назвал Эфиопию, наряду с Угандрой, образцами свободного рынка в Африке после окончания холодной войны.

В то время как социальные бюджеты были урезаны в рамках программы структурной перестройки (ПСП), военные расходы – частично финансируемые за счет новых кредитов на цели развития – выросли в четыре раза с 1989 года¹⁷⁶. Поскольку Вашингтон поддерживал обе стороны в пограничной войне между Эритреей и Эфиопией, продажи оружия в США резко возросли.

Вознаграждение распределялось между производителями оружия и агропромышленными конгломератами. В эпоху после окончания холодной войны последние позиционировали себя как прибыльные поставщики чрезвычайной помощи раздираемымвойной странам. С ростом военных расходов, финансируемых за счет заемных средств, почти половина экспортных доходов Эфиопии была выделена для выполнения обязательств по обслуживанию долга.

Политический Рамочный документ (ПРД), в котором оговариваются точные изменения, которые должны быть осуществлены в Эфиопии, был тщательно составлен в Вашингтоне должностными лицами МВФ и Всемирного банка от имени переходного правительства и направлен в Аддис-Абебу на подпись министру финансов. Применение жестких мер жесткой экономии практически исключило возможность значимой послевоенной реконструкции и восстановления разрушенной инфраструктуры страны. Кредиторы требовали либерализации торговли и полномасштабной приватизации коммунальных предприятий, финансовых учреждений, совхозов и заводов. Государственные служащие, в том числе учителя и медицинские работники, были уволены, заработка плата была заморожена, а трудовое законодательство было отменено, чтобы дать возможность государственным предприятиям «избавиться от лишних работников».

Тем временем коррупция стала процветать. Государственные активы были проданы с аукциона иностранному капиталу по бросовым ценам, и Прайс Уотерхаус Куперс была доверена задача координации продажи государственной собственности.

В свою очередь, реформы привели к расколу федеральной фискальной системы. Бюджетные трансферты правительства штатов были сокращены, оставив регионы на произвол судьбы. Поддержанная несколькими донорами, «регионализация» была объявлена как «передача полномочий от федеральных к региональным правительствам». Бреттон-Вудские учреждения точно знают, что делают. По словам МВФ, «потенциал [регионов] по осуществлению эффективных и действенных мер в целях развития сильно различается, как и их потенциал по сбору доходов»¹⁷⁷.

Разрушение крестьянского хозяйства

По образцу реформ, принятых в Кении в 1991 году (см. вставку 9.1), сельскохозяйственными рынками преднамеренно манипулировали в интересах агропромышленных конгломератов. Всемирный банк потребовал скорейшей отмены контроля цен и всех субсидий фермерам. Цены на транспорт и фрахт были дерегулированы, что привело к росту цен на продовольствие в отдаленных районах, пострадавших от засухи.

В свою очередь, рынки сельскохозяйственных ресурсов, включая удобрения и семена, были переданы частным торговцам, в том числе Пионер Хай-Бред Интернэшнл, которая вступила в выгодное партнерство с Эфиопским семенным предприятием (ЭСП) - государственной семенной монополией¹⁷⁸.

Вставка 9.1

Голод в житнице

«Свободный рынок» зерна, навязанный МВФ и Всемирным банком, разрушает крестьянскую экономику и подрывает «продовольственную безопасность». Малави и Зимбабве когда-то были процветающими странами с избытком зерна; Руанда была практически самодостаточной в продовольствии до 1990 года, когда МВФ приказал сбросить излишки зерна ЕС и США на внутренний рынок, что привело мелких фермеров к банкротству. В 1991-92 годах голод поразил Кению - самую успешную экономику Восточной Африки. Правительство Найроби ранее было внесено в черный список за несоблюдение предписаний МВФ. Дерегулирование зернового рынка было востребовано в качестве одного из условий переноса сроков погашения внешнего долга Найроби перед Парижским клубом официальных кредиторов.

Для отмены экономических санкций правительство президента Даниэля Арапа Мои потребовало от МВФ зеленый свет. Международное сообщество доноров потребовало, чтобы кенийское государство не вмешивалось и не регулировало каким-либо иным образом распределение продовольствия в отдаленные районы. Предсказуемый результат: цены на основные продукты питания в полузасушливых восточных и северо-восточных районах Кении, граничащих с Эфиопией и Сомали, резко выросли. По данным Организации Объединенных Наций, около 2 миллионов человек были заперты в «зонах голода». Кризис, однако, не ограничился отдаленными полузасушливыми районами Кении.

Голод также ударил по Рифтовой долине - процветающему сельскохозяйственному центру Кении. По всей стране продовольствие было доступно, но покупательная способность рухнула под тяжестью реформ, спонсируемых МВФ. А излишки зерна вывозились.

В начале реформ в 1992 году АМР США в рамках своей программы Тайл III «пожертвовало» большое количество американских удобрений «в обмен на реформы свободного рынка»:

В обмен на реформы сбыта зерна... и отмену продовольственных субсидий... [будут предоставлены] различные сельскохозяйственные товары. Программа реформ сосредоточена на либерализации и приватизации в секторах удобрений и транспорта в обмен на финансирование импорта удобрений и грузовых автомобилей. (...) Эти программные инициативы дали нам возможность войти в процесс определения ключевых вопросов политики¹⁷⁹.

Запасы пожертвованных США удобрений были быстро исчерпаны; но импортированные химикаты способствовали вытеснению местных производителей удобрений. Те же компании, которые занимались импортом удобрений, контролировали внутреннее оптовое распределение удобрений, используя местных торговцев в качестве посредников.

Увеличение производства было зафиксировано в коммерческих хозяйствах и на орошаемых территориях (где применялись удобрения и высокурожайные семена). Однако общая тенденция сводилась к усилению экономической и социальной поляризации в сельской местности, что выражалось в значительно более низких урожаях на менее продуктивных маргинальных землях, занятых бедным крестьянством. Даже в районах, где производство увеличилось, фермеры оказались в тисках торговцев семенами и удобрениями.

В 1997 году Атлантический центр Картера, активно продвигавший использование биотехнологий в селекции кукурузы, с гордостью объявил, что «Эфиопия впервые стала экспортером продовольствия»¹⁸⁰. Однако по иронии судьбы доноры потребовали ликвидации резервных запасов зерна (созданных после голода 1984–1985 годов), и власти согласились.

Вместо пополнения национальных запасов продовольствия зерно было экспортано для выполнения обязательств Эфиопии по обслуживанию долга. Близко к миллиону тонн урожая 1996 года было вывезено за границу — объем, который, согласно данным ФАО, был бы более чем достаточным для покрытия чрезвычайных нужд 1999–2000 годов. Фактически, тот же самый продукт питания (а именно кукуруза), который был экспортирован, был повторно импортирован всего через несколько месяцев. Мировой рынок конфисковал зерновые резервы Эфиопии.

Взамен излишки генетически модифицированной кукурузы из США (запрещенные в Европейском Союзе) сбрасывались на страны Африканского Рога в виде гуманитарной помощи. США нашли удобный механизм для «отмывания своих запасов грязного зерна».

Агробизнес-конгломераты не только монополизировали экспорт товаров из Эфиопии, но и участвовали в закупках зерна для чрезвычайных поставок обратно в страну. Во время голода 1998–2000 годов выгодные контракты на поставку кукурузы были заключены с гигантами зернового рынка, такими как Archer Daniels Midland (ADM) и Cargill Inc.¹⁸¹.

«Отмывание» излишков генно-модифицированного зерна в Америке

Излишки зерна в США, продаваемые в раздираемые войной страны, также способствовали ослаблению сельскохозяйственной системы. Около 500 тысяч тонн кукурузы и продуктов из кукурузы были «пожертвованы» в 1999-2000 годах АМР США агентствам по оказанию помощи, включая Всемирную продовольственную программу (ВПП), которая, в свою очередь, тесно сотрудничает с Министерством сельского хозяйства США. По меньшей мере 30% этих поставок (закупленных по контракту с американскими агропромышленными фирмами) представляли собой избыточные запасы генетически модифицированного зерна¹⁸².

Усиленный пограничной войной с Эритреей и тяжелым положением тысяч беженцев, приток некачественной продовольственной помощи способствовал загрязнению генофонда местных семян и местных сортов Эфиопии. По жестокой иронии судьбы продовольственные гиганты посредством закупок загрязненной продовольственной помощи в то же время получили контроль над банками семян Эфиопии. По данным южноафриканской газеты Biowatch: «К Африке относятся как к мусорной корзине мира... Пожертвование непроверенных продуктов питания и семян в Африку – это не акт доброты, а попытка вовлечь Африку в дальнейшую зависимость от иностранной помощи»¹⁸³.

Более того, часть «продовольственной помощи» была направлена в рамках программы «Продовольствие за работу», которая еще больше препятствовала внутреннему производству в пользу импорта зерна. Согласно этой схеме, обедневшие и безземельные фермеры в обмен на «пожертвованную» американскую кукурузу нанимались для работы по программам развития сельской инфраструктуры.

Одновременно денежные доходы мелких производителей кофе также резко упали. В то время как Pioneer Hi-Bred занималась распространением и маркетингом семян, Cargill Inc. закрепилась на рынках зерна и кофе через свою дочернюю компанию Ethiopian Commodities. Для более чем 700 тысяч мелких землевладельцев, владеющих менее чем двумя гектарами земли и производящих от 90 до 95% кофе в стране, deregulирование сельскохозяйственного кредитования в сочетании с низкими ценами на кофе на фермах привело к росту задолженности и безземелья, особенно в Восточном Годжаме (житнице Эфиопии).

Биоразнообразие выставлено на продажу

Обширные запасы традиционных сортов семян (ячмень, теф, нут, сорго и др.) в стране присваивались, генетически модифицировались и патентовались агробизнес-конгломератами: «Вместо компенсации и уважения эфиопы сегодня получают счета от иностранных компаний, которые "запатентовали" местные виды и теперь требуют оплаты

за их использование»¹⁸⁴. Основы «конкурентоспособной семенной индустрии» были заложены под эгидой МВФ и Всемирного банка¹⁸⁵. Эфиопское семенное предприятие (ESE), государственная монополия на семена, объединило усилия с компанией Pioneer Hi-Bred для распространения среди мелких фермеров гибридных и генетически модифицированных (ГМ) семян (вместе с гербицидоустойчивыми гибридами). В свою очередь, маркетинг семян был передан сети частных подрядчиков и «семенных предприятий» при финансовой поддержке и технической помощи Всемирного банка. «Неформальный» обмен семенами между фермерами планировалось преобразовать в рамках программы Всемирного банка в «формальную» рыночно-ориентированную систему «частных производителей-продавцов семян»¹⁸⁶.

В свою очередь, Эфиопский институт сельскохозяйственных исследований (EARI) начал сотрудничать с Международным центром улучшения кукурузы и пшеницы (CIMMYT) в разработке новых мексиканско-эфиопских гибридов сортов кукурузы¹⁸⁷. Изначально созданный в 1940-х годах компанией Pioneer Hi-Bred International при поддержке фондов Форда и Рокфеллера, CIMMYT установил тесные связи с американским агробизнесом. Вместе с британским Институтом Нормана Борлоуга CIMMYT превратился в исследовательский центр семенных конгломератов. По данным Фонда сельского прогресса (RAFI), «американские фермеры уже зарабатывают 150 миллионов долларов в год, выращивая сорта ячменя, выведенные из эфиопских штаммов. Однако никто в Эфиопии не выставляет им счетов»¹⁸⁸.

Последствия голода

Голод 1984–1985 годов серьезно угрожал запасам традиционных местных сортов семян в Эфиопии. В ответ на голод правительство Дерге через свой Центр генетических ресурсов растений в сотрудничестве с программой «Семена выживания» (SoS) реализовало программу по сохранению биоразнообразия Эфиопии¹⁸⁹. Эта программа, которая продолжалась при переходном правительстве, умело «сочетала сохранение и улучшение урожаев сельскими общинами с государственными службами поддержки»¹⁹⁰. Была создана обширная сеть фермерских участков и консервационных площадок, в которую вовлекли около 30 тысяч фермеров. В 1998 году, что хронологически совпало с началом голода 1998–2000 годов, правительство закрыло программу «Семена выживания» (SoS) и приказало свернуть ее деятельность¹⁹¹.

Скрытая цель заключалась в конечном итоге в вытеснении традиционных сортов и местных сортов, воспроизводимых в питомниках на уровне деревень. Последние снабжали более 90% крестьянства через систему обмена между фермерами. Несомненно, голод 1998–2000 годов привел к дальнейшему истощению местных банков семян: «Запасы зерна, которые [фермер] обычно хранит, чтобы пережить трудные времена, пусты. Как и 30 тысяч других домохозяйств в районе [Галга], его семья съела свои запасы семян для посева следующего урожая»¹⁹². Аналогичный процесс разворачивался и в производстве кофе, где генетический фонд (разнообразие сортов) зерен арабики оказался под угрозой в результате обвала фермерских цен и обнищания мелких землевладельцев.

Голод, во многом порожденный экономическими реформами, навязанными Международным валютным фондом, Всемирным банком и правительством США в интересах крупных корпораций, стал инструментом подрыва генетического разнообразия сельхозкультур Эфиопии, открыв двери для биотехнологических гигантов. Ослабление традиционных систем обмена привело к тому, что деревенские семенные банки стали наполняться коммерческими гибридными и генетически модифицированными семенами. Этот процесс был тесно связан с программами «продовольственной помощи», где раздача семян обнищавшим фермерам стала частью стратегии. Пакеты помощи от Всемирной продовольственной программы (WFP) и Агентства США по международному развитию (USAID) часто включали «пожертвования» семян и удобрений, что способствовало проникновению агропромышленных и биотехнологических компаний в сельскохозяйственные регионы Эфиопии. Однако чрезвычайные программы, вместо того чтобы стать решением, лишь усугубили проблему, создавая зависимость от генетически модифицированных семян и закладывая основы для будущих кризисов голода.

Эта разрушительная модель, неизменно ведущая к голоду, повторяется по всей Африке к югу от Сахары. С началом долгового кризиса в 1980-х годах МВФ и Всемирный банк подготовили почву для упадка крестьянской экономики, что имело катастрофические последствия для региона. Спустя пятнадцать лет после последнего крупного голода, унесшего жизни почти миллиона человек, Эфиопия вновь оказалась на грани катастрофы. На этот раз, когда восемь миллионов человек стоят перед угрозой голодной смерти, становится ясно, что виной всему не только капризы погоды, но и глубоко укоренившиеся структурные проблемы, порожденные глобальной экономической политикой.

ЧАСТЬ III

ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Глава 10

Индия: «косвенное правило» МВФ

История опосредованного управления в Индии насчитывает много веков: раджпуты и многочисленные княжества обладали значительной автономией в рамках британской колониальной администрации. Однако в условиях сотрудничества с МВФ и Всемирным банком финансовый министр Индии фактически подчиняется исключительно указаниям из Вашингтона, минуя местный парламент и демократические процессы. Бюджетные тексты, формально создаваемые в Дели индийскими государственными служащими, постепенно превращаются в повторяющиеся документы, поскольку их основные положения уже закреплены в кредитных соглашениях с международными финансовыми учреждениями.

Введение

Хотя в 1991 году финансовая поддержка МВФ правительству меньшинства под руководством премьер-министра Нарсимхи Рао не предвещала катастрофы, сходной с экономическими кризисами в Латинской Америке и Восточной Европе, Индия столкнулась с тяжелейшими социальными последствиями. Введение программы МВФ в июле того года изменило жизнь сотен миллионов индийцев. Несмотря на отсутствие гиперинфляции и коллапса валютного рынка, страна с населением в 900 миллионов человек переживала хронический голод и социоэкономическую депрессию.

После крушения правительства Джаната Дал в 1990 году и убийства Раджива Ганди 21 мая 1991 года, Индия вступила в соглашение с МВФ, которое предполагало экспорт около 47 тонн золота для удовлетворения требований международных кредиторов. Однако, этот договор обеспечивал лишь временное облегчение: при долговом бремени свыше 80 миллиардов долларов США кредиты лишь незначительно помогали обслуживать долг¹⁹³. «Экономическая операция» МВФ заставила правительство сократить социальные расходы, отменить государственные субсидии и продавать прибыльные предприятия иностранным инвесторам. Либеральные реформы, включая поддержку иностранного капитала, привели к массовым банкротствам среди местных предпринимателей. Кредитное соглашение должно было облегчить экономические трудности, но на практике вызвало стагфляцию и усилило кризис платежного баланса. Либерализация разрушила внутреннее производство, так как иностранный капитал захватывал рынок Индии.

В июле 1991 года был учрежден Национальный фонд обновления, созданный для поддержки уязвимых групп работников и по призванный успокоить профсоюзное движение. Однако эта политика лишь усилила экономические проблемы, приведя к массовым увольнениям и ликвидации предприятий, активно способствующих экономике страны. Страны Большой семерки использовали кризис в своих интересах, посягая на внутренний рынок Индии, а также пытаясь добиться – с помощью правил ГATT (Генеральное соглашение по тарифам и торговле) о правах интеллектуальной

собственности – отмены индийского Закона о патентах 1970 года. Это позволило бы им регистрировать патенты на продукцию как в обрабатывающей промышленности, так и в сельском хозяйстве (через права селекционеров), тем самым фактически получая контроль над значительной частью индийской экономики.

Следует отметить, что «политика выхода» как таковая не решала значимым образом серьезные проблемы бюрократии и бесхозяйственности предприятий государственного сектора, а также необходимости модернизации индийской промышленности. В то время как программа МВФ лишила Индию возможности автономного национального капиталистического развития (ее скрытая программа), реформы, тем не менее, получили твердую поддержку крупнейших деловых домов Индии (в хрупком союзе с лобби землевладельцев из высшей касты). Тата и Бирла все больше отождествляют себя с иностранным капиталом и глобальной рыночной экономикой, а не с «национальными интересами». Наблюдается тенденция к усилению концентрации собственности. Льготное кредитование малых и средних предприятий ликвидируется, и семьи крупных бизнесменов в партнерстве с иностранным капиталом быстро осваивают различные сферы, ранее сохранявшиеся за мелкой промышленностью (т. е. в мелких промышленных единицах).

Так называемая «политика выхода», предложенная правительством и МВФ, рассматривалась крупными промышленными корпорациями как «возможность изменить трудовое законодательство и избавиться от наших рабочих». Заключение субподрядных договоров с небольшими заводами, где преобладает временный и неорганизованный труд, оказывается экономически выгодным¹⁹⁴. Например, транснациональная компания Bata, известный производитель обуви, выплачивает своим фабричным работникам, состоящим в профсоюзах, 80 рупий в день (около 3 долларов США). Однако благодаря реформам трудового законодательства компания получает возможность увольнять своих сотрудников и переходить на субподряды с независимыми сапожниками, предлагая им оплату не более 25 рупий в день (примерно 1 доллар). Подобная практика становится все более распространенной в таких отраслях, как джутовая, швейная и машинная промышленность, где крупные корпорации предпочитают сокращать штат в современном секторе, перекладывая производство на субподрядчиков.

Сокращение бедности в сельской и городской местности

Программа МВФ, вместо расширения трудового законодательства для защиты временных и сезонных работников, предложила «помочь бедным» путем полной отмены трудовых норм, аргументируя это тем, что такие законы якобы «благоприятствуют рабочей аристократии» и «дискриминируют» неорганизованные слои рабочей силы. Ни правительство, ни МВФ не учитывали более широкие социальные последствия новой экономической политики для сельскохозяйственных рабочих, ремесленников и малых предприятий.

В Индии более 70% сельских домохозяйств составляют мелкие маргинальные фермеры или безземельные сельскохозяйственные работники, что в совокупности охватывает более 400 миллионов человек. В орошаемых районах сельскохозяйственные рабочие заняты около 200 дней в году, а в неорошаемых — всего 100 дней. Постепенная

отмена субсидий на удобрения (одно из ключевых условий соглашения с МВФ) и рост цен на сельскохозяйственные ресурсы и топливо привели к банкротству множества мелких и средних фермеров. Цены на химические удобрения взлетели на 40% сразу после введения Новой экономической политики в 1991 году.

Миллионы безземельных сельскохозяйственных рабочих, принадлежащих к зарегистрированным и отсталым кастам, уже находившиеся значительно ниже официальной черты бедности, оказались раздавлены новой экономической политикой министра финансов Манмохана Сингха. Эти люди стали своего рода «неприкасаемыми экономической политики». Для элиты высших каст хариджаны — это те, кто не имеет значения. Влияние «экономического лекарства» МВФ на эти слои рабочей силы тщательно игнорировалось. Ни МВФ, ни правительство не предложили «политики выхода» для неорганизованных секторов. Как заявил сам Манмохан Сингх: «У кустарной промышленности нет проблем, потому что заработка снижается»¹⁹⁵.

Реальность минимальной заработной платы

В Тамилнаде, например, в 1992 году минимальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих, установленная правительством штата, составляла 15 рупий в день (0,57 доллара США). Однако трудовое законодательство оставалось лишь на бумаге: фактическая оплата труда была значительно ниже минимальной нормы. Например, за пересадку риса рабочим платили от 3 до 5 рупий в день, а на тяжелых строительных работах мужчины получали от 10 до 15 рупий, женщины — от 8 до 10 рупий¹⁹⁶. За исключением, пожалуй, штатов Керала и Западная Бенгалия, законодательство о минимальной заработной плате оказалось практически бесполезным в защите прав сельскохозяйственных рабочих.

Эксплуатация детского труда

На национальной автомагистрали Хайдараабад-Бангалор можно наблюдать, как дети, работающие на известняковых рудниках Дхоне, переносят тяжелые грузы в бамбуковых корзинах, поднимаясь по лестнице из 60 ступеней, чтобы выгрузить известняк в высокие печи для обжига кирпича. И взрослым, и детям платят 9,50 рупий в день; повышения заработной платы не было с момента принятия союзного бюджета в июле 1991 года. «Мы должны работать здесь, несмотря на ядовитые испарения, жару и пыль, — говорят они. — Но здесь платят больше, чем на фермах»¹⁹⁷.

«Искоренение бедности» посредством голодной смерти

В период после обретения независимости случаи смерти от голода ограничивались в основном периферийными племенными районами (например, в Трипуре или Нагаленде). Это уже не так, есть свидетельства того, что голод стал широко распространенным после принятия Новой экономической политики в 1991 году. Исследование смертности от голода среди ткачей ручных ткацких станков в относительно процветающей сельской общине в штате Андхра-Прадеш, проведенное в течение нескольких месяцев после реализации Новой экономической политики 1991 года, позволяет нам точно определить механизм передачи, лежащий в основе программы, спонсируемой МВФ. Девальвация национальной валюты и снятие ограничений на экспорт хлопчатобумажной пряжи привели к резкому росту

внутренних цен на неё. В результате ставка оплаты труда ткачей («пачама», эквивалентная 24 метрам ткани), установленная посредниками по старой системе расчётов, резко снизилась, фактически приведя к значительному падению доходов ткачей.

Радхакришнамурти и его жена могли ткать от трех до четырех пачамов в месяц, принося домой скучный доход в 300–400 рупий на семью из шести человек, затем появился Союзный бюджет от 24 июля 1991 года, цены на хлопчатобумажную пряжу подскочили, а финансовое бремя было переложено на ткача. Доход семьи Радхакришнамурти снизился до 240–320 рупий в месяц¹⁹⁸.

Радхакришнамурти из деревни Голлапалли в районе Гунтур умер от голода 4 сентября 1991 года. В период с 30 августа по 10 ноября 1991 года только в двух районах штата Андхра-Прадеш было зарегистрировано не менее 73 случаев смерти от голода. Программа МВФ и Всемирного банка, а не «ликвидация бедности», как утверждал тогдашний президент Всемирного банка Льюис Престон, на самом деле способствовала «искоренению бедных». В сочетании с 50-процентным ростом цен на рис (что произошло в результате девальвации и отмены субсидий на продовольствие и удобрения), реальные доходы рабочих, занятых на ручных ткацких станках, сократились более чем на 60% в течение шести месяцев после принятия программы МВФ в 1991 году¹⁹⁹. По всей Индии насчитывается 3,5 миллиона ручных ткацких станков, обеспечивающих население около 17 миллионов человек.

Аналогичная ситуация сложилась в большинстве мелких сельских и городских кустарных производств, работающих по системе выдачи. Например, в Индии насчитывается более миллиона огранщиков алмазов, обеспечивающих население почти в пять миллионов человек. Крупные компании по экспорту алмазов, базирующиеся в Бомбее, импортируют необработанные алмазы из Южной Африки и передают работу по субподряду через посредников сельским мастерским в Махараштре. Семь из 10 алмазов, проданных в Западной Европе и США, огранены в Индии. В то время как в богатых странах бриллианты считаются «лучшими друзьями девушек», в Индии по словам крупного экспортёра алмазов, бедность является необходимым фактором в этой прибыльной экспортной деятельности:

«Производство ювелирных изделий строится на низкой стоимости рабочей силы. Несмотря на рост цен на продовольствие, мы не увеличивали оплату сельских рабочих в местной валюте (рупиях). После девальвации стоимость нашей рабочей силы в долларовом эквиваленте снижается, что повышает нашу конкурентоспособность на международном рынке. Часть полученной выгоды мы делимся с нашими иностранными клиентами»²⁰⁰.

МВФ поддерживает кастовую эксплуатацию

Программа, предложенная Международным валютным фондом и Всемирным банком, настоятельно рекомендовала отмену законодательства о минимальной заработной плате и деиндексацию доходов. Эта так называемая «либерализация» рынка труда, по сути, укрепила деспотические общественные порядки, легитимизируя на практике кастовую эксплуатацию, полурабский труд и даже использование детского труда. В соответствии с директивами Всемирного банка, бедных фермеров лишили прав владения землей, а официальное снятие ограничений на земельные владения приводило к экспроприации

общинных земель феодалами-помещиками и кулаками. Либерализация банковской системы, включая ликвидацию сельских кредитных кооперативов, лишь усилила влияние деревенских ростовщиков²⁰¹.

Программа МВФ превратилась в инструмент, который можно охарактеризовать как «экономический геноцид»: сотни миллионов человек — сельскохозяйственные рабочие, ремесленники, мелкие торговцы — выживали на доходы, не превышающие 50 центов в день, в то время как внутренние цены, следуя логике мер МВФ, поднимались до мирового уровня²⁰². Резкий рост цен на рис и пшеницу более чем на 50% в течение года после принятия новой экономической политики в июле 1991 года, наряду с сокращением числа рабочих дней как в орошающем, так и в неорошающем земледелии, погрузил широкие слои сельского населения в состояние хронического голода. Этот процесс не имел аналогов по масштабу со времен величайшего голода в Бенгалии в 1940-х годах²⁰³. При этом, вопреки логике, падение внутреннего потребления продовольствия сопровождалось увеличением экспорта риса. Как заявили представители Tata Exports: «Девальвация пошла нам на пользу. Вместе с отменой количественных ограничений на экспорт риса мы ожидаем увеличения продаж на мировом рынке на 60%»²⁰⁴.

Бедность стала двигателем экспорта в богатые страны. Реформы МВФ и Всемирного банка питались нищетой населения и сокращением внутреннего рынка. Несмотря на то, что население Индии превышает численность всех стран ОЭСР вместе взятых (около 750 миллионов человек), экономические реформы привели к радикальной переориентации индийской экономики на экспорт. Согласно логике программы структурной перестройки, единственным жизнеспособным рынком оставался рынок богатых стран. Внутреннее потребление сокращалось, а производственная система Индии перестраивалась на обслуживание международного рынка. Бедность стала ключевым фактором, определяющим предложение: стоимость рабочей силы в долларовом выражении была крайне низкой, а внутренняя покупательная способность — ничтожной. Например, после мер, принятых при поддержке МВФ в 1991 году, объем продаж ткани в Индии упал до 8 метров на душу населения в год (по сравнению с 16 метрами в 1965 году и 10 метрами в 1985 году) — этого едва хватало на сари и блузку.

На пути к политическому краху

На фоне активных сепаратистских движений в Кашмире, Пенджабе и Ассаме, беспорядков в Амритсаре и неустойчивого перемирия вдоль «линии контроля» с Пакистаном, экономическая политика, навязанная МВФ, лишь усугубила поляризацию индийского общества. Она создала предпосылки для потенциального политического распада Индийского союза. Жесткие меры экономии, введенные МВФ, обострили напряженность между центральным правительством и правительствами штатов. В целом, экономическая программа способствовала усилению религиозной и этнической вражды.

После реформ в Партии Конгресса сохранились глубокие разногласия по вопросам экономической политики, а несколько министров кабинета открыто выступили против пакета МВФ. Рост цен на продовольствие подорвал поддержку Конгресса со стороны широких масс, а его сближение с Израилем после войны в Персидском заливе (отчасти под

давлением США) запятнало имидж партии как светской силы, что привело к усилению позиций Мусульманской лиги.

Как индуистский, так и исламский фундаментализм пытаются бедностью масс. Главная оппозиционная партия, индуистская Бхаратия джаната парти (БДП), риторически осудила политику «открытых дверей» правительства. Ссылаясь на свадеши (самостоятельность) Махатмы Ганди, правая военизированная националистическая организация Раштрия Сваямсевак Сангх (РСС) – фундаменталистское движение БДП – призвало к массовому бойкоту иностранных товаров. В свою очередь, Национальный фронт (НФ) и Левый фронт (ЛФ), возглавляемые Коммунистической (марксистской) партией Индии, опасались, что в случае падения правительства Конгресса меньшинства к власти придет БДП. В 1996 году, после поражения Конгресса на парламентских выборах, БДП сформировала правительство, которое в значительной степени продолжило реформы МВФ, начатые при правительстве Конгресса в начале 1990-х годов.

Косвенное правило МВФ

Базирующаяся в Вашингтоне международная бюрократия установила в Индии «параллельное правительство», которое опирается на эти внутренние социальные, религиозные и этнические разногласия («разделяй и властвуй»). После периода чрезвычайного положения в середине 1970-х годов и в еще большей степени после возвращения к власти Индиры Ганди в 1980 году бывшие сотрудники МВФ и Всемирного банка заняли ключевые консультативные должности в министерствах центрального правительства.

Со времени чрезвычайного положения в середине 1970-х годов и, что еще более настойчиво, после возвращения к власти Индиры Ганди в 1980 году, бывшие сотрудники МВФ и Всемирного банка заняли ключевые консультативные должности в министерствах центрального правительства. Неудивительно, что МВФ считает, что:

В целом вести переговоры с индийскими чиновниками было легко. По сравнению с другими странами третьего мира, где за столом переговоров можно видеть много мрачных лиц, их экономическое мышление в значительной степени двигалось в том же направлении, а отношение было самым примирительным²⁰⁵.

Под пристальным надзором Международного валютного фонда (МВФ) была внедрена ежеквартальная система мониторинга, интегрированная в компьютеризированную инфраструктуру Министерства финансов. В рамках этой системы представители МВФ и Всемирного банка получают доступ к ключевым макроэкономическим показателям не позднее чем через шесть недель после завершения квартала. Как отметил представитель МВФ в Дели: «Мы подходим к мониторингу с предельной серьезностью, тщательно анализируя всю поступающую информацию (...) и проявляем особую бдительность, чтобы избежать возможных манипуляций со стороны правительства». Около 40 ключевых экономических индикаторов подвергаются ежеквартальной проверке со стороны МВФ.

Кроме того, в соглашение были включены десять «структурных ориентиров», которые, не являясь прямыми условиями кредитного договора, охватывают широкий

спектр структурных реформ, которые МВФ ожидает рассмотреть в ходе будущих переговоров о кредитовании²⁰⁶.

Несмотря на четко обозначенные цели по сокращению бюджетного дефицита, закрепленные в кредитных соглашениях, главная задача МВФ заключалась в обеспечении контроля над процессом финансовой стабилизации, создавая систему, в которой правительство оказывалось в своеобразной «смирильной рубашке», лишаясь возможности свободно управлять основными инструментами фискальной и монетарной политики. Такие условия изначально ограничивали потенциал для экономического роста. Однако МВФ не фокусировался исключительно на цифрах. На самом деле, ключевое значение имели именно «структурные ориентиры», а не количественные показатели. Важным было соответствие тем негласным ожиданиям, которые понимались обеими сторонами, но не всегда фиксировались в письменных условиях соглашения: «Правительство должно подавать нам сигналы о том, что оно движется в верном направлении»²⁰⁷.

В рамках сложившихся «отношений» между правительством и washingtonскими институтами ключевые документы государственной политики разрабатывались непосредственно МВФ и Всемирным банком от имени Министерства финансов. Индийская пресса с долей иронии отмечала, что Меморандум об экономической политике от 27 августа 1991 года — ключевой документ, заложивший основу первоначального соглашения с МВФ, — а также сопроводительное письмо, адресованное директору-распорядителю МВФ г-ну Мишелю Камдессю, были составлены с использованием «американского стиля» (вероятно, подготовлены в Вашингтоне), что контрастировало с традиционным британским стилем, орографией и конструкциями, привычными для индийских чиновников:²⁰⁸

«Да, сэр, есть ужасные ошибки грамматики, орографии и синтаксиса. Но не я печатал это, сэр. Письмо поступило от Всемирного банка за вашей подписью»²⁰⁹.

За несколько дней до оглашения союзного бюджета, намеченного на 29 февраля 1992 года в Лок Сабхе, стало ясно, что ключевые бюджетные предложения не только оказались «слиты» министром финансов в письме, адресованном президенту Всемирного банка Льюису Престону, но, что гораздо важнее, сам бюджет уже был неразрывно связан с условиями, закрепленными в соглашении о займе на структурную перестройку, подписанном со Всемирным банком еще в декабре 1991 года²¹⁰.

Глава 11

Бангладеш: под опекой «консорциума помощи»

Военный переворот 1975 года

Военный переворот августа 1975 года привел к убийству президента Муджибура Рахмана и установлению военной хунты. Авторам переворота помогали ключевые лица из Службы национальной безопасности Бангладеш и офиса ЦРУ при американском посольстве в Дакке²¹¹. За несколько месяцев, предшествовавших заговору с убийством, Госдепартамент США уже разработал основу для «стабильного политического перехода», который должен быть осуществлен после военного переворота.

Инициатива Вашингтона была решительно поддержанна Бреттон-Вудскими учреждениями: менее чем за год до убийства шейха Муджиба международные кредиторы Дакки потребовали создания «консорциума помощи» под эгидой Всемирного Банка. Хотя программа «структурной перестройки» еще не была официально запущена, экономический пакет Бангладеш середины 1970-х годов содержал большинство ее основных компонентов. Во многих отношениях Бангладеш была «лабораторным испытанием» — страной, в которой можно было экспериментировать с «экономической медициной» МВФ на пробной основе (до долгового кризиса начала 1980-х годов). Была разработана программа экономической стабилизации: девальвация и либерализация цен способствовали обострению ситуации голода, разразившегося в ряде регионов страны.

После свержения и убийства шейха Муджиба продолжение военной помощи США Бангладеш было обусловлено соблюдением страной политических предписаний Имо. Госдепартамент США оправдывал свою программу помощи новому военному режиму тем, что внешняя политика нынешнего правительства была «прагматичной и нейтральной». Соединенные Штаты должны были поддерживать это неприсоединение и помогать Бангладеш в экономическом развитии²¹².

Создание параллельного правительства

Бангладеш находится под постоянным контролем международного сообщества доноров с момента прихода к президентскому посту в 1975 году генерала Зиаура Рахмана (в свою очередь убитого в 1981 году), а также во время правления генерала Хусейна Мухаммеда Эршада (1982-90)²¹³. Государственный аппарат находился под твердым контролем МФИ и агентств помощи в сговоре с доминирующей военной кликой. С момента своего открытия «консорциум помощи» ежегодно собирался в Париже. Правительству Дакки обычно предлагалось прислать наблюдателей на эту встречу.

МВФ открыл офис связи на четвертом этаже центрального банка Бангладеш; консультанты Всемирного банка присутствовали в большинстве министерств. Азиатский банк развития, контролируемый Японией, также сыграл важную роль в формировании макроэкономической политики. Ежемесячные рабочие встречи, проводимые под покровительством офиса Всемирного банка в Дакке, позволили различным донорам и агентствам эффективно «координировать» (вне министерств) ключевые элементы государственной экономической политики.

В 1990 году растущая оппозиция военной диктатуре, а также отставка генерала Хусейна Мухаммеда Эршада, обвиненного во взяточничестве и коррупции, способствовали формированию временного правительства и проведению парламентских выборов. Переход к «парламентской демократии» при правительстве г-жи Халеды Зии, вдовы президента генерала Заиура Рахмана, однако, не способствовал серьезному сдвигу в структуре государственных институтов. Преемственность во многих отношениях сохранилась: многие из бывших соратников генерала Эршада были назначены на ключевые посты в новом «гражданском» правительстве.

Установление фиктивной демократии

Экономические реформы, спонсируемые МВФ, способствовали укреплению «экономики рантье», контролируемой национальными элитами и в значительной степени зависящей от внешней торговли и повторного использования денег, полученных в результате помощи. С восстановлением «парламентской демократии» влиятельные лица в вооруженных силах укрепили свои деловые интересы²¹⁴. Правительственная партия, Национальная Партия Бангладеш (НПБ), находилась под защитой доминирующей военной клики.

После восстановления формальной демократии в 1991 году дочь убитого президента Муджиба Рахмана Шейх Хасина Ваджед из партии «Авами Лига» стала лидером оппозиции. Поскольку общественное мнение сосредоточилось на соперничестве в парламенте между «вдовой» и «сиротой», отношения местныхластных групп, включая военных, с «агентствами по оказанию помощи» и донорами остались практически незамеченными.

Сообщество доноров стало во имя «хорошего управления» защитником фиктивного демократического фасада, контролируемого вооруженными силами и тесно связанного с фундаменталистским движением Джамаат-и-Ислами. В некоторых отношениях Бегум Зия стала более послушной «политической марионеткой», чем свергнутый военный диктатор генерал Эршад.

Надзор за распределением государственных средств

«Консорциум помощи» взял под контроль государственные финансы Бангладеш. Однако этот процесс заключался не только во введении жесткой бюджетной и монетарной экономии: доноры непосредственно контролировали распределение средств и определение приоритетов развития. По словам советника Всемирного банка:

«Мы не хотим заключать соглашение по каждому инвестиционному проекту, мы хотим навести дисциплину. Нравится ли нам список проектов? Какие проекты следует сохранить? Есть ли в списке «собаки», бесполезные или слабые проекты, которые не стоит финансировать?»²¹⁵

Более того, в соответствии с положениями кредита на управление государственными ресурсами (1992 г.) Всемирный банк получил контроль над всем бюджетным процессом, включая распределение государственных расходов между отраслевыми министерствами и структуру операционных расходов в каждом из министерств:

«Конечно, мы не можем писать за них бюджет! Переговоры в этом отношении являются сложными. Тем не менее, мы следим за тем, чтобы они двигались в правильном направлении (...). Наши люди работают с ребятами в министерствах и показывают им, как готовить бюджеты»²¹⁶.

Консорциум помохи также контролировал реформы банковской системы, проводимые при правительстве г-жи Халеды Зии. Были объявлены увольнения, полугосударственные предприятия были закрыты. Жесткая бюджетная экономия не позволила правительству мобилизовать внутренние ресурсы. Более того, для большинства государственных инвестиционных проектов «консорциум помохи» требовал системы международных тендеров. Крупные международные строительные и инжиниринговые компании взяли на себя процесс формирования внутреннего капитала в ущерб предприятиям местного уровня.

Подрыв сельской экономики

МВФ также навязал отмену субсидий сельскому хозяйству, что в начале 1980-х годов способствовало банкротству мелких и средних фермеров. Результатом стало заметное увеличение числа безземельных фермеров, которые были изгнаны на маргинальные земли, пострадавшие от периодических наводнений. Более того, либерализация сельскохозяйственного кредита не только способствовала фрагментации земельных владений (и без того испытывавших значительный стресс в результате демографического давления), но также и усилиению традиционного ростовщичества и роли деревенских ростовщиков.

В результате отсутствия кредитов мелким фермерам владельцы ирригационной техники укрепили свои позиции как новый класс рантье «водных лордов». Однако эти события не привели к «модернизации» сельского хозяйства (например, как в Пенджабе), основанной на формировании класса богатых фермеров-предпринимателей. Программа структурной перестройки с самого начала препятствовала развитию капиталистического сельского хозяйства. Помимо пренебрежения сельскохозяйственной инфраструктурой, Бреттон-Вудские институты требовали либерализации торговли и deregулирования рынков зерна. Эта политика способствовала стагнации продовольственного сельского хозяйства на внутреннем рынке.

Ярким примером реструктуризации, инициированной Международным Валютным Фондом, стала ситуация в джутовой отрасли Бангладеш. Хотя мировые цены на этот материал стремительно падали, джут продолжал оставаться важным источником притока иностранной валюты в страну, сталкиваясь с жесткой конкуренцией со стороны искусственных аналогов, выпускаемых крупнейшими международными производителями тканей.

Была ли эта борьба честной? Одним из условий предоставления бангладешскому правительству льготного займа в рамках программы структурной перестройки было закрытие примерно трети предприятий джутового сектора — как государственных, так и частных компаний, что привело к увольнению около 35 тысяч работников²¹⁷.

В то время как последние должны были получать выходное пособие, МВФ не принял во внимание влияние программы реструктуризации примерно на три миллиона сельских домохозяйств (18 миллионов человек), выживание которых зависело от выращивания джута.

Демпинг излишков зерна Соединённых Штатов

Расширение дерегулирования аграрного рынка стало инструментом реализации политики, направленной на обеспечение экспорта избыточных объёмов американской сельскохозяйственной продукции под лозунгом «Продовольственная помощь США». Государственные программы «Продовольствие за труд», реализуемые агентством международного развития США, активно применялись для финансирования местных инфраструктурных проектов путём оплаты труда беднейших сельских жителей непосредственно зерном, вытесняя таким образом продукцию местного производства и вызывая дисбаланс внутренних рынков продовольствия.

Стоит отметить, что продажа американского зерна на местном рынке служила двум взаимосвязанным целям. Во-первых, сильно субсидированное американское зерно было разрешено конкурировать непосредственно с местными продуктами питания, тем самым подрывая развитие местных производителей. Во-вторых, продажи американского зерна на местном рынке использовались для создания «контрсредств». Последние, в свою очередь, направлялись на проекты развития, контролируемые Агентством США по международному развитию, то есть те, которые по своей природе поддерживали зависимость Бангладеш от импортируемого зерна.

Например, встречные фонды, полученные от продаж зерна (в рамках Закона о публичной помощи № 480), использовались в начале 1990-х годов для финансирования Института сельскохозяйственных исследований Бангладеш. В рамках этого проекта Агентство США по международному развитию определяло приоритетные направления исследований, подлежащих финансированию.

Подрыв продовольственной самообеспеченности

Есть свидетельства того, что продовольственная самообеспеченность в Бангладеш действительно могла быть достигнута за счет расширения орошаемых пахотных земель, а также за счет комплексной аграрной реформы²¹⁸. Более того, недавнее исследование показало, что риски наводнений можно значительно снизить за счет развития соответствующей инфраструктуры.

Однако программа структурной перестройки стала основным препятствием на пути достижения этих целей. Во-первых, это препятствовало развитию независимой аграрной политики; во-вторых, оно намеренно наложило ограничения (посредством Программы государственных инвестиций под надзором Всемирного банка) на государственные инвестиции в сельское хозяйство. Эта «запрограммированная» стагнация продовольственного сельского хозяйства также послужила интересам производителей зерна в США. Жесткая бюджетная экономия, введенная «консорциумом помощи», помешала мобилизации внутренних ресурсов для поддержки сельской экономики.

Судьба местной промышленности

Война за независимость привела к упадку промышленного сектора, развивавшегося с 1947 года, и массовому исходу предпринимателей и специалистов²¹⁹. Более того, экономические последствия войны были тем более разрушительными, что «консорциум помощи» не предоставил Бангладеш «передышки» для восстановления ее истерзанной войной экономики и развития ее человеческих ресурсов.

Программа структурной перестройки, принятая в несколько этапов с 1974 года, нанесла смертельный удар по промышленному сектору страны. Макроэкономические рамки, установленные Бреттон-Вудскими учреждениями, способствовали подрыву существующей промышленной структуры и в то же время препятствовали развитию новых областей промышленной деятельности, ориентированных на внутренний рынок.

Более того, из-за фрагментированной сельскохозяйственной системы и фактического отсутствия сельского производства возможности трудоустройства в несельскохозяйственном секторе в сельской местности Бангладеш более или менее отсутствовали. Городская промышленность в основном ограничивалась экспортным швейным сектором, который в значительной степени зависел от дешевой рабочей силы из сельских районов. По словам постоянного представителя МВФ в Дакке, единственными жизнеспособными отраслями являются те, которые в большом количестве используют дешевую рабочую силу для экспортного сектора:

Возникает закономерный вопрос: какую именно сферу экономической активности государство стремится сохранить в современных реалиях? Ответ прост: фактически сохранять нечего. Местные предприниматели стремятся постоянно получать государственную поддержку лишь потому, что обладают конкурентными преимуществами исключительно в тех сегментах экономики, где основным ресурсом выступает низкоквалифицированный ручной труд²²⁰.

С точки зрения МВФ, швейная промышленность должна была стать основным источником занятости в городах. В швейной промышленности занято около 300 тысяч рабочих, большинство из которых — молодые девушки. 16% этой рабочей силы составляют дети в возрасте от 10 до 14 лет. Большинство работников происходят из бедных сельских районов²²¹. Производство на фабриках характеризуется принудительной сверхурочной работой и деспотическим управлением. Заработная плата, включая сверхурочную работу (1992 г.), составляет порядка 20 долларов США в месяц. В 1992 году публичное собрание швейников было жестоко подавлено вооруженными силами. По мнению правительства, требования рабочих представляли угрозу платежному балансу.

Круговорот средств помощи

Хотя многие благотворительные и неправительственные организации участвуют в значимых проектах на низовом уровне, некоторые из схем «борьбы с бедностью» вместо помощи бедным представляют собой важный источник дохода для городских специалистов и бюрократов. Через различные местные исполнительные агентства, базирующиеся в Дакке, местные элиты стали брокерами и посредниками в области развития, действующими от имени международного сообщества доноров. Средства, предназначенные для сельской

бедноты, часто способствовали обогащению офицеров и чиновников. Эти «деньги на помощь» были обращены в инвестиции в коммерческую недвижимость, включая офисные здания, роскошные кондоминиумы и т. д.

«Социальные аспекты адаптации»

Бангладеш с населением более 130 миллионов человек входит в число беднейших стран мира. В 1992 году доход на душу населения составлял порядка 170 долларов США в год. Годовые расходы на здравоохранение в 1992 году составляли порядка 1,50 доллара на душу населения (из которых менее 25 центов на душу населения было потрачено на основные фармацевтические препараты)²²². За исключением планирования семьи, социальные расходы считались чрезмерными: в 1992-93 годах бангладешский «консорциум помощи» потребовал от правительства провести еще один раунд «рентабельных» сокращений бюджетов социального сектора.

Недоедание также характеризовалось высокой распространенностью дефицита витамина А (в результате диеты, состоящей почти исключительно из зерновых). Многие дети и взрослые, особенно в сельской местности, ослепли из-за дефицита витамина А.

В ряде регионов страны хронический голод стал привычным явлением. Встреча «консорциума помощи» Бангладеш в Париже в 1992 году призывала правительство миссис Халеды Зии ускорить реализацию реформ как средства «борьбы с бедностью». Правительству Бангладеш было сообщено (в соответствии с новыми руководящими принципами президента Всемирного банка Льюиса Престона), что донорская поддержка будет предоставляться только тем странам, «которые прилагают серьезные усилия в области сокращения бедности».

В 1991 году в результате наводнения, охватившего страну, погибло 140 тысяч человек (большинство из которых были безземельными крестьянами, изгнанными в районы, пострадавшие от повторяющихся наводнений). 10 миллионов человек (почти 10% населения) остались без крова²²³. Однако в этой «официальной» статистике не учитывались те, кто умер от голода после катастрофы. В то время как различные агентства по оказанию помощи и доноры подчеркивали пагубную роль климатических факторов, голод 1991 года усугубился в результате макроэкономической политики, поддерживаемой МВФ. Во-первых, ограничения на государственные инвестиции в сельское хозяйство и предотвращение наводнений, введенные донором с 1970-х годов, способствовали стагнации сельского хозяйства. Во-вторых, девальвация, проведенная вскоре после наводнения 1991 года, привела к 50-процентному увеличению розничных цен на рис в год. И этот голод был тем более серьезным, что большая часть чрезвычайной помощи, предоставленной донорами, была присвоена привилегированной городской элитой.

Глава 12

Послевоенное экономическое разрушение Вьетнама

Социальные последствия структурной перестройки, проводимой во Вьетнаме с середины 1980-х годов, разрушительны. Поликлиники и больницы закрылись, на местном уровне разразился голод, от которого пострадало до четверти населения страны, а три четверти миллиона детей бросили школьную систему. За первые четыре года реформ произошел всплеск инфекционных заболеваний, при этом число зарегистрированных случаев смерти от малярии утроилось. Пять тысяч (из 12 тысяч) государственных предприятий обанкротились, более миллиона рабочих и около 200 тысяч государственных служащих, в том числе десятки тысяч учителей и медицинских работников, были уволены.

Секретное соглашение, заключенное в Париже в 1993 году, фактически вынуждало Вьетнам «возместить» Вашингтону военные расходы. От Ханоя потребовали признать долги несуществующего сайгонского режима генерала Тхьеу в обмен на предоставление новых кредитов и снятие американского эмбарго. Завоевания многолетней борьбы и надежды всей нации оказались стерты буквально «одним росчерком пера».

Ни бомбы, ни напалм, ни ядовитые химические вещества больше не были нужны: началась новая стадия экономического и социального, а не физического уничтожения. Так называемые нейтральные и научные методы макроэкономического регулирования, осуществляемые под руководством Бреттон-Вудских учреждений, стали после войны во Вьетнаме таким же эффективным и формально ненасильственным инструментом «повторной колонизации», приводящим к обнищанию миллионов людей.

Переписывая историю войны

В 1940 году правительство Виши назначило адмирала Жана Деку генерал-губернатором для переговоров об условиях интеграции Индокитая в японскую «Сферу совместного процветания Большой Восточной Азии», при этом формально сохраняя колониальные территории Франции под мандатом администрации Виши. Фронт Вьетминь, который возглавлял движение сопротивления режиму Виши и японским оккупационным силам, получил одобрение Вашингтона в 1944 году, а оружие и финансовая поддержка оказывались через Управление стратегических служб (УСС), предшественника сегодняшнего Центрального разведывательного управления (ЦРУ). Декларация независимости на площади Бадинь в Ханое 2 сентября 1945 года, провозглашающая основание Демократической Республики Вьетнам, американские агенты УСС присутствовали рядом с Хо Ши Мином. Почти 30 лет истории отделяют это событие от столь же важной капитуляции генерала Зыонг Ван Миня в Зале независимости Сайгона 30 апреля 1975 года, ознаменовавшей окончание войны во Вьетнаме и начало периода национального восстановления.

Разрушительные последствия войны с первых лет послевоенного периода породили чувство бессилия и политическую апатию. Последовавшее обострение гражданской войны в Камбодже, спровоцированное скрытой поддержкой Вашингтона сил Пол Пота начиная с 1979 года, и китайское вторжение на северной границе дополнительно осложнили восстановление мирной экономики. После объединения страны две разные социально-

экономические системы были слиты воедино: реформы на юге проводились исключительно согласно указаниям Центрального Комитета, без учета реальных социальных условий. Мелкий бизнес в Хошимине оказался подавлен, а процессы шли поспешно. Коллективизация в дельте Меконга встречала резкое сопротивление со стороны среднего крестьянства. Политическое преследование коснулось не только тех слоев общества, которые были связаны с сайгонским режимом, но и многих из тех, кто выступил против генерала Тхье.

В свою очередь, изменилась международная обстановка: трансформация глобальной рыночной системы и распад Советского блока (который был основным торговым партнером Вьетнама) вызвали катастрофу в национальной экономике. Коммунистическая партия не смогла сформулировать последовательную программу экономического восстановления. Глубокие разногласия и сдвиги внутри руководства Коммунистической партии произошли с начала 1980-х годов.

Спустя более полувека борьбы против иностранной оккупации история Вьетнамской войны начала осторожно переписываться. Неолиберализм, при поддержке институтов Бреттон-Вудской системы, становится официальной доктриной Коммунистической партии. Бюрократы и интеллектуалы призваны безоговорочно принять новую догму во имя социализма. С момента принятия в 1986 году политики «Обновления» (Дой Мой) упоминания о жестокой роли США в войне все чаще считаются неуместными. Руководство партии недавно подчеркнуло «историческую роль» Америки в «освобождении» Вьетнама от японских оккупантов в 1945 году. В то же время символы американского присутствия постепенно возвращаются на улицы Сайгона.

В «Музее американских военных преступлений», который теперь носит название «Выставочный дом военных преступлений агрессии», модель истребителя, использовавшегося BBC США во время бомбардировок, можно приобрести в сувенирном киоске. На фюзеляже самолета красуется логотип Coca-Cola, а рядом представлен обширный ассортимент руководств по иностранным инвестициям и макроэкономическим реформам. Ни одного текста, посвященного истории войны, здесь не найти. За пределами музея буйство потребительской экономики резко контрастирует с нищетой, беспризорными детьми и велосипедистами, потомков ветеранов войны, освобождавших Сайгон в 1975 году.

Новая война во Вьетнаме

Большинство западных СМИ рисуют стилизованный образ Вьетнама, утверждая, что механизмы свободного рынка превратили страну в потенциального «азиатского тигра». Однако эта картина далека от истины. Экономические реформы, начатые в 1986 году под влиянием Бреттон-Вудских институтов, на фоне последствий недавней войны положили начало новой исторической фазе, которая привела к глубоким экономическим и социальным потрясениям. Макроэкономические преобразования обернулись обнищанием широких слоев вьетнамского населения, затронув практически все секторы экономики.

Первый шаг, предпринятый еще в 1984–1985 годах (до официального провозглашения политики «Дой мой» на Шестом партийном съезде), заключался в

дестабилизации национальной валюты. Инфляция и «долларизация» внутренних цен стали результатом повторяющихся девальваций, которые напомнили о катастрофическом падении пиастра в 1973 году, в период правления сайгонского режима, спустя год после Парижского соглашения и формального вывода американских войск. Сегодня Вьетнам вновь наводнен долларовыми банкнотами, которые фактически вытеснили вьетнамский донг в качестве основного средства сбережения. В то время как МВФ строго контролирует денежную эмиссию Центрального банка Вьетнама, Федеральная резервная система США де-факто взяла на себя роль эмитента валюты для бывшего военного противника Америки, осуществляя масштабные кредитные операции²²⁴.

Иллюзия «экономического прогресса» и процветания, которую узко и избирательно изображает западная пресса, основывается на бурном росте небольших, но ярких «очагов» потребительства западного образца, сосредоточенных преимущественно в Сайгоне и Ханое. Однако суровая экономическая и социальная реальность выглядит иначе: это растущие цены на продукты питания, локальные случаи голода, массовые увольнения городских рабочих и государственных служащих, а также разрушение социальных программ, которые ранее поддерживали стабильность в обществе²²⁵.

Возмещение «безнадежных долгов» режима Сайгона

Вьетнам так и не получил военных reparаций, однако Ханою пришлось взять на себя обязательства по выплате многосторонних долгов, накопленных поддерживаемым США режимом Сайгона, в качестве условия для «нормализации» экономических отношений и отмены американского эмбарго в феврале 1994 года. На Парижской конференции доноров в ноябре 1993 года в поддержку рыночных реформ Вьетнама было обещано 1,86 миллиарда долларов США в виде кредитов и помощи. Однако сразу после этого состоялась отдельная встреча за закрытыми дверями с Парижским клубом официальных кредиторов, где обсуждалась реструктуризация «безнадежных долгов», накопленных режимом Сайгона до 1975 года²²⁶.

Хотя МВФ одобрил экономические реформы Вьетнама перед Парижской конференцией, именно результаты переговоров с Парижским клубом стали решающими для получения Вашингтоном «зеленого света». Только после формальной отмены эмбарго Вьетнаму было разрешено продолжить многосторонние и двусторонние выплаты.

В числе условий возобновления кредитования также фигурировало погашение задолженности перед МВФ в размере 140 миллионов долларов США, накопленной Сайгоном. Для этого Япония и Франция (бывшие колониальные державы Вьетнама в период Виши) создали так называемый комитет «друзей Вьетнама», чтобы предоставить Ханою средства для погашения долга перед МВФ. Признав законность этих обязательств, Вьетнам фактически согласился выплатить кредиты, которые использовались для поддержки военных действий США.

Ирония заключалась в том, что в переговорах участвовал бывший министр финансов (и исполняющий обязанности премьер-министра) военного правительства генерала Зыонг Ван Миня, созданного при поддержке США в 1963 году после убийства президента Нго Динь Зьема и его брата. Экономическим советником премьер-министра Во Van Киета был

доктор Нгуен Суан Оань — видный экономист и бывший сотрудник МВФ. Оань тесно сотрудничал с Киетом с начала 1980-х годов, когда последний занимал пост секретаря Коммунистической партии в Хошимине²²⁷.

Разрушение национальной экономики

Через, казалось бы, безобидный механизм «свободного» рынка, который обходился без войны и физического разрушения, реформы привели к массовой демобилизации производственных мощностей. К 1994 году более 5000 из 12300 государственных предприятий (ГП) были закрыты или доведены до банкротства. Этот процесс усугубился коллапсом торговли со странами советского блока. Правила, регулирующие ликвидацию государственных предприятий, были приняты в 1990 году, что привело к дальнейшему сокращению производственной базы за счет реструктуризации оставшихся предприятий²²⁸. К концу 1992 года более миллиона рабочих и около 136 тысяч государственных служащих (преимущественно медицинских работников и учителей) были уволены²²⁹. Согласно «решению № 111», правительство планировало уволить еще 100 тысяч служащих к концу 1994 года, сократив численность государственной службы до 20%. Кроме того, после вывода вьетнамских войск из Камбоджи около 500 тысяч солдат были демобилизованы, а 250 тысяч трудовых мигрантов вернулись из Восточной Европы и Ближнего Востока, не имея реальных перспектив трудоустройства²³⁰.

По данным Всемирного банка, рост занятости на частных предприятиях оказался недостаточным для обеспечения рабочими местами новых участников рынка труда. На фоне резкого роста цен реальные доходы работающих упали до катастрофически низкого уровня. Государственная зарплата в размере 15 долларов США в месяц не позволяла выживать, что вынуждало людей искать дополнительные источники дохода. Государственные служащие часто подрабатывали, что привело к массовым прогулам и фактическому параличу административного аппарата. За исключением совместных предприятий, где минимальная заработка в 1994 году составляла 30–35 долларов США в месяц (хотя и не всегда соблюдалась), не существовало ни законодательства, регулирующего минимальную оплату труда, ни механизмов индексации заработной платы. «Партийная политика свободного рынка предполагала, что рынок труда также должен быть свободным»²³¹.

Хотя многие государственные предприятия считались «неэффективными» и «неконкурентоспособными» по западным меркам, их упадок был ускорен преднамеренным манипулированием рыночными силами. Реструктуризация государственных банков и финансовых учреждений, включая ликвидацию кредитных кооперативов на уровне сообществ, привела к «замораживанию» среднесрочных и долгосрочных кредитов для отечественных производителей. Краткосрочные кредиты выдавались под 35% годовых (1994 г.). Кроме того, согласно условиям договора с Международным валютным фондом, государству было запрещено оказывать финансовую поддержку как государственной экономике, так и зарождающемуся частному сектору.

Крах государственной экономики был также подготовлен крайне дискриминационной налоговой системой. Государственные предприятия, лишившись

субсидий и государственных кредитов, продолжали платить 40–50% налога на прибыль, унаследованного от централизованной системы планирования. В то же время иностранные инвесторы, включая совместные предприятия, пользовались щедрыми льготами и налоговыми каникулами. Более того, налог на прибыль перестал взиматься на регулярной основе с предприятий частного сектора²³².

Скрытая программа реформ была направлена на дестабилизацию промышленной базы Вьетнама: ключевые отрасли, такие как тяжелая промышленность, нефтегазовый сектор, добыча природных ресурсов, горнодобывающая промышленность, а также производство цемента и стали, подлежали реорганизации и передаче под контроль иностранного капитала. При этом японские конгломераты играли ведущую и доминирующую роль. Наиболее ценные государственные активы планировалось передать совместным предприятиям. Руководство страны не проявляло беспокойства по поводу укрепления и сохранения собственной промышленной базы или, если уж на то пошло, развития капиталистической экономики, которая бы принадлежала и управлялась самими вьетнамцами. В «сообществе доноров» преобладало мнение, что необходимо «сокращение» государственного сектора экономики, чтобы освободить пространство для стихийного развития частного предпринимательства. Утверждалось, что государственные инвестиции «вытесняют» частный капитал. В результате реформы не только ослабили государственный сектор, но и затруднили переход к национальному капитализму.

Более того, относительная слабость вьетнамских бизнес-групп, усугубленная замораживанием кредитов и отсутствием государственной поддержки, препятствовала развитию внутреннего частного сектора. Хотя возвращающимся «заграничным вьетнамцам» предлагались различные льготы, большая часть вьетнамской диаспоры, включая беженцев времен войны и «людей в лодках», обладала крайне ограниченными финансовыми ресурсами и сбережениями. За редкими исключениями, их деятельность ограничивалась семейными и средними предприятиями в сфере торговли и услуг.

Ярким примером «экономической инженерии», запущенной рыночными реформами, стала судьба сталелитейной промышленности Вьетнама. Почти восемь миллионов тонн бомб, а также огромное количество брошенной военной техники обеспечили страну значительными запасами металломолома. Однако, по иронии судьбы, единственный ощутимый «вклад» США в послевоенное восстановление был аннулирован: благодаря политике «открытых дверей» большие объемы металломолома беспрепятственно вывозились за границу по ценам, значительно ниже мировых. В то время как производство на пяти крупнейших сталелитейных заводах Вьетнама было остановлено из-за нехватки сырья (не говоря уже о законодательном запрете на ввоз металломолома государственными предприятиями), японский конгломерат, включающий компании Kyoei, Mitsui и Itochu, в 1994 году основал современное совместное сталелитейное предприятие в провинции Ба-Риа Вунгтау, которое импортировало металломолом (уже по мировым ценам) «обратно» во Вьетнам²³³.

Ярким примером «экономической инженерии», запущенной рыночными реформами, стала судьба сталелитейной промышленности Вьетнама. Почти восемь миллионов тонн бомб, а также огромное количество брошенной военной техники

обеспечили тяжелую промышленность страны значительными запасами металломолома. Однако, по иронии судьбы, единственный ощутимый «вклад» Америки в послевоенное восстановление был сведен на нет: благодаря «политике открытых дверей» большие объемы металломолома свободно реэкспортировались по ценам, значительно ниже мировых. В то время как производство на пяти крупнейших сталелитейных заводах Вьетнама было остановлено из-за нехватки сырья (не говоря уже о законодательном запрете на ввоз металломолома государственными предприятиями), японский конгломерат, включающий компании Kyoei, Mitsui и Itochu, в 1994 году основал современное совместное сталелитейное предприятие в провинции Ба-Риа Вунгтау. Это предприятие импортировало металломолом (уже по мировым ценам) «обратно» во Вьетнам.

Вытеснение национальных производителей с их собственного рынка

В результате целенаправленного вмешательства в рыночные механизмы отечественные производители оказались буквально вытеснены с собственного рынка, включая даже те отрасли, где традиционно считалось, что они обладают «сравнительными преимуществами». После отмены тарифных ограничений значительная часть легкой промышленности Вьетнама была подавлена массовым наплывом импортных потребительских товаров. Начиная с 1986 года, существенная доля и без того ограниченных валютных поступлений страны направлялась на импорт потребительских товаров, что лишало отечественную промышленность необходимых финансовых ресурсов. Реформы предоставили государственным предприятиям, занятым в экспортной торговле, свободу распоряжаться своими доходами в твердой валюте для закупки импортных товаров. Это привело к формированию сети связей между руководителями государственных предприятий, занимающихся импортно-экспортными операциями, местными бюрократами и частными торговцами. В результате доходы в твердой валюте были растратчены, а значительные суммы денег оказались присвоены. Рыночные реформы также способствовали тому, что многие государственные предприятия, освободившись от государственного контроля, стали вовлекаться в различного рода незаконную деятельность. С прекращением бюджетной поддержки и замораживанием кредитов их производственная деятельность была остановлена.

В новых секторах легкой промышленности и промышленной переработки, которые начали развиваться благодаря политике «открытых дверей» (подразумевающей готовность руководства к обратной связи с работниками), внутренний рынок оставался практически закрытым для вьетнамских компаний. Производители одежды, использующие дешевую рабочую силу и работающие в рамках совместных предприятий или субподрядных соглашений с иностранным капиталом, как правило, полностью ориентировались на экспорт своей продукции. В то же время внутренний рынок Вьетнама насыщался импортными подержанными вещами и фабричными браками из Гонконга, что привело к упадку местных портных и мелких производителей, действующих в неформальной экономике. (Стоимость одежды, закупаемой в развитых странах, составляла около 80 долларов США за тонну).

Барьеры на путях внутреннего товарообмена

Проведенные реформы привели к своего рода «экономической балканизации», выразившейся в обособлении отдельных регионов, формально включенных в мировое рыночное пространство. Дезорганизация транспортного сектора повлекла за собой резкий скачок стоимости грузовых перевозок. Государственные транспортники оказались доведенными до финансовой несостоятельности вследствие перехода значительной части инфраструктуры под контроль частных инвесторов, преимущественно иностранных.

Кроме того, введенное Всемирным банком ограничение межбюджетных перечислений между центром и регионами вынудило органы регионального самоуправления активно развивать самостоятельные торгово-инвестиционные контакты с международными партнерами — зачастую вопреки интересам национальной экономики. Региональные администрации заключали многочисленные двусторонние контракты, предусматривавшие передачу прав собственности на землю иностранным компаниям и заключение концессионных соглашений, позволяющих неограниченно эксплуатировать природные ресурсы государства. Подобная практика нередко становилась единственным способом покрывать дефицит региональных бюджетов, вызванный неспособностью центральных властей финансировать государственные нужды, включая выплаты чиновникам.

При крайне низких окладах работников государственного аппарата (15—30 долларов США в месяц) участие в совместных предприятиях с зарубежными партнерами представляло возможность дополнительного заработка в форме консультационных вознаграждений, представительских выплат и компенсаций за деловые поездки. Поскольку подобные бонусы традиционно начислялись иностранной валютой, иностранные инвесторы получали инструмент влияния на местную бюрократию и научные кадры. Обанкротившееся государство лишилось возможности оплачивать труд собственных сотрудников согласно договоренностям с кредиторами, в результате чего международные подрядчики и фонды технической помощи фактически превратились в главный источник доходов для представителей высших эшелонов государственной службы, курирующих внешнюю торговлю и инвестиции.

Катастрофический кризис финансового сектора

Финансовые реформы погрузили национальную финансовую систему в состояние глубокого кризиса. Центральный банк лишился права проводить независимую монетарную политику и увеличивать объем денежной массы без согласования с Международным валютным фондом. Более того, было наложено жесточайшее табу на прямое кредитование государством собственных предприятий, ставших жертвами блокирования банковских линий и отмены поддержки бюджета.

Еще тяжелее сложилась судьба государственных банков. Низкая привлекательность национальных денег (донгов) приводила к оттоку депозитов, граждане массово переходили на хранение накоплений в долларах США. Одновременно прекратились субсидии от государства, повысились нормы обязательных резервов, возросли налоговые изъятия, и банковская сфера оказалась парализована дефицитом ликвидности. Беспрецедентный рост

неплатежей государственных предприятий спровоцировал масштабный крах банковской системы, следствием которого стало введение внешнего управления крупнейшими государственными банками силами иностранного банковского сообщества.

Вследствие множества ограничений государственные компании потеряли возможность брать кредиты непосредственно у зарубежных банков. Однако иностранным финансовым организациям открылся прямой доступ к высокодоходному бизнесу выдачи обеспеченных займов, реализуя программы краткосрочного кредитования вьетнамских банков под залог активов. К концу первого десятилетия реформ около девяти тысяч государственных предприятий находились в тяжелом финансовом положении, испытывая острую нехватку оборотных средств и погрязнув в гигантской кредитной задолженности.

Коллапс государственного инвестиционного потенциала

Реформы обусловили глубокий кризис в государственном инвестировании. За период с 1985 по 1993 годы доля государственных вложений в основной капитал относительно ВВП снизилась на 63% — с 8,2% до 3,1%. Сокращение ассигнований в сельскохозяйственную и лесозаготовительную отрасль достигло 90% — с 1,0% до 0,1% ВВП. Аналогичное положение сложилось в промышленной и строительной сферах, где расходы снизились на 96% — с 2,7% до 0,1% ВВП²³⁴.

Новыми правилами, принятыми в соответствии с требованиями Бреттон-Вудской системы (международная система регулирующих механизмов валютно-финансового взаимодействия), устанавливались четко обозначенные пределы размеров («денежные потолки») всех групп расходов, включая текущие и инвестиционные. Было прекращено принятие новых сотрудников в аппарат госуправления, заморожены расходы на медицину и образование, основное внимание уделялось решению проблемы дефицита бюджета. Государственный сектор лишился возможности формировать внутренний спрос на инфраструктуру (строительство дорог, медицинских учреждений и др.) ввиду полного контроля кредиторов, ставших распорядителями государственной инвестиционной программы (ПГИ), организованной под патронатом Всемирного банка. Последняя диктовала стране перечень нужных ей объектов инфраструктуры и источников финансирования, предоставляемых так называемым сообществом доноров.

Изменения затронули не только объемы государственных инвестиций, но и порядок определения приоритетов, а также инициировали массовую распродажу ключевых государственных предприятий в ключевые сферы экономики. Представленные страной обязательства по внешним займам, согласованные на саммите доноров в Париже в ноябре 1993 года, обязывали организовывать международные конкурсы и аукционы, по итогам которых выполнение общественно-строительных проектов передавалось ведущим международным инжиниринговым и строительным компаниям. Эти структуры зарабатывали огромные деньги на предоставлении платных консультационных и управленических услуг, тогда как отечественные компании (государственные и частные) оказались исключены из числа участников конкурсов, хотя реальные строительные работы производились именно ими по договорам субподряда с вышеуказанными международными корпорациями.

В результате страна попала в порочный круг растущего долга и усиления контроля кредиторов над внутренней экономической политикой, существенно ущемляя способность собственного бизнеса влиять на социально-экономическое развитие страны.

Тенденция реинтеграции Японии во Вьетнам

Современная тенденция восстановления японского присутствия во Вьетнаме вызывает аналогии с периодом Второй мировой войны, когда эта территория входила в зону «Великой восточноазиатской сферы сопроцветания». Сегодня японский капитал вновь играет ключевую роль благодаря контролю над большинством (более 80%) займов, предназначенных для инвестиций и инфраструктурного развития. Финансирование поступает главным образом через Японский фонд зарубежного экономического сотрудничества (JASDEC) и Азиатский банк развития (ADB), обеспечивая расширение рынков сбыта продукции японских мультинациональных корпораций.

После снятия американских санкций в феврале 1994 года американская сторона попыталась вернуться на инвестиционную арену, ранее занятую японцами и европейскими игроками. Хотя Япония сохраняет ведущую позицию в большинстве крупных инвестиционных проектов и предоставляет львиную долю долгосрочных кредитов Вьетнаму, конкуренция между Соединенными Штатами и Японией приобретает характер нового этапа американо-японского соперничества за восстановление утраченного американского господства, которое существовало в Южном Вьетнаме вплоть до 1975 года. Среди других значимых игроков выделяются южнокорейские и тайваньско-гонконгские бизнесмены, однако их деятельность чаще сосредоточена на производственной и перерабатывающей экспортации, тогда как важнейшие объекты инфраструктуры, нефтегазовая и горнодобывающая отрасли остаются под контролем японцев и некоторых европейских компаний.

Стоит отметить, что Япония контролирует значительную долю кредитов, используемых для финансирования потребительского импорта. Этот нынешний потребительский бум японских брендов теперь поддерживается преимущественно заемными средствами, подпитанными сотнями миллионов долларов так называемых «быстро предоставляемых займов», выделяемых Японией и многосторонними банковскими структурами (включая Азиатский Банк Развития, Всемирный Банк и Международный Валютный Фонд)²³⁵. Эти кредиты, официально именуемые «помощью для поддержания платежного баланса», выделяются строго на приобретение товаров народного потребления. Управляемые Центральным Банком Вьетнама, средства этих займов распределяются в виде квот на иностранную валюту между тысячами государственных предприятий, вовлеченных в торговлю импортом. Данный процесс ускоряет поток ввозимых потребительских товаров и одновременно увеличивает внешний долг. За исключением нескольких крупных государственных корпораций (особенно занятых торговлей импортом), реформы способствуют демобилизации целых секторов национальной экономики: единственный путь выживания национального предприятия — войти в прибыльный бизнес по импорту либо создать совместное предприятие, в котором «иностранный партнер» имеет доступ к кредитам (в твердой валюте), контроль над

технологиями, ценообразованием и перечислением прибыли. Более того, вся международная система торговли подвержена коррупции и взяткам иностранных подрядчиков — начиная от нижних уровней бюрократии вплоть до высших должностных лиц государства.

Несмотря на серьезнейший кризис в финансовой сфере, показатели официального роста ВВП продолжали демонстрировать положительную динамику, обусловленную ориентацией экономики на внешний рынок экспорта энергоносителей, сельскохозяйственной продукции и дешевой рабочей силы. Даже продолжающаяся волна банковских банкротств и сворачивание внутреннего спроса сопровождаются ростом количества экспортноориентированных совместных предприятий, ускоряющих проникновение иностранных технологий и укрепление монопольного положения иностранцев в управлении ключевыми направлениями экономики.

Рост ВВП обеспечивался увеличением объема заимствований, при этом бремя процентных платежей по внешнему долгу выросло примерно в десять раз за семь лет, с 1986 года по 1993 год. Дополнительно обостряли ситуацию долги, признанные правительством Вьетнама в рамках соглашения с Парижским клубом в конце 1993 года, включая обязательства бывшего сайгонского режима.

Голод в сельских регионах

Переход к новой «гибкой контрактной системе» для мелких производителей, начавшийся в 1981 году, получил широкую поддержку крестьянского населения. Тем не менее последующие аграрные преобразования, стартовавшие в 1986 году, породили новые социальные и экономические сложности, приведя к значительным лишениям для сельской общины.

Во главе с Всемирным банком и Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций (ФАО) правительство Вьетнама упразднило существовавшую стратегию самообеспеченности питанием на региональном уровне, заменяя ее новыми директивами, предписывающими крестьянам сосредоточиться на специализированных культурах в соответствии с предполагаемыми региональными преимуществами. Жители горных районов центральной части страны вынуждены были прекратить традиционное производство пищевых культур и перейти на возделывание ценных экспортных растений вроде кофе, кассавы, кешью и хлопчатника. Комбинация низкой доходности урожая и повышения цен на импортируемые удобрения и технику привела к возникновению локальной нехватки продовольствия и появлению очагов массового голода.

По иронии, новый акцент на экспортных товарах обернулся негативными последствиями для экономики страны. Из-за падения мировых цен на сырье и неэффективных методов продаж значительная часть произведенной сельхозпродукции продавалась государственными трейдерами международным покупателям по невыгодным ценам, что еще сильнее усугубило кризис в валютной сфере.

«Мы мобилизуем фермеров для производства маниоки и хлопка, но они не могут экспортовать их и получать прибыль, потому что мировая цена упала (...) Происходит

следующее: государственные торговые компании вынуждены экспорттировать кофе или маниоку с убытком. Однако им удается компенсировать эти потери, поскольку они используют валютную выручку для импорта потребительских товаров. Они также получают большую прибыль за счет надбавки к ценам на импортные удобрения»²³⁶.

Фермеры, покинувшие пищевое земледелие, столкнулись с невозможностью продать свою продукцию на мировом рынке, перегруженном избытком предложений. Параллельно цены на сельскохозяйственное оборудование и удобрения стремительно росли, усугубляя проблему. Таким образом, сама стратегия переориентации привела к голоду, так как продукция не находила покупателей, а необходимые продукты питания невозможно было вырастить самостоятельно.

Это явление распространилось и на государственные экспортные компании, чья прибыль скрывала нарастающий внешний долг. Такие корпорации регулярно продавали продукцию по цене ниже рыночной, создавая иллюзию рентабельности. Крестьяне же сталкивались с отсутствием рынка сбыта своей продукции и острым недостатком еды.

Особенно показательна ситуация с государственными зерновыми предприятиями. Правительство вынуждено было снизить цены на зерно для экспорта, теряя доходы и увеличивая нагрузку на бюджет. В результате полной ликвидации государственной монополии на продажу зерна частные предприниматели подняли розничные цены на рис, вызвав серьезный рост внутренних цен на еду. В частности, провинция Лай Кай столкнулась с сильнейшим голодом, охватившим свыше 50 тыс. жителей, тогда как миллионы тонн риса простаивали непроданными в дельте реки Меконг.

Проблема голода не ограничилась лишь отдельными провинциями. Население всей страны, включая городское население, испытывало недостаток питательных веществ. Согласно исследованиям, проведенным в 1994 году, четверть взрослых в дельте Меконга ежедневно потребляла менее 1800 калорий²³⁷. В городах ухудшение экономической ситуации, выраженное в росте инфляции и снижении реальной покупательной способности зарплат, привело к серьезным проблемам с качеством питания среди городского населения, особенно среди семей с детьми.

Проблемы недоедания среди детей

Последствия дерегулирования рынка зерна проявились не только в широкомасштабном голоде, но и в увеличении случаев хронического недоедания среди молодого поколения. Исследования, проведенные Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО), подтвердили существенное ухудшение рациона питания среди населения Вьетнама. Средняя ежедневная энергетическая ценность потребляемых продуктов составила 1861 ккал на одного взрослого жителя, причем четверть взрослого населения страдала хроническим недоеданием, употребляя менее 1800 килокалорий в сутки. Показатели были настолько тревожными, что 9% семей получали менее 1500 ккал в день.

Особенную тревогу вызывают данные о детях младшего возраста (до шести лет), среднее потребление которых составляло всего 827 ккал в сутки. Такая степень

недостаточности питания создает серьезные риски для физического и умственного развития подрастающего поколения, угрожая будущему благосостоянию нации²³⁸.

Ситуация недоедания среди детей была признана Всемирным банком:

«Во Вьетнаме более высокая доля детей с пониженным весом и задержкой роста (порядка 50%), нежели в любой другой стране Южной и Юго-восточной Азии, за исключением Бангладеш... Масштабы задержки роста и истощения среди детей, по-видимому, значительно возросли... Возможно, что обострение макроэкономического кризиса в период 1984-86 годов способствовало ухудшению питания»²³⁹.

Дополнительно стоит подчеркнуть, что исследование выявило широкое распространение дефицита витамина А среди детской популяции Вьетнама, за исключением столицы Ханоя и Юго-восточного региона. Витаминная недостаточность приводит к развитию серьезных заболеваний, включая потерю зрения, и обусловлена однообразием диеты, состоящей преимущественно из злаковых культур. Подобная проблема схожа с положением дел в Бангладеш (см. главу 11).

Отмена государственного контроля над рынком зерна, проведенная под давлением Всемирного банка, открыла доступ Вьетнама к мировым рынкам (причем по минимальным ценам на сельскохозяйственную продукцию), но разрушила традиционные каналы внутреннего снабжения и стала одной из причин возникновения голода на местах²⁴⁰.

Всемирный банк был прекрасно осведомлен о возникшей ситуации:

«Безусловно, учитывая, что частный сектор действует исходя из ценовой конъюнктуры, проблема дефицита продовольствия в регионах не устраниется мгновенно. Потребители в зонах риска не обладают достаточной покупательной способностью, необходимой для повышения цен на зернопродукты, ввозимые из зон профицита. На сегодняшний день экономически выгодно экспорттировать рис за рубеж, а не доставлять его внутрь страны, в зоны острого дефицита. Расширение частной торговли зерном первоначально приведет к ухудшению доступности продовольствия в пострадавших регионах, прежде чем начнется постепенное улучшение»²⁴¹.

Интеграция в международный агробизнес

Общая политика, проводимая правительством в области растениеводства, отражала интересы крупных международных аграрных корпораций. Преимущественно предпринимались шаги по переводу хозяйств с традиционного рисоводства на выращивание иных культур (таких как цитрусовые, гибридная кукуруза, орехи кешью и т.п.). Подобные инициативы внедрялись даже в плодородных регионах, идеально приспособленных для выращивания риса, таких как дельта реки Меконг. Например, в южной провинции Донг Най местное население понуждали отказываться от культивации риса в пользу кукурузы. Гибридные семена кукурузы закупались у крупного международного концерна за счет краткосрочных кредитов, выданных Государственным сельскохозяйственным банком под ставку порядка 2,5% в месяц²⁴². Полученный урожай кукурузы впоследствии выкупался французской агрофирмой Proconco, использующей этот материал как для экспортных поставок кормов животным, так и для удовлетворения потребности внутреннего рынка Вьетнама в кормах для животноводческой индустрии,

обслуживающей рынки Тайваня и Гонконга. Короткие сроки возврата кредитов (обычно менее 180 дней) препятствовали полноценному циклу производства и реализации продукции, вынуждая фермеров заниматься заведомо рискованными видами деятельности.

Вьетнам становится крупнейшим поставщиком риса

Значительный прирост объемов производства риса наблюдался в промежутке с 1987 по 1992 год, что позволило Вьетнаму сменить статус чистого импортера на активного экспортёра данного продукта. Примечательно, что достижение высоких показателей произошло без расширения посевных площадей под рисовую культуру. Ключевыми факторами успеха стали внедрение высокоурожайных сортов риса и интенсивное использование химикатов — удобрений и пестицидов, что значительно увеличило производственные затраты мелких землевладельцев. Правительство прекратило централизованное обеспечение необходимыми ресурсами, а государственные предприятия, специализирующиеся на выпуске средств защиты растений, пришли в упадок. Основным источником закупок сельхозхимии стал импорт.

«Производительность выросла, но наши доходы не выросли, мы должны платить за новые сорта семян, инсектициды и удобрения. Транспортные расходы выросли. Если затраты продолжат расти, мы не сможем продолжать сельскохозяйственную деятельность; важна занятость вне сельского хозяйства, включая ремесла и работу в городе; сельское хозяйство не дает достаточно денег для выживания»²⁴³.

Расширение производства риса, сосредоточенное в основном в дельте Меконга, и соответствующий рост экспорта, также способствовали увеличению концентрации земель. В дельте Красной реки мелкие фермеры платили лицензионные отчисления Международному научно-исследовательскому институту риса (IRRI) (при поддержке Всемирного банка и Фонда Рокфеллера) за новый сорт риса, который воспроизводился в местных питомниках. Сельскохозяйственные научно-исследовательские институты, финансирование которых было прекращено государством, занялись прибыльным бизнесом по разработке и производству семян²⁴⁴.

Однако расширение производства риса, похоже, достигло своего пика: прекращение с 1987 года государственной поддержки в обеспечении ирригационной инфраструктуры, водного хозяйства и технического обслуживания повлияет на будущую структуру производства. Крупномасштабной ирригации и дренажу не уделялось должного внимания: Всемирный банк рекомендует компенсировать затраты и коммерциализировать водные ресурсы, однако признает, что «фермеры за пределами дельты Меконга слишком бедны, чтобы уплачивать повышенные ставки [платы за ирригацию] в настоящее время»²⁴⁵. Риск повторных наводнений и засух также увеличился в результате раз渲ала государственных предприятий, ответственных за рутинную эксплуатацию и техническое обслуживание. Аналогичная ситуация существует в сфере поддержки сельского хозяйства и консультативных услуг:

«До начала 1990-х годов поддержка аграриев в виде поставки удобрений, семян, предоставления кредитов, защитных препаратов, ветеринарных услуг, технических сервисов, консультационной помощи и распространения научных достижений оставалась

прерогативой государства. Формально данная система продолжает существовать, однако фактически она разрушена вследствие внедрения семейной фермы, увеличения дефицита бюджета и гиперинфляции, сократившей реальную стоимость оплаты труда государственных работников практически до нулевого уровня. Часть служб, отвечающих за поставку востребованных товаров и услуг, была передана в частные руки, а оставшиеся подразделения функционируют с серьезными перебоями, находясь в полузараженном состоянии. Многие сотрудники вспомогательных подразделений вынуждены искать дополнительные источники дохода, а тысячи молодых специалистов с дипломами аграрных учебных заведений официально считаются безработными»²⁴⁶.

Рост концентрации земельного владения

Наблюдаемый тренд характеризуется глубоким кризисом аграрного производства, социальным расслоением и концентрацией земельных владений: широкие слои крестьянства в бассейнах рек Красной и Меконга теряют землю, а голод поражает даже регионы с избытком риса. Принятый Национальным собранием в октябре 1993 года закон разрабатывался при активном участии юридического отдела Всемирного банка. Проведение экспертиз и семинаров сотрудниками Всемирного банка призвано привлечь внимание общественности к возможным последствиям законодательства:

«Привлеченные Всемирным банком зарубежные специалисты утверждают, что закон соответствует специфике нашей страны: если у фермеров недостаточно средств или ресурсов, они вправе передать свои участки другим собственникам, переселиться в города или трудоустроиться на современных производственных участках... Нехватка земли не порождает бедность, причина кроется в недостатке квалификации, низкого образовательного уровня и многодетности беднейших слоев общества»²⁴⁷.

Закон предоставлял фермерам, состоящим в формальной аренде, право свободно передавать имущество третьим лицам — хотя официально такие сделки разрешены лишь с государственными банками, на практике они распространяются и на частных кредиторов. В случае просрочки по кредиту земельный участок может быть передан или передан в залог.

Такая законодательная инициатива способствовала восстановлению практики ростовщичества и сдачи земель в аренду, аналогичных временам позднего французского колониального правления. Особо ярко эта тенденция проявляется на юге страны, где интенсивно развивается аренда больших наделов и образуются средние плантации, контролируемые крупными кооперативами или предприятиями с участием иностранного капитала. Ранее государственные колхозы реорганизуются в совместные хозяйства, работающие на постоянной и временной занятости. Безземельное крестьянство, численность которого постоянно растет, вынуждено мигрировать в города или становиться сезонными рабочими на принадлежащих богатым фермерам полях и коммерческих плантациях. Средний дневной заработок в северных областях составлял порядка 50 центов США (1994 год).

Хотя захват небольших наделов в северном Вьетнаме пока носит ограниченный характер, действующий Земельный кодекс создает основу для дальнейшей скупки

обширных территорий представителями городской буржуазии и ростовщиков. Следует учитывать, что действующая аграрная политика отчасти повторяет принципы умершего режима Южного Вьетнама времен генералитета Тье. На юге сохранились американские земельные титулы и программы «помощи» 1973 года, используемые властями для подавления недовольства в деревнях. Между тем тысячи бывших бойцов партизанского движения, вернувшись домой, остались без законных оснований претендовать на собственность.

Программа перераспределения земель, предложенная Министерством сельского хозяйства, рассматривается как образец, достойный подражания, хотя признается отсутствие необходимого финансирования:

«Сегодня наша политика сводится к воспроизведению принципов американской программы передачи земель, действовавшей в последний период существования сайгонского режима, хотя мы не располагаем достаточными средствами».

Крушение системы образования

Наиболее губительное воздействие реформы оказали на сферу здравоохранения и образования. Борьба за всеобщую грамотность и равноправный доступ к знаниям была краеугольным камнем сопротивления французскому колониальному режиму. С момента победы над Францией в битве при Дьен-Бьен-Фу (1954) до 1972 года число учеников в школах Северного Вьетнама выросло в семь раз — с 700 тысяч до почти 5 млн человек. После объединения страны в 1975 году на территории юга прошла масштабная кампания по искоренению неграмотности. Уровень грамотности составил 90%, что соответствовало лучшим показателям в Юго-восточной Азии, согласно данным ЮНЕСКО.

Реформа образования целенаправленно уничтожила достигнутые успехи путем радикального сокращения финансирования, понижения уровня зарплат педагогов и перевода образовательных учреждений на платную основу. Образование начало восприниматься как услуга, оплачиваемая родителями. Политика агентов Всемирного банка формулируется следующим образом:

«...потребители образовательных услуг обязаны вносить увеличенные платежи, направленные на поддержание автономного финансирования учебных заведений и содействие процессу приватизации образовательной сферы там, где это целесообразно»²⁴⁸.

Разрушительные последствия подобного подхода были очевидны: сотни тысяч школьников оставили школы, нагрузка на сохранившиеся классы увеличилась многократно. Конституция 1992 года закрепила обязательность оплаты за школьное образование. Если в 1986–1987 годах около 92% выпускников начальной школы продолжали учебу, то спустя три года этот показатель упал до 72%, что означало потерю почти половины миллиона учащихся. Приблизительно такое же количество старшеклассников прекратило посещать занятия, общее сокращение числа мест в школах превысило один миллион. Повышение рождаемости в этот период сделало указанные потери еще более чувствительными²⁴⁹.

Средства, выделявшиеся государством на каждого ребенка ежегодно, составляли лишь 3–4 доллара США (1994 год)²⁵⁰. В ряде регионов, таких как дельта Красной реки, родители тратили на покупку учебников и канцтоваров сумму, превышающую среднемесячное потребление риса. Зарубежные эксперты подчеркивали, что такая динамика ведет к повышению расходов на каждого учащегося и свидетельствует о чрезмерном количестве педагогов. В связи с этим звучали призывы сократить преподавательский корпус и повысить внимание к качеству образования, а не к его масштабу.

Процессы разрушения затронули всю образовательную пирамиду: детские сады переводились на коммерческую основу, университеты начали полагаться на гранты для компенсации потерь, а научные учреждения искали способы извлечения выгоды из своих разработок. Зарплаты ученых покрывались лишь на четверть, лабораториям приходилось искать дополнительные источники финансирования²⁵¹.

Профessionально-техническое образование находилось под запретом на прием студентов. Ограничения по приему серьезно тормозили подготовку специалистов, нарушая преемственность поколений и провоцируя общий упадок кадрового потенциала. Научные исследования и образовательные программы находились под контролем западных спонсоров, которые выделяли стипендии и гранты отдельным представителям профессорско-преподавательского состава в твердой валюте.

Крах системы здравоохранения

В сфере здравоохранения самым непосредственным последствием реформ стал развал районных больниц и общественных медицинских центров. До 1989 года медицинские учреждения бесплатно оказывали населению медицинскую помощь, а также предоставляли основные лекарства. Распад медицинских клиник на юге в целом протекал более масштабно, там система здравоохранения была развита после воссоединения в 1975 году. В ходе реформ была введена система платы за пользование услугами. Применилось возмещение затрат и свободная продажа лекарственных препаратов. Потребление лекарств первостепенной важности (через систему государственного распределения) сократилось на 89%, что привело к банкротству вьетнамской фармацевтической и медицинской промышленности.

К 1989 году отечественное производство фармацевтических препаратов во Вьетнаме сократилось на 98,5% по сравнению с уровнем 1980 года, при этом закрылось большое количество фармацевтических компаний²⁵². Благодаря полному дерегулированию фармацевтической промышленности, включая либерализацию цен на лекарства, импортные лекарства (продаваемые исключительно на «свободном» рынке по чрезвычайно высоким ценам) теперь в значительной степени вытеснены отечественными производителями. Для крупных фармацевтических транснациональных корпораций открылся значительно «уменьшенный», но весьма прибыльный коммерческий рынок. Годовое потребление фармацевтических препаратов, приобретаемых на «свободном» рынке, на душу населения составляло порядка 1 доллара США в год (1993 г.). Даже Всемирный банк считал, что этот показатель слишком низок²⁵³.

Правительство Вьетнама, действуя под руководством «сообщества спонсоров», прекратило выделение бюджетных средств на медицинское оборудование и его обслуживание, что фактически парализовало функционирование системы здравоохранения. Реальная зарплата медиков и условия их труда значительно ухудшились: средняя месячная оплата врача в районных больницах едва достигала 15 долларов США (1994 год). Существенное снижение уровня вознаграждения в государственных клиниках и появление незначительного сегмента частной медицинской практики привело к исходу десятков тысяч врачей и медицинских работников из сферы публичного здравоохранения. Исследование, проведенное в 1991 году, показало, что большинство медицинских пунктов на местном уровне прекратили свою деятельность: средний персонал из пяти человек принимал менее шести пациентов в день (около одного пациента на сотрудника). После запуска реформ резко сократился прием студентов в ведущие медицинские вузы страны, которые столкнулись с массированным сквастром бюджета²⁵⁴.

Возвращение инфекционных болезней

Министерство здравоохранения Вьетнама совместно с международными донорами зафиксировало возвращение целого ряда инфекционных заболеваний, таких как малярия, туберкулез и кишечные расстройства. Согласно исследованию Всемирной организации здравоохранения, количество смертей от малярии утроилось за первые четыре года после старта реформ, параллельно с общим ухудшением качества медицинской помощи и резким подорожанием антималярийных препаратов. Важно отметить, что темпы роста смертности от малярии значительно опережали скорость прироста заболевших, что подтверждает решающее значение кризиса здравоохранения в данном феномене²⁵⁵.

Жизненные реалии на местах подтверждают общую картину:

*«Ранее здоровье было гораздо крепче, проходили регулярные обследования на туберкулез, а теперь лекарства от малярии отсутствуют, фермеры не располагают деньгами для посещения районной поликлиники, потому что медицинская помощь стала платной»*²⁵⁶.

Всемирный банк подтвердил полный развал системы здравоохранения, хотя не указал конкретные причины, лежащие в основе проблемы:

*«Несмотря на впечатляющий успех прошлого, ныне медицинский сектор Вьетнама переживает глубокий кризис... ощущается острый дефицит медикаментов, инструментов и оборудования, государственные лечебницы испытывают сильное давление от отсутствия средств. Недостаточность финансирования столь велика, что непонятно, откуда найдутся ресурсы для поддержания жизнедеятельности клиник в дальнейшем»*²⁵⁷.

Вместе с признанием успехов предыдущих кампаний по борьбе с инфекционными болезнями Всемирный банк предложил следующие меры:

«Коммерциализировать медицинскую помощь (т.е. превратить общественное здравоохранение в товар) и провести массовые увольнения медицинского персонала. Увеличение зарплат медицинским работникам должно осуществляться в пределах

текущего бюджета: любое повышение оплат должно компенсироваться соответствующим сокращением штата»²⁵⁸.

Таким образом, реформы буквально перечеркнули многолетние достижения и тяжелейший опыт народной борьбы за здоровье и благополучие, накопленный за предшествующие сорок лет. Ухудшение санитарного состояния и питание в пост-реформенный период показывают параллельную динамику с уровнем посещаемости школ. Общество должно признать фатальность последствий экономической политики, применяемых к народу, недавно пережившему жестокую войну.

ЧАСТЬ IV

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Глава 13

Долг и «демократия» в Бразилии

Политический кризис времен правления Фернанду Коллора де Мелло оказал значительное влияние на преобразование бразильской государственности. Его правление стало первым периодом демократического избрания президента страны после завершения периода военной диктатуры и знаменовало собой начало перехода к новому типу авторитаризма — контролируемого международными финансовыми институтами и иностранными кредиторами, тесно связанным с администрацией США.

Вскоре после проведения Саммита Земли в Рио-де-Жанейро в июне 1992 года парламентская комиссия установила факт личного участия президента Коллора и его ближайшего соратника, экс-руководителя избирательной кампании Пауло Цезара Фариаса, в масштабной коррупции, связанной с отмыванием бюджетных средств путем предоставления контрактов строительной отрасли. Средства от операций по схеме откатов оседали на фиктивных банковских счетах либо использовались для покрытия личных нужд семейства президента, включая расходы на одежду супруги Розаны. Общественное мнение оказалось потрясенным размахом коррупционного дела, вызвавшего беспрецедентный интерес публики, превышающий даже зрительские рейтинги Олимпийских игр.

Однако параллельно происходил другой процесс, скрытый от широкой аудитории. Между правительством Бразилии и крупнейшими мировыми банкирами шли тайные переговоры относительно колоссальной финансовой сделки объемом свыше десятков миллиардов долларов. Они начались летом 1992 года одновременно с процедурой импичмента и завершились подписанием предварительного договора о реструктуризации внешнего долга Бразилией по модели плана Брэди²⁵⁹. По условиям соглашения международные банки-кредиторы могли рассчитывать на ежегодные выплаты процентов по долговым обязательствам, сумма которых превышала размеры самой основной суммы долга. Эта сделка завершилась буквально накануне официального отстранения президента Коллора от власти решением Сената 29 сентября 1992 года. Это было предательством: согласно достигнутым договоренностям, Бразилия столкнулась с существенным увеличением нагрузки по обслуживанию своего внешнего долга²⁶⁰.

Параллельно кампания против президента эффективно отвлекала общественное внимание от острых социально-экономических вопросов, вызванных мерами жесткой экономии, проводимыми министром экономики и финансов Желией Кардусу ди Меллу, впоследствии смененной сторонником строгой монетарной политики Марсилио Маркизом Морейрой. Уровень жизни большинства бразильцев резко упал вследствие сокращения занятости, резкого падения реальной зарплаты и сворачивания социальных гарантий. Страна столкнулась с инфляционным давлением, вызванным девальвацией национальной валюты крузейро и завышенными ставками процента, рекомендованными МВФ.

Таким образом, социальная деградация стала следствием реализации антиинфляционных мер МВФ, повлекших повышение инфляции и рост внутренней задолженности, накопленной государством. Одновременно произошел приток спекулятивного капитала («горячих денег») в страну, направленный преимущественно на обогащение крупного бизнеса и иностранных инвесторов. Политика экономических властей оказалась выгодна узкому кругу финансово-промышленных группировок, усиливших свое доминирование в экономике Бразилии и активно использовавших инструменты государственной приватизации для дальнейшего укрепления своей позиции.

Экономическое положение Бразилии ухудшалось стремительными темпами: за десятилетие совокупная задолженность страны превысила сумму первоначально выданных кредитов, достигнув отметки примерно в 120 млрд долларов США. Несмотря на значительные объемы выплат по кредитам (\$90 млрд), реальные проблемы долгового кризиса оставались нерешенными. Главной задачей международных кредиторов стало поддержание зависимости Бразилии от внешних займов, гарантирующее дальнейшее ограбление национальных богатств и передачу стратегических активов иностранным корпорациям.

Проведение экономического курса на основании рекомендаций Международного Валютного Фонда фактически привело к росту социальной несправедливости и углублению бедности среди широких слоев населения. Платежеспособность простых граждан значительно сократилась, покупательная способность уменьшалась пропорционально снижению уровня доходов. Таким образом, усиление неравенства и бедности стало неотъемлемой частью соглашений с МВФ, играющих ключевую роль в формировании нового режима отношений Бразилия—мировые финансовые институты.

Долговая сага Бразилии: Акт I — План Коллор

Политико-экономический кризис начала 1990-х годов стал отправной точкой глубоких изменений в бразильском обществе и государстве. План Collar, разработанный командой новоизбранного президента Фернанду Колору ди Мелло, воплощал идею необычного сочетания жестких монетаристских методов, приватизации и структурных реформ под руководством Международного Валютного Фонда (МВФ). Вступивший в силу в марте 1990 года сразу после вступления президента в должность, этот план предусматривал радикальные меры по ликвидации бюджетного дефицита размером в 31 миллиард долларов США, сокращение числа госслужащих и ликвидацию ряда ключевых ведомств.

Основными персонажами драматичного сценария стали:

- Президент Фернанду Колору ди Мелло, инициатор программы реформ, объявивший себя приверженцем рыночных принципов и решительным борцом с инфляцией.
- Министр финансов Зелия Кардузу ди Меллу, разработавшая амбициозные экономические планы, включавшие в себя шоковую терапию и финансовую стабилизацию.
- Международный Валютный Фонд, обеспечивший идеологическую поддержку проекта, хотя и медливший с выделением значительных кредитных траншей.

- Профсоюзные лидеры, выступившие с массовыми акциями протesta против предложенных мер жесткой экономии.

«Коктейль», приготовленный новым правительством, содержал элементы агрессивной фискальной дисциплины и строгости монетарных правил, объединяя конфискационные меры и жесткий контроль над государственными расходами. Одним из первых шагов стало массовое увольнение сотен тысяч чиновников и резкое снижение государственного аппарата. Первоначально планировалось сократить штат федеральной службы на 360 тыс., однако эта инициатива встретила сопротивление парламента и реализована лишь частично — всего 14 тыс. потеряли работу. Вскоре многие из них вернулись на службу уже при новом президенте Итамаре Франко.

Одним из центральных элементов плана стало введение заморозки частных вкладов в банках, предпринятое самим министром финансов, чтобы остановить гиперинфляцию. Однако эта мера вызвала глубокий экономический спад и привела к потере доверия к банковской системе. Как выразился экономист Пауло Сингер, «удар оказался тяжелым, чудовищным и абсолютно неоправданным».

Реализация плана сталкивалась с серьезными препятствиями внутри политической системы Бразилии. Объявленные цели столкнулись с сопротивлением законодательной ветви власти, неспособной принять радикальное сокращение штата госслужащих. Еще одной проблемой стало ограничение обязательств по обслуживанию внешней задолженности Бразилии бывшим президентом Сарни, настаивавшим на частичном моратории, что вызвало недовольство международного банковского сообщества.

Несмотря на очевидные трудности, правительство получило одобрение МВФ, но кредиты задерживались из-за споров вокруг переговоров с крупными коммерческими банками, опасавшимися потери контроля над ситуацией. Руководитель миссии МВФ Мишель Камдессю подчеркнул необходимость достижения прогресса в диалоге с банками перед принятием решения исполнительным советом фонда²⁶¹.

Спустя несколько недель правительство возобновило переговоры по внешнему долгу с международными кредиторами. Главный переговорщик по вопросам долга от команды Коллора, господин Жорио Даустер, пытался аргументировать недостаточно убедительно, утверждая, что «выплата долга должна соответствовать платежеспособности Бразилии»²⁶². Аргументы со стороны министра финансов Зелии Кардуза де Меллу, пытавшейся убедить кредитные организации в разумности ограничений, оказались недостаточными. Банковская консалтинговая группа под эгидой Citicorp заблокировала выделение новых кредитов и убедила Всемирный Банк и Межамериканский банк развития временно приостановить сотрудничество с Бразилией²⁶³. Давление западных держав, поддержанных консультационными структурами крупнейших банков, окончательно остановило продвижение бразильских инициатив.

Правительство Бразилии оказалось заложником неразрешимой дилеммы: необходимая помощь от Международного Валютного Фонда (МВФ) для расчетов с коммерческими банками блокировалась теми самыми банками, чьи интересы представляла специальная консультативная группа. Получилось абсурдное положение вещей: удовлетворить требования МВФ правительство смогло, но Бразилия продолжала

оставаться в «черном списке» должников. Любое отклонение от требований кредиторов грозило новыми санкциями и усугублением изоляции страны. Конфликт обострялся. Министр финансов Бразилии Зелия Кардуза ди Меллу открыто выступила на собрании Межамериканского банка развития в Нагое, Япония, в апреле 1991 года, жестко критикуя Большую семерку за использование несправедливых политических рычагов давления и препятствование предоставлению стране международной кредитной поддержки²⁶⁴.

Акт II: Соответствие «Вашингтонскому консенсусу»

Саммит в Нагое обозначил переломный момент. Национальная риторика Зеленыи Кардузу ди Меллу, критиковавшей международные финансовые учреждения, воспринималась теперь как контрпродуктивная и устаревшая. Уже в мае 1991 года министр финансов Зелия Кардуза была освобождена от должности, уступив место команде специалистов, близких к стандартам так называемого «Вашингтонского консенсуса». Новый министр экономики и финансов Марсилио Маркес Морейра пользовался доверием администрации США и международных финансовых организаций благодаря своему опыту дипломатической работы в качестве посла в Вашингтоне, где он завязал прочные личные контакты с руководителем МВФ Мишелем Камдессю и помощником американского министра финансов Дэвидом Малфордом²⁶⁵.

Кроме того, позиция главного переговорщика по внешним долгам, ранее занимаемая Джорио Даустером, перешла к бывшему сотруднику Межамериканского банка развития и директору Всемирного банка Педро Малану, имеющему обширные связи с вашингтонскими кругами.

Эти кадровые изменения помогли укрепить позицию Бразилии в переговорах с кредиторами. Летом 1991 года миссия МВФ вернулась в Бразилию под руководством Хосе Файгенбаума. Хотя официальная линия состояла в отмене предыдущего одобрения МВФ, возникшего по инициативе Citicorp, главная задача миссии заключалась в согласовании долгосрочной стратегии макроэкономических реформ. Выступая от лица МВФ, Файгенбаум потребовал от Бразилии внести серьезные изменения в структуру законодательства, включая конституционную реформу, необходимую для заключения нового кредитного соглашения с фондом²⁶⁶.

Заявления Файгенбаума вызвали бурную реакцию в бразильском парламенте, обвинившем МВФ в грубой форме вмешательства во внутренние дела страны. После заявления президента Коллора о необходимости замены главы миссии МВФ «компетентным специалистом», газета New York Times назвала эпизод «популистской победой» Коллора над фондом²⁶⁷.

Несмотря на внешнюю неопределенность, подходы МВФ отражали устоявшуюся практику: предполагалось ужесточение налоговой нагрузки и существенное увеличение доли национального дохода, идущего на погашение задолженностей²⁶⁸. Для этого, согласно требованиям фонда, необходимо было пересмотреть положения действующей Конституции Бразилии, касающиеся защиты прав трудящихся и ограничения полномочий государства в вопросах социального обеспечения²⁶⁹.

Новый раунд переговоров завершился осенью 1991 года: руководитель МВФ Мишель Камдессю подписал договор после консультаций с американским министром финансов Николя Брейди и заместителем госсекретаря США Дэвидом Малфордом²⁷⁰. Соглашение готовилось под личным контролем Марсилио Маркеса Морейры и было передано самому Мишелю Камдессю на встрече в рамках саммита лидеров Латинской Америки в Картагене, Колумбия, в декабре 1991 года.

Согласно этому соглашению, Бразилия брала обязательство реализовать крайне жесткие меры экономической стабилизации, предполагающие дальнейшие глубокие сокращения социальных статей бюджета²⁷¹. Более двух третей всех текущих расходов бюджета уходило на обслуживание долга, и МВФ настоятельно требовал продолжения такой практики.

Подписание документа сопровождалось негласным пониманием, что бразильское руководство немедленно приступит к переговорам с членами Парижского клуба и добьется позитивного разрешения вопроса о коммерческой задолженности. Министр финансов Марсилио Маркес Морейра выразил уверенность в успехе процесса, заявив, что сделка представляет собой «открытие новой страницы, наполненной возможностями для возвращения обновленной Бразилии в мировое сообщество как сильной, конкурентоспособной и независимой нации»²⁷².

Акт III: После импичмента Коллора

Третий акт долговой саги начался с инаугурации Итамара Франко в качестве исполняющего обязанности президента²⁷³. Это было неуклюжее начало: новый президент пообещал повысить реальную заработную плату, снизить цены на коммунальные услуги и изменить программу приватизации, не осознавая, что его руки были связаны в результате соглашения, подписанного годом ранее с МВФ. Несмотря на впечатляющее большинство в Конгрессе, основанное на коалиции партий от левых до правых (возглавляемой бывшим главой Коммунистической партии), кабинет Итамара Франко не получил немедленного согласия вашихтонских институтов.

Популистские высказывания Итамара Франко привели к разочарованию как среди международных кредиторов, так и среди местной экономической элиты. Международный Валютный Фонд принял решение действовать намного жестче по отношению к новому правительству: за первые семь месяцев пребывания Итамара Франко на посту президента сменилось трое министров финансов, каждый из которых столкнулся с прохладным отношением со стороны МВФ.

Между тем представители МВФ начали регулярные визиты в Бразилию, проверяя соблюдение страной условий кредитного соглашения. Отчетливо проявлялось несоответствие поставленным целям: ежемесячные индикаторы дефицитов бюджета систематически нарушались, причем добиться соответствия установленным параметрам без конституционных измененийказалось практически невозможным. Несмотря на принятие закона о налоговой реформе, требуемого условиями МВФ, программу сочли вышедшей из-под контроля, а платежи по линии льготного кредита Stand-by были прерваны.

Теперь Бразилия снова оказалась в «черном списке» стран, испытывающих финансовые затруднения, а переговорный процесс вернулся к начальной стадии. Новая встреча состоялась в феврале 1993 года в Вашингтоне, где итальянский специалист Паоло Хаддад представил проект новой экономической программы, рассчитанной на два месяца согласования с МВФ. Но тут возникли дополнительные сложности: специалисты МВФ ясно дали понять, что выделение займа невозможно до момента официального утверждения итогового соглашения с коммерческими банками. Поэтому сторонам пришлось срочно синхронизировать график подготовки документов по политическим реформам и реструктуризации долга²⁷⁴.

Время работало против Бразилии. Через несколько недель очередная делегация МВФ отправилась в Бразилию под руководством все того же одиозного специалиста Хосе Файгенбаума, еще недавно настойчиво рекомендовавшего изменить Конституцию. В отличие от прошлого визита, кадры с бразильской стороны сильно поменялись: пока сотрудники Минфина находились в растерянности, произошла третья кадровая рокировка в сфере управления экономикой и финансами. Тридцатый министр финансов Итамара Франко, Элисеу Резенде, отправился в столицу США на встречу с представителями МВФ, но вскоре покинул свой пост²⁷⁵.

Такая политическая нестабильность сделала ситуацию крайне непредсказуемой и осложнила взаимодействие с МВФ. Постоянство позиций МВФ контрастировало с хаосом в бразильском руководстве, лишенном четкости и последовательности.

Акт IV: Социолог-марксист на посту министра финансов

Следующий акт «долгового сериала» открыл назначение Фернандо Энрике Кардозу, известного ученого-социалиста и марксиста, на должность министра финансов. Бизнес-элита вначале восприняла это назначение настороженно, но вскоре успокоилась: новый министр незамедлительно подтвердил свою готовность следовать правилам неолиберальной доктрины, подчеркивая, что любые прошлые взгляды и идеи остались в прошлом: «Забудьте обо всем, что я писал раньше...», - уверял он деловых партнеров и представителей финансовой сферы.

При поддержке Кардозу и согласия ведущих банкиров, политика нового кабинета постепенно сместилась в сторону жестких мер экономии и реформ, предписываемых Международным Валютным Фондом (МВФ). Некоторые аналитики называли Кардозу крупнейшим социологом и мыслителем современной эпохи, отмечая глубину анализа общественных процессов, изложенную в книгах и научных трудах.

Уже к середине июля 1993 года бразды реального управления перешли к министру финансов: президент Итамар Франко добровольно передал полномочия по экономическим преобразованиям. Чувствуя себя комфортно в роли ученого-политика, Кардозу начал проводить активную кампанию по изменению сознания общества и лоббированию решений в парламенте. Убежденность в правильности выбранной стратегии позволяла Кардозу утверждать, что предложенная им реформа индексации зарплат является единственным возможным способом борьбы с инфляцией.

Еще одним важным шагом стало предложение по значительному сокращению бюджетов важнейших отраслей — образования, медицины и региональной инфраструктуры, которое в итоге было принято Конгрессом. Реформа трудового права позволила снизить реальную зарплату трудающихся почти на треть, обеспечив существенную экономию средств для бюджета и удовлетворения аппетитов зарубежных кредиторов²⁷⁶.

Конституционная реформа, предложенная Кардозу, прошла успешно, открыв дорогу следующим волнам секвестра государственных расходов и созданию благоприятных условий для восстановления сотрудничества с международными кредиторами. Среди тех, кто выиграл от подобной политики, были крупные корпорации и банки, находящиеся под влиянием МВФ и Всемирного банка.

Акт V: Реструктуризация коммерческого долга

Развязка долговой драмы наступила в апреле 1994 года, когда в Нью-Йорке было подписано соглашение о реструктуризации коммерческого долга Бразилии объемом в 49 миллиардов долларов США. Переговоры вели министр финансов Фернандо Энрике Кардозу совместно с представителем Credit Suisse First Boston, банком-гарантом множества мировых финансовых учреждений, господином Уильямом Родсом. Договоренность имела четкую временную привязку: ряд важных законопроектов, обязательных для одобрения Конгресса, должен был пройти процедуру голосования именно в установленный период. Особую значимость имели поправки к Конституции 1988 года, направленные на упрощение процедуры исполнения требований кредиторов.

Международный Валютный Фонд (МВФ) выступил гарантом прозрачности законодательного процесса, осуществляя надзор за соблюдением сроков и процедур. Важнейшим моментом было официальное уведомление кредитора о готовности принять «Письмо о намерениях», подтверждающее согласие Бразилии соблюдать условия соглашения. Окончательное оформление формальных рамок произошло лишь после объявления 15 апреля 1994 года, однако временное нарушение порядка следования этапов (одобрения займа МВФ до реструктуризации долга) не помешало считать сделку успешной.

Министр финансов Фернандо Энрике Кардозу отметил прогресс в исполнении требований МВФ, подчеркнув своевременность принятых мер и обещанный высокий уровень взаимодействия с международными партнерами. В интервью газете Washington Post, директор-распорядитель МВФ Мишель Камдессю высоко оценил шаги бразильского правительства, отметив их стратегическую важность для будущих взаимоотношений. Экономические реформы МВФ фактически уничтожили остатки социальной безопасности, остававшиеся в Бразилии после десятилетий реформ.

Меры, навязанные кредиторами, нанесли завершающий сокрушительный удар по социальным программам Бразилии, уже находившимся в плачевном состоянии после серии шоков терапии. Учреждение Специального экстренного фонда (SEF) было осуществлено за счет секвестрации государственного бюджета: прекращение финансирования обычных государственных программ и массовые увольнения госслужащих обеспечивали денежные потоки в распоряжение SEF. Открытие фонда символизировало важнейший политический

рубеж: национальный суверенитет в социальной политике был утрачен; впредь бюджеты и организационные структуры находились под непосредственным контролем расположенных в Вашингтоне учреждений Бреттон-Вудской системы, действующих от имени международных банков-кредиторов.

Распад государственных социальных программ и поэтапная отмена части пенсионной схемы (*Previdência Social*) являлись предварительными условиями подписания соглашения. Помимо этого, реформы сопровождались снижением реальных доходов работающих граждан путем введения потолка оплаты труда в государственном секторе²⁷⁷ и переводом всех трудовых контрактов в новую валюту — *Real Unit Value (URV)*²⁷⁸. Данный аспект реформ, предусмотренный отдельным законом, разрабатывался заранее на закрытых совещаниях высшего уровня при активном участии экспертов из американской столицы: Винстон Фритш, заместитель секретаря по экономическим вопросам, случайно сообщил прессе в октябре 1993 года, что он планирует представить МВФ «остов плана по deregulированнию индексов»²⁷⁹.

В соответствии с требованиями кредиторов, принятное законодательство устанавливали сокращение федеральных расходов на образование, здравоохранение и развитие регионов на 43%. Взамен значительная часть государственных доходов была направлена на покрытие процентов по долгам, оставляя минимальное финансирование для базовых социальных услуг. За короткий промежуток времени миллиарды долларов ушли на расчеты с кредиторами, тогда как обычные граждане страдали от массовых увольнений и катастрофического снижения качества жизни.

Важнейшую роль сыграло учреждение специального «Социального чрезвычайного фонда» (Special Emergency Fund) под управлением центрального правительства, организованного по образцу аналогичных фондов Всемирного банка. Именно этот механизм позволил направить средства от сокращенных государственных программ на обслуживание долгового обязательства. Подписание сделки позволило увеличить рыночную привлекательность Бразилии, создав иллюзию надежности ее экономики.

Последствия реформ ощущались остро: к концу 1994 года Бразилия превратилась в зависимое государство, управляемое извне. Крупнейшие национальные ресурсы — такие как государственная нефтяная компания Petrobras и крупнейший оператор телекоммуникаций Telebras — подверглись быстрой приватизации. Все это происходило в условиях нарушения демократических норм и прямого влияния международных финансовых организаций.

Назначение Фернандо Энрике Кардозу министром финансов стало знаковым событием. Благодаря успешному проведению политики, предписываемой МВФ, Кардозу сумел занять кресло президента на выборах 1994 года, продемонстрировав эффективную стратегию сотрудничества с бизнес-сообществом и средствами массовой информации. Низкая инфляция, наблюдавшаяся в преддверии выборов, создала впечатление стабильности и предсказуемости экономики, привлекая голоса избирателей²⁸⁰.

Комментаторы отмечали особую схожесть между режимом, сформировавшимся при Фернандо Коллере ди Мелло, и деятельностью Фернандо Энрике Кардозу. Один

высокопоставленный сотрудник крупного банка подчеркивал двусмысленность действий первого кабинета Кардозу:

«Президент Коллор имел двойственную личность, будучи решительно настроенным на осуществление реформ, но часто терпел неудачу в достижении результатов. Его первый кабинет под руководством Марсилио Маркеса Морейры выполнял рекомендации МВФ быстрее и эффективнее. Сейчас Фернандо Энрике Кардозу движется в верном направлении, но делает это медленно. Чтобы достигнуть нужных показателей по дефициту бюджета, утвержденных МВФ, необходимо дополнительно сократить бюджетные расходы на 6 миллиардов долларов, а еще 6 миллиардов придется изыскивать путем пересмотра Конституции, главным образом за счет увольнения большого количества государственных служащих. Нам нужен в Бразилии мягкий аналог правительства Пиночета, желательно гражданского типа, похожего на то, что сделал Фухимори в Перу».

По мнению аналитиков, события конца XX века показали: власть способна управлять страной и поддерживать социальную стабильность, следуя рекомендациям международных финансовых организаций, причем ценой отказа от собственных национальных приоритетов.

Акт VI, Эпилог: Борьба с бедностью с минимальными затратами для кредиторов

Развитие макроэкономики ускоряло процессы миграции, вытесняя безземельных крестьян из деревень и превращая их в мобильные слои мигрантов, постоянно переезжающих из одного мегаполиса в другой. Городские территории приобрели принципиально новый социальный слой — огромную массу горожан-бедняков, качественно отличающихся от обитателей фавел прежних эпох. Тысячи бывших офисных работников и низкооплачиваемых профессионалов вынуждены были переселяться в пригородные зоны, становиться жертвами социальной дискриминации и покидать привычную среду обитания.

Специальный Экстренный Фонд (SEF), учрежденный Фернандо Энрике Кардозу в 1994 году, воплотил концепцию «социальной инженерии»: внедрение комплекса мероприятий, направленных на управление уровнем бедности и предотвращение социальных конфликтов с минимальным участием государственных инвестиций. Официальная пропаганда объявила так называемую «целевую помощь нуждающимся», основанную на принципе возмещения затрат и приватизации сфер здравоохранения и образования, якобы более эффективным методом оказания социальной поддержки. Вместе с тем система социального страхования (INSS) подлежала переводу на самоокупаемость за счет повышения размеров страховых отчислений для городских и сельских работников²⁸¹.

Государство демонстративно отказывалось от прямой ответственности за реализацию многочисленных социальных проектов, передавая их организацию общественным организациям, действуя под эгидой SEF. При этом особый акцент делался на привлечение частного капитала и волонтерских усилий, вплоть до формирования локальных схем самоуправления на уровне городов и поселков.

Формально идея SEF декларировалась как средство борьбы с бедностью, что легитимировало инициативы правительства Итамара Франко, начиная с гражданской кампании против голода, развернутой после отставки Коллора в 1992 году. Изначально широкая коалиция, объединявшая оппозицию и гражданское общество, быстро потеряла свою первоначальную динамику и приобрела характер инструментария власти. Идеология движения дистанцировалась от критики политики государства, превратившись в символ примирения различных политических сил.

Была достигнута договоренность между руководителем кампании доктором Гербертом де Соуза («Бетинью») и председателем Банка Бразилии Алсыром Калиари. Банку Бразилии, мощному финансовому филиалу центральной государственной власти, было поручено организовать местные комитеты кампании по всей стране. Более двух третей этих низовых комитетов контролировались сотрудниками Банка Бразилии²⁸². Масштабная рекламная поддержка кампании, предоставляемая владельцем медиа-концерна Роберто Маринью и сетью телевидения «Глобо», также помогла обеспечить ей широкую известность и популярность.

Идеологическая платформа кампании выстраивалась таким образом, чтобы избегать обсуждения взаимосвязи роста бедности с последствиями экономических реформ, проводимых под руководством МВФ. Акцент смешался на отдельные случаи тяжелой нужды, игнорируя тот факт, что причиной глубокого ухудшения благосостояния миллионов граждан являлся сознательно выбранный путь неолиберального регулирования экономики.

Официальные оценки Института прикладных экономических исследований (IPEA), используемые кампанией, преувеличивали масштабы благополучия населения, оценивая число живущих ниже черты бедности лишь в 21% (против 32 млн человек в Бразилии и 35,7 млн — в США по официальным данным американских властей). Такие манипуляции свидетельствовали о целенаправленном усилии скрыть подлинную картину бедности, сосредоточившись исключительно на точечной помощи наиболее уязвимым слоям населения.

Институт специальной помощи населению, финансируемый западными благотворителями и международными агентствами, распространил на местах небольшие производственные проекты, микрокредитование и образовательные программы. Целью являлось обеспечение элементарного прожиточного минимума на общинах, предотвращающее вспышки массовых беспорядков и выступлений оппозиции. Типичный пример — город Пирамбу, где различные анклавы жилых зон контролировали разные иностранные НКО, действующие в рамках грантов Международной технической помощи Германии (GTZ).

Кампания против голода выполняла еще одну сопутствующую функцию: основными показателями бедности, озвучиваемыми в рамках кампании, выступали «оценки», представленные официальным правительственный аналитическим центром — Институтом прикладных экономических исследований (IPEA), которому теперь поручалось проводить соответствующие исследования по проблемам голода и бедности. Значительно искаженные и фальсифицированные, оценки IPEA показывали, что лишь 21 % населения Бразилии живет за чертой абсолютной бедности²⁸³. Здесь явно видны двойные стандарты: в Бразилии 32

миллиона бедствующих против 35,7 миллиона в Соединенных Штатах (согласно определениям правительства США).

Большинство секторов общества, включая средние классы, испытывали ухудшение материального положения в результате реформ, проведенных правительством Коллора с момента его прихода к власти²⁸⁴.

Мелкомасштабные производственные проекты, аутсорсинговые договоры с предприятиями экспортной переработки, программы профессиональной подготовки и трудоустройства на местном уровне и прочие инициативы проводились под покровительством «сети социальной защиты». Минимальный доход, обеспечивавшийся на уровне общины, стабилизировал ситуацию и предотвратил возможные социальные конфликты. Характерным примером «локального управления бедностью» служит район Пирамбу в северо-восточной части города Форталеза, где проживает четверть миллиона человек. Территория района была поделена между различными международными организациями помощи и НКО, каждая из которых контролировала отдельный участок городского пространства. В частности, немецкий Агент по развитию GTZ поддержал создание pilotного проекта «сообщественного менеджмента» в квартале Коуто Фернандес²⁸⁵.

Механизм «управления бедностью» работал также и в сельской местности, позволяя удерживать миллионы мелких собственников на грани выживания. Программа временных рабочих мест (*frente de trabajo*), реализуемая властями Северо-Восточных регионов, предлагала месячный заработок в размере 14 долларов около миллиону земледельцев, вынуждая их соглашаться на подобную низкую оплату труда²⁸⁶.

Наконец, практика экспроприации небольших участков земли, используемая крупными сельскохозяйственными холдингами, являлась неотъемлемым элементом программ структурной адаптации, внедряемых Всемирным банком и МВФ. Национальное агентство землеустройства и аграрной реформы (INCRA) оставалось единственной структурой, отвечающей за распределение сельхозугодий и земельные реформы, зачастую жертвуя традиционными правами индейских племен ради интересов владельцев огромных плантаций.

Национальный институт по делам колонистов и аграрной реформы (INCRA) осуществлял перераспределение земельных наделов и создание кооперативов для лиц, не владеющих землей («поссейрус»). Обычно эти участки располагались на бесплодных или полупустынных территориях, не затрагивающих интересы влиятельного земельного класса. В штатах Пара, Амазонас и Мараньян некоторые международные доноры, включая Всемирный банк и японское Агентство по содействию развитию (JICA), профинансировали (через INCRA) так называемые «колонизационные районы»²⁸⁷. Данные территории служили источником временной рабочей силы для крупных хозяйств. Предложенные конституционные поправки предусматривали фактически лишение коренных народов права собственности на землю, начавшееся с передачи территорий индейских резерваций в ведение института INCRA для последующего заселения работниками плантаций²⁸⁸.

Этот курс постепенно трансформировал государственную политику Бразилии в инструмент сохранения социального статуса-кво, поощряя распространение

низкорентабельной самозанятости и простейших производств, зависящих от иностранной технической помощи и субсидий. Система удерживала население в устойчивом состоянии хронического недостатка ресурсов, создавая иллюзорную перспективу избавления от крайней бедности без существенных перемен в структуре экономики.

История Бразилии наглядно демонстрирует, каким образом стратегия глобализации в развивающемся мире способна воспроизводить и укреплять механизмы угнетения, выдавая подобные мероприятия за цивилизованную борьбу с бедностью. Фактическое устранение государства из социальной сферы ведет к дальнейшей эксплуатации народных масс и усилению диспропорций, оправдывая существование столь неприемлемой реальности методами фальсификации статистики и цензурного отбора информации.

Укрепление параллельного правительства

Реформирование, проведенное под руководством Международного Валютного Фонда (МВФ), усилило поляризацию общества и обусловило обнищание всех слоев населения, включая средний класс. Дополнительный фактор риска заключается в разрушении централизованных налоговых механизмов, создающим угрозу регионализации страны: дестабилизация армии, постоянные нарушения основополагающих прав человека, насилие в городах и селах, а также возникновение сепаратистских движений на юге, приобретающих все больший резонанс.

Начиная с президентства Фернанду Коллора ди Мелло, фактически сложилось «параллельное правительство», регулярно консультирующееся с Вашингтоном. Во времена президентства Фернандо Энрике Кардозу (1994–2001 гг.) кредиторы полностью контролировали бюрократический аппарат государства и политиков. Государственная казна пустует, а имущество переходит в руки заинтересованных лиц в рамках программы приватизации.

Глава 14

Шоковая терапия МВФ в Перу

8 августа 1990 года перуанцы пережили событие, известное как «Фуджишок», названное в честь президента Альберто Фухимори. Премьер-министр Хуан Эррадо Миллер в обращении к народу объявил о целях новой политики: «Наши главные задачи — сократить дефицит бюджета и устраниить ценовые искажения». Буквально за ночь цена топлива взлетела в 31 раз (рост составил 2968%), а хлеб подорожал более чем в двенадцать раз (увеличение составило 1150%). Цены были зафиксированы указом президента, а не рынком, что, впрочем, вполне соответствует духу ангlosаксонского либерализма, который сочетает плановость и свободу предпринимательства.

Целью «Фуджишока» было покончить с гиперинфляцией, и действительно, это удалось сделать, правда, за счет скачка потребительских цен на продукты питания в одном месяце на 446%! В первый год существования правительства «Cambio 90» инфляция дошла до «скромных» 2172%. Многие страны Латинской Америки уже испытали шокотерапию, но масштаб «экономического инжиниринга» в Перу оказался беспрецедентным. Социальные последствия были ужасающими: зарплата крестьянина в северных провинциях Перу в августе 1990 года составляла всего 7,5 долларов США в месяц (стоимость бургера и напитка), в то время как цены в столице Лиме превосходили американские²⁸⁹. Реальные доходы населения за август 1990 года снизились на 60%; к середине 1991 года реальный уровень заработка составлял менее 15% от уровня 1974 года (падение более чем на 85%).

Средняя зарплата государственных служащих за первый год правления Фухимори снизилась на 63%, а относительно 1980 года падение составило 92% (см. таблицу 14.3)²⁹⁰. Перспектива попадания в черный список МВФ нависала над Перу с середины 1980-х годов. Причиной послужила позиция предыдущего президента Альяна Гарсии (1985–1990 годы), который провозглашал, что выплаты по внешнему долгу не должны превышать 10% от экспорта.

Таблица 14.1**Влияние шоковой терапии августа 1990 года на потребительские цены****Лима с окрестностями, август 1990 года**

Процентное увеличение	Институт национальной статистики и информатики (Реги)
Продукты питания и напитки	446,2
Транспорт и связь	571,4
Здравоохранение и медицинские услуги	702,7
Аренда, топливо и электроэнергия	421,8
Индекс потребительских цен	397,0

Источник: Национальный институт статистики (INEI), Статистический ежегодник, Куанто, Перу в цифрах, глава 21, Лима, 1991 год.

Историческая справка

Первая крупная программа макроэкономической стабилизации в Перу началась в середине 1970-х годов после военного переворота 1975 года, направленного против популярного правительства генерала Веласко Альварадо. Экономические реформы проводились военным режимом генерала Моралеша Бермудеса, преемника Веласко, и стали условием для реструктуризации внешнего долга Перу перед коммерческими банками и официальными кредиторами. Эти реформы были согласованы непосредственно с банками-кредиторами без посредничества Международного Валютного Фонда (МВФ). В 1978 году вступила в силу вторая «экономическая программа», уже в рамках официального соглашения с МВФ.

Предшествующие реформы, принятые до запуска официальных программ структурной перестройки в начале 1980-х годов, повторяли опыт Чили времен правления генерала Пиночета и «чикагских мальчиков» в 1973 году. Условия, накладываемые кредиторами, были мягче и менее последовательно определены по сравнению с займами, получаемыми позже в рамках структурных реформ.

Тем не менее, макроэкономические реформы середины-конца 1970-х годов положили начало историческому процессу обнищания населения Перу: серия девальваций нацивалюты запустила инфляционную спираль, приведя к падению покупательской способности на рынке товаров первой необходимости в среднем городском секторе на 35% в период с 1974 по 1978 год (таблица 14.3). Сокращение реальной заработной платы и стоимости рабочей силы не улучшило экспортный потенциал страны, как утверждали эксперты Бреттон-Вудских институтов.

При вступлении в должность президента Фернандо Белунде Терри в 1980 году макроэкономическая политика стала более целостной. Поддерживаемые МВФ меры

способствовали ослаблению государства и системы государственных предприятий, созданных при правительстве генерала Веласко Альварадо. Правительством были предоставлены щедрые концессии иностранным инвесторам (например, в нефтегазовом секторе компании Occidental). Снижение таможенных барьеров негативно сказалось на ряде отраслей национальной экономики. Участие государства в банковском секторе было ограничено, а вход иностранного капитала в коммерческий сектор поощрялся, включая открытие дочерних подразделений таких банков, как Chase Manhattan, Commerzbank, Manufacturers Hanover и Bank of Tokyo²⁹¹.

Программа, поддержанная МВФ, была внедрена правительством Белунде в самом начале долгового кризиса: поток импортных потребительских товаров, ставший результатом торговой либерализации, хронологически совпал с крахом экспортных доходов и ухудшением условий торговли (1981–1982 гг.). Совместное действие этих факторов усугубило кризис платежного баланса, приведя к снижению валового внутреннего продукта (ВВП) на 12% в 1982 году и инфляции более 100% в 1983 году.

За период с 1980 по 1983 год уровень младенческой недоедаемости вырос стремительно. Потребление продуктов питания в 1985 году упало на 25% по сравнению с 1975 годом. За пятилетний срок президентства Белунде (1980–1985 гг.) минимальный размер оплаты труда (*remuneración mínima vital*) снизился более чем на 45%. Повлияли на это все категории занятых: средняя потеря реальных доходов составила 39,5% для рабочих физического труда и 20% для белых воротничков (см. таблицу 14.3).

За десять лет, прошедших с окончания правления генерала Веласко (1975 г.) до ухода Белунде с поста президента (1985 г.), минимальный размер оплаты труда снизился (по официальным данным) на 58,2%, среднемесячная оплата труда — на 55% (для синих воротничков) и средний доход среднего класса (белых воротничков) — на 51,7%.

Таблица 14.2

Влияние шоковой терапии в августе 1990 года на потребительские цены

Столичный регион Лима, август 1990 года

Товар	До 3 августа 1990 года	После 9 августа 1990 года	Процентное увеличение
Керосин (галлон)	19	608	3100
Бензин (84 г) (галлон)	22	975	2968
Газообразный пропан (924 ф.)	41	1120	2632
Хлеб (36 г/шт)	2	25	1150
Фасоль (кг)	240	2800	1067
Белый картофель (кг)	40	300	650
Мука (кг)	220	1500	531
Молоко (литр)	60	290	383
Спагетти (кг)	180	775	331
Растительное масло (литр)	220	850	286
Рис (сорт А) (кг)	94	310	230
Сухое молоко (410 гр.)	100	330	230
Яйцо (кг)	170	540	218
Курица (кг)	213	600	182

Источник: Cuanto, том 2, № 19, август 1990 г., стр.5.

Непривычная экономическая политика АПРА (1985–1987)

Режим партии Народного действия (Acción Popular) президента Фернандо Белунде Терри потерял доверие народа. На президентских выборах 1985 года победила Американская революционно-популярная альянс (APRA), популярная левая партия, созданная еще в 1920-е годы. Перед выборами APRA представила «Альтернативную экономическую программу», противопоставленную рекомендациям Бреттон-Вудских институтов. Сразу после победы Алан Гарсия, лидер APRA, анонсировал свой знаменитый «Экономический чрезвычайный план» (Plan Económico de Emergencia), опубликованный в июле 1985 года. Этот план шел вразрез с обычными рецептами Международного Валютного Фонда (МВФ).

При вступлении Гарсии в должность годовой уровень инфляции составлял более 225%. Основной идеей его программы было восстановление спроса потребителей. Были введены фиксированные цены на товары первой необходимости и услуги коммунального хозяйства, снижены ставки по кредитам, а официальный курс обмена валюты был стабилизирован. Экономика страны пребывала в застое при режиме Белунде, при наличии

значительных неиспользуемых производственных мощностей. Соответственно, правительству APRA удалось стимулировать экономическую активность «со стороны спроса», избежав чрезмерного роста инфляции и производственных издержек²⁹².

Гарсия обещал повысить закупочные цены на продукцию фермеров, стремясь оживить сельское хозяйство и выровнять уровень доходов в пользу деревни. Первые итоги работы программы были довольно оптимистичными: по оценке Всемирного банка, соотношение доходов сельского и городского населения выросло на 75%, наблюдался значительный краткосрочный подъем сельскохозяйственной продукции²⁹³.

Городская экономика получила стимул в виде декретированных повышений заработной платы и пособий, незначительно опережавших инфляцию. Был запущен временный проект создания рабочих мест, принятая расширительная налогово-финансовая политика, кредитование приобрело негативную реальную ставку. Стимулировали спрос налоговые льготы и субсидии, хотя большая часть этих преференций досталась представителям деловой и финансовой элиты. В результате налоговая база государства и запасы иностранной валюты заметно ослабли.

Таблица 14.3
Индекс реальной заработной платы (1974-1991)
(1974=100)*

Год	Минимальный легальный доход	«Белые воротнички» в частном секторе	«Синие воротнички» в частном секторе	Заработка плата в государственном секторе
1974	100,0	100,0	100,0	1
1975	93,1	100,6	88,3	2
1976	85,6	83,3	95,1	2
1977	75,3	72,4	79,2	3
1978	58,4	62,2	71,3	4
1979	63,6	59,9	70,9	5
1980	79,9	61,1	75,0	6
1981	67,9	62,1	73,5	100,0
1982	62,2	67,0	74,4	91,7
1983	64,4	57,4	61,6	66,3
1984	49,7	59,6	52,5	58,2
1985	43,5	48,8	45,4	46,4
1986	45,1	61,0	60,8	48,4
1987	49,0	63,9	65,6	59,2
1988	41,5	44,2	41,3	53,5
1989	25,1	36,3	37,6	35,3
1990	21,4	18,7	20,1	18,8
Июль	20,9	13,8	16,2	21,1
Август		7,5	8,3	8,9
Сентябрь	19,4	11,1	12,9	8,6
Декабрь	13,8	14,6	16,3	6,1
1991				
Апрель	15,3	15,7	19,4	8,6
Май	14,1			7,8

Источником данных служат официальные публикации INEI (Annuario Statistico, 1991 г.), а также издание Quanto, Peru en Numbers (1991 г., глава 21) и приложение Quanto (№ 13, июль 1991 г.). Базовым годом расчета индекса заработных плат государственного сектора принят 1981-й. Приведены вознаграждения всех категорий сотрудников. Категория частного сектора охватывает доходы служащих и рабочих («белых воротничков» и «синих воротничков») на предприятиях столичного региона Лима. До 1963 года минимальный законный доход соответствовал базовой расчетной единице (*unidad de referencia*); с июня 1984-го по август 1990-го года он равнялся базовой единице плюс бонусы; с августа 1990 года власти упразднили понятие «Минимального законного дохода» (*Income Mínimo Legal*) и ввели новый показатель — прожиточный минимум оплаты труда (*Salario mínimo vital*). В категорию «Государственное управление» включены центральные и региональные органы власти, а также децентрализованные государственные учреждения.

Стратегия урегулирования внешнего долга АПРА

Сразу после вступления в должность президент Гарсия объявил мораторий на выплаты по обслуживанию внешнего долга, установив лимит в 10% от доходов от экспорта. Такая позиция мгновенно вывела Перу в разряд неблагонадежных заемщиков, отрезав страну от международного финансового сообщества. Поток свежих денежных средств прекратился, зарубежные коммерческие банки прекратили свое участие в поддержке Перу уже в 1985 году. В последующие годы новые кредиты перестали поступать вовсе. Аналогично поступили официальные международные агентства и правительства развитых стран, существенно сократив объем средств, выделяемых Перу²⁹⁴.

Несмотря на объявление моратория, внешний долг Перу продолжал расти быстрыми темпами — ежегодно увеличиваясь в среднем на 9% в течение срока правления правительства APRA²⁹⁵. Анализ чистого притока капитала показал, что громогласные заявления Гарсии о сокращении выплат по обслуживанию долга оказались неэффективными: фактически выплаты составляли около 20% от экспортных доходов в период с 1985 по 1989 год. Заморозка выдачи новых кредитов вкупе с бегством капитала за границу привели к огромным потерям реальных ресурсов в течение указанного периода²⁹⁶.

Экономическая программа заходит в тупик

Первые полтора года правления правительства APRA отмечены значительным ростом ВВП. Инфляция была замедлена благодаря системе «заморозки цен», долларизация экономики сократилась, потребление существенно возросло.

Однако удержать такую динамику надолго не удалось. Рост экономики подпитывался экстенсивной фискальной политикой, в то время как налоговая база оставалась чрезвычайно хрупкой. Косвенные налоги были снижены, процветало уклонение от уплаты налогов, субсидии и налоговые освобождения для крупных корпораций финансировались через дефицит бюджета и расширение денежной массы. Такая система была подвержена коррупции и спекуляциям.

Структура множественных курсов обмена (единого рынка обмена валют), теоретически задуманная как инструмент перераспределения доходов, в конечном счете принесла наибольшую выгоду самым богатым слоям населения Перу²⁹⁷.

К 1988 году международные золотовалютные резервы Перу рухнули до минус 252 миллионов долларов США²⁹⁸. Несмотря на некоторое улучшение покупательной способности, значительная часть валютных поступлений страны была присвоена элитой в виде субсидий и налоговых льгот. Государственный аппарат применял стандартные кейнсианские антикризисные меры для поддержания совокупного спроса, не пытаясь решить глубинные структурные проблемы. Несмотря на относительную техническую последовательность принимаемых мер в условиях глубокой стагнации и неполного использования промышленного потенциала, экономическое возрождение продлилось недолго.

Фактически правительство APRA использовало регулирующие инструменты для поддержки существующих экономических интересов. Модель развития определялась узким техническим подходом, подкреплялась популистской риторикой, но не имела

достаточной социальной базы, политической воли и народной поддержки для внедрения серьезных и устойчивых экономических и социальных реформ, таких как налоговая реформа, децентрализация, активизация сельского хозяйства и поддержка малых производителей в теневом секторе экономики.

За исключением популистских заявлений, правительство APRA не предпринимало никаких шагов, угрожавших интересам экономических элит. Проект национализации банковской системы, который мог бы расширить доступ к кредитам, был объявлен лишь в 1987 году чисто декларативно, и банки легко нашли способы обойти инициативу в затяжной юридической борьбе, завершившейся отказом от проекта. Этот эпизод завершил «медовый месяц» между правительством APRA и финансовой элитой, породив расколы внутри партии, дискредитировавшие администрацию и вызвавшие недоверие и неуверенность среди предпринимательского сообщества, что, по мнению некоторых исследователей, способствовало запуску гиперинфляционного цикла 1988–1990 годов. Элитные группировки объявили войну правительству.

Подобным образом в 1990 году правительство APRA попыталось решить проблему имущественных прав, используя демагогический подход регистрации формальных прав владения (регистрация земельной собственности), что позволяло субъектам неформальной экономики и владельцам небольших земельных участков получать право собственности. Вопрос концентрации имущества и богатства в руках привилегированного класса остался вне поля зрения.

Де-факто «шоковая терапия» (1988–1990)

Рост реальной покупательной способности, достигнутый в 1985–1986 годах, оказался кратковременным. В начале 1987 года началось замедление экономической активности, расширение сменилось сжатием, динамика реальных доходов повернула вспять в считанные месяцы. В период с декабря 1987-го по октябрь 1988 года реальные доходы упали на 50–60%, зарплаты госслужащих снизились на две трети²⁹⁹. К середине 1988 года реальная заработка была на 20% ниже уровня 1985 года.

В июле 1988 года правительство ввело новый чрезвычайный план, а в сентябре предложило более ортодоксальную антиинфляционную программу. Пакет мер сентября 1988 года содержал большинство компонентов стандартной программы МВФ, хотя и без неолиберальной идеологии и поддержки международных кредиторов.

Во многих аспектах пакет мер сентября 1988 года проложил путь к экономическим шоковым методам, принятым правительством Фухимори в августе 1990 года. В пакете присутствовали все ключевые элементы: девальвация и унификация обменного курса, повышение тарифов на коммунальные услуги и бензин, существенные сокращения государственных расходов и введение принципа компенсации затрат для большинства госпредприятий. Пакет также предусматривал деноминацию зарплат и пенсий.

Провал нестандартной экономической программы APRA

Ошибочность экономической программы, проводимой президентом Аланом Гарсией, не подтверждает правильность неолиберального подхода. С самого начала программа демонстрировала политическую двусмысленность. APRA не смогла

определиться с отношением к контролю над прибылью и ценам, установленными крупными коммерческими и агропромышленными группами. Инструменты кейнсианской теории применялись механически, без учета фундаментальных структурных проблем. Успех программы зависел от положительного притока иностранной валюты, однако случилось обратное: чистый отток ресурсов продолжался без остановки. Международные кредиторы сохраняли полный контроль над платежным балансом Перу.

Возвращение к диктату МВФ

Во время предвыборной кампании 1990 года Альберт Фухимори противостоял кандидату Марио Варгасу Льоса от коалиции Демократического фронта (Fredemo). Варгас Льоса выступал за применение «шоковой терапии» в качестве способа преодоления экономического кризиса. Партия Фухимори, Cambio 90, отвергала неолиберальную рецептуру, обещая разработать программу, ведущую к «стабилизации без рецессии», совместимую с решением проблемы гиперинфляции и защитой покупательной способности граждан³⁰⁰.

До вступления в должность президента 28 июля 1990 года Фухимори рассматривал возможность расширения экономической политики. Однако сама программа была определена в узких технических терминах (без широкого публичного обсуждения) и не учитывала политические аспекты, необходимые для ее успешного выполнения. Она воспринималась как техническое «решение» кризиса, изолированное от широкой общественной дискуссии и не вовлекшее общественные организации в разработку.

Отправляясь в Вашингтон на встречу с управляющим директором МВФ Мишелем Камдессю, будущий президент размышлял вслух со своим главным экономическим советником: «Если шоковая терапия сработает, перуанцы наверняка меня простят». На него оказывались сильные внутренние и внешние политические давления, заставляющие отказаться от альтернативной программы в пользу стандартного пакета МВФ.

Вернувшись из поездок в Вашингтон и Токио, где встречались с международными кредиторами, избранный президент превратился в убежденного сторонника «жестких экономических лекарств». Однако об этом знали лишь ближайшие члены его окружения: ничего не сообщалось народу Перу, голосовавшему против шокотерапии, которую отстаивала коалиция Fredemo.

Возникли разногласия внутри команды экономических советников, а избранный президент выстроил тесные связи с другим кругом экономистов, приверженцев «Вашингтонского консенсуса» и пакета МВФ. Основные советники покинули свои посты прямо перед началом президентского срока, а новый пакет мер по стабилизации экономики, весьма близкий к программе, предложенной Марио Варгасом Льосой во время выборов, был спешно разработан при технической поддержке МВФ и Всемирного банка.

Августовский шок 1990 года: рецепт МВФ

Августовская шокотерапия 1990 года не только соответствовала рецептам МВФ, но и зашла дальше стандартных ожиданий от страны-должника, претендующей на реструктуризацию внешнего долга. Несмотря на высокие уровни крайней бедности, царящие в последние месяцы правления APRA, возникла необходимость дополнительного

«регулирования» реальных доходов, чтобы «смягчить инфляционное давление». Гиперинфляция в Перу объяснялась наличием «факторов спроса», требующих дальнейшего сокращения зарплат и социальных расходов наряду с массовыми увольнениями работников государственного сектора.

Распространение эпидемии холеры в 1991 году, в первую очередь связанное с бедностью и развалом медицинской инфраструктуры, начавшемся еще при правительстве Белунде, также стало результатом программы, курируемой МВФ. Из-за тридцатикратного роста цен на кулинарные масла жители молодых поселений («пуэблос ховэнэс») в Лиме, включая представителей среднего класса, больше не могли позволить себе кипятить воду или готовить пищу.

Международное освещение эпидемии холеры (около 200 тысяч зарегистрированных случаев заболевания и 2 тысячи смертей за полгода) затмило более общий процесс разрушения общества: после августовского удара 1990 года туберкулез также приобрел эпидемический характер, усугубляющийся недоеданием и распадом государственной программы вакцинации. Ситуация в регионах сельзы сопровождалась возвратом заболеваний, таких как малярия, лихорадка Денге и лейшманиоз³⁰¹. Закрывались школы, университеты и больницы из-за бессрочной забастовки учителей и медицинских работников, чья зарплата колебалась от 45 до 70 долларов США в месяц (июль 1991 года), что составляло примерно сороковую часть средней зарплаты в США.

Более 83% населения (по состоянию на середину 1991 года, включая представителей среднего класса) не получали необходимого суточного рациона калорий и белков. Показатель детского недоедания на национальном уровне составил около 38,5% (второй самый высокий показатель в Латинской Америке). Каждый четвертый ребенок в горных районах Анд погибал до пяти лет, каждый шестой ребенок в Лиме тоже не доживал до этого возраста. Общий коэффициент рождаемости составлял около 4,8 детей на женщину, что свидетельствует о высокой детской смертности в семьях горцев. (См. Таблицу 14.4.) Однако международная финансовая община похваляла Фухимори за успешную экономическую политику.

Таблица 14.4

Недоедание, неполноценное питание и младенческая смертность

1. Недоедание (дефицит калорий и белков согласно стандартам ВОЗ/ФАО) на национальном уровне (1991 г.) свыше 83% населения.*
2. Недостаточное питание у младенцев (1985–1986 гг.)на национальном уровне 38,5%сельские районы 57,6%городские районы 24,2%
3. Показатели младенческой смертности (для детей возрастом до одного года, на каждую тысячу живорожденных): Лима: 61,4 промилле (%). Сьерра**: 130–134 промилле (%).
4. Детская смертность (детей младше пяти лет) (1985–1986 гг.) Лима 16,5% Сьерра* 26,5%
5. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет) (1985–1986 гг.) Лима 67,7 л. Сьерра 47,6–49,0 л.
<p>Источник: Министерство здравоохранения и ENNIV</p> <p>* оценка автора основана на данных о расходах домохозяйств.</p> <p>** процентная доля детей, умерших в возрасте до пяти лет, рассчитана на основе показателей смертности по конкретным возрастным группам (Министерство здравоохранения).</p> <p>*** на основе показателей, зарегистрированных в Уанкавелике и Куско (т.е. данные относятся к горным районам Сьерры).</p>

Патронаж МВФ и Всемирного банка

«Примите серьезную экономическую программу, и мы поможем вам». Как правило, реализация того, что МВФ называет «серьезной экономической программой» (слова Мартина Харди, главы миссии МВФ, посетившей Перу в 1991 году), является предварительным условием для предоставления мостового финансирования международной группой поддержки. Никаких конкретных обещаний от международных финансовых институтов в отношении реализации пакета мер августа 1990 года сделано не было. Пакет представлял собой «теневую программу МВФ», не сопряженную с выдачей

займа (см. главу 3.) Хотя прямые давления со стороны МВФ отсутствовали, было ясно дано понять, что Перу останется в черном списке до тех пор, пока страна не выполнит рекомендации МВФ.

Экономический пакет был введен правительством Фухимори до подписания какого-либо кредитного соглашения и до достижения договоренности о реструктуризации внешнего долга. Когда первая фаза мер была выполнена, особо обсуждать уже нечего было. Более того, сразу после фазы «экономической стабилизации» в августе 1990 года перуанские власти приступили к ряду кардинальных структурных реформ («вторая фаза»), соответствующих предписаниям МВФ и Всемирного банка.

Правительство Фухимори надеялось, что шоковая терапия августа 1990 года приведет к немедленному образованию международной группы поддержки и выдаче «пакета спасения». Однако кредиторы проявляли осторожность в формировании такой группы. Перу исправно оплачивало текущие долговые обязательства, а макроэкономическая политика соответствовала меню МВФ³⁰². Исходя из позиции международных кредиторов, не было необходимости оказывать «услуги» Перу (в отличие от Египта или Польши).

Естественно, правительству было трудно придерживаться независимого курса – вести переговоры с МВФ, когда сотрудники МВФ и Всемирного банка сидели в Министерстве экономики и финансов. Эти консультанты работали непосредственно на МВФ и Всемирный банк, находясь в распоряжении правительства Перу³⁰³. Один из старших советников министра экономики и финансов Карлоса Болоньи был сотрудником МВФ, числившимся в его официальном штате.

Предоставление фиктивных денежных средств

С самого начала главной целью правительства было исключение из черного списка МВФ путем безоговорочного согласия на возмещение задолженности Перу перед международными финансовыми институтами. Эта цель должна была быть достигнута путем переговоров о «новых займах» от международных финансовых институтов, предназначенных «для погашения старых долгов» (более подробно смотрите в главе 3)³⁰⁴. Ни один доллар из этих денег на самом деле не поступил бы в Перу. Эти новые займы были деньгами, которые международные финансовые организации «выдавали сами себе»; они безоговорочно узаконивали внешний долг (без списания) и обязывали Перу немедленно приступить к обслуживанию своей задолженности. Кредиты, выданные международными финансовыми институтами в 1991 году, должны были быть погашены в течение трех-пяти лет. Прямыми результатом этих новых займов стало увеличение обязательств Перу по обслуживанию долга более чем в два раза в 1991 году (с 60 миллионов долларов США в месяц до более чем 150 миллионов долларов США).

Роль военных

Перу строго придерживалось установленной Вашингтоном модели «демократизации». До своей инаугурации в июле 1990 года Фухимори ежедневно проводил совещания с командованием вооруженных сил в военном лагере в Лиме. Между будущим

президентом, армией и ключевыми силами была достигнута договоренность о серьезной реорганизации вооруженных сил. Полная поддержка военных была необходима для подавления гражданского сопротивления и обеспечения выполнения программы МВФ. Незадолго до объявления шоковой терапии в стране было введено чрезвычайное положение.

8 августа 1990 года войска, подразделения по охране правопорядка и бронетехника заняли всю территорию столичной Лимы, тщательно перекрыв центр города.

В условиях «парламентской демократии» армия под руководством Фухимори стала играть более активную роль в управлении «гражданскими» делами. Ситуация в начале правления Фухимори напоминает события начала 1970-х годов в Уругвае при президенте Хорхе Бордаберри, когда военная верхушка правила страной под видом гражданского правительства. Проводимые меры жесткой экономии МВФ способствовали упразднению государственных программ: сокращению расходов на здравоохранение и образование, разрушению региональных административных структур и так далее. Все это способствовало подрыву репутации центрального правительства и укреплению повстанческого движения «Светлый путь» (*Sendero Luminoso*), направленного против государства.

Организация *Sendero*, изначально участвующая в гражданской политике в 1960–1970-е годы, эволюционировала в тайную группу во времена правительства Белунде. *Sendero* сумела установить контроль и создать параллельную административную структуру в некоторых частях сельвы и гористой местности. В определенных областях Перу государственное управление фактически утратило контроль над повседневными функциями гражданской администрации. Применение экономической хирургии МВФ в 1990–1991 годах усугубляло данную ситуацию.

Государство теряло контроль над территорией страны, причем это касалось не только горных и лесных областей. Восстание *Sendero* проникло и в столичную зону Большого Лима. «Программу умиротворения», начатую при Белунде и продолжившуюся при APRA и Cambio 90, подразумевала передача функций гражданской администрации в южных и центральных горных регионах вооруженным силам. Вместо подавления *Sendero* данная стратегия, вместе с провалом экономической и социальной политики, наоборот, способствовала продвижению повстанческих акций. Дополнительно, через военную и полицейскую машину, государство официально санкционировало произвольные аресты, внесудебные казни и пытки политических заключенных, а также захват членов семей подозреваемых и предполагаемых сочувствующих (широко документировано организацией Amnesty International). Ограничение гражданских свобод особенно ощутимо коснулось наименее обеспеченных слоев населения³⁰⁵. В 1988 году появились правые эскадроны смерти под названием «Comando Rodrigo Franco»; их мишениями стали представители левого крыла и профсоюзные лидеры.

При Фухимори репрессии против повстанческого движения «Светлого пути» стали поводом для систематического преследования всеми правоохранительными органами противников программы МВФ. Практически с первых дней правления Cambio 90 необдуманные пытки и казни подозреваемых приняли систематический характер.

Стратегия убийств и запугивания руководителей профсоюзов, крестьян и студентов шла непосредственно от командования вооруженными силами. В ходе так называемой «грязной войны» («la guerra sucia») с движением Sendero действовало секретное военное постановление, просочившееся в прессу в 1991 году, гласившее: «Ни пленников, ни раненых» (ni prisioneros, ni heridos)³⁰⁶.

Судьба сельского хозяйства

Программа МВФ сразу же отразилась на сельском хозяйстве: за исключением нелегального выращивания коки, произошел резкий спад сельскохозяйственного производства в течение года после шоковой терапии августа 1990 года.

Обнищание сельского населения усугублялось продолжающимся контролем маркетинговых каналов и сетей сбыта со стороны мощных монополий агропромышленности. Внутренние производители разорялись из-за импорта дешевых сельскохозяйственных товаров. Экономические меры 1990 года привели к резкому повышению цен на топливо, удобрения, семена и сельскохозяйственные кредиты: в большинстве горных районов себестоимость производства многократно превышала цену продажи. Итогом стало банкротство мелких независимых фермеров. Например, в горах около 800 тысяч производителей шерсти альпаки и овчьеи шерсти, принадлежащие к числу самых бедных категорий сельского населения, оказались в еще большей нищете из-за резкого снижения реальной цены на шерсть и волокна альпака в 1990–1991 годах.

Концентрация земельных ресурсов

Приватизация сельскохозяйственных земель способствовала подрыву существующей структуры сельской экономики, характеризующейся мелким индивидуальным производством (*parcelero*) и сельскохозяйственными общинами (*comunidades agricolas*). Закон о земле 1991 года требовал, чтобы минимальная единица собственности составляла десять гектаров. Таким образом, поощрялась концентрация земли, что привело к укреплению средних хозяйств и консолидации крестьянства среднего звена. В результате экономического кризиса *parceleros* обанкротились. Они были вынуждены продать или отказаться от своей земли³⁰⁷. Однако этот первоначальный процесс концентрации земель был лишь первым шагом на пути к реструктуризации собственности на сельскохозяйственные угодья. Сельскохозяйственное кредитование также было реформировано. Производственные единицы площадью менее десяти гектаров больше не имели права на получение сельскохозяйственного кредита.

В свою очередь, среднее крестьянство стало полностью подчиняться банковским и коммерческим интересам, заложив свои недавно приобретенные права собственности на землю. Законодательство, введенное в действие в 1991 году, способствовало отчуждению земли фермерами и покупке больших участков земли городскими коммерческими интересами.

В то время как крестьянские общины Сьерры были формально «защищены» от приватизации земли, рост цен на топливо и транспорт способствовал их исключению из рыночной экономики. Цены на сельскохозяйственные товары были снижены ниже себестоимости. Многие крестьянские общины, которые ранее продавали свои

сельскохозяйственные излишки на местных рынках, были вынуждены полностью отказаться от коммерческого сельского хозяйства.

Фактически произошло возвращение к натуральному сельскому хозяйству. Коммерческие сельскохозяйственные ресурсы, такие как семена, удобрения и т.д. больше не применялись; тенденция к консолидации «традиционного сельского хозяйства» была отмечена резким снижением уровня производительности как среди фермеров, так и среди крестьянских общин. Сельская местность становилась все более поляризованной. Крестьянские общины, обнищавшие в результате структурной перестройки, больше не могли выживать без внешних источников дохода. Крестьянские общины все чаще становились «резервом рабочей силы» для коммерческого сельского хозяйства.

Нелегальная наркоэкономика

Шоковая терапия августа 1990 года создала условия для дальнейшего расцвета наркотрафика. Сокращение внутреннего спроса на продовольствие в сочетании с устраниением пошлин на ввоз пищевых продуктов вызвало серьезный спад сельскохозяйственного производства. Вслед за последующим аннулированием аграрной реформы бедные крестьяне из гористых районов мигрировали в районы производства коки в долине реки Алто-Уаллага. В горах выращивание коки как товарной культуры для экспорта приобрело заметные масштабы.

Перу является крупнейшим производителем листьев коки, используемых для изготовления кокаина (более 60% мирового производства, второе место занимает Боливия). Оба государства являются прямыми производителями, продавая пасту коку колумбийским наркокартелям, которые перерабатывают ее в порошок кокаина. С упадком картеля Медельина в начале 1990-х годов произошли изменения в каналах маркетинга и обработки наркотиков, в Перу появились коммерческие посредники и повысилось использование банковской системы для перемещения денежных средств.

Значительная масса долларов, полученных от незаконного оборота наркотиков, поступала на неофициальный рынок иностранной валюты на улицах Лимы (рынок «Окона»). Центральный банк Перу использовал уличный рынок периодически, начиная с правительства Белунде (1980–1985 гг.), для пополнения истощившихся международных резервов. Способность Перу обслуживать внешний долг зависит от рециркуляции «наркодолларов» обратно в национальную экономику через рынки наличной валюты. В 1991 году, по оценкам, центральный банк ежедневно скупал около восьми миллионов долларов на уличном рынке, значительная часть которых использовалась для выплаты внешнего долга.

Сокращая зарплаты и государственные расходы (по требованию МВФ), эмиссия Центрального банка была резко ограничена. Парадоксально, но такая жесткая денежная политика, в сочетании с наводнением улиц долларами, принесенными незаконным оборотом кокаина, привела к снижению курса доллара США по отношению к национальной валюте Перу уже в начале 1991 года, что разочаровало МВФ, настаивавшего на проведении «реальной девальвации» для поддержки экспортёров.

Спрос внутри страны был ограничен, но ровно настолько же сократились и объемы экспорта. В результате экономической политики практически все сектора национальной экономики, кроме незаконного производства коки, погрузились в глубокую депрессию.

Антинаркотическое соглашение с Вашингтоном

Все программы уничтожения посевов коки, вводившиеся Вашингтоном, неизменно сопровождались операциями по противодействию мятежникам и «умиротворению», при активной военно-разведывательной поддержке перуанского военного ведомства и полиции со стороны США и Управления по борьбе с наркотиками (DEA). DEA создало военный лагерь в Санта-Лючии в регионе Хуаллага³⁰⁸.

Вместе с тем, вместо ослабления позиций Sendero в долине Алто-Хуаллага эти военные операции способствовали тому, что организация получила некоторую поддержку среди производителей коки. Следует отметить, что при Фухимори армия стала все чаще вмешиваться в торговлю сырьем коки и отмывание наркодоходов.

Наркоиндустрия и борьба с ней

Антинаркотическое соглашение, подписанное с США в мае 1991 года, напрямую влияло на макроэкономическую политику. По словам представителя комиссии Сената США:

«Национальная стратегия президента Джорджа Буша по контролю над наркотиками... предусматривает, что американская экономическая помощь обусловлена успехами в контроле над наркотиками и существованием обоснованной экономической политики»³⁰⁹.

Иронично, но именно эта «обоснованная» экономическая политика значительно способствовала быстрому развитию наркоэкономики. Реформирование экономики способствовало миграции обездоленных крестьян в районы производства коки.

Кроме того, макроэкономические меры, принятые при Фухимори, включая приватизацию сельскохозяйственных угодий и реформу системы сельскохозяйственного кредитования, фактически свели на нет саму возможность «альтернативного развития» в долине Алто-Хуаллага, предусмотренного в Антинаркотическом соглашении. Оно строилось на идее замены коки другими культурами (такими как табак, кукуруза и др.). Однако, ввиду реформ, рекомендованных МВФ и предусмотренных в Антинаркотическом соглашении, коммерческое растениеводство в регионе Хуаллага (кроме незаконного производства коки) стало нежизнеспособным.

Незаконный оборот наркотических веществ укоренялся благодаря программе структурной перестройки. Легальная экономика пришла в упадок: процесс замещения культурных растений сводился к неуклонному увеличению площадей, отведенных под культивирование листьев коки (см. таблицу 14.5)³¹⁰.

Военные и оборонные цели США

Большая часть американской поддержки по данному соглашению была предоставлена в виде военной помощи. Условиями долга также пользовались США для продвижения военных и оборонных интересов в Андах под официальной ширмой

Антинаркотической программы. Это усилило позиции перуанской армии в Алто-Хуаллага и, следовательно, ее способность «защищать» наркоэкономику.

Таблица 14.5
Производство коки в Альто-Уальяге
Регион (1974-91 гг.)

Год	Площадь (гаектары)	Производство в метр. тоннах	Население
1974	16,700	12,200	7,000
1978	21,540	18,120	9,900
1982	50,600	47,000	23,500
1986	60,200	61,000	27,300
1991	90,000	84,750	50,000

Источник: Кооператив "Альто-Уальяга", Учила, Agronoticias, № 138, июнь 1991 г., стр. 14

Следует отметить, что существует немало доказательств того, что Центральное разведывательное управление США (ЦРУ) использовало грязные деньги, полученные от наркобизнеса, для финансирования своих тайных операций и поддержки проамериканских военизованных группировок по всему миру³¹¹.

Если бы Вашингтон искренне стремился решить проблему наркоторговли, он бы не вынудил Перу принять экономическую политику под руководством МВФ, укрепляющую позиции торговцев наркотиками в союзе с военными.

Тогда как одна рука американского государства добросовестно занималась программами по уничтожению наркотиков, другая делала противоположное. Отмывание «грязных денег» усиливалось благодаря реформам банковской системы и режима обращения иностранной валюты, рекомендованным МВФ, позволяющим свободно перемещать деньги в страну и из нее. Однако развитие наркоэкономики также отвечало интересам международных кредиторов Перу, поскольку способствовало получению долларовых поступлений, необходимых Перу для выполнения своих обязательств по обслуживанию долга.

Таким образом, макроэкономические реформы подорвали законную экономику, усилили нелегальный оборот и способствовали возврату «грязных денег» официальным и коммерческим кредиторам Перу.

Глава 15

Долг и экономика незаконного оборота наркотиков: пример Боливии

Бреттон-Вудские учреждения рассматривают боливийский опыт как «успешную» модель структурной перестройки, которой должны следовать страны, «которые хотят стабилизировать свою экономику и наладить устойчивый процесс экономического роста». Стоит отметить сходство процессов адаптации в Боливии и Перу. Экономика обеих стран сильно зависит от незаконного экспорта коки как основного источника иностранной валюты. В обеих странах «переработка» наркодолларов представляет собой средство обслуживания внешнего долга.

Новая экономическая политика Боливии

В сентябре 1985 года правительство Национального революционного движения (MNR) Виктора Пас Эстенссоро приняло стандартный пакет экономической стабилизации («Decreto Supremo 21,060»), нацеленный на борьбу с инфляцией и устранение внутренних и внешних дисбалансов. Пакет включал все ключевые компоненты программы структурной адаптации МВФ. Произошла девальвация национальной валюты, установление единого обменного курса и формирование аукциона иностранной валюты (болсин).

Расходы правительства были резко сокращены, около 50 тысяч государственных служащих были уволены. Применялась жесткая денежная политика, были сняты ограничения на цены. Зарплаты работников и пенсии перестали индексироваться автоматически, регулирование рынка труда было ослаблено. Внешняя торговля подверглась либерализации, сопровождавшейся существенным уменьшением таможенных пошлин на ввозимые товары³¹².

Законы о защите занятости были отменены, а государственное предприятие по добыче полезных ископаемых COMBOL было расформировано, десятки тысяч шахтеров и работников промышленности были уволены.

Архитектор боливийской программы стабилизации Гонсало Санчес де Лосада, ставший президентом Боливии в 1993 году, описал ход событий после введения Новой экономической политики (NPE):

Мы ввели эти меры, и в сентябре 1985 года вспыхнула всеобщая забастовка, парализовавшая страну на 10 дней. На десятый день руководители профсоюзов объявили голодовку — это была их ошибка. Тогда мы решили ввести чрезвычайное положение. Президент Пас считал, что народ поймет невозможность продолжать жить в такой обстановке. Поэтому мы задержали лидеров профсоюзов и депортировали их в глубинку страны. Этим мы разбили профсоюзное движение. Затем мы закрыли COMBOL и уволили 24 тысячи шахтеров плюс 50 тысяч государственных служащих на национальном уровне. Мы ликвидировали гарантии занятости³¹³.

Тем не менее, политика оказалась «успешной» в плане быстрого подавления инфляции. До принятия мер в сентябре 1985 года инфляция приближалась к отметке 24000% годовых. Однако цель ценовой стабилизации была достигнута скорее через «долларизацию» цен (чем через собственно стабилизационные меры): поскольку

большинство цен фактически индексировалось к курсу доллара, стабилизация последнего автоматически вела к мгновенному восстановлению цен³¹⁴.

Далее был согласован план списания части долга. По нему официальная помощь предназначена для покупки коммерческого долга Боливии у банков с большой скидкой. Покупка долга зависела от принятия программы МВФ.

Экономические и социальные последствия

Пакет стабилизации привел к значительному снижению занятости и реальных доходов. Сжатие доходов работающих отразилось на неформальном секторе экономики и сельском хозяйстве. Снижение покупательной способности в сочетании с эффектом либерализации торговли (и наплывом дешевого импортного продовольствия) подорвало внутренний рынок, от которого зависела жизнь крестьянства.

Отмена тарифных барьеров привела к краху национальной обрабатывающей промышленности. Импортная продукция расцвела за счет отечественного производства.

Зарплаты и расходы правительства резко сократились еще в первой половине 1980-х годов при правительстве Силес-Суазо. Однако сразу после экономических реформ 1985 года реальные расходы правительства (особенно в сферах здравоохранения и образования) были дополнительно сокращены на 15%³¹⁵. Хотя номинально зарплаты в современном секторе снизились всего на 20%, численность занятых резко сократилась. Поскольку большинство рабочих современного сектора было уволено, реальное снижение доходов было значительно выше заявленных 20%.

Запрограммированная экономическая стагнация

Программа МВФ, начатая в 1985 году, привела к стагнации всех основных секторов национальной экономики (добывающая промышленность, промышленность и сельское хозяйство), за исключением нелегальной экономики коки и сектора городских услуг. Подобная картина наблюдается и в Перу при правительстве Фухимори (см. главу 14).

Застой в горнодобывающей промышленности (преимущественно в составе государственной компании COMBOL и небольшого сектора частных шахт) явился результатом закрытия «нерентабельных» шахт и обвала международного рынка олова. Дальнейшее ухудшение условий торговли усилило негативные эффекты реформ.

Выделенные работникам-шахтерам компенсационные выплаты были вложены в приобретение земли в районах производства коки. Капитал и рабочая сила, освободившиеся после увольнения, были переориентированы на коковую экономику. Новая экономическая политика не предложила никакой иной альтернативы занятости уволенным рабочим COMBOL.

Обрабатывающий сектор (ориентированный на внутренний рынок) пострадал отчасти из-за либерализации импорта (текстильная и пищевая промышленность). Спад внутреннего потребления и волна контрабанды серьезно подорвали мелкие промышленные предприятия, доведя их до банкротства.

Влияние на сельскую экономику

Сельское хозяйство Боливии состоит из трех различных подсекторов:

- крестьянская экономика (*economia campesina*), представленная мелким сельским хозяйством (*parceleros*) и крестьянскими общинами (*comunidades campesinas*), сосредоточенными в долинах Анд и на Альтiplano (высокогорных плато). Крестьянская экономика является результатом аграрной реформы 1950-х годов и демонтажа земельных владений (гасиенд). Как и в Перу, высокогорные крестьянские общины характеризуются высоким уровнем крайней бедности (97% сельского населения классифицируются как «бедные», а от 48 до 77% считаются «крайне бедными»)³¹⁶.

- коммерческая отрасль сельского хозяйства включает крупные фермы, ориентированные на экспорт, расположенные преимущественно в восточных равнинных зонах (*Llanos orientales*), таких как регион Санта-Крус.

- производство коки осуществляется как для переработки в пасту коки и последующей транспортировки за пределы страны, так и для традиционной продажи на внутреннем рынке.

Новая экономическая политика (NPE) нанесла ущерб традиционным видам аграрного производства. Местные рынки зерна были затоплены дешевым импортом (например, пшеницы), включая поставки продовольственной помощи и контрабандные грузы из Аргентины и Бразилии. Такое изобилие зарубежного продовольствия снизило реальные цены на продукцию собственного производства. Оптовая цена на сельхозпродукцию снизилась на 25,9% за три года после принятия NPE в 1985 году.

Одновременно произошло значительное увеличение разницы между оптовыми и розничными ценами. Прибыль посредников и торговцев росла за счет производителей. Резкое удорожание транспортных услуг также повлияло на доходы крестьян и увеличило разрыв между отпускной стоимостью товара и оптовой ценой³¹⁷.

Программа МВФ 1985 года не способствовала увеличению производства экспортных культур (за исключением сои, производящейся в основном в восточном коммерческом секторе). Как и в Перу, традиционные экспортные культуры постепенно вытеснялись нелегальным производством коки.

Отмывание грязных денег

Местная экономическая элита, включая коммерческие банки, активно интегрировалась в схему нелегального оборота наркотиков. Государственная денежно-кредитная и валютная политика способствовала работе банков по отмыванию наркодолларов.

Либерализация валютного рынка, проходившая через голландскую аукционную систему (болсин), дополнялась рядом мер, придававших законность процедурам отмывания наркодолларов в банковской системе. Принятый закон о банковской тайне («банковский секрет») обеспечивал анонимность переводов, а привлекательные ставки по долларовым депозитам и стимулирование возврата капитала в банковскую сферу создали благоприятные условия для привлечения наркодолларов.

Высокие процентные ставки, превышающие мировые нормы (LIBOR) примерно на пять пунктов, притягивали «горячие деньги» в боливийские банки. Сюда стекались и доходы от наркобизнеса, аккумулируемые местными посредниками. Сочетание банковской

конфиденциальности, свободного перемещения капиталов и выгодных условий размещения депозита создавало мощный стимул для накопления наркодолларов в боливийских банках.

Банковские реформы серьезно подорвали продуктивное инвестирование: доступные средства не направлялись на развитие реального сектора экономики (промышленность, сельское хозяйство, инфраструктура), а вкладывались в спекулятивный капитал. В период с 1986 по 1988 год процентные ставки по кредитам (в долларах США) достигли 20–25% годовых, а кредиты для сельского хозяйства и промышленности были практически заморожены³¹⁸.

«Искоренение» производства коки

Хотя макроэкономическая политика объективно поддерживала наркоэкономику и отмывание криминальных денег, правительство Боливии принимало законы и сотрудничало с Управлением по борьбе с наркотиками США (DEA) для ограничения производства коки. Согласно соответствующим законам (*Ley del régimen de la coca*), были организованы передвижные патрульно-караульные подразделения (UMOPAR) в регионах производства коки. Основная работа этих подразделений сосредотачивалась на репрессивных мерах против мелких производителей коки (чаще всего в традиционных зонах выращивания). Их деятельность слабо затронула крупную наркоиндустрию и мощные группы, задействованные в переработке и экспорте пасты коки. Сообщается, что подразделения UMOPAR находятся под контролем мафиозных структур³¹⁹.

Наркогосударство

Кокаиновая экономика находилась под особой защитой высокопоставленных чиновников боливийского правительства в эпоху диктаторского режима Гарсии Месы (1980—1982 годы), известного в международном сообществе как «правительство кокаина»³²⁰. Но и при восстановлении парламентской демократии структура наркогосударства не претерпела изменений. Важные финансовые и промышленные круги по-прежнему напрямую связаны с торговлей кокаином, включая использование доходов от продажи кокаина для финансирования инвестиций в современную экономику.

Еще с середины 1970-х годов сфера услуг, ориентированная на богатых клиентов, активно развивалась за счет доходов от нелегального оборота наркотиков. Внедрение наркодолларов в экономику страны способствовало строительству жилья премиум-класса, возведению современных торговых комплексов, развитию туристических объектов и развлекательных заведений. Этому процессу способствовала программа МВФ, принятая позднее.

С принятием Новой экономической политики (NPE) в 1985 году правящая партия MNR отказалась от прежней популистской платформы и вошла в коалицию с правой партией ADN, возглавляемой бывшим диктатором генералом Гуго Бансером. Такой политический маневр кардинально изменил траекторию партии, ведь ранее MNR опирался на поддержку организованного рабочего движения.

Генерал Бансер давно ассоциировался с миром наркобизнеса, и его партия ADN оказалась глубоко погружена в теневую экономику. Имеются достоверные свидетельства связей депутатов ADN и высших офицеров армии с организованной преступностью³²¹.

Благодаря партнерству MNR и ADN правительство успешно реализовывало законодательные акты, предусмотренные NPE, включая снятие ограничений на рынке труда и подавление профсоюзного движения.

Позиции ADN сохранились и после избрания президентом Мирослава Паза Заморы от левой партии MIR в 1989 году. Бансер и его окружение продолжали занимать ключевые посты в исполнительной власти, обеспечивая преемственность политики и защиту интересов наркобизнеса. Таким образом, несмотря на череду «демократических» выборов, правительство страны сохраняло тесные связи с теневым сектором экономики.

ЧАСТЬ V

БЫВШИЙ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И БАЛКАНЫ

Глава 16

«Глобализация» Российской Федерации. Макроэкономическая реформа в Российской Федерации

Фаза I: Шоковая терапия в январе 1992 года

«Мы живем в России словно в послевоенном периоде, но никакого восстановительного этапа не предусмотрено. «“Коммунистическая идеология” и “Империя зла” повержены», однако холодная война, объявленная официально как законченная, так и не достигла своего пика: сердце нашей экономики — это военно-промышленный комплекс, а ведущие индустриальные страны стремятся уничтожить нашу высокотехнологичную промышленность. Главная цель экономической программы МВФ — ослабить нас и воспрепятствовать возникновению сильнейшей капиталистической державы-конкурента»³²².

Шоковая терапия в духе МВФ, начатая в январе 1992 года, с самого начала исключала возможность перехода к настоящему национальному капитализму — экономике, принадлежащей российскому государству и контролируемой отечественным предпринимательским классом, поддержанной экономической и социальной политикой государства, как это делается в других крупных капиталистических странах. Теперь враг Запада — не социализм, а российский капитализм. Им решается вопрос, как усмирить русского медведя, овладеть нашими талантами, научными знаниями, технологиями, купить человеческий капитал, получить права на интеллектуальную собственность. «Если Запад полагает, что сможет превратить нас в источник дешевой рабочей силы, экспортируя сюда высокие технологии и платя нашим специалистам по 40 долларов в месяц, он глубоко заблуждается — люди поднимут восстание»³²³.

Экономическая «терапия», обслуживающая интересы жадных дельцов и бизнес-мафий, губительна для российской экономики, толкая государственные предприятия к банкротству. С помощью целенаправленных манипуляций рыночными инструментами была установлена судьба каждой отрасли: одни выживают, другие канут в небытие. Официальные данные демонстрируют снижение промышленного производства на 27% за первый год реформ, но по оценкам независимых экспертов, реальный спад экономики в 1992 году приблизился к пятидесяти процентам³²⁴.

Реформы МВФ и Ельцина представляли собой инструмент, позволяющий превратить Россию в «третий мир»; они были точной копией программ структурной перестройки, навязанных странам-должникам в Латинской Америке и Африке южнее Сахары. Экономист из Гарвардского университета Джейфри Сакс, советник российского правительства, провел в России ту же самую «макроэкономическую операцию», какую он осуществлял в Боливии в 1985 году, будучи советником тамошнего правительства.

Разработанная во имя демократии программа МВФ и Всемирного банка представляет собой продуманную стратегию обнищания широких слоев населения.

Теоретически она задумывалась как способ «стабилизации» экономики, однако в 1992 году потребительские цены выросли более чем в сто раз (9900%), что было прямым следствием «антиинфляционной программы»³²⁵. Как и в случае с программами «стабилизации» в странах третьего мира, инфляционный процесс был в значительной степени вызван «долларизацией» внутренних цен и обвалом национальной валюты. Либерализация цен, однако, не решила (как обещал МВФ) проблему искаженности структуры относительных цен, унаследованной от советской системы.

Цена хлеба подскочила более чем в сто раз: с 13–18 копеек в декабре 1991 года до более чем 20 рублей в октябре 1992 года. Стоимость отечественного телевизора взлетела с 800 рублей до астрономических 85 тысяч рублей. Между тем зарплаты увеличились лишь приблизительно в десять раз, что привело к уменьшению реальных доходов населения более чем на 80%. Многолетние сбережения граждан, исчислявшиеся миллиардами рублей, превратились в пыль. Недовольство простых россиян достигло пика: «Правительство украло наши деньги!»⁵.

С точки зрения сотрудника МВФ, властям следовало избавиться от избытка ликвидности, поскольку покупательная способность населения была слишком высока⁶. Правительство выбрало тактику «массового воздействия», стремясь в самом начале реформ ликвидировать имеющиеся у домохозяйств накопления⁷. Однако, по мнению одного из советников Всемирного банка, эти сбережения были эфемерны, ибо советский строй не позволял гражданам тратить деньги³²⁶. Российский ученый-экономист высказал другое мнение: «При коммунистическом режиме не было принято шиковать. Зато каждый имел работу, базовые потребности человека и важнейшие социальные услуги были бесплатными и доступными. Теперь же условия жизни в России напоминают обстановку в странах третьего мира»³²⁷.

Средняя зарплата составляла менее 10 долларов в месяц (1992–1993 гг.), минимальный размер оплаты труда — порядка трех долларов, профессорам университетов платили восемь долларов, сотрудникам офисов — семь, квалифицированным медсестрам — шесть долларов³²⁸. В условиях стремительного роста цен на потребительские товары, сопоставимых с мировыми, заработки в рублях едва позволяли прокормиться. Зимнюю куртку можно было купить за 60 долларов — столько зарабатывалось за девять месяцев³²⁹. Катастрофическое падение уровня жизни, устроенное усилиями макроэкономической политики, не имело аналогов в российской истории. Люди сокрушались: «Даже во Вторую мировую войну мы питались лучше».

Принципы МВФ и Всемирного банка требуют, чтобы социальные программы становились самофинансируемыми: школы, больницы, детские сады (не говоря уж о спортивных мероприятиях, культуре и искусстве, финансируемых государством) обязаны самостоятельно искать источники дохода, собирая плату с пользователей³³⁰. Стоимость операций в больнице равна двум-шести месячным заработка, доступ к услугам имеют лишь «новые богатые». Даже театры и музеи попали в тяжелое финансовое положение, знаменитый Театр на Таганке закрылся в 1992 году, многие малые театры не смогли оплачивать гонорары артистам. Реформы привели к краху государства всеобщего

благоденствия, многое из достижений Советского Союза в медицине, образовании, культуре и искусстве безвозвратно утрачено³³¹.

Тем не менее, преемственность старой системы сохранилась. Под маской либеральной демократии «тоталитарное» государство осталось неприкосновенным: тонкий синтез сталинизма и «свободного рынка». Едва заняв должность, Ельцин и его ближайшее окружение обратились в ревностных сторонников неолиберализма. Одну догму сменил другой миф, при этом социальная реальностьискажалась, а официальная статистика реальных доходов фальсифицировалась: поздней осенью 1992 года МВФ утверждал, что уровень жизни «вырос» с начала экономических реформ³³². Министерство экономики России настаивало, что «зарплаты растут быстрее, чем цены»³³³. Индекс потребительских цен, вычисленный при поддержке МВФ, зафиксировал увеличение цен в 15,6 раза (1660%)³³⁴. Однако, как справедливо заметил представитель российского академического сообщества: «Люди просто не верят официальным цифрам; мы прекрасно понимаем, что цены выросли в сто раз»³³⁵.

Наследие перестройки

В период перестройки покупка по регулируемым государством ценам и перепродажа на свободном рынке в сочетании с взяточничеством и коррупцией были основными источниками формирования богатства. Эти «теневые сделки» бывших бюрократов и членов партии были легализованы в мае 1988 года Законом о кооперативах, принятым при Михаиле Горбачеве³³⁶. Этот закон допускал создание частных коммерческих предприятий и акционерных обществ, которые действовали параллельно с системой государственных предприятий. Во многих случаях эти «кооперативы» были созданы как частные предприятия руководителями государственных предприятий. Последние продавали бы (по официальным ценам) продукцию, произведенную их государственным предприятием, своим частным «кооперативам» (т.е. самим себе), а затем перепродают на свободном рынке с очень большой прибылью. В 1989 году «кооперативам» было разрешено создавать свои собственные коммерческие банки и осуществлять внешнеторговые операции. Сохраняя двойную систему цен, реформы предприятий 1987-89 годов, вместо того чтобы поощрять добросовестное капиталистическое предпринимательство, способствовали личному обогащению, коррупции и развитию фиктивной «базарной буржуазии».

Развитие «базарной буржуазии»

В Советском Союзе «секрет первоначального накопления» (для экономических преступников и спекулянтов – прим. переводчика) был основан на принципе «быстрых денег»: красть у государства, а также покупать по одной цене, а перепродаивать по другой. Рождение нового российского «бизнесмена», «отпрыска» коммунистической номенклатуры брежневского периода, связано с развитием «аппаратного капитализма». «Адам откусил яблоко, и первородный грех пал на социализм»³³⁷.

Неудивительно, что программа МВФ нашла безусловную поддержку среди так называемых «демократов», иными словами, реформы МВФ отражали интересы узкого круга новых торговцев. Правительство Ельцина однозначно отстаивало интересы этих «долларизованных элит». Либерализация цен и обвал рубля под руководством МВФ

способствовали обогащению небольшой группы граждан. Свободная продажа долларов происходила как на межбанковском валютном аукционе, так и в уличных киосках по всему бывшему СССР. Реформы привели к тому, что рубль больше не считается надежным «средством сбережения»: падение курса национальной валюты усугублялось тем, что люди предпочли держать свои накопления в долларах: «народ готов приобретать доллары по любым котировкам»³³⁸.

Искажение социальных отношений

Холодная война — это конфликт, не сопровождавшийся физическим разрушением. Ее жестокие последствия состояли в том, что инструменты макроэкономической политики играют решающую роль в разрушении экономики «побежденной» страны. Вопреки утверждениям Запада, реформы направлены не на создание рыночной капиталистической системы и западной модели социально-демократического устройства, а служатнейтрализации бывшего противника и предотвращают развитие России как великой капиталистической державы.

Особое значение приобретает степень, в которой экономические меры способствовали разрушению гражданского общества и деформации фундаментальных социальных отношений: криминализация хозяйственной деятельности, разграбление государственной собственности, отмывание денег и вывоз капитала получают поддержку благодаря реформам. Частичная приватизация государственных предприятий (посредством публичных аукционов) способствовала передаче значительного объема государственной собственности в руки организованной преступности. Эта последняя проникла в государственные органы и сформировала сильное лобби, поддерживающее макроэкономические реформы Ельцина. Согласно исследованию, половина российских коммерческих банков находилась под контролем местных мафиозных группировок, а половина коммерческой недвижимости в центре Москвы принадлежала организованной преступности³³⁹.

Разграбление российской экономики

Обвал рубля открыл простор для разграбления природных богатств России. Нефть, цветные металлы и стратегическое сырье можно было приобрести у государственных предприятий за бесценок, заплатив рублями, а затем перепродать европейским компаниям за твердую валюту по цене, в десять раз превышающей закупочную. Например, в 1992 году тонна сырой нефти обходилась покупателю всего в 5200 рублей (эквивалент 17 долларов США), после чего, купив лицензию на экспорт у коррумпированного чиновника, та же нефть перепродаивась на мировом рынке уже по 150 долларов за тонну³⁴⁰. Полученные сверхприбыли помещались на офшорные счета или пускались на удовлетворение потребностей роскоши (импорт дорогих товаров). Хотя вывоз капитала официально считался незаконным, свобода валютного рынка и реформы банковской системы облегчили этот процесс. По оценкам экспертов, в начальном этапе реформ МВФ (1992 год) из России ежемесячно утекало более одного миллиарда долларов³⁴¹. Есть доказательства того, что известные деятели политического истеблишмента переправляли большие суммы денег за границу.

Подрыв российского капитализма

Какую роль играла «капиталистическая Россия» в международном разделении труда в эпоху глобального экономического кризиса? Судьба российской промышленности в условиях глобальной конкуренции складывалась непросто. Заводские мощности Европы и Северной Америки закрывались (впрочем, затем они получили новый стимул к росту, завладев рынками бывшего советского блока – прим. переводчика), но появился ли шанс для российского капитализма пробиться на мировой рынок? Макроэкономическая политика, ведомая Международным валютным фондом (МВФ), предопределяла положение России в мировой экономике. Реформы поддерживали свободное и неконтролируемое перемещение сырьевых товаров, включая нефть, стратегические металлы и сельскохозяйственную продукцию, на международный рынок. В то же время потребительские товары, такие как автомобили премиум-класса, бытовая техника и обработанные продукты питания, беспрепятственно импортировались для небольшого привилегированного сегмента покупателей, без всякой защиты отечественных производителей и мер по реконструкции промышленного сектора или переработке собственной сырьевой базы.

Кредитование закупок оборудования было заморожено, а дерегулирование цен на природные ресурсы (нефть, энергоресурсы, транспортные тарифы) довело российское производство до состояния, близкого к банкротству. Резкое падение уровня жизни негативно отразилось на промышленности и сельском хозяйстве: стремительный рост бедности не способствовал расширению внутреннего рынка, что парадоксально контрастирует с ситуацией при советской системе, где нехватка товаров компенсировалась длинными очередями. Теперь потребительский спрос сократился настолько, что многим россиянам стало тяжело позволить себе даже самое необходимое питание.

С другой стороны, небольшая группа населения, обогатившаяся в результате реформ, способствовала развитию рынка роскоши, демонстрируя длинные очереди возле валютных магазинов в престижном московском районе Кузнецкий мост. Новые богачи презирали отечественные товары, отдавая предпочтение автомобилям Мерседес-Бенц и БМВ, французской от кутюр и «качественной» импортной русской водке из США по цене 345 долларов за хрустальную бутылку (это четырехлетний заработка обычного рабочего). Таким образом, динамично растущий спрос богатых слоев населения способствовал перераспределению ресурсов на импорт товаров класса люкс, финансируемый за счет разграбления природно-ресурсного потенциала России.

Приобретение государственной собственности «по сходной цене»

Огромные прибыли, получаемые новой коммерческой элитой, также использовались для покупки государственной собственности по выгодной цене (или выкупа ее у менеджеров и рабочих после того, как она пройдет через государственную схему приватизации). Поскольку зарегистрированная балансовая стоимость государственной собственности (выраженная в текущих рублях) искусственно занижалась (и поскольку рубль был таким дешевым), государственные активы можно было приобрести практически за бесценок³⁴². Высокотехнологичный завод по производству ракетных двигателей можно

было приобрести за 1 миллион долларов США. Гостиницу в центре Москвы можно было бы приобрести дешевле, чем квартиру в Париже. В октябре 1992 года правительство Москвы выставило на аукцион большое количество квартир, предлагая начинать торги с трех рублей. Только бывшие партийные чиновники, новые коммерсанты и представители местных мафийных структур обладали достаточными средствами и положением, чтобы приобрести собственность, однако они не обладали необходимым опытом и дальновидностью для управления российской промышленностью. Вероятность того, что они окажут серьезное влияние на восстановление экономики России, была невысока. Подобно странам третьего мира, успех этих компрадорских элит в значительной степени зависел от их связей с иностранным капиталом.

Кроме того, экономические реформы способствовали вытеснению отечественных производителей (государственных и частных) и захвату крупных секторов национальной экономики иностранным капиталом через создание совместных предприятий. Американские табачные гиганты «Мальборо» и «Филлип Моррис» уже получили контроль над государственными фабриками сигарет для внутреннего рынка; британская авиакомпания «Бритиш Эйрвейс» получила доступ к внутренним воздушным маршрутам через совместное предприятие с «Аэрофлотом».

Главные отрасли легкой промышленности закрывались и замещались импортом, в то время как более прибыльные сектора российской экономики, включая высокотехнологичные предприятия военно-промышленного комплекса, попадали под контроль совместных предприятий. Иностранный капитал занимал выжидательную позицию, полагая, что политическая ситуация была неопределенной, а риски высокими: «Нам необходимы гарантии в отношении прав собственности на землю и репатриации прибыли в твердой валюте»³⁴³. Многие иностранные компании предпочитали заходить «через черный ход», делая незначительные инвестиции. Часто это означало создание совместного предприятия или покупку отечественных предприятий по бросовым ценам, в основном для того, чтобы установить контроль над дешевым высококвалифицированным трудом и производственной базой.

Ослабление высокотехнологичной экономики России

Развитие производства на экспорт охватывало высокотехнологичные отрасли. Это приносило значительную прибыль: корпорации «Локхид», «Боинг» и «Рокуэлл» проявляли интерес к аэрокосмической и авиационной отраслям. Высокотехнологичные компании США и Европы (включая оборонные подрядчики) могли привлекать лучших российских ученых в области волоконной оптики, компьютерных разработок, спутниковых технологий, ядерной физики (перечисляя лишь некоторые направления) за среднюю зарплату менее ста долларов в месяц, что было как минимум в 50 раз ниже, чем в Кремневой долине. В бывшем Советском Союзе насчитывалось 1,5 миллиона ученых и инженеров, представляющих внушительный запас специалистов и резерв «дешевого человеческого капитала»³⁴⁴.

Макроэкономическая политика благоволила интересам западных высокотехнологичных компаний и военных подрядчиков, поскольку ослабляла некогда

лидирующую советскую аэрокосмическую и высокотехнологичную промышленность, лишая Россию, как самостоятельного игрока на капиталистическом пространстве, возможности конкуренции на мировой арене. Российские таланты и уникальные технические знания можно было приобрести дешево, а производственные мощности либо поглощались, либо закрывались.

Значимая часть военно-промышленного комплекса находилась под контролем Министерства обороны. Многочисленные «программы конверсии», согласованные с НАТО и западными ведомствами обороны, нацеливались на демонтаж производственного потенциала России в оборонной, авионике и высокотехнологичных областях, пресекая возможность становления России в качестве полноценного конкурента на глобальном рынке.

Концепция конверсии подразумевала физическое уничтожение советских военных мощностей, освобождение научно-технических ресурсов и последующий их захват западным капиталом. Например, лаборатория при Московском институте общей физики была передана американской фирме AT&T Bell Laboratories в рамках «совместного предприятия», а корпорация McDonnell Douglas подписала подобное соглашение с НИИ Механики МГУ³⁴⁵.

Одна из версий конверсионных схем предусматривала превращение техники и промышленных активов в лом металла, который продавался на мировом рынке, а вырученные средства распределялись через специальный фонд Министерства обороны на закупки технологического оборудования, погашение долгов или финансирование приватизации.

Захват банковской системы России

После реформ 1992 года и краха многих государственных банков в бывшем Советском Союзе появилось около 2000 коммерческих банков, из которых 500 расположены в Москве. В условиях раз渲а промышленности выживают только сильнейшие банки и те, которые имеют связи с международными банками. Сложившаяся ситуация благоприятствовала проникновению в российскую банковскую систему иностранных коммерческих банков и банков, создающих совместные предприятия.

Подрыв рублевой зоны

Программа МВФ также была направлена на отмену рублевой зоны и подрыв торговли между бывшими республиками. С самого начала последним предлагалось создать свои собственные валюты и центральные банки при технической помощи, предоставляемой МВФ. Этот процесс способствовал «экономической балканизации»: с распадом рублевой зоны усилилась региональная экономическая мощь, обслуживающая узкие интересы местных магнатов и бюрократов.

Между Россией и Украиной разгорелись ожесточенные финансовые и торговые споры. Несмотря на либерализацию торговли с внешним миром, были установлены новые «внутренние границы», препятствующие перемещению товаров и людей внутри Содружества независимых государств³⁴⁶.

Фаза II: Реформы МВФ зашли в тупик

Реформы, спонсируемые МВФ (при премьер-министре Егоре Гайдаре), зашли в тупик в конце 1992 года. Оппозиция сформировалась как в парламенте, так и в Центральном банке. МВФ признал, что, если бы правительству удалось достичь целевого показателя бюджетного дефицита, до 40% промышленных предприятий, возможно, были бы вынуждены закрыться. Президент Центрального банка г-н Геращенко при поддержке Аркадия Вольского из партии «Гражданский союз» принял решение (вопреки рекомендациям МВФ) расширить кредитование государственных предприятий, одновременно резко сократив расходы на здравоохранение, образование и пенсии по старости. Гражданский союз выдвинул «альтернативную программу» в сентябре 1992 года. Несмотря на последующую замену Егора Гайдара на посту премьер-министра во время парламентского кризиса в декабре 1992 года, программа Гражданского союза так и не была реализована.

Тем не менее, в конце 1992 года МВФ согласился с возможностью «менее ортодоксального» подхода центристского гражданского союза до увольнения Гайдара. По словам постоянного представителя МВФ в Москве, «МВФ не “женат” на Гайдаре, у него схожий экономический подход, но мы будем работать и с его преемником».

В начале 1993 года отношения между правительством и парламентом перешли в стадию открытой конфронтации. Законодательный контроль за бюджетной и денежно-кредитной политикой правительства подорвал «бесперебойное выполнение» программы МВФ. Парламент принял закон, который замедлил приватизацию государственной промышленности, ввел ограничения для иностранных банков и ограничил возможности правительства по сокращению субсидий и социальных расходов в соответствии с требованиями МВФ³⁴⁷.

Оппозиция реформам в значительной степени исходила от меняющейся политической элиты, от умеренно центристской фракции (в которую входили бывшие соратники Ельцина). Представляя меньшинство в парламенте, Гражданский союз (в который также входил союз промышленников во главе с Аркадием Вольским) выступал за развитие национального капитализма, сохраняя при этом сильную роль центрального государства. Таким образом, основные политические деятели, участвовавшие в конфронтации Ельцина с парламентом (например, Александр Руцкой и Руслан Хасбулатов), не могут быть отнесены к категории «коммунистов, придерживающихся жесткой линии».

Правительство было не в состоянии полностью обойти законодательный орган. Президентским указом от 21 сентября 1993 года деятельность обеих палат парламента была приостановлена.

Упразднение парламента во имя «государственного управления»

23 сентября 1993 года, два дня спустя, г-н Мишель Камдессю, директор-распорядитель МВФ, намекнул, что второй транш кредита в размере 3 миллиардов долларов США в рамках фонда системных преобразований (STF) МВФ предоставлен не будет, поскольку «Россия не выполнила свои обязательства», в основном из-за

вмешательства парламента. (Заем STF по форме аналогичен займам на структурную перестройку, предоставляемым странам третьего мира, имеющим задолженность, см. главу 3.)

Президент Клинтон заявил на саммите в Ванкувере в апреле 1993 года, что западная «помощь» была связана с осуществлением «демократических реформ». Однако условия, выдвинутые МВФ и западными кредиторами, могли быть выполнены только путем полного приостановления работы парламента (обычная практика во многих странах третьего мира, погрязших в долгах). Таким образом, штурм Белого дома элитными войсками и минометной артиллерией был в значительной степени направлен на нейтрализацию политического инакомыслия в рядах номенклатуры как в Москве, так и в регионах, а также на избавление от лиц, выступающих против реформы в стиле МВФ.

Страны «Большой семерки» одобрили указ президента Ельцина об упразднении обеих палат парламента еще до его официального вступления в силу, и их посольства в Москве были заранее проинформированы об этом. За президентским указом от 21 сентября сразу же последовала серия указов, направленных на ускорение темпов экономических реформ и выполнение условий, содержащихся в кредитном соглашении с МВФ, подписанным российским правительством в мае: было немедленно сокращено кредитование и повышенены процентные ставки, были приняты меры по ускорению темпов приватизации и модернизации экономики, либерализация торговли.

По словам министра финансов Бориса Федорова, впоследствии освобожденного от парламентского контроля: «Мы можем принять любой бюджет, который нам нравится»³⁴⁸.

Время для издания указа президента Ельцина было выбрано удачно: министр финансов Борис Федоров должен был выступить с докладом на встрече министров финансов «Большой семерки» 25 сентября, министр иностранных дел Андрей Козырев находился в Вашингтоне на встрече с президентом Клинтоном, ежегодное совещание МВФ и Всемирного банка должно было начаться в Вашингтоне 25 сентября. 28 сентября и 1 октября были установлены в качестве крайних сроков для принятия решения по резервному кредиту МВФ до проведения во Франкфурте встречи Лондонского клуба кредиторов коммерческих банков (под председательством Deutsche Bank) 8 октября. А 12 октября президент Ельцин должен был отправиться в Японию, чтобы начать переговоры о судьбе четырех Курильских островов в обмен на облегчение долгового бремени и японскую «помощь».

После приостановки работы парламента G7 выразила «большую надежду на то, что последние события помогут России добиться решающего прорыва на пути рыночных реформ»³⁴⁹. Министр финансов Германии Тео Вагель заявил, что «российские лидеры должны дать понять, что экономические реформы будут продолжены, иначе они лишатся международной финансовой помощи». Мишель Камдессю выразил надежду, что политические события в России будут способствовать «ускорению процесса экономических реформ».

Тем не менее, несмотря на поддержку Запада, МВФ еще не был готов дать России «зеленый свет»: г-н Виктор Геращенко, президент Центрального банка, выступающий за Гражданский союз, все еще формально контролировал денежно-кредитную политику;

миссия МВФ, посетившая Москву в конце сентября 1993 года (в разгар кризиса). парламентский мятеж), сообщила Мишелю Камдессю, что «уже объявленные правительством планы по сокращению субсидий и контролю за кредитованием были недостаточными»³⁵⁰.

Экономические указы, принятые в сентябре 1993 года, оказали почти немедленное воздействие: решение о дальнейшей либерализации цен на энергоносители и повышении процентных ставок послужило цели быстрого доведения крупных секторов российской промышленности до банкротства. После deregulирования государственной хлебораспределительной компании «Росхлебпродукт» в середине октября 1993 года цены на хлеб за одну ночь выросли в три-четыре раза³⁵¹. Стоит подчеркнуть, что эта «вторая волна» обеднения российского народа произошла после примерно 86-процентного (!) снижения реальной покупательной способности в 1992 году³⁵². Поскольку все субсидии финансировались из государственного бюджета, сэкономленные деньги можно было бы перенаправить (в соответствии с указаниями МВФ) на обслуживание внешнего долга России.

Реформа фискальной системы, предложенная министром финансов Борисом Федоровым после государственного переворота в сентябре 1993 года, проводилась в соответствии с формулой Всемирного банка, применяемой к странам третьего мира, имеющим задолженность. Это требовало «финансовой автономии» республик и местных органов власти путем сокращения потока доходов из Москвы в регионы и перенаправления финансовых ресурсов центрального государства на выплату компенсаций кредиторам. Последствиями этих реформ стали финансовый коллапс, экономическая и политическая балканизация и усиление контроля западного и японского капитала над экономикой регионов России.

Западная «помощь» Борису Ельцину

К 1993 году реформы привели к массовому разграблению богатств России, что, в свою очередь, привело к значительному оттоку реальных ресурсов: дефицит платежного баланса за 1993 год составил порядка 40 миллиардов долларов США – примерно столько же «помощи» (43 миллиарда долларов) было обещано «Большой семеркой» на саммите в Токио в 1993 году. Однако большая часть этой западной «помощи» была фиктивной: она предоставлялась в основном в форме займов (а не безвозмездной помощи), которые служили «полезной» цели увеличения внешнего долга России (порядка 80 миллиардов долларов в 1993 году) и усиления контроля западных кредиторов над российской экономикой.

Кредиторы обращались с Россией во многом так же, как со странами третьего мира: из общей суммы в 43,4 миллиарда долларов, которые были объявлены в 1993 году, фактически было выплачено менее 3 миллиардов долларов. Более того, достигнутое с Парижским клубом соглашение о реструктуризации официального долга России, хотя и «щедрое» на первый взгляд, на самом деле дало Москве очень короткую передышку³⁵³. Реструктуризации подлежал только долг, образовавшийся в советское время³⁵⁴; огромные

долги, возникшие у правительства Ельцина (по иронии судьбы, в основном в результате экономических реформ), были исключены из этих переговоров.

Что касается двусторонних обязательств, то президент Клинтон предложил скучные 1,6 миллиарда долларов США на саммите в Ванкувере в 1993 году; 970 миллионов долларов были предоставлены в виде кредитов – в основном для закупок продовольствия у американских фермеров; 630 миллионов долларов – это задолженность России по платежам за американское зерно, которая должна была финансироваться за счет программы «Продовольствие во имя прогресса» Министерства сельского хозяйства США, таким образом, ставит Россию в один ряд со странами Африки к югу от Сахары в получении продовольственной помощи США в рамках программы PL 480. Аналогичным образом, основная часть японской двусторонней «помощи» России была направлена на «страхование японских компаний», инвестирующих в Россию³⁵⁵.

В смирительной рубашке обслуживания долга

Устранение парламентской оппозиции в сентябре 1993 года привело к немедленному изменению стратегии переговоров Москвы с коммерческими банками по урегулированию задолженности. И снова решающее значение имело время. Российская переговорная группа на франкфуртских встречах Лондонского клуба, состоявшихся в начале октября 1993 года, всего через четыре дня после штурма Белого дома, не требовала никакого «списания» коммерческого долга России. В соответствии с предлагаемой сделкой, дата расчета была временно отложена; 24 из 38 миллиардов долларов коммерческого долга были перенесены. Все условия Лондонского клуба были приняты московской командой переговорщиков, за исключением отказа России отказаться от своей «суверенной неприкосновенности перед судебными исками». Этот отказ позволил бы банкам-кредиторам арестовывать российские государственные предприятия и конфисковывать материальные активы, если бы обязательства по обслуживанию долга не были выполнены. Для коммерческих банков этот пункт ни в коем случае не был формальностью: в связи с крахом российской экономики, кризисом платежного баланса, накопившимися обязательствами по обслуживанию долга перед Парижским клубом, Россия была вынуждена ввести «технический мораторий», т.е. ситуация фактического дефолта.

Иностранные кредиторы также рассматривали механизмы конвертации валютных резервов России (в Центральном банке, а также долларовых депозитов в российских коммерческих банках) в обслуживание долга. Они также обратили внимание на валютные активы россиян на офшорных банковских счетах.

Экономическая политика МВФ была разработана не только для обеспечения выполнения обязательств по обслуживанию долга, но и для «увеличения долга». Реформы привели к разрушению национальной экономики, тем самым усилив зависимость от внешних кредитов. В свою очередь, дефолт по долговым обязательствам открывал путь к новому критическому этапу в отношениях Москвы с кредиторами. В образе раболепного и уступчивого режима третьего мира российское государство оказалось в смирительной рубашке долга и структурной перестройки: государственные расходы были жестоко

сокращены, чтобы высвободить государственные средства для выплаты компенсаций кредиторам.

Крах гражданского общества

По мере углубления кризиса население становилось все более изолированным и уязвимым. Формально была установлена «демократия», но новые политические партии, оторванные от масс, во многом учитывали интересы купцов и чиновников. Влияние программы приватизации на занятость было разрушительным: более 50% промышленных предприятий были доведены до банкротства к 1993 году³⁵⁶.

Целые города Урала и Сибири, принадлежавшие ВПК и зависевшие от государственных кредитов и закупок, находились в процессе закрытия. В 1994 году (официальные данные свидетельствуют) работники примерно 33 тысяч предприятий, обремененных долгами, включая государственные промышленные корпорации и колхозы, не получали регулярной заработной платы³⁵⁷.

Происходящее не сводилось лишь к постоянному обнищанию и массовой безработице. Происходил гораздо более глубокий слом ткани российского общества, связанный с разрушением его институтов и возможной дезинтеграцией Российской Федерации. Следует внимательно оценить последствия действий разработчиков политики стран G7 в интересах мирового спокойствия. Геополитические и глобальные угрозы безопасности носят далеко идущий характер; продолжение применения экономической программы МВФ грозит катастрофой как для России, так и для Запада.

Таблица 16.1

Штурм российского парламента: макроэкономическая хронология

Сентябрь – октябрь 1993 г.

Дата	Событие
13 сентября	Президент Ельцин возвращает Егора Гайдара в правительство
20 сентября	Посольствам Большой семёрки сообщается о приостановке работы парламента
21 сентября	Борис Ельцин распускает парламент и отменяет Конституцию
22 сентября	Сообщения поддержки Бориса Ельцина от Большой семёрки
23 сентября	Директор-распорядитель МВФ Мишель Камдессю заявляет, что экономические реформы в России идут неверным путём. Егор Гайдар инициирует волну экономических декретов.
24 сентября	Войска и полиция окружают Белый дом
25 сентября	Министр финансов Борис Фёдоров встречается с министрами финансов Большой семёрки
28 сентября	Открытие ежегодного собрания МВФ и Всемирного банка в Вашингтоне; Борис Фёдоров встречается с Мишелем Камдессю. Группа экспертов МВФ находится в Москве для мониторинга прогресса экономических реформ.
1 октября	Срок принятия решения Международным валютным фондом относительно предоставления резервного займа.

4 октября Штурм Белого дома

4 октября Решение МВФ (основанное на отчёте миссии экспертов) отложить выплату кредитов

5 октября США, Европейское сообщество и Япония поддерживают решение Ельцина подавить восстание парламента. Начинаются массовые чистки противников Ельцина в Москве и регионах.

8 октября Встреча Лондонского клуба в Франкфурте касательно реструктуризации долга России коммерческим банкам

12 октября Борис Ельцин прибывает в Токио

14 октября Цена хлеба увеличивается с 100 до 300 рублей

Источник: Financial Times, сентябрь и октябрь 1993 г., несколько выпусков.

Глава 17

Распад бывшей Югославии, реколонизация Боснии и Герцеговины

В то время как хорошо вооруженные войска США и НАТО навязывали мир в Боснии, пресса и политики одинаково изображали это вмешательство Запада в бывшую Югославию как благородный, хотя и мучительно запоздалый ответ на вспышку этнических массовых убийств и нарушений прав человека. В ноябре 1995 года, согласно Дейтонским мирным соглашениям, Запад стремился подправить свой образ спасителя южных славян и приступить к «делу восстановления» новых «суверенных государств».

Однако, следуя этому образцу, западное общественное мнение было умело введено в заблуждение. Традиционная точка зрения, иллюстрируемая сочинениями бывшего посла США в Югославии Уоррена Циммермана, считала, что тяжелое положение Балкан было результатом «агрессивного национализма» – неизбежного результата глубоко укоренившейся этнической и религиозной напряженности³⁵⁸. Много внимания уделялось также «балканской игре за власть» и столкновению политических деятелей, таких как Туджман и Милошевич³⁵⁹.

Затерявшиеся в потоке образов и корыстного анализа, были забыты экономические и социальные причины конфликта. Глубоко укоренившиеся экономические кризисы, предшествовавшие гражданской войне, замалчивались, как и стратегические интересы Германии и США в дезинтеграции Югославии. В глазах мировых СМИ, Западные державы не несли ответственности за обнищание и разрушение 24-миллионной югославской нации. Благодаря своему доминированию в мировой финансовой системе, Западные державы, преследуя национальные и коллективные стратегические интересы, помогли поставить югославскую экономику на колени и усугубить ее глубокие этнические и социальные конфликты. Теперь настала очередь разрушенных войной государств-преемников Югославии почувствовать «нежную милость» международного финансового сообщества.

Пока внимание мира было сосредоточено на передвижении войск и прекращении огня, национальные финансовые учреждения активно собирали средства бывшей Югославии, увеличивая внешний долг оставшихся государств и превращая Балканы в убежище для свободного предпринимательства. С проведением боснийского мирного урегулирования под контролем НАТО, Запад в конце 1995 года объявил о «реконструкции», которая лишила эту жестокую страну суверенитета до такой степени, что не наблюдалось в Европе после Второй мировой войны. Она состояла в основном из превращения Боснии в разделенную территорию под военной оккупацией НАТО и западной администрацией.

Неоколониальная Босния

Опираясь на Дейтонские соглашения, которые создали боснийскую «Конституцию», США и их европейские союзники установили полноценную колониальную администрацию в Боснии. Во главе ее стоял назначенный Верховный представитель Карл Бильдт, бывший премьер-министр Швеции и представитель Европейского Союза на мирных переговорах в Боснии³⁶⁰. Бильдт получил полную исполнительную власть во всех гражданских вопросах, с правом отменять действия правительств Боснийской Федерации и Республики Сербской.

Согласно соглашению, «Верховный представитель является последней инстанцией на театре военных действий в вопросах толкования соглашений»³⁶¹. Он должен был работать с высшим командованием многонациональных сил реализации вооруженных сил (IFOR), а также с кредиторами и донорами. Совет Безопасности ООН также назначил «комиссара» по международной гражданской полиции³⁶². Эту должность занял ирландский полицейский Питер Фицджеральд, имеющий опыт работы в полицейских миссиях ООН в Намибии, Сальвадоре и Камбодже. Ему было поручено руководство контингентом из 1700 полицейских из 15 стран. После подписания Дейтонских соглашений в ноябре 1995 года международный полицейский корпус был направлен в Боснию после пятидневной учебной программы в Загребе³⁶³.

Новая «конституция», включенная в качестве Приложения к Дейтонскому соглашению, передавала бразды правления экономической политикой Бреттон-Вудским институтам и Европейскому банку реконструкции и развития (ЕБРР). МВФ получил право назначать первого управляющего Боснийским центральным банком, который, как и Верховный представитель, «не должен быть гражданином Боснии и Герцеговины или соседнего государства»³⁶⁴.

Центральный банк Боснии под попечительством МВФ не вправе исполнять функции настоящего центрального банка: «В течение первых шести лет он не может выдавать кредиты, создавая деньги, фактически функционируя как валютный совет»³⁶⁵. Ему запрещено выпускать собственную валюту (банкноты печатаются только при полном покрытии иностранной валютой), мобилизовывать внутренние ресурсы и самостоятельно финансировать реконструкцию через независимую денежно-кредитную политику.

В то время как Центральный банк находился под контролем МВФ, ЕБРР возглавил Комиссию по общественным корпорациям, которая контролирует деятельность всех государственных предприятий Боснии, включая энергетику, водоснабжение, почтовые услуги, телекоммуникации и транспорт. Председатель Комиссии назначается президентом ЕБРР и несет ответственность за реструктуризацию государственного сектора, то есть продажу государственных и коллективных активов и привлечение долгосрочных инвестиционных средств³⁶⁶.

Западные кредиторы специально учредили ЕБРР «для придания заимствованиям специфически политического характера»³⁶⁷.

Хотя Запад заявлял о поддержке демократии, реальная политическая власть принадлежит параллельным органам боснийского «государства», руководимым гражданами иных стран. Западные кредиторы встроили свои интересы в Конституцию, написанную спешно и без участия собраний и консультаций с гражданами Боснии. Их планы по восстановлению Боснии выглядят больше приспособленными к удовлетворению запросов кредиторов, нежели элементарных потребностей самих боснийцев. Неоколонизация Боснии стала закономерным этапом попыток Запада отменить эксперимент Югославии с «рыночным социализмом» и самоуправлением рабочих, навязав диктатуру «свободного рынка».

Исторический фон

Многонациональная социалистическая Югославия некогда была мощным регионом с успешным экономическим развитием. В течение двух десятилетий до 1980 года ежегодный прирост валового внутреннего продукта (ВВП) составлял в среднем 6,1%, медицинская помощь была бесплатной, уровень грамотности достигал 91%, продолжительность жизни — 72 года³⁶⁸.

Однако после десятилетия западных экономических советов и последующих распада, войн, бойкотов и эмбарго экономики республик бывшей Югославии лежали в руинах, их промышленный сектор развалился.

Частично причиной распада Югославии стало вмешательство США. Несмотря на нейтральную позицию Белграда и его обширные торговые связи с Европейским сообществом и США, администрация Рейгана еще в 1984 году приняла директиву Совета национальной безопасности № 133 «Тайно чувствительная» под названием «Политика США в отношении Югославии».

Подцензурная версия, рассекреченная в 1990 году, раскрывала подробности директивы NSDD 64 от 1982 года, посвященной Восточной Европе. Документ призывал к «расширенным усилиям по продвижению тихой революции, направленной на свержение коммунистических режимов и партий», одновременно интегрируя страны Восточного блока в рыночную экономику³⁶⁹.

США ранее присоединились к другим международным кредиторам, налагая на Белград первую серию макроэкономических реформ в 1980 году, незадолго до смерти маршала Тито. Эти ранние реформы задавали шаблон будущих преобразований. Сепаратистские настроения, подогреваемые социальными и этническими различиями, набрали обороты именно в период жесточайшего обнищания югославского населения. Экономические реформы «создали экономический и политический хаос. . . Медленный рост, накопление внешнего долга и затраты на его обслуживание, а также девальвация привели к снижению уровня жизни среднего югослава. . . Экономический кризис угрожал политической стабильности . . . и потенциально способен был усилить существующие этнические напряжения»³⁷⁰.

Реформы, сопровождавшиеся подписанием соглашений о реструктуризации долга с официальными и коммерческими кредиторами, способствовали ослаблению институтов федерации, вызывая политические разногласия между Белградом и республиканскими правительствами и автономными областями. «Федеральный премьер Милка Планиц, призванная воплотить программу, вынуждена была пообещать МВФ немедленное повышение учетных ставок и целый арсенал мер рейгановской экономической политики...³⁷¹. В течение 1980-х годов МВФ и Всемирный банк неоднократно прописывали болезненные дозы экономической терапии, пока югославская экономика медленно не впала в кому.

С самого начала каждая следующая программа под руководством МВФ ускоряла распад югославской индустрии. Следуя первому этапу макроэкономических реформ 1980 года, промышленный рост упал до 2,8% в период 1980–1987 годов, снизился до нуля в 1987–1988 годах и достиг отрицательного показателя в 10% к 1990 году³⁷². Это

сопровождалось постепенным разрушением югославского социального государства, с ожидаемыми социальными последствиями. Соглашения о реструктуризации долга увеличили внешний долг, а принудительная девальвация ударила по уровню жизни югославов.

Господин Маркович едет в Вашингтон

Осенью 1989 года, незадолго до падения Берлинской стены, югославский федеральный премьер Анте Маркович встретился в Вашингтоне с президентом Джорджем Бушем, чтобы завершить переговоры о новом пакете финансовой помощи. В обмен на помощь Югославия согласилась на еще более широкомасштабные экономические реформы, включая введение новой девальвированной валюты, замораживание зарплат, резкое сокращение государственных расходов и ликвидацию самоуправляемых предприятий, принадлежащих обществу³⁷³.

Белградская номенклатура, с помощью западных советников, подготовила почву для миссии Марковича, предварительно осуществив многие необходимые реформы, включая масштабную либерализацию законов о привлечении иностранных инвестиций.

«Шоковая терапия» началась в январе 1990 года. Несмотря на инфляцию, съедающую доходы, МВФ приказал зафиксировать зарплаты на уровне ноября 1989 года. Цены продолжали расти бесконтрольно, а реальные зарплаты упали на 41% в первые шесть месяцев 1990 года³⁷⁴.

МВФ также эффективно контролировал югославский центральный банк. Его политика «жестких денег» еще сильнее подорвала способность страны финансировать экономические и социальные программы. Государственные доходы, которые должны были идти республикам в виде трансфертов, вместо этого направлялись на обслуживание долга Белграда перед Парижским и Лондонским клубами. Республики оказались предоставлены сами себе. Экономический пакет был запущен в январе 1990 года в рамках механизма IMF Stand-by Arrangement (SBA) и программы структурной адаптации Всемирного банка (SAL II). Сокращение бюджета, направленное на перераспределение федеральных доходов в пользу обслуживания долга, привело к приостановке трансфертных платежей Белграда республиканским и автономным провинциям.

Так один махом реформаторы устроили окончательный крах югославской федеральной финансовой системы и смертельно ранили федеральные политические институты. Обрубив финансовые артерии между Белградом и республиками, реформы подстегнули тенденции к отделению, основанные на экономических факторах и этнических различиях, фактически обеспечив фактическое отделение республик. Вызванный МВФ бюджетный кризис создал экономический *faits accomplis*, проложивший путь к формальному выходу Хорватии и Словении в июне 1991 года.

Под ударами «невидимой руки»

Реформы, заказанные кредиторами Белграда, обрушились на сердцевину югославской системы общественных предприятий, управляемых трудящимися. Наблюдатели отмечают, что «целью было вызвать массовую приватизацию и демонтаж общественной собственности». Власти использовали методы давления, воздействуя на

коммунистическую бюрократию, особенно ее военные и разведструктурь, предлагая им политическую и экономическую поддержку взамен на принятие мер по снятию социальных гарантий с рабочих Югославии³⁷⁵.

Югославия, стоявшая на краю пропасти, не могла отказаться от подобного ультиматума. В результате к 1990 году годовой рост ВВП рухнул до -7,5%. В следующем году ВВП сократился еще на 15%, промышленное производство рухнуло на 21%³⁷⁶.

Программа реструктуризации, навязанная кредиторами Белграда, была нацелена на уничтожение системы общественных предприятий. Закон о предприятиях 1989 года потребовал упразднения Основных организаций ассоциативного труда (BOAL), которыми управляли советы рабочих. Вместо них появлялись частные капиталистические предприятия, где роль Советов исполняли так называемые «Общественные коллегии», подконтрольные владельцам, включая кредиторов³⁷⁷.

Перекройка правового фундамента

Под руководством западных юридических и консультационных служб были срочно внесены изменения в юридическую базу. Ключевым инструментом стал Закон о финансовых операциях 1989 года, сыгравший решающую роль в разрушении югославской промышленности. Этот закон предусмотрел механизм банкротства предприятий, которые не могли своевременно погасить долги. Процедура была организована таким образом, что кредиторы (включая национальные и иностранные банки) могли спокойно превращать свои кредиты в контрольные пакеты акций³⁷⁸.

Закон о иностранных инвестициях 1988 года открыл двери для неограниченного проникновения иностранного капитала в промышленность, банковский сектор, страхование и сферу услуг. В предыдущие годы иностранцам позволялось участвовать только в совместных предприятиях с организациями в общественном владении³⁷⁹.

Новеллы 1989 и 1990 годов позволили продавать общественные предприятия иностранному капиталу. Особенно выгодно это выглядело, поскольку оценка активов основывалась на их балансовой стоимости, выраженной в местной валюте, которая искусственно занижалась, обеспечивая продажу собственности по символическим ценам³⁸⁰.

Процессы атаки на социалистическую экономику затронули и банковскую систему. Старые общественные банки подверглись ликвидации, уступив место «независимым учреждениям, ориентированным на прибыль»³⁸¹.

Весь «трехуровневый банковский сектор», включавший Национальный банк Югославии, региональные банки и коммерческие учреждения, был разобран под руководством Всемирного банка³⁸².

Программа банкротств

Промышленные предприятия были тщательно классифицированы. В рамках реформ, спонсируемых МВФ и Всемирным банком, кредитование промышленного сектора было заморожено с целью ускорения процесса банкротства. Так называемые механизмы выхода были установлены в соответствии с положениями Закона о финансовых операциях 1989 года³⁸³. Под новым законом, если предприятие не могло оплатить свои счета непрерывно в течение 30 дней или в течение 30 дней в период 45 дней, правительство

должно было начать процедуру банкротства в течение последующих 15 дней. Этот механизм позволял кредиторам (включая национальные и иностранные банки) регулярно преобразовывать свои кредиты в контрольный пакет акций несостоятельного предприятия. Согласно закону, правительство не имело полномочий вмешиваться. Если соглашение не достигалось, инициировались процедуры банкротства, в результате которых работники обычно не получали выходного пособия³⁸⁴.

Согласно официальным данным, в 1989 году 248 предприятий были признаны банкротами или ликвидированы, оставив без работы 89,4 тысячи человек³⁸⁵.

В течение первых девяти месяцев 1990 года, сразу после введения программы МВФ, еще 889 предприятий с общим числом сотрудников в 525 тысяч были подвержены процедуре банкротства³⁸⁶.

Менее чем за два года Всемирный банк провел масштабную акцию, выбросив на улицу 614 тысяч рабочих (из общего числа около 2,7 миллиона занятых в промышленности). Наибольшее число банкротств и увольнений пришлись на Сербию, Боснию и Герцеговину, Македонию и Косово³⁸⁷.

Некоторые общественные предприятия пытались избежать банкротства, задерживая выплату зарплат. Около полумиллиона рабочих, составляющих около 20% численности промышленного персонала, не получали зарплату в первые месяцы 1990 года, чтобы угодить требованиям кредиторов³⁸⁸.

Реальные доходы падали, социальные программы рухнули. Волна банкротств предприятий привела к взрывному росту безработицы, порождая атмосферу отчаяния и безнадежности среди населения.

Программа МВФ, введенная в январе 1990 года, способствовала убыткам предприятий, одновременно загоняя крупнейшие электрические, нефтеперерабатывающие, машиностроительные и химические предприятия в пучину банкротства. При этом либерализация внешней торговли вызвала лавину импорта, который еще сильнее дестабилизировал внутреннее производство. Эти импортные поставки финансировались заемными средствами, предоставленными в рамках пакета МВФ (то есть различными «быстро выдаваемыми займами», предоставленными МВФ, Всемирным банком и двусторонними донорами в поддержку экономических реформ). Хотя рост импорта способствовал увеличению внешнего долга Югославии, резкий скачок процентных ставок и цен на сырье, наложенный на национальные предприятия, ускорил вытеснение и исключение отечественных производителей с собственного национального рынка.

Массовая ликвидация рабочих мест

Положение, сложившееся в Югославии в месяцы, предшествовавшие отделению Хорватии и Словении (середина 1991 года), подтверждало масштаб и жестокость процесса демонтажа промышленности. Официальные данные, конечно, давали лишь частичную картину, отображая ситуацию на старте программы банкротств, которая продолжалась и в странах-правопреемницах Югославии после Дейтона.

Мировым банком было подсчитано, что к сентябрю 1990 года существовало еще 2435 убыточных предприятий из оставшихся 7531. То есть эти 2435 предприятий,

насчитывающих более 1,3 миллиона работников, были отнесены к разряду «неплатежеспособных» и подлежали незамедлительной процедуре банкротства. Учитывая, что уже 600 тысяч рабочих были уволены из обанкротившихся предприятий до сентября 1990 года, получается, что около 1,9 миллиона рабочих (из общего числа 2,7 миллиона) были зачислены в категорию «избыточных». Большинство из этих предприятий, относящихся к энергетической, тяжелой промышленности, металлургии, лесопереработке и текстильной промышленности, входили в число крупнейших промышленных единиц страны и представляли собой 49,7% общей численности занятых в промышленности³⁸⁹.

Начало 1991 года отмечено крутым падением реальных зарплат, крахом социальных программ и повсеместной безработицей. Демонтаж промышленной экономики проходил поразительно масштабно и жестоко. Его социальные и политические последствия, хотя и сложно выразить количественно, были огромны. Президент Югославии Борисав Йович предупреждал, что реформы оказывают «негативное воздействие на общую ситуацию в обществе. Граждане теряют веру в государство и его институты. Углубление экономического кризиса и рост социальных напряжений оказывает огромное влияние на ухудшение политической обстановки»³⁹⁰.

Политическая экономия распада

Некоторым югославам удалось объединить усилия в последнем сражении за спасение своей экономики и государства. Как отметил один наблюдатель, «сопротивление рабочих пересекало этнические границы, сербские, хорватские, боснийские и словенские рабочие мобилизовались плечом к плечу»³⁹¹.

Однако экономический кризис обострил и без того натянутые отношения между республиками и между республиками и Белградом.

Сербия категорически отвергла программу жесткой экономии, и около 650 тысяч сербских рабочих вышли на забастовку против федерального правительства, требуя повышения зарплат³⁹².

Другие республики выбрали иные, порой взаимоисключающие пути.

Так, в относительно богатой Словении лидеры сепаратистов, в частности, председатель социально-демократической партии Йоже Пучник, поддержали реформы: «С экономической точки зрения, я могу только согласиться с социально вредными мерами в нашем обществе, такими как рост безработицы или урезание прав трудящихся, поскольку они необходимы для продвижения процесса экономических реформ»³⁹³.

Но в то же время, Словения присоединилась к другим республикам, оспаривая усилия федерального правительства по ограничению их экономической автономии. И оба, хорватский лидер Франьо Туджман и сербский Слободан Милошевич, присоединились к словенским лидерам в критике попыток Белграда навязать жесткие реформы от имени МВФ³⁹⁴.

На многопартийных выборах 1990 года экономическая политика оказалась в центре политических дебатов, когда сепаратистские коалиции свергли коммунистов в Хорватии, Боснии и Словении. Подобно тому, как экономическое разрушение ускорило направление развития к сепаратизму, сепаратизм, в свою очередь, усугубил экономический кризис.

Сотрудничество между республиками фактически прекратилось. И пока республики были готовы перегрызть друг другу глотки, общими усилиями и экономика и нация вступили в порочный круг нисходящей спирали.

Процесс ускорился, поскольку руководство республик намеренно разжигало социальные и экономические разногласия, чтобы укрепить собственные позиции: «Республиканские олигархии, каждая из которых лелеяла видения собственного «национального возрождения», вместо того, чтобы выбирать между национальным югославским рынком и гиперинфляцией, сделали выбор в пользу войны, которая замаскировала истинные причины экономической катастрофы»³⁹⁵.

Одновременное появление отрядов вооруженных сил под руководством лидеров сепаратистов лишь ускорило скатывание в хаос. Эти военизированные формирования (тайно финансируемые США и Германией) своими возрастающими зверствами не только разделили население по этническому признаку, но и раскололи рабочее движение³⁹⁶.

«Западная помощь»

Меры жесткой экономии заложили основу для повторной колонизации Балкан. Необходимость распада Югославии была предметом дебатов среди западных держав, причем Германия возглавляла движение за отделение, а США, опасаясь открытия националистического ящика Пандоры, первоначально выступали за сохранение Югославии.

После решающей победы Франьо Туджмана и правого «Хорватского демократического союза» в Хорватии в мае 1990 года министр иностранных дел Германии Ганс-Дитрих Геншер, находящийся практически в ежедневном контакте со своим коллегой в Загребе, дал добро на отделение Хорватии³⁹⁷. Германия не пассивно поддерживала сепаратизм; она «ускорила темпы международной дипломатии» и оказывала давление на своих западных союзников, чтобы они признали Словению и Хорватию. Германия стремилась получить свободу действий среди своих союзников, чтобы добиться экономического господства во всей центральной Европе³⁹⁸.

Вашингтон, с другой стороны, выступал за «расслабленную сплоченность», одновременно поощряя демократическое развитие³⁹⁹. Госдепартамент информировал хорватского лидера Франьо Туджмана и президента Словении Милана Кучана, что США не станут поощрять или поддерживать одностороннее отделение республик, однако если такое отделение неизбежно, то им рекомендуется добиваться его в рамках переговоров.

В то же время американский конгресс принял Закон о предоставлении иностранной помощи за рубежом на 1991 финансовый год, который полностью прекратил оказание финансовой помощи Югославии. Представители ЦРУ назвали этот закон «подписанным приговором» для Югославии⁴⁰⁰. ЦРУ верно предсказало, что «кровавая гражданская война неизбежна»⁴⁰¹. Закон также обязывал МВФ и Всемирный банк прекратить кредитование Белграда. Государственному департаменту США удалось настоять на том, чтобы республики Югославии (признаваемые де-факто политическими образованиями) проводили раздельные выборы и публиковали их результаты, прежде чем какая-либо дополнительная помощь могла быть возобновлена для каждой из республик отдельно⁴⁰².

Послевоенное восстановление и «свободный рынок»

После ноябрьских Дейтонских соглашений 1995 года западные кредиторы переключили внимание на «наследниц» Югославии. Внешний долг Югославии был аккуратно разделен и передан наследующим республикам, которые оказались в сетях соглашений о реструктуризации долга и структурных изменениях⁴⁰³.

Среди доноров и международных организаций сложился консенсус, что ранее применяемые МВФ макроэкономические реформы, проведенные в Югославии, не оправдали ожиданий и требуют дополнительной «шоковой терапии» для восстановления «экономического здоровья» в новообразованных государствах. Хорватия, Словения и Македония согласились на предоставление пакетов кредитов для погашения своей доли югославского долга, что требовало консолидации процесса, начатого при программе банкротства Анте Марковича. С 1996 года продолжается знакомая схема закрытий предприятий, вызванных банковскими кризисами и увеличением бедности. Кто исполняет распоряжения МВФ? Лидеры новых суверенных государств полностью сотрудничают с кредиторами.

Пример Хорватии

Правительство президента Хорватии Франьо Туджмана было вынуждено подписать в 1993 году, в разгар гражданской войны, соглашение с МВФ. В обмен на новые кредиты, в основном предназначенные для обслуживания внешнего долга Загреба, правительство Туджмана согласилось продолжить процесс закрытия предприятий и объявить их банкротами, снижая зарплаты до предельно низких уровней. Официальный уровень безработицы увеличился с 15,5% в 1991 году до 19,1% в 1994 году⁴⁰⁴.

Загреб также утвердил гораздо более суровый закон о банкротстве, вместе с процедурами «расчленения» крупных государственных коммунальных компаний. В своем письме намерений международным финансовым институтам правительство Хорватии обещало реструктурировать и полностью приватизировать банковский сектор с помощью Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) и Всемирного банка. Всемирный банк также потребовал сформировать хорватский фондовый рынок, который повышал бы доступность западных институциональных инвесторов и брокеров.

В рамках соглашения, подписанного в 1993 году с МВФ, правительство Загреба не имело права мобилизовать собственные производственные ресурсы через фискальную и денежно-кредитную политику. Контроль над этими вопросами оставался в руках внешних кредиторов. Требуемые массивные сокращения бюджета сделали невозможным послевоенное восстановление. Возможности для восстановления могли появиться только через получение новых иностранных кредитов, что способствовало росту внешнего долга Хорватии вплоть до XXI века.

Пример Македонии

Македония пошла аналогичным экономическим путем. В декабре 1993 года правительство Скопье согласилось сжать реальные зарплаты и заморозить кредиты, чтобы получить кредит по программе системной трансформации МВФ (STF). В неожиданном повороте событий миллиардер Джордж Сорос участвовал в группе международной

поддержки, составленной из правительства Нидерландов и Базельского банка международных расчетов. Предоставленные средства, однако, предназначались не для «реконструкции», а для того, чтобы Скопье могло вернуть задолженность Всемирному банку⁴⁰⁵.

Кроме того, в обмен на реструктуризацию долга правительство премьер-министра Македонии Бранко Кривенковски было вынуждено согласиться на ликвидацию оставшихся «неплатежеспособных» предприятий и увольнение «избыточных» работников, включая половину промышленных предприятий страны. Как трезво заметил заместитель министра финансов Хари Костов, из-за астрономических процентных ставок, вызванных банковскими реформами, «буквально невозможно было найти компанию в стране, которая могла бы покрыть свои расходы»⁴⁰⁶.

В целом экономическая терапия МВФ для Македонии была продолжением «банкротной программы», запущенной в 1989–1990 годах в рамках федеральной Югославии. Наиболее ценные активы были выставлены на продажу на македонской фондовой бирже, что привело к промышленному краху и массовой безработице.

И глобальный капитал рукоплескал. Несмотря на глубокий кризис в социальной сфере и разрушенное состояние экономики, министр финансов Македонии Любомир Трпевский гордился заявлением прессы в 1996 году, что «Всемирный банк и МВФ ставят Македонию в число наиболее успешных стран в отношении текущих реформ переходного периода»⁴⁰⁷.

Руководитель миссии МВФ в Македонии Пол Томсен согласился с мнением, утверждая, что «результаты программы стабилизации были впечатляющими», особо отметив «эффективную политику в области заработной платы», принятую правительством Скопье. Впрочем, его переговорщики настояли, что несмотря на успехи, необходимы еще более глубокие сокращения бюджета⁴⁰⁸.

Восстановление в колониальном стиле

Наиболее серьезные последствия западного вмешательства проявились в нарушении национального суверенитета Боснии. Неоколониальная администрация, установленная по итогам Дейтонских соглашений и поддерживаемая военной мощью НАТО, гарантировала, что будущее Боснии будет зависеть от решений, принимаемых в Вашингтоне, Бонне и Брюсселе, а не в Сараево.

Правительство Боснии оценивало, что затраты на восстановление после Дейтонских соглашений составят 47 миллиардов долларов. Западные доноры первоначально пообещали 3 миллиарда долларов в виде кредитов на восстановление, из которых реально были выделены лишь некоторые средства. Более того, значительная часть новых денег, предоставленных Боснии, была потрачена на покрытие местных гражданских расходов по развертыванию сил IFOR, а также на возврат долгов международным кредиторам⁴⁰⁹.

Послевоенное восстановление протекало в трагикомичном ключе: кредиты предназначались не для подъема экономики, а для расчета с предыдущими долгами. Центробанк Нидерландов, будто добрый волшебник, предоставил «мостовое

финансирование» в размере 37 миллионов долларов, чтобы Босния смогла погасить старые задолженности перед МВФ. Без этого шага МВФ не собирался выдавать новые кредиты.

Итак, в поистине дьявольской игре новый кредит из окна чрезвычайных ситуаций МВФ для «послевоенных стран» не использовался для восстановления экономики. Вместо этого деньги предназначались для оплаты долга Нидерландскому центробанку, который ранее предоставил средства для расчета с МВФ. Задолженность росла, а новые средства для восстановления разрушенной войной экономики Боснии поступали в ничтожных количествах⁴¹⁰.

Долги накапливались, а средства на восстановление разрушенной войной экономики Боснии поступали в мизерных количествах. В то время как страна приносила жертвы ради выплаты старых долгов, западные правительства и корпорации проявляли живой интерес к извлечению выгоды из стратегических природных ресурсов региона.

С открытием энергетических запасов раздел Боснии между Федерацией Боснии и Герцеговиной и Республикой Сербской, оговоренный Дейтонскими соглашениями, приобрел особое значение. Документы, сохранившиеся у Хорватии и боснийских сербов, свидетельствовали, что на восточном склоне Трансдинарийского хребта были выявлены залежи угля и нефти, отвоеванные у краинских сербов армией Хорватии, поддержанной американскими войсками, в последние дни перед подписанием Дейтонских соглашений. Официальные лица Боснии сообщали, что американская компания Амосо была одной из немногих иностранных фирм, начавших после этого разведку ресурсов в Боснии⁴¹¹.

Большие запасы нефти также находились «в зоне, контролируемой сербами в Хорватии», прямо за рекой Савой от Тузлы, расположенной поблизости от штаба американской военной зоны⁴¹². Во время войны велась активная разведка ресурсов, однако Всемирный банк и транснациональные корпорации скрывали эту информацию от местных властей, очевидно, чтобы предотвратить их вмешательство в эксплуатацию потенциальных месторождений⁴¹³.

США и Германия, уделяя основное внимание выплате долгов и доступу к энергетическим ресурсам, направили свои усилия — при поддержке 70-тысячного контингента НАТО для «поддержания мира» — на регулирование раздела Боснии в соответствии с западными экономическими и стратегическими интересами.

В то время как местные лидеры и западные партнеры делили плоды распада югославской экономики, они укрепляли этноконфессиональные различия, усугубляя дробление Югославии по этническому признаку. Эта хроническая фрагментация мешала единому сопротивлению югославов всех этнических групп против очередного завоевания их родины.

«Что изменилось?» — горько воскликнул один наблюдатель. Только то, что все лидеры государств-преемников Югославии, бывшие партийные функционеры, теперь старались выполнить требования Всемирного банка и МВФ, чтобы получить инвестиционные кредиты и особые привилегии для себя⁴¹⁴.

От Боснии до Косово

Экономическая и политическая дезорганизация стала закономерностью на каждом этапе балканского конфликта: от первого военного вмешательства НАТО в Боснию в 1992 году до бомбардировки Югославии под предлогом «гуманитарных оснований» в 1999 году. Босния и Косово стали ступенями на пути к повторной колонизации Балкан.

После бомбёжек в Косово террор государства и «свободный рынок» действовали заодно. Под постоянным взаимодействием с НАТО Всемирный банк детально проанализировал последствия возможного военного вторжения, ведущего к оккупации края. Почти за год до начала боевых действий Всемирный банк провел симуляции, которые «предвидели вероятность чрезвычайной ситуации, возникающей из-за напряженности в Косово»⁴¹⁵. Это позволяет предположить, что НАТО проинформировало Всемирный банк на ранних этапах планирования операции.

Пока бомбардировки продолжались, Всемирный банк и Еврокомиссия получили специальное задание «координации экономической помощи доноров на Балканах»⁴¹⁶. Формально Юдгиния не исключалась из списка возможных получателей помощи, но оговаривалось, что Белград получит кредиты на восстановление «после изменения политической ситуации»⁴¹⁷.

После окончания бомбардировок Косово были навязаны «реформы свободного рынка», повторяющие пункты соглашения в Рамбуйе, которое частично базировалось на моделях Дейтонских соглашений, навязанных Боснией. Первая статья (глава 4а) соглашения в Рамбуйе гласят: «Экономика Косово должна функционировать в соответствии с принципами свободного рынка»⁴¹⁸.

Вместе с войсками НАТО в Косово отправились сотни юристов и консультантов под эгидой Всемирного банка. Их задача: создать «благоприятную среду» для иностранного капитала и обеспечить быстрый переход Косово к «бурно развивающейся открытой и прозрачной рыночной экономике». Временное правительство Армии освобождения Косово (АОК) было призвано международными донорами «установить прозрачные, эффективные и устойчивые институты»⁴¹⁹. Широкая связь АОК с организованной преступностью и наркоторговлей на Балканах не воспринималась международным сообществом как препятствие для установки «демократии» и «хорошего управления».

В оккупированном Косово под мандатом ООН управление государственными предприятиями и коммунальным хозяйством перешло в руки назначенцев из Армии освобождения Косово. Лидеры Временного правительства Косово стали «брокерами» для мультинационального капитала, готового передать экономику Косово иностранным инвесторам по бросовым ценам.

Тем временем государственные банки Югославии, работающие в Приштине, были закрыты. Немецкая марка стала официальной валютой, а практически вся банковская система Косово перешла под контроль немецкого банка Commerzbank AG, который полностью взял под контроль коммерческие банковские функции провинции, включая переводы денег и валютные операции⁴²⁰.

Захват минеральных богатств Косово

В условиях западной военной оккупации обширные запасы минеральных ресурсов и угля в Косове предназначались для распродажи по бросовым ценам иностранному капиталу. До начала бомбардировок западные инвесторы уже положили глаз на огромный горнодобывающий комплекс Трепча, который представляет собой «самый ценный объект недвижимости на Балканах стоимостью не менее 5 миллиардов долларов»⁴²¹. Комплекс Трепча включает в себя не только медь и большие запасы цинка, но также кадмий, золото и серебро. Он имеет несколько плавильных заводов, 17 площадок по обработке металлов, электростанцию и крупнейший в Югославии аккумуляторный завод. На севере Косово также имеются разведанные запасы 17 миллиардов тонн угля и лигнита.

Спустя всего месяц после военной оккупации Косово войсками НАТО глава Миссии ООН в Косово (МООНК) Бернар Кушнер издал указ, в котором говорилось: «МООНК будет управлять движимым и недвижимым имуществом, включая денежные счета и другое имущество, принадлежащее или зарегистрированное на имя Федеративной Республики Югославии или Республики Сербии или любого ее органа, которое находится на территории Косово»⁴²².

Время не было упущено: через несколько месяцев после военной оккупации Косово, Международная кризисная группа (МКГ), аналитический центр, поддерживаемый финансистом Джорджем Соросом, опубликовала доклад на тему «Трепча: разгадка лабиринта», в котором рекомендовала Миссии ООН в Косово (МООНК) как можно скорее захватить горнодобывающий комплекс Трепча у сербов и объяснила, как это следует сделать⁴²³. А в августе 2000 года глава МООНК Бернар Кушнер направил туда хорошо вооруженных «миротворцев» («в хирургических масках от токсичного дыма»), чтобы занять шахту под предлогом того, что она создает экологическую опасность из-за чрезмерного загрязнения воздуха.

Тем временем ООН передала управление всем комплексом Трепча западному консорциуму. Доля в «сделке Трепча» принадлежала «Моррисон Кнадсен Интернешионал», которая в настоящее время объединена «Рейтон Энджинеринг энд Констракш». Новый конгломерат, «Вашингтон Груп», является одной из самых мощных в мире инженерно-строительных фирм, а также крупным подрядчиком Министерства обороны США. Младшими партнерами по сделке являются «ТЭС-Инженир» из Франции и шведская консалтинговая фирма «Болиден Контех».

Создание мафиозного государства

Пока финансист Джордж Сорос инвестировал деньги в восстановление Косово, Фонд «Открытое общество» Джорджа Сороса открыл филиал в Приштине, учредив Фонд «Открытое общество для Косово» (ФООК) в рамках сети «некоммерческих фондов» Сороса на Балканах, в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе. Наряду с постконфликтным трастовым фондом Всемирного банка Фонд «Открытое общество для Косово» (ФООК) оказывал «целевую поддержку» развитию местных органов власти, чтобы позволить им служить своим общинам прозрачным, справедливым и ответственным образом⁴²⁴. Поскольку большинство этих местных органов власти находятся в руках АОК, которая

имеет обширные связи с организованной преступностью, вряд ли эта программа достигнет своей заявленной цели⁴²⁵.

В свою очередь, «суровые экономические меры», навязанные внешними кредиторами, способствовали дальнейшему развитию криминальной экономики (уже прочно укоренившейся в Албании), которая питается бедностью и экономическими потрясениями.

Поскольку Албания и Косово являются центром наркоторговли на Балканах, Косово также должно было возмещать долги иностранным кредиторам путем отмывания грязных денег. Наркодоллары расходуются для обслуживания долга Косово, а также для финансирования» затрат на «восстановление». Таким образом, прибыльный поток наркодолларов обеспечивает иностранным инвесторам, участвующим в «программе восстановления», возможность получения значительной прибыли.

Неолиберализм единственно возможный мир?

Использованная с 1980-х годов под патронатом НАТО неолиберальная экономическая терапия способствовала разрушению Югославии. Однако глобальные СМИ осторожно обошли стороной или отрицали ее центральную роль. Вместо этого они присоединились к хору хвалебных отзывов о «свободном рынке» как основе для воссоздания экономики, разрушенной войной. Социальные и политические последствия экономической реструктуризации в Югославии были умышленно стерты из нашего коллективного сознания. Эксперты упорно преподносят культурные, этнические и религиозные различия как единственную причину войны и разрухи. В действительности они являются результатом гораздо более глубокого процесса экономического и политического распада.

Такое ложное сознание не только маскирует правду, но и препятствует нашему признанию исторических фактов. В конечном счете оно искажает настоящие причины социальных конфликтов. Когда речь идет о бывшей Югославии, это заблуждение затмевает исторические корни единства, солидарности и идентичности южнославянских народов, составлявших многоконфессиональное общество.

На карту были поставлены жизни миллионов людей. Фактически макроэкономическая реформа, дополненная военным завоеванием и «миротворчеством» ООН, уничтожила шансы на достойную жизнь, сделав пародией право на труд. Она сделала жизненно важные потребности, такие как еда и жилье, недоступными для многих. Она растоптала культуру и национальную идентичность. Во имя глобального капитала были перерисованы границы, переписаны юридические кодексы, уничтожены отрасли промышленности, демонтированы финансовые и банковские системы, ликвидированы социальные программы.

Альтернативы глобальному капиталу, будь то югославский «рыночный социализм» или «национальный капитализм», перестали существовать.

Глава 18

Финансовая катастрофа Албании, спонсируемая МВФ

Историческая подоплека кризиса

После распада коммунистического строя в 1991 году западный капитализм для многих албанцев олицетворял конец одной эпохи и неопределенные надежды на лучшую жизнь. Однако в горькой иронии под давлением западных доноров и кредиторов производство и доходы резко упали вследствие «шоковой терапии» свободных рынков. С 1991 года национальная экономика Албании была полностью перестроена под руководством институтов Бреттон-Вудса.

Большинство государственных предприятий были переведены в режим ликвидации, что повлекло за собой массовую безработицу и бедность.

Президент Рамиз Алиа, преемник Энвера Ходжи, уже в 1987 году подал сигнал к сближению с западным капитализмом, восстановив дипломатические отношения с ФРГ и расширив торговлю с Европейским сообществом. В 1990 году IX Пленум Албанской рабочей партии (АРП) принял программу экономических реформ, поощряющих иностранные инвестиции и дающих большую независимость руководству государственных предприятий. Эти реформы также позволяли членам коммунистической номенклатуры накапливать личное богатство. В апреле 1990 года премьер-министр Адиль Чаракани торжественно объявил, что Албания готова присоединиться к конференции по европейской безопасности и сотрудничеству, открыв дверь для тесного сотрудничества с западными оборонными структурами, включая НАТО.

Президент Рамиз Алиа был переизбран многопартийным парламентом в мае 1991 года. Албанская рабочая партия была переименована, коалиционное правительство сформировано между новыми «социалистами» и оппозиционной Демократической партией. В 1991 году были восстановлены полные дипломатические отношения с США; госсекретарь Джеймс Бейкер посетил Тирану, а Албания обратилась с просьбой о членстве в организациях Бреттон-Вудса.

Параллельно с этим, в атмосфере гиперинфляции и уличных беспорядков, предшествовавших выборам 1992 года, немецкие, итальянские и американские бизнес-интересы, ловко позиционируя себя, налаживали политические союзы и создавали «совместные предприятия» с бывшим коммунистическим руководством. Оппозиционная Демократическая партия, в принципе приверженная западному типу демократии, была представлена Сали Беришей, бывшим секретарем Компартии и близким соратником Энвера Ходжи. Избирательная кампания Бериши щедро финансировалась Западом.

Реформы, инициированные МВФ и Всемирным банком

Западный капитал торопился поставить под контроль ключевые рычаги макроэкономической политики. Реформы, проспонсированные МВФ и Всемирным банком, начались сразу после победы демократов и инаугурации президента Сали Бериши в мае 1992 года. Границы были открыты, промышленность и сельское хозяйство Албании «открылись» навстречу внешнему миру.

Провозглашенные в несколько этапов, злополучные реформы, инспирированные МВФ, достигли своего апогея в конце 1996 года, когда промышленный сектор был практически уничтожен, а банковская система близка к коллапсу. Пирамидальная инвестиционная схема, пышно расцветшая при режиме Бериши, внезапно закрылась. Розовые мечты о «свободном рынке» испарились, миллионы долларов многолетних сбережений были потеряны, а деньги незаметно выведены из страны. Каждое третье домашнее хозяйство стало жертвой мошенничества, и многие семьи были вынуждены распродавать дома и землю.

Примерно 1,5 миллиарда долларов было вложено в эти так называемые «понзи»-схемы, значительная доля которых приходилась на переводы албанских рабочих из Греции и Италии. Однако общая сумма денег, прошедшая через эти схемы, была значительно больше. Мафии южной Италии, такие как Священная корона Унита из региона Апулия и неаполитанская Каморра, использовали пирамиды для отмывания больших сумм грязных денег, часть которых была реинвестирована в приобретение государственной собственности и земли в рамках программы приватизации Тираны. Самы пирамиды использовались итальянскими синдикатами для транзита грязных денег в надежные офшорные банковские центры Западной Европы.

Эти сомнительные инвестиционные фонды были неотъемлемой частью экономических реформ, навязанных западными кредиторами. Применение «жесткой экономической терапии» под руководством Бреттон-Вудских институтов в Вашингтоне способствовало разрушению банковской системы и полному краху албанской экономики. С момента старта реформ в 1991–1992 годах свободные рынки создали условия, способствующие распространению нелегальной торговли (особенно наркотиками и оружием) и криминализации государственных институтов.

Контролируемая правящей Демократической партией крупнейшая финансовая пирамида Албании — VEFA Holdings — была основана североалбанскими «семьями» гуегов при поддержке западных банковских интересов. По одному из сообщений, VEFA сейчас расследуется в Италии из-за подозрений в связях с мафией, использовавшей VEFA для отмывания значительных сумм грязных денег⁴²⁶.

Пирамиды не только финансировали предвыборную кампанию Демократической партии накануне ионьских выборов 1996 года, но и использовались должностными лицами партии для скорого вывода денег из страны⁴²⁷.

Некоторые многомиллионные схемы поддержали правящую Демократическую партию на парламентских и местных выборах 1996 года. До настоящего времени ни одно государство не провело расследования связей между правительством и финансовыми пирамидами, и критики отмечают отсутствие необходимого законодательства против мошенничества⁴²⁸.

История «успеха» албанской экономики

Связи албанского государственного аппарата с организованной преступностью были известны западным правительствам и спецслужбам, однако президент Сали Бериша получал похвалы от Вашингтона за его усилия по созданию многопартийной демократии

«с гарантиями прав человека». Повторяя формулировки Государственного департамента США, институты Бреттон-Вудса (контролировавшие дерегулирование банковской системы) провозгласили стратегию Албании «историей экономического успеха»: «Албания показывала замечательно хорошие результаты в области макроэкономической политики и структурных реформ с 1992 года»⁴²⁹.

Директор Всемирного банка по Центральной Европе и Азии Жан-Мишель Северино, посещая Тирану осенью 1996 года, похвалил Беришу за «быстрое развитие и общие положительные результаты»; было заявлено, что экономика «восстанавливается быстрее, чем в других переходных странах». Спустя несколько месяцев вскрылось мошенничество, связанное с фальшивыми пирамидами и подозрительными связями с организованной преступностью.

Историко-экономический контекст кризиса

В эйфории по поводу двузначных темпов роста никто не обратил внимания, что основной доход поступал либо от преступной деятельности, либо из искусственных источников, таких как иностранная помощь и переводы, отправляемые домой албанцами, работавшими за границей⁴³⁰.

В феврале 1997 года премьер-министр Александер Мекси мрачно признал в заявлении парламенту, что страна находится «на грани макроэкономического хаоса, (...) настоящей экономической катастрофы, (...) худшей, чем в 1992 году, после первого раунда шоковой терапии МВФ»⁴³¹. Сам президент Бериша был переизбран парламентом; было объявлено чрезвычайное положение, дававшее полиции право стрелять на поражение по участникам беспорядков. Редакция главной оппозиционной газеты была подожжена предположительно тайной полицией менее чем через 12 часов после введения строгих законов о цензуре печати⁴³². Премьер-министр Мекси был отправлен в отставку в марте 1997 года, главнокомандующего Вооруженными силами генерала Шеме Косову заключили под домашний арест и заменили генералом Адамом Копани, который в течение долгих лет установил близкие личные связи с штабом НАТО и отвечал за координацию с западными государствами военной гуманитарной операции, утвержденной Советом Безопасности ООН.

Экономика остановилась, бедность захлестнула страну, государственный аппарат полностью вышел из строя, что привело к массовым протестам и гражданским волнениям. Однако Запад продолжал поддерживать режим Бериши, несмотря ни на что.

Программа банкротства экономики

Пирамидальное мошенничество стало следствием экономической и финансовой дерегуляции. С момента начала реформ, инспирированных МВФ и Всемирным банком при режиме Бериши в 1992 году, большинство крупных государственных предприятий было помечено для ликвидации или принудительного банкротства, что привело к массовой безработице. В рамках программы Всемирного банка финансовая поддержка государственных предприятий была резко сокращена, при этом четко определялось, какие предприятия получат доступ к государственным ресурсам и на каких условиях⁴³³. Этот механизм вывел из строя значительную часть национальных производственных активов.

Более того, кредиты государственным предприятиям были заморожены с целью ускорения процесса банкротства. Был принят закон о банкротстве (по образцу закона, принятого в Югославии в 1989 году). Всемирный банк потребовал, чтобы:

...реструктуризация включала деление государственных предприятий (...) для облегчения их управления (...) и подготовки к приватизации. Государственные предприятия средних и крупных размеров, включая коммунальные службы, будут приватизированы в рамках программы массовой приватизации, (...) для которой гражданам выдаются ваучеры⁴³⁴.

Самые прибыльные государственные предприятия сначала были переданы холдинговым компаниям, контролируемым членами бывшей номенклатуры. Активы, входящие в портфель этих холдингов, должны были быть проданы иностранному капиталу в соответствии с календарем, согласованным с институтами Бреттон-Вуда.

Приватизационная программа буквально за одну ночь привела к формированию класса собственников, твердо приверженных принципам неолиберализма. На севере Албании этот класс был связан с гугскими (Guegue) «семействами», близкими к Демократической партии. По сообщениям, северные племенные кланы или «фары» установили связи с итальянской организованной преступностью⁴³⁵.

Быстрая концентрация частной собственности привела к внезапному росту строительства элитного жилья и импорта автомобилей (включая шикарные автомобили марки Мерседес). (...) Увеличение автомобильного импорта было вызвано притоком грязных денег. (...) Кроме того, приток займов в твердой валюте, предоставленных многосторонними кредиторами, также способствовал росту импорта предметов роскоши. (Объем импорта почти удвоился с 1989 по 1995 год. Экспорт, напротив, сильно сократился, усугубив кризис платежного баланса страны)⁴³⁶. Такие изменения стали естественной частью экономической реформы, проведенной под руководством западных кредиторов.

Финансовая дерегуляция

В 1992 году парламент Албании одобрил банковский закон, разрешавший создание «фондов» и «холдинговых компаний», участвующих в банковской деятельности практически без ограничений. Всемирный банк настойчиво требовал «создания подходящей структуры для формирования новых частных банков и включения неформальных ростовщиков и небанковских посредников в официальную финансовую систему»⁴³⁷. Таким образом, «пирамиды» стали важной частью анархичной банковской среды, предложенной Бреттон-Вудскими институтами.

Различные фонды свободно действовали наряду с государственными банками, такими как Национальный коммерческий банк, Сельский коммерческий банк и Сберегательный банк. Закон формально допускал расширение деятельности частных финансовых посредников, но оставлял за Центральным банком определенные «надзорные функции». Двадцать восьмая статья закона предусматривала учреждение Резервного фонда при Центральном банке для «защиты интересов вкладчиков»⁴³⁸.

Впоследствии положения двадцатой статьи были перенесены в особую статью о банках и финансовых институтах, включенную в законопроект о банкротстве,

разработанный Всемирным банком и представленный парламенту в конце 1994 года. Она предусматривала создание специального «фонда страхования вкладов» под наблюдением Центрального банка.

Однако, пока закон обсуждался, команда экспертов МВФ в Центральном банке выступила с требованием убрать этот пункт, аргументируя это тем, что он «несоответствует рекомендациям специалистов Фонда» (других объяснений не приводилось). Эксперты МВФ также посоветовали не применять к банкам обычные процедуры банкротства, поскольку это означало бы, что кредиторы могли требовать прекращения деятельности неплатежеспособного банка. По мнению специалиста МВФ, это было недопустимо, поскольку «в Албании, где так мало банков, такое решение лежит исключительно в компетенции регулятора банковского сектора, то есть Центрального банка»⁴³⁹.

Сотрудник Всемирного банка, разрабатывавший законопроект о банкротстве (по поручению правительства при поддержке Всемирного банка), предупредил власти, что удаление из документа пункта о страховании депозитов может привести к неблагоприятным последствиям: протестам мелких вкладчиков перед закрытыми банками, размахивающих красными знаменами и транспарантами с обвинениями чиновников Центрального банка в сговоре с западным капиталом или мафией с целью эксплуатации и разорения населения. Однако эксперты МВФ не прислушались к этому предупреждению и на основании собственных рекомендаций удалили из законопроекта положения о страховании вкладов и полном применении законодательства о банкротстве к банкам⁴⁴⁰.

Несмотря на столь ясное предупреждение, решение МВФ (принятое вопреки возражениям правительства и Всемирного банка) должно было быть окончательно оформлено в проекте нового закона о банковской деятельности, представленном парламенту в феврале 1996 года «в тот момент, когда опасность, исходящая от мошеннических банковских учреждений, должна была быть очевидна каждому»⁴⁴¹.

Новый закон о банковской деятельности ликвидировал трехуровневую банковскую систему, действующую с 1992 года. Данный законопроект был составлен на настолько отвратительном албанском языке, что депутаты едва ли могли понимать его содержание; возможно, именно поэтому они приняли его, пораженные его загадочной терминологией. Судя по всему, это был дословный перевод с английского оригинала, подготовленный теми самыми специалистами МВФ из Центрального банка, которым все доверяли — точно так же, как в то время почти все верили в надежность финансовых пирамид⁴⁴².

Команда МВФ в Центральном банке Албании сорвала внедрение запланированного законодательства о защите интересов вкладчиков. Специалисты МВФ не использовали свое влияние для того, чтобы заставить Центральный банк выполнять обязанности по надзору и своевременно остановить распространение финансовых пирамид — возможно, потому что они считали, что Албания нужны все банки, честные или мошеннические⁴⁴³.

Только когда мошенническое мероприятие достигло своего апогея в конце 1996 года, МВФ отступил от первоначальной позиции и призвал президента Беришу к действию. Однако было уже слишком поздно, и любая мягкая посадка была невозможна⁴⁴⁴.

Параллельно Всемирный банк, следящий за процессом реструктуризации и приватизации предприятий, в 1995 году потребовал принятия закона, который позволил бы

трансформировать государственные банки в холдинговые компании. Это требование было включено в «условия» Программы Всемирного банка по реструктуризации предприятий и финансового сектора (EFSAC).

Эксперты Всемирного банка разработали подробный сценарий уничтожения промышленности, потребовав заморозить бюджетную поддержку сотен государственных предприятий, предназначенных для ликвидации. Они также потребовали выделения крупных сумм на поддержание государственных предприятий, намеченных к приватизации. Прежде чем выставить на аукцион Национальный коммерческий банк, Сельский коммерческий банк и Сберегательный банк, правительство (следуя рекомендациям Всемирного банка) должно было «восстановить бухгалтерские балансы банков, приняв на себя их проблемные кредитные портфели»⁴⁴⁵. Это должно было подготовить банки к продаже как надежные акционерные общества.

Повышение привлекательности государственных предприятий (включая коммунальные службы) для иностранных инвесторов, естественно, способствовало росту внешнего долга страны. Процедуры «укрепления государственных предприятий в преддверии приватизации» финансировались за счет средств, предоставленных многосторонними и двусторонними кредиторами. Иронично, что албанское государство «финансировало собственную задолженность», оказывая поддержку предприятиям, предназначенным для продажи западным инвесторам.

Кроме того, часть валютных поступлений, полученных от притока зарубежных переводов и «грязных денег» в «фонды», также использовалась для поддержки государственных предприятий, испытывающих острую нехватку средств. В конечном итоге это шло на пользу иностранным покупателям, которые приобретали государственную собственность по минимальным ценам.

В 1996 году была учреждена Тиранская фондовая биржа с целью «ускорения программы приватизации». В истинном духе ангlosаксонского либерализма только десять игроков (тщательно выбранных властями) получили разрешение на работу и «конкуренцию» на бирже⁴⁴⁶.

Распределение государственной собственности Албании

По мере разрушения банковской системы и нарастающего кризиса иностранные инвесторы, включая итальянские преступные синдикаты, кинулись к захвату наиболее прибыльных государственных активов. В феврале 1997 года Anglo-Adriatica, первый приватизационный фонд в Албании, активно вела переговоры с иностранными инвесторами по различным направлениям — от пивоварен до цементных заводов и фармацевтических производств.

Министерство приватизации, экстренно созданное после сфальсифицированных выборов июня 1996 года по требованию Запада, подтвердило решимость правительства завершить приватизацию экономики «четко, стабильно и законно», заявив: «Мы намерены двигаться вперед»⁴⁴⁷.

10 марта в здании Минфина Албании состоялась распродажа долей в ключевых предприятиях. Так, в 12 часов дня было решено продать 70% долю цементного завода

Эльбасан за наличные деньги, а на следующий день планировалось реализовать аналогичный пакет акций карьера известняка⁴⁴⁸.

Всемирный банк предложил приватизировать все государственные объекты инфраструктуры, включая водо-, электроснабжение и дороги. Глобализация и хаос сыграли на руку иностранным покупателям: «Это Дикий Восток», — прокомментировал один инвестор в Тирану. «Впереди проблемы, но приватизация открывает возможности. Мы будем двигаться вперед, несмотря ни на что»⁴⁴⁹.

Приватизация стратегических отраслей

Несмотря на протесты профсоюзов, правительство установило точный график приватизации стратегически важных активов, включая нефтяные, медные и хромовые месторождения. Эти продажи были запланированы на январь 1997 года. Так, немецкая компания Preussag AG, потратив скромные 3,5 млн долларов, намеревалась приобрести 80% долю в хромодобывающей отрасли, получив контроль над крупнейшими запасами хрома в Европе.

Американские и немецкие интересы столкнулись в переговорах вокруг приватизации хрома. Фонд Аденауэра работал в тени, продвигая интересы Германии. Архитектором договора с немецкой компанией выступил Сафет Зулуали, экс-министр обороны и известный участник нелегальной торговли нефтью и наркотиками. Он разработал сделку с Preussag, заблокировав предложение американо-австралийского консорциума Macalloy Inc. и RTZ.

Несколько западных нефтяных компаний, включая Occidental, Shell и BP, устремляли взоры на неразведанные нефтяные запасы Албании в областях Дурреса, Патоса и Тираны. Occidental также приступила к морской разведке вдоль побережья Адриатики.

Благоприятный закон о разработке полезных ископаемых, созданный по инициативе Запада в 1994 году, привлек несколько европейских горнодобывающих компаний в область Мирдита, главный центр добычи меди в Албании. Но инвесторов манили и золотые, никелевые, цинковые и платиновые запасы в областях Кукеса, Качинари и Радомира. Представитель крупной западной горнодобывающей компании отметил: «Албания отличается политической стабильностью в сравнении с некоторыми своими балканскими соседями»⁴⁵⁰. В 1996 году правительство установило правила приватизации всей горнодобывающей отрасли.

Иностранный контроль над инфраструктурой

Подписание договоров с Бреттон-Вудскими институтами сковало правительство Албании обязательствами. Страна потеряла возможность мобилизовать собственные ресурсы через фискальную и монетарную политику. Было установлено четкое ограничение на все виды бюджетных расходов. Государство больше не могло строить инфраструктуру, дороги или больницы без согласия кредиторов, которые фактически превратились в «посредников» по крупным инвестиционным проектам и определяли приоритетные направления развития инфраструктуры в рамках программы «Государственное инвестирование» (PIP), разработанной и утвержденной под руководством Всемирного банка.

Теневая экономика

Наряду с ликвидацией государственных корпораций в одночасье выросло более 60 тысяч мелких «неформальных» предприятий. По данным Всемирного банка, это было явным свидетельством оживления экономики свободного предпринимательства: «упадок государственного сектора был компенсирован быстрым ростом частной, мелкомасштабной, часто неформальной деятельности в сфере розничной торговли, изделия кустарного промысла, мелкого строительства и сферы услуг» (Всемирный банк, Департамент общественной информации, 5 декабря 1995 года). Однако, при более тщательном изучении официальных данных, выясняется, что около 73% от общего числа занятых (237 тысяч человек) в этом зарождающемся частном секторе составляли «недавно созданные предприятия, [на которых] работает только один работник»⁴⁵¹.

Широко распространилась так называемая «серая экономика»: большинство из этих якобы «предприятий» являлись формами выживания для тех, кто потерял работу в государственном секторе⁴⁵². Эти формы примитивного капитализма, зарождающегося стихийно, поддерживались Албано-Региональным фондом развития (ADF) — сетью социальной защиты, созданной в 1992 году Всемирным банком, ЕС и некоторыми двусторонними спонсорами для «развития сельских и городских территорий путем создания новых рабочих мест». ADF также предоставлял микрокредиты и консультации для безработных и экономически уязвимых граждан, помогая им начать собственный бизнес⁴⁵³.

Управляемый назначенцами Демократической партии, ADF действовал в точности так же, как и фонд VEFA Holdings, находившийся под контролем той же партии.

Албания превратилась в новый регионом дешевой рабочей силы, соперничающий с низкооплачиваемыми зонами третьего мира. Около 500 предприятий и совместных предприятий (часть из которых имели связи с мафией) участвовали в сборке обуви и одежды, преимущественно для экспорта в Италию и Грецию. В 1996 году был принят закон о создании зон свободной экономики, предлагающий иностранным инвесторам, помимо прочего, семилетнюю налоговую льготу⁴⁵⁴.

Крушение сельского хозяйства

Кризис резко ухудшил положение сельского населения Албании: собственное производство продовольствия пришло в упадок. Производство пшеницы, достаточное для покрытия нужд населения (650 тыс. тонн в 1988 году), сократилось до 305 тыс. тонн в 1996⁴⁵⁵. Локальное производство пшеницы снизилось на 26% в 1996 году.

Экспорт излишков сельскохозяйственной продукции и разрушение сельской кредитной системы способствовали банкротству албанского сельского хозяйства. Соединенные Штаты снабжали местный рынок зерном по линии программы «Продукты прогресса» (Food for Progress Act) от 1991 года. Государственные торговые компании также заключали сомнительные сделки с швейцарскими и греческими посредниками, импортируя крупногабаритные партии пшеницы.

Значительная часть западной финансовой помощи поступила в форме продовольственной помощи. Поставки по программе «Продукты прогресса» не только

обезоружили местное сельское хозяйство, но и обогатили новый торговый класс, контролирующий реализацию продовольственных излишков на местном рынке.

Собственное производство продовольствия было заменено импортом, и розничные цены на продукты питания резко взлетели вверх. В 1980-е годы Албания импортировала менее 50 тыс. тонн зерна, а в 1996 году, по оценкам ФАО, объемы поставок превысили 600 тыс. тонн, из которых 400 тыс. тонн приходилось на пшеницу⁴⁵⁶.

К 1996 году более 60% пищевой промышленности оказалось в руках иностранного капитала³². Переработка сельскохозяйственной продукции для экспорта в Евросоюз развивалась преимущественно в ущерб внутреннему рынку. Всемирный банк предоставлял кредиты под низкие проценты, семена и удобрения исключительно для поддержки нетрадиционных экспортных культур. По наблюдениям одного исследователя, ни кредиты, ни семена не были доступны для производства традиционных зерновых, что вынуждало фермеров переходить от пшеницы и кукурузы к более дорогостоящим продуктам вроде фруктов, овощей и свинины⁴⁵⁷.

При этом не упоминается важный аспект: одним из «высокодоходных экспортных продуктов» стало нелегальное производство марихуаны. Однако итальянские спецслужбы подтвердили появление плантаций коки в горных районах на границе с Грецией. «Считается, что сицилийская мафия при поддержке колумбийцев создала эти плантации»⁴⁵⁸.

Организация ФАО описывает ситуацию с производством пшеницы следующим образом:

Посевы пшеницы в 1996 году оцениваются примерно в 127 тыс. гектаров, что намного ниже среднего уровня посева в 150 тыс. гектаров с 1991 по 1995 год. Это сокращение объясняется предпочтением фермеров выращивать другие культуры, обеспечивающие лучшие доходы по сравнению с пшеницей. Урожай также сократился по сравнению с прошлым годом. Фермеры испытывали недостаток удобрений, химикатов для защиты растений и качественных семян (часто использовали остатки урожая прошлого сезона, что приводило к ухудшению качества посевного материала)⁴⁵⁹.

Важно также, что традиционное производство семян (культивируемых в местных питомниках) было разрушено, и теперь фермеры зависят от сортов семян, предоставляемых международными компаниями. При этом цены на коммерческие семена резко возросли. Министр сельского хозяйства Албании подчеркивал:

«В этом [1996] году необходимо около 35000 тонн пшеницы в качестве семян, что является более значительным объемом, который может быть обеспечен только за счет импорта. Но до сих пор ни один килограмм семян не был импортирован частными предпринимателями и государственными предприятиями»⁴⁶⁰.

Такое манипулирование рынком семян и сельскохозяйственной продукции усилило зависимость Албании от импорта зерна и западного агробизнеса.

Сброс излишков зерна из Европейского союза и США на внутренний рынок Албании привел к нищете местных производителей. 50% рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, зарабатывает всего 165 долларов в год. По данным Программы развития

Организации Объединенных Наций⁴⁶¹, средний доход на одно крестьянское домохозяйство в 1995 году составлял всего 20,40 долларов в месяц, а на фермах в горных районах доход составлял 13,30 долларов в месяц. Несколько сотен тысяч человек покинули сельские районы; с 1990 года население Тираны почти удвоилось. В Канзе, на северо-западной окраине Тираны, возник обширный район трущоб.

Макроэкономический хаос

С 1989 по 1992 год промышленное производство Албании сократилось на 64,8%, а ВВП упал на 41,2%⁴⁶². Позднее показатели официально зафиксированного ВВП продемонстрировали рост: +7,4% в 1994 году, +13,4% в 1995 году и +10% в 1996 году⁴⁶³. Тем не менее, эти «позитивные результаты», отмеченные Бреттон-Вудскими институтами, возникли на фоне устойчивого промышленного спада, вызванного программой банкротства, осуществляющей под эгидой Всемирного банка. В 1995 году промышленное производство составляло лишь 27,2% от уровня 1989 года, то есть по сравнению с социалистическим периодом оно снизилось более чем на 70%⁴⁶⁴.

Несмотря на заявленный существенный рост ВВП, жизненный уровень, производство и занятость продолжали стремительно падать. Национальные цены резко взлетели, в то время как ежемесячные доходы упали до крайне низкого уровня. Средняя реальная заработная плата составляла всего \$1,5 в день (\$50 в месяц) в 1990 году, снизившись на 57,1% к 1992 году⁴⁶⁵. Коллапс реальных доходов продолжался и после 1992 года. Согласно данным, солдаты срочной службы в вооруженных силах получали жалование в размере \$2 в месяц, пенсии старииков составляли от \$10 до \$34 в месяц. Самые высокие зарплаты профессионалов составляли около \$100 в месяц (1996 год). После девальвации лека в конце 1996 года реальные доходы сократились еще на 33% практически моментально.

Вспышки инфекционных болезней

Распространенная нищета привела к возвращению инфекционных заболеваний. В 1995 году произошла вспышка холеры, а в 1996 году полиомиелит распространился из северо-западного региона на Тирану и остальные регионы страны⁴⁶⁶. Согласно данным ООН, средняя продолжительность жизни до начала рыночных реформ составляла 72,2 года, а уровень грамотности взрослого населения достигал 85%⁴⁶⁷. Экономические реформы ускорили распад сферы здравоохранения и образования. Всемирный банк помогал правительству сокращать бюджеты социальной сферы посредством системы возмещения затрат. Учителя и медицинские работники были уволены, расходы на здравоохранение были сокращены благодаря внедрению «новой системы расценок и механизмов оплаты амбулаторных услуг, стационарного лечения и медикаментов», разработанной Всемирным банком⁴⁶⁸. В сотрудничестве с Всемирным банком программа Phare Евросоюза оказывала поддержку приватизации медицинского обслуживания.

Криминализация государства

Активно развивающаяся теневая экономика охватила страну. Триангуляция торговли нефтью, оружием и наркотиками появилась в основном в результате санкций,

наложенных международным сообществом на Сербию и Черногорию, а также блокады, введенной Грецией против Македонии. В свою очередь, крах промышленности и сельского хозяйства вызвал вакуум в экономической системе, что стимулировало дальнейшее расширение нелегальной торговли. Последняя стала «ведущим сектором», важным источником иностранной валюты и плодородной почвой для преступных мафиозных структур.

Поток денежных переводов от примерно 300 тысяч албанских рабочих в Греции и Италии утроился, согласно официальным данным, с 1992 по 1996 год. Фактический приток, включая скрытые потоки «грязных денег», был значительно больше. Несколько отчетов подтверждают, что финансовые пирамиды широко использовались для отмывания доходов организованной преступности и направления грязных денег на приобретение государственной собственности.

Банкир из Тираны, пожелавший остаться неназванным, сообщил агентству Reuters, что крупная партия грязных денег поступила в начале 1997 года, когда мафия выплатила 1,5 миллиона долларов фонду, который отмыл 20 миллионов долларов. Цитируются его слова о том, что «грязные деньги вкладываются в пирамиды, а чистые деньги отправляются под видом фиктивных импортных сделок», добавляя, что «легко наблюдать, как деньги выводятся из системы»⁴⁶⁹.

В торговлю наркотиками, контрабанду сигарет и проституцию были вовлечены итальянские мафиози. Главный прокурор Италии по борьбе с мафией Пьер Луиджи Винья подтвердил сообщение ассоциации малого бизнеса о том, что итальянские организованные преступные группировки вкладывали деньги в схемы привлечения стартового капитала для новых предприятий. Он отметил, что Албания стала крупным производителем марихуаны и занимается выращиванием коки, сырья для производства кокаина⁴⁷⁰. Местные политики, по его словам, «извлекают выгоду из беспорядка в стране, они, похоже, даже делают на это ставку, что вряд ли способствует усилиям по модернизации и реструктуризации Албании»⁴⁷¹.

Согласно одному из сообщений прессы (ссылающейся на разведданные), высокопоставленные члены правительства, включая министров кабинета и сотрудников тайной полиции ШИК, якобы причастны к контрабанде наркотиков и незаконной торговле оружием:

Обвинения крайне серьезны. Считается, что торговлей наркотиками, оружием и контрабандными сигаретами управляла компания под названием «Шкипоня» (...), открыто связанная с правящей Демократической партией Албании. В течение 1996 года министр обороны Сафет Жулали, как утверждают, использовал свое положение для организации перевозок оружия, нефти и контрабандных сигарет. (...) Крупные наркобароны из Косово — албанского региона, контролируемого Сербией, действуют в Албании безнаказанно, и считается, что значительная часть транспортировки героина и других наркотиков через Албанию из Македонии и Греции в Италию организована ШИК — государственной службой безопасности (...). Агенты разведки были убеждены, что цепочка командования в этих преступных

схемах тянутся до самого верха, и в своих отчетах они без колебаний называли имена министров⁴⁷².

На фоне массовых протестов против действий правительства в связи с пирамидальными финансовыми схемами, Сафет Жулали бежал из страны в Италию на лодке.

Оружие и боеприпасы для «Великой Албании»

Торговля наркотиками и оружием процветала, несмотря на присутствие с 1993 года более чем 800 американских военнослужащих на албанско-македонской границе, которым было поручено обеспечивать соблюдение эмбарго. Запад предпочитал закрывать на это глаза. Выручка от продажи нефти и наркотиков использовалась для финансирования закупок оружия (нередко по прямому бартеру): «Поставки нефти в Македонию (обходя греческое эмбарго [в 1993–1994 гг.]) могут покрывать поставки героина, так же как и поставки автоматов Калашникова «албанским братьям» в Косово»⁴⁷³.

Эти масштабные поставки оружия молчаливо допускались западными державами по геополитическим соображениям: и Вашингтон, и Бонн поддерживали идею «Великой Албании», объединяющей Албанию, Косово и части Македонии⁴⁷⁴. Неудивительно, что международные СМИ хранили «оглушающее молчание» по поводу торговли оружием и наркотиками в Косово: «эта контрабанда оценивается прежде всего с точки зрения ее геостратегических последствий (...) В Косово торговля оружием и наркотиками подпитывает geopolитические надежды и опасения»⁴⁷⁵.

В свою очередь, финансовые доходы от торговли наркотиками и оружием реинвестировались в другие незаконные операции (и наоборот), включая обширную сеть проституции между Албанией и Италией. Албанские преступные группировки, действующие в Милане, «стали настолько сильны в организации проституции, что по силе и влиянию превзошли даже калабрийцев»⁴⁷⁶.

Грязные деньги, полученные от мафиозных структур за доставку албанских женщин в Италию, также вкладывались в пирамидальные фонды. По данным Албанского хельсинкского комитета, до одной трети всех проституток в Италии — гражданки Албании⁴⁷⁷. По другим оценкам, число албанских проституток в Италии составляет от 4 до 7 тысяч.

Организованная преступность инвестирует в легальный бизнес

Легальная и нелегальная деятельность тесно переплелись. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что деятельность итальянских преступных синдикатов в Албании не ограничивалась традиционными для мафии способами зарабатывания денег (наркотики, проституция, контрабанда оружия и т.д.). Организованная преступность также подозревалась в инвестировании в ряд легальных видов экономической деятельности, включая швейную промышленность, туризм и сферу услуг. По данным Европейской организации по борьбе с наркотиками, «кооперативные пирамиды южной Албании в основном инвестировали в итальянские фирмы среднего размера, создавая совместные предприятия, в отношении некоторых из которых итальянские власти проводят

расследования»⁴⁷⁸. И наоборот, есть свидетельства того, что албанские преступные группировки инвестировали в землю и недвижимость в Италии.

Четырьмя основными пирамидами были Sudja, Populli, Xhaferri Holdings и VEFA Holdings. Последняя, рассматриваемая Западом «как образец посткоммунистического свободного предпринимательства», является крупнейшим в стране инвестиционным фондом-пирамидой, контролируемым Демократической партией. VEFA, которая продолжает играть ключевую роль в программе приватизации, спонсируемой Всемирным банком, владеет большим количеством бывших государственных предприятий, включая супермаркеты, импортно-экспортные, транспортные и производственные компании. Супермаркет, которым управляет VEFA, частично принадлежит итальянской сети супермаркетов Aldes.

В настоящее время в отношении VEFA в Италии ведется расследование в связи с предполагаемыми связями с мафией. Эту компанию консультировала базирующаяся в Неаполе бухгалтерская фирма Cecere and Caputo, которая, как утверждается, была связана с мафией. Брат (покойного) основателя бухгалтерской фирмы Дженнаро Чечере был арестован в начале 1997 года по обвинению в связях с мафией⁴⁷⁹.

В феврале 1997 года Джанни Капицци, консультант фирмы, возглавил группу из семи человек, которой было поручено провести реструктуризацию компании VEFA Holdings и оказать содействие ее председателю Вехби Алимукаю — бывшему менеджеру по снабжению армии, не имевшему экономического образования. По утверждениям, Алимукаю причастен к незаконной торговле оружием.

Капицци заявил по телефону, что у него нет оснований полагать, будто VEFA действовала незаконно: «Мой брат не имел никакого отношения к этой фирме». В то же время Никола Капуто, другой руководитель итальянской компании, неоднократно встречался с Алимукаем во время своих командировок в Албанию⁴⁸⁰.

Перенаправление грязных денег западным кредиторам

Международные кредиторы, заинтересованные в получении процентов по растущему внешнему долгу Албании, пристально следили за потоком иностранной валюты, полученной от незаконной торговли. По мере углубления албанского долга и краха законных отраслей промышленности и сельского хозяйства доходы от нелегальной торговли и денежных переводов из-за рубежа стали единственным доступным источником необходимой иностранной валюты. Кредиторы и правительство Албании одинаково заинтересованы в непрерывном потоке прибыльного контрабандного бизнеса.

Денежные переводы и грязные деньги, поступающие в страну, конвертировались в национальную валюту (лек) и направлялись в пирамидальные фонды (а также на приобретение государственной собственности и земли в рамках программы приватизации).

В свою очередь, поступления в иностранной валюте шли с межбанковского рынка в казну государства. В соответствии с соглашениями с Бреттон-Вудскими институтами правительство впоследствии было обязано использовать эти валютные резервы для выплаты процентов и просроченных задолженностей по внешнему долгу Албании. Фактически значительная часть валютных поступлений (включая средства криминального

происхождения) в конечном итоге пойдет на оплату требований иностранных кредиторов, что приведет к соответствующему оттоку ресурсов. Согласно одному отчету, кредиторы были заинтересованы в сохранении функционирования пирамид как можно дольше:

МВФ поднял тревогу только в октябре 1996 года. В течение четырех лет международные институты, американские и европейские кредиторы, а также министерства иностранных дел западных стран довольствовались поддержкой деятельности албанского политического класса, являющегося ветвью «фарес» — названия, данного расширенным семейным кланам, без которых в Албании ничего не делается⁴⁸¹.

Западный финансовый капитал сделал ставку на Демократическую партию Бериши, которая, в свою очередь, была связана с итальянскими преступными синдикатами. Бреттон-Вудские институты, консультирующие правительство, настаивали на полной дерегуляции банковской системы. Никакие препятствия не должны были стоять на пути развития пирамид, никакое ограничение на движение денег не устанавливалось. ... Традиционная мудрость утверждает, что этот приток «горячих» и «грязных» денег помогает стране «улучшить платежный баланс».

Запад не только терпел во время правления президента Бериши финансовую среду, в которой преступники и контрабандисты могли процветать, но и заложил основы криминализации государственного аппарата через систему «свободного рынка». Данные свидетельствуют о том, что «жесткая экономическая терапия», навязанная внешними кредиторами, способствовала развитию обширной криминальной экономики, которая паразитирует на нищете и экономической нестабильности.

Перспективы при социалистах

Политическое протестное движение не поняло роли международных финансовых институтов и западных деловых интересов в инициации краха албанской экономики. Народное недовольство было направлено главным образом против коррумпированного политического режима демократов, дискредитированного бедностью населения. В глазах общественности во всем виновато было правительство Бериши.

Интересы Запада в Албании остались непоколебимыми: западные вмешательства не стали предметом политического протesta. Более того, Запад смог навязать «свободные рыночные» реформы правительству Бериши, одновременно подготавливая почву для его отставки. Привлекая на свою сторону социалистическую оппозицию, западные деловые круги смогли подавить политическое инакомыслие, обеспечив при этом установление нового режима.

Запад обеспечил замену непопулярного правительства, легитимность которого была поставлена под сомнение, свежеизбранным «социалистическим» режимом, сформированным из рядов оппозиции.

Последующие правительства несут полную ответственность за социальный гнев населения, в то время как интересы кредиторов и транснациональных корпораций остаются защищены. Смена власти не означает изменений в направлении макроэкономической

политики. Напротив, она дает возможность Бреттон-Вудским институтам провести с новым руководством новую волну экономических реформ.

В соответствии с соглашением, достигнутым на Римской конференции 31 июля 1997 года, остаточный контингент итальянских войск останется в Албании. Как выразился Франц Враницкий, посредник ОБСЕ по Албании, подводя итоги конференции: «Мы продолжим наполнять содержанием рамки, касающиеся восстановления албанской полиции, армии, торговли, финансовой системы и конституции».

На экономическом фронте Бреттон-Вудские институты гарантируют, что социалисты продолжат проводить «здравую макроэкономическую политику». По словам Враницкого: «Международный валютный фонд и Всемирный банк направят команды в Тирану в августе 1997 года, чтобы оказать помощь в подготовке экономических программ, включая организацию банковской системы и консультацию по эффективному решению вопросов, связанных с пирамидами».

Премьер-министр Фатос Нано торжественно заявил по завершении Римской конференции: «Наша программа не только получила вотум доверия парламента, но и сегодня получила признание международного сообщества».

Римское соглашение июля 1997 года защищает стратегические и экономические интересы Запада в Албании; оно превращает страну в территорию, служит буфером, блокирующим объединенное сопротивление албанского народа против разграбления их родины иностранными капиталами.

Глава 19

Структурная перестройка в развитых странах

Практически во всех секторах западной экономики закрываются заводы и увольняются рабочие. Сельскохозяйственным производителям Северной Америки и Западной Европы грозит банкротство. Корпоративная реструктуризация аэрокосмической и машиностроительной отраслей, перенос производства автомобилей в Восточную Европу и страны третьего мира, закрытие угольных шахт в Великобритании. В свою очередь, дерегулирование и крах крупнейших авиакомпаний, крах крупных розничных компаний, крах империй недвижимости в Токио, Париже и Лондоне. А падение цен на недвижимость привело к дефолту по кредитам, что, в свою очередь, вызвало резонанс во всей финансовой системе. В эпоху Рейгана-Тэтчер рецессия была отмечена несколькими волнами банкротств малых предприятий, крахом банков местного уровня (например, кризис сбережений и кредитов в США) и огромным количеством корпоративных слияний, которые спровоцировали крах фондового рынка в «Черный понедельник» 19 октября 1987 года. В 1990-е годы, с волной слияний мегакорпораций и финансового дерегулирования, глобальный экономический кризис вступил в новую фазу, кульминацией которой стал глобальный финансовый кризис.

Демонтаж государства всеобщего благосостояния

В самом сердце кризиса на Западе находятся рынки государственного долга, на которых ежедневно совершаются операции с государственными облигациями и казначейскими векселями на сотни миллиардов долларов. Накопление крупных государственных долгов предоставило финансовым и банковским интересам «политический рычаг», а также возможность диктовать государственную экономическую и социальную политику. «Наблюдение» со стороны кредитных организаций (без формального участия МВФ и Всемирного банка) обычно осуществляется в Европейском Союзе и Северной Америке. С 1990-х годов макроэкономические реформы, принятые в развитых странах, содержат многие из существенных компонентов «программ структурной перестройки», применяемых в странах третьего мира и Восточной Европы. Ожидается, что министры финансов будут отчитываться перед крупными инвестиционными домами и коммерческими банками. Установлены целевые показатели дефицита бюджета. Государство всеобщего благосостояния планируется постепенно свернуть.

Долги полугосударственных предприятий, коммунальных предприятий, правительства штатов, провинций и муниципалитетов тщательно классифицируются и «рейтингуются» финансовыми рынками (например, рейтинги *Moody's* и *Standard and Poor's*). Понижение агентством *Moody's* суверенного долгового рейтинга Швеции в 1995 году сыграло ключевую роль в решении социал-демократического правительства меньшинства сократить ключевые программы социального обеспечения, включая пособия на детей и безработицу⁴⁸². Аналогичным образом, кредитный рейтинг государственного долга Канады от *Moody's* стал основным фактором увольнений на государственной службе и закрытия провинциальных больниц.

Канадские провинции (лишенные адекватного финансирования) были вынуждены «сократить» здравоохранение, образование и социальное обеспечение. Тем временем, в рамках канадской программы приватизации, навязанной Уолл-стрит, большие объемы государственной собственности были выставлены на аукцион, а вся железнодорожная сеть *Canadian National* (CN) (развитая с XIX века) была продана на международных рынках капитала за скромную сумму в 2 млрд долларов (несколько меньшую цену, запрошенную за покупку канадского пивоваренного консорциума *Labatt*)⁴⁸³.

Однако этот демонтаж государства не ограничивается приватизацией коммунальных предприятий, авиакомпаний, телекоммуникаций и железных дорог; корпоративный капитал также стремится приватизировать здравоохранение и образование и в конечном итоге получить контроль над всей деятельностью, поддерживаемой государством. Согласно определению ВТО «инвестиций», культурная деятельность, исполнительское искусство, спорт, общественные услуги на муниципальном уровне и т. д. должны быть преобразованы в прибыльные операции. В свою очередь, корпорации соперничают за установление контроля над водой, электричеством, национальными автомагистралями, внутригородской дорожной сетью, национальными парками и т. д.

Конверсия частных долгов

С начала 1980-х годов большие суммы долгов крупных корпораций и коммерческих банков были удобно списаны и преобразованы в государственный долг. Этот процесс «конверсии долга» является центральной особенностью кризиса: потери бизнеса и банков систематически переносятся на государство. Во время бума слияний в конце 1980-х годов бремя корпоративных потерь было переложено на государство за счет приобретения обанкротившихся предприятий. Последние могут быть закрыты и списаны как налоговые убытки. В свою очередь, «проблемные кредиты» крупных коммерческих банков регулярно списывались и превращались в убытки до уплаты налогов. «Пакеты спасения» проблемных корпораций и коммерческих банков основывались на принципе перекладывания бремени корпоративных долгов на государственный бюджет.

В свою очередь, многочисленные государственные субсидии, вместо того, чтобы стимулировать создание рабочих мест, регулярно использовались крупными корпорациями для финансирования своих «мегаслияний», внедрения трудосберегающих технологий и перемещения производства в страны третьего мира. Государство не только взяло на себя расходы, связанные с корпоративной реструктуризацией, но и государственные расходы непосредственно способствовали увеличению концентрации собственности и значительному сокращению промышленной рабочей силы. В свою очередь, череда банкротств малых и средних предприятий и увольнения работников (которые также являются налогоплательщиками) также способствовали значительному сокращению налоговых поступлений.

На пути к сужению налоговой базы

Развитие крайне регressiveвой налоговой системы вызвало негативную реакцию, способствуя увеличению государственного долга. В то время как корпоративные налоги были сокращены, новые налоговые поступления, присвоенные от мелкого и среднего

бизнеса и наемного населения, направлялись на обслуживание государственного долга⁴⁸⁴. Таким образом государство собирало налоги со своих граждан, но платило «дань» (в виде подачек и субсидий) крупному (международному) бизнесу.

В свою очередь, вызванное новыми банковскими технологиями бегство корпоративных прибылей в офшорные банковские убежища на Багамах, в Швейцарии, на Нормандских островах, в Люксембурге и т. д. способствовало дальнейшему обострению финансового кризиса. Например, Каймановы острова, колония британской короны в Карибском море, стали пятым по величине банковским центром в мире (т.е. по размеру депозитов, большинство из них принадлежат фиктивным или анонимным компаниям)⁴⁸⁵. Дефицит бюджета Соединенных Штатов в 1980-х и 1990-х годах был напрямую связан с массовым уклонением от уплаты налогов и утечкой невостребованных корпоративных прибылей. В свою очередь, крупные суммы денег, размещенные на Каймановых островах и Багамах (часть которых контролируется преступными организациями), используются для финансирования бизнес-инвестиций в США.

Под политической опекой финансового капитала

Получатели бюджетных дотаций превратились в кредиторов государства. Государственный долг, эмитированный Министерством финансов ради поддержки крупных компаний, оказался в руках коммерческих банков и финансовых институтов — тех самых организаций, которые одновременно пользовались льготами и субсидиями от властей. Возник абсурдный сценарий: государственные субсидии трансформировались в средства для покупки государственных ценных бумаг. Государство фактически «финансировало само себя», заимствуя деньги у собственных «бенефициаров». Банки и финансовые институты получили контроль над значительной частью госдолга и теперь могли оказывать влияние на власти, добиваясь расширения объёмов государственной помощи и финансовой поддержки. Таким образом, правительство оказалось зажатым между двух огней: с одной стороны, группы бизнеса, активно продвигающие интересы распределения господдержки, а с другой — кредиторы, контролирующие значительную долю национального долга и заинтересованные в усилении своего влияния на распределение государственных ресурсов.

Иллюзорная «независимость» ЦБ

Более того, уставы центральных банков в большинстве стран ОЭСР были изменены с учетом требований финансовой элиты. Центральные банки стали независимыми и защищенными от политического влияния⁴⁸⁶. На практике это означает, что национальное казначейство все больше оказывается во власти частных коммерческих кредиторов. Согласно новому уставу Центральный банк не может использоваться для предоставления кредитов государству. Например, согласно статье 104 Маастрихтского договора, «кредит центрального банка правительству является полностью дискреционным, центральный банк не может быть принужден предоставлять такой кредит»⁴⁸⁷. Таким образом, эти законы напрямую способствуют расширению государственный долг, принадлежащий частным финансовым и банковским учреждениям.

На практике Центральный банк (который не подотчетен ни правительству, ни законодательному органу) действует как автономная бюрократия, находящаяся под опекой частных финансовых и банковских интересов. В США в Федеральной резервной системе доминирует горстка частных банков, которые являются акционерами двенадцати федеральных резервных банков. В Европейском Союзе Европейский центральный банк, базирующийся во Франкфурте, находится под властью немецких банковских гигантов – банков *Deutsche* и *Dresdner* (ныне объединенных в единый банковский конгломерат), а также горстки европейских банков и финансовых учреждений.

Это означает, что денежно-кредитная политика больше не существует как средство государственного вмешательства; в значительной степени это относится к сфере частного банковского обслуживания. В отличие от заметной нехватки государственных средств и неспособности государства финансировать правительственные программы посредством денежно-кредитной политики, «создание денег» (подразумевающее контроль над реальными ресурсами) происходит внутри внутренней сети международной банковской системы в соответствии с погоней за частным богатством. Могущественные финансовые игроки не только имеют возможность беспрепятственно создавать и перемещать деньги, но также манипулировать процентными ставками и ускорять падение основных валют, как это произошло во время впечатляющего падения фунта стерлингов в 1992 году. На практике это означает, что центральные банки больше не могут регулировать создание денег в широких интересах общества (например, с учетом мобилизации производства или создания рабочих мест).

Кризис государства

В условиях неолиберализма западная социал-демократия оказалась в затруднительном положении: избранные на высокие посты все чаще действуют как марионетки или бюрократы, действующие от имени финансового истеблишмента. Кредиторы государства стали депозитариями реальной политической власти, действующей незаметно, за кулисами. В свою очередь, сложился единый экономический дискурс и идеология. «Консенсус» по макроэкономическим реформам распространяется на весь политический спектр. Судьба государственной политики решается на рынках США и еврооблигаций, варианты политики механически представлены через одни и те же стилизованные экономические лозунги: «мы должны сократить дефицит, мы должны бороться с инфляцией»; «экономика перегревается: жмите на тормоза!».

В Соединенных Штатах демократы и республиканцы объединили усилия; в Европейском Союзе «социалистические» правительства (не говоря уже о зеленых в Германии) стали сторонниками «сильного экономического лекарства»... Социал-демократы, новые лейбористы и бывшие коммунисты стали верными слугами финансового истеблишмента. Их «прогрессивная» риторика и связи с профсоюзами сделали их более «эффективными» в сокращении социальных бюджетов и увольнении рабочих. Социал-демократы стали более проницательными и послушными политическими посредниками от имени финансового истеблишмента, чем их либеральные или консервативные коллеги.

Интересы финансового истеблишмента (особенно в Соединенных Штатах) также проникли в высшие эшелоны Казначейства и Бреттон-Вудских учреждений: бывший министр финансов США г-н Роберт Рубин был старшим банковским руководителем в *Goldman Sachs*, бывший президент Всемирный банк Г-н Льюис Престон был исполнительным директором *JP Morgan*, его заменил Джеймс Вулфенсон, известный инвестиционный банкир с Уолл-стрит.

В то время как финансисты занимаются политикой, бывшие политики и высокопоставленные чиновники международных организаций также приобретают финансовые доли в бизнес-сообществе. Уйдя с поста главы Всемирной торговой организации (ВТО), Питер Сазерленд присоединился к *Goldman Sachs* на Уолл-стрит. Г-н Николас Брэйди, который был сенатором-республиканцем в эпоху Рейгана и бывшим министром финансов США в администрации Буша, занялся прибыльным бизнесом офшорных банковских операций:

Через свою частную американскую компанию *Darby Overseas* участвует в консорциуме, зарегистрированном на Каймановых островах. «[Компания Г-на Брэйди] намерена инвестировать в коммерческий банковский сектор Перу, с высокой степенью риска, ожидая плана Брэйди по реструктуризации своего долга. (...) Компания *Darby Overseas* была основана год назад [1993] г-ном Брэйди, его главным помощником в Казначействе г-ном Холлисом Маклафлином и г-ном Дэниелом Марксом, [бывшим] заместителем министра финансов Аргентины (...) Главным инициатором *IFH*, созданного для участия в торгах за *Interbanc*, является г-н Карлос Пастор, министр экономики Перу в начале 1980-х годов⁴⁸⁸.

Государственная система Запада, испорченная конфликтами интересов, находится в кризисе из-за ее неоднозначного отношения к частным экономическим и финансовым интересам. В этих условиях практика парламентской демократии превратилась в ритуал. Никакой альтернативы избирателям не предлагается. Неолиберализм является неотъемлемой частью политической платформы всех основных политических партий. Как и в однопартийном государстве, результаты голосования практически не влияют на фактическую реализацию экономической и социальной политики государства.

Глава 20

Глобальный финансовый кризис

Новая глобальная финансовая среда формировалась в несколько этапов после краха Бреттон-Вудской системы фиксированных обменных курсов в 1971 году. Долговой кризис начала 1980-х годов (который во многом совпал с эпохой Рейгана-Тэтчер) вызвал волну корпоративных слияний, выкупов и банкротств. Эти изменения, в свою очередь, проложили путь к консолидации нового поколения финансистов, сгруппировавшихся вокруг коммерческих банков, институциональных инвесторов, биржевых брокерских фирм, крупных страховых компаний и т. д. В этом процессе функции коммерческих банков были объединены с функциями биржевых брокеров. Хотя эти «финансовые менеджеры» играют мощную роль на финансовых рынках, они все больше отстраняются от предпринимательских функций в реальной экономике. Их деятельность (часто выходящая за рамки государственного регулирования) включает спекулятивные операции с товарными фьючерсами и деривативами, а также манипуляции валютными рынками⁴⁸⁹.

Крупные финансовые игроки регулярно участвуют в «депозитах горячих денег» на «развивающихся рынках» Латинской Америки и Юго-восточной Азии, не говоря уже об отмывании денег и развитии (профессиональных) «частных банков» («консультирующих богатых клиентов») в многочисленных офшорных банковских убежищах. В рамках этой глобальной финансовой сети деньги с высокой скоростью перемещаются из одного банковского учреждения в другое в нематериальной форме электронных переводов. «Легальная» и «нелегальная» предпринимательская деятельность стала все больше переплетаться, накопились огромные объемы незарегистрированных личных активов. Благодаря финансовому дерегулированию преступная мафия также расширила свою роль в сфере международного банковского дела⁴⁹⁰.

Крах Уолл-стрит в 1987 году

Черный понедельник 19 октября 1987 года стал крупнейшим однодневным падением в истории Нью-Йоркской фондовой биржи, опередив крах 28 октября 1929 года, который спровоцировал крах Уолл-стрит и начало Великой депрессии. Во время кризиса 1987 года стоимость американских акций была уничтожена на 22,6%, в основном в первые часы утренних торгов в понедельник. Обвал Уолл-стрит вызвал шок во всей финансовой системе, что привело к падению европейских и азиатских фондовых рынков.

Институциональные спекулянты

Крах Уолл-стрит в 1987 году послужил «расчистке колод», чтобы выжили только «наиболее приспособленные». После кризиса произошла значительная концентрация финансовой власти. В результате этих преобразований «институциональные спекулянты» стали влиятельными игроками, маскирующими и зачастую оскорбляющими истинные интересы бизнеса. Используя различные инструменты, эти институциональные субъекты присваивают себе богатство реальной экономики. Они часто определяют судьбу компаний, акции которых котируются на Нью-Йоркской фондовой бирже. Будучи полностью

отстраненными от функций предпринимателей в реальной экономике, они могут привести к банкротству крупные промышленные корпорации.

В 1993 году в отчете немецкого Бундесбанка содержалось предупреждение, что торговля деривативами потенциально может «запустить цепную реакцию и поставить под угрозу всю финансовую систему»⁴⁹¹. Будучи сторонником финансового дерегулирования, председатель Совета Федеральной резервной системы США г-н Алан Гринспен предупредил: «Законодательства недостаточно, чтобы предотвратить повторение кризиса Barings в мире высоких технологий, где транзакции осуществляются одним нажатием кнопки»⁴⁹². По мнению Гринспена, «эффективность глобальных финансовых рынков приводит к тому, что ошибки могут передаваться гораздо быстрее по всей финансовой системе способами, которые были неизвестны поколение назад»⁴⁹³. Общественному мнению не открылось то, что эти «ошибки», возникшие в результате крупномасштабных спекулятивных сделок, стали источником беспрецедентного накопления частного богатства.

К 1995 году ежедневный оборот операций с иностранной валютой (1300 миллиардов долларов США) превысил официальные мировые валютные резервы, оцениваемые в 1202 миллиарда долларов США⁴⁹⁴. Распоряжение частными валютными резервами в руках «институциональных спекулянтов» превышает ограниченные возможности центральных банков, – т.е. последние, действуя индивидуально или коллективно, не способны бороться с волной спекуляций.

Таблица 20.1

**Нью-Йоркская фондовая биржа: худшие однодневные снижения
(Промышленный индекс Доу-Джонса, процентное изменение)**

Дата	Процентное снижение
Октябрь 19, 1987	22,6
Октябрь 28, 1929	12,8
Октябрь 29, 1929	11,7
Ноябрь 6, 1929	9,9
Август 12, 1932	8,4
Октябрь 26, 1987	8,0
Июль 21, 1933	7,8
Октябрь 18, 1937	7,6
Октябрь 27, 1997	7,2
Октябрь 5, 1932	7,2
Сентябрь 24, 1931	7,1
Август 31, 1998	6,4

Источник: Нью-Йоркская фондовая биржа

Финансовый кризис 1997 года

Кризис 1987 года произошел в октябре. Почти в тот же день, десять лет спустя (также в октябре), в понедельник, 27-го числа 1997 года, фондовые рынки по всему миру резко упали в результате бурной торговли. Средний индекс Dow Jones упал на 554 пункта, снизившись на 7,2%, что стало 12-м худшим однодневным падением в истории Нью-Йоркской фондовой биржи.

Крупнейшие биржи по всему миру связаны между собой «круглосуточно» посредством мгновенной компьютерной связи: волатильная торговля на Уолл-стрит «перекинулась» на европейские и азиатские фондовые рынки, тем самым быстро проникнув во всю финансовую систему. Европейские фондовые рынки были в смятении, большие потери были зафиксированы на биржах Франкфурта, Парижа и Лондона. Гонконгская фондовая биржа рухнула на 10,41% в предыдущий четверг («Черный четверг» 24 октября), поскольку управляющие взаимных фондов и пенсионные фонды быстро избавились от большого количества акций гонконгских «голубых фишек». Падение на Биржевой площади Гонконга продолжалось с прежней силой на открытии торгов в понедельник утром: падение на 6,7% в понедельник, 27-го числа, за которым последовало падение на 13,7% во вторник (самая большая потеря пунктов в Гонконге за всю историю).

Обвал финансовых рынков 1997 года был усугублен компьютеризированной торговлей и отсутствием государственного регулирования. Электронная система маршрутизации заказов Superdot на Нью-Йоркской фондовой бирже (NYSE) могла обрабатывать (без очереди) более 300 тысяч заказов в день (в среднем 375 заказов в секунду), что составляет более двух миллиардов акций в день. Несмотря на то, что с 1987 года его скорость и объем возросли в десять раз, риски финансовой нестабильности были значительно выше.

Десятью годами ранее, после кризиса 1987 года, Уолл-стрит посоветовала Министерству финансов США не вмешиваться в финансовые рынки. Свободным от вмешательства правительства Нью-Йоркской и Чикагской биржам было предложено установить свои собственные процедуры регулирования. Последнее в основном заключалось в замораживании торговли компьютеризированными программами посредством использования так называемых «автоматических выключателей»⁴⁹⁵.

В 1997 году автоматические выключатели оказались совершенно неэффективными в предотвращении кризиса. В понедельник, 27 октября 1997 года, первый автоматический выключатель остановил торговлю на 30 минут после падения индекса Доу-Джонса на 350 пунктов. После 30-минутной остановки торгов возникла аура паники и замешательства: брокеры начали сбрасывать большое количество акций, что способствовало ускорению обвала рыночной стоимости. В течение следующих 25 минут индекс Доу-Джонса упал еще на 200 пунктов, вызвав второй «автоматический выключатель», который привел к завершению торгового дня на Уолл-стрит.

Вставка 20.1

Повторение политических неудач конца 1920-х годов

Уолл-стрит опасно колебалась в волатильных торгах в месяцы, предшествовавшие краху Уолл-стрит 29 октября 1929 года. Принцип невмешательства при администрациях Кулиджа и Гувера была в порядке вещей. Возможность финансового краха никогда всерьез не рассматривалась. Профессор Ирвинг Фишер из Йельского университета в 1928 году авторитетно заявил, что «ничего похожего на крах произойти не может». Иллюзия экономического процветания сохранялась в течение нескольких лет после краха Уолл-стрит в октябре 1929 года. В 1930 году Ирвинг Фишер уверенно заявил, что «по крайней мере, на ближайшее будущее перспектива блестящая». По данным престижного Гарвардского экономического общества: «производственная деятельность [в 1930 году]... определенно была на пути к выздоровлению» (цит. по книге Джона Кеннета Гэлбрейта, *The Great Crash, 1929*, Penguin, Лондон).

Вставка 20.2

Господствующая экономика поддерживает финансовое deregулирование

После краха 1997 года преобладало такое же самодовольство, как и во время безумия конца 1920-х годов. Почти дословно повторяя экономические лозунги Ирвинга Фишера, экономическая ортодоксия не только опровергала существование экономического кризиса, но и прямо отрицала возможность финансового краха.

По словам лауреата Нобелевской премии Роберта Лукаса из Чикагского университета, решения экономических агентов основываются на так называемых «rationальных ожиданиях», исключающих возможность «систематических ошибок», которые могут привести фондовый рынок в неправильном направлении... Ирония заключается в том, что именно в то время, когда финансовые рынки были в смятении, Шведская королевская академия объявила о присуждении Нобелевской премии по экономике в 1997 году двум американским экономистам за их «новаторскую формулу оценки опционов на акции [и деривативов], используемую тысячами трейдеров и инвесторов» (имеется в виду «алгебраическая формула», которая обычно используется спекулянтами фондового рынка хедж-фондов). (См. Грэг Бернс, «Two Americans Share Nobel in Economics», Chicago Tribune, 15 октября, 1997).

Азиатский кризис

С исторической точки зрения финансовый кризис 1997 года был гораздо более опустошительным и разрушительным, чем предыдущие финансовые кризисы. Пострадали как фондовый, так и валютный рынки. Во время кризиса 1987 года национальные валюты оставались относительно стабильными. В отличие от крахов 1929 и 1987 годов, финансовый кризис 1997-98 годов был отмечен одновременным крахом валют и фондовых рынков. Между фондовой биржей и валютным рынком установились почти симбиотические отношения: «институциональные спекулянты» не только манипулировали ценами на акции, но и имели возможность расхищать валютные резервы центральных

банков, подрывая суверенные правительства и дестабилизируя целые национальные экономики.

В течение 1997 года валютные спекуляции в Таиланде, Индонезии, Малайзии и на Филиппинах способствовали передаче миллиардов долларов резервов центральных банков в частные финансовые руки. Некоторые наблюдатели указали на преднамеренное манипулирование фондовыми и валютными рынками со стороны инвестиционных банков и брокерских фирм⁴⁹⁶. По иронии судьбы, те же самые западные финансовые институты, которые грабили центральные банки развивающихся стран, также предложили «прийти на помощь» монетарным властям Юго-восточной Азии. Например, ING Baring, хорошо известный своими спекулятивными предприятиями, в июле 1997 года великодушно предложил предоставить кредит в один миллиард долларов Центральному банку Филиппин (СВР). В последующие месяцы большая часть этих заимствованных валютных резервов была повторно присвоена международными спекулянтами, когда СВР продал большие суммы долларов на форвардном рынке в отчаянной попытке поддержать песо.

«Экономическая инфекция»

Бизнес-прогнозисты и ученые-экономисты одинаково игнорировали опасность глобального финансового кризиса, ссылаясь на «сильные экономические основы»; Лидеры «Большой семерки» боялись сказать что-либо или действовать таким образом, который мог бы дать «неправильные сигналы». Аналитики Уолл-стрит продолжают ошибаться в вопросах «коррекции рынка», не понимая более широкую экономическую картину.

В падении Нью-Йоркской фондовой биржи 27 октября 1997 года небрежно обвинили «структурно слабые экономики» Юго-восточной Азии, которые до недавнего времени провозглашались будущими тиграми, а теперь изображаются как «хромые утки». Серьезность финансового кризиса была упрощена: Аллан Гринспен, председатель Федеральной резервной системы, успокоил Уолл-стрит, авторитетно указав на «заразный характер национальных экономик, распространяющий слабости от страны к стране». После вердикта Гринспена (28 октября) «консенсус» среди манхэттенских брокеров и американских ученых (с дебатами или анализом) заключался в том, что «Уолл-стрит подхватила гонконгский грипп».

Обвал фондового рынка 1998 года

На волне неуверенности в восстановлении Уолл-стрит после «азиатского гриппа» 1997 года – во многом вызванного паническим бегством с японских фондовых рынков – финансовые рынки несколько месяцев спустя откатились назад, достигнув нового драматического поворотного момента в августе 1998 года с впечатляющим падением курса российского рубля. 31 августа 1998 года индекс Доу-Джонса упал на 554 пункта (второе по величине падение в истории Нью-Йоркской фондовой биржи), что привело в течение сентября к драматическому обвалу фондовых рынков по всему миру. Всего за несколько недель с фондового рынка США испарились 2300 миллиардов долларов «бумажной прибыли».

Свободное падение рубля в августе 1998 года привело к банкротству крупнейших коммерческих банков Москвы, что послужило причиной потенциального захвата финансовой системы России горсткой западных банков и брокерских домов. В свою очередь, кризис создал опасность массового дефолта по долгам перед западными кредиторами Москвы, включая банки Deutsche и Dresdner. С самого начала макроэкономических реформ в России, после первой инъекции «шоковой терапии» МВФ в 1992 году, российские активы на сумму около 500 миллиардов долларов, включая предприятия военно-промышленного комплекса, инфраструктуру и природные ресурсы, были конфискованы (в рамках программ приватизации и принудительных банкротств) и переданы в руки западных капиталистов. В результате жестоких последствий холодной войны вся экономическая и социальная система была демонтирована.

Финансовое дерегулирование

Вместо того, чтобы укротить финансовые рынки после шторма, Вашингтон был занят проталкиванием закона в Сенате США, который должен был значительно расширить полномочия гигантов финансовых услуг и связанных с ними хедж-фондов. В соответствии с Законом о финансовой модернизации, принятым в ноябре 1999 года – всего за неделю до исторического саммита тысячелетия Всемирной торговой организации (ВТО) в Сиэтле – американские законодатели подготовили почву для радикального дерегулирования банковской системы США.

В результате длительных переговоров все нормативные ограничения в отношении могущественных банковских конгломератов Уолл-стрит были отменены «одним росчерком пера». Согласно новым правилам, ратифицированным Сенатом США и одобренным президентом Клинтоном, коммерческие банки, брокерские фирмы, хедж-фонды, институциональные инвесторы, пенсионные фонды и страховые компании могут свободно инвестировать в бизнес друг друга, а также полностью интегрировать свои финансовые операции.

Законодательство отменило Закон Гласса-Стиголла 1933 года, основу «Нового курса» президента Рузвельта, который был введен в действие в ответ на атмосферу коррупции, финансовых манипуляций и «инсайдерской торговли», которые привели к банкротству более 5000 банков в годы, последовавшие за крахом Уолл-стрит в 1929 году⁴⁹⁷. Эффективный контроль над всей индустрией финансовых услуг США (включая страховые компании, пенсионные фонды, компании, занимающиеся ценными бумагами и т. д.) был передан горстке финансовых конгломератов, которые также являются кредиторами и акционерами высокотехнологичных компаний, оборонной промышленности, крупных нефтяных и горнодобывающих консорциумов и т.д. Более того, будучи андеррайтерами государственного долга на федеральном, государственном и муниципальном уровнях, финансовые гиганты также усилили свою мертвую хватку над политиками, а также контроль над проведением государственной политики.

«Глобальный финансовый супермаркет» будет контролироваться гигантами Уолл-стрит; конкурирующие банковские учреждения должны быть удалены из финансового ландшафта. Банки на уровне штатов по всей Америке будут вытеснены или скуплены, что

приведет к смертельной череде банковских банкротств. В свою очередь, надзорные полномочия Федеральной резервной системы (которая все больше находится под прямым контролем Уолл-стрит) были значительно ослаблены.

Свободные от государственного регулирования, финансовые гиганты имеют возможность задушить местный бизнес в США и затмить реальную экономику. Фактически, из-за отсутствия конкуренции законодательство также дает право гигантам финансовых услуг (в обход Федеральной резервной системы и действуя в молчаливом согласии друг с другом) устанавливать процентные ставки по своему усмотрению.

Безумие слияний

Наступила новая эра напряженного финансового соперничества. Новый мировой порядок – в значительной степени находящийся под властью американского финансового капитала – в конечном итоге был намерен затмить конкурирующие банковские конгломераты в Западной Европе и Японии, а также заключить стратегические альянсы с «избранным клубом» банковских гигантов, базирующихся в Германии и Великобритании.

Несколько крупных банковских слияний (в том числе NationsBank с BankAmerica и Citibank с Travelers Group) фактически уже были осуществлены и одобрены Советом Федеральной резервной системы (в нарушение ранее существовавшего законодательства) до принятия Закона о финансовой модернизации 1999 года. Citibank, крупнейший банк Уолл-стрит, и Travelers Group Inc., конгломерат финансовых услуг и страхования (к которому также принадлежит крупная брокерская фирма Solomon Smith Barney), объединили свои операции в 1998 году в результате слияния стоимостью 72 миллиарда долларов⁴⁹⁸.

Также велись переговоры о стратегическом слиянии американских и европейских банков, благодаря которым в центр финансового ландшафта США вошли некоторые ключевые финансовые игроки Европы, включая Deutsche Bank AG (связанный с Banker's Trust) и Credit Suisse (связанный с First Boston). The Hong Kong Shanghai Banking Corporation (HSBC), британский банковский конгломерат, который уже заключил партнерские отношения с Wells Fargo и Wachovia Corporation, приобрел Republic New York Bank покойного Эдмонда Сафры в рамках сделки на 9 миллиардов долларов⁴⁹⁹.

Тем временем конкурирующие европейские банки, исключенные из внутреннего круга Уолл-стрит, изо всех сил пытались конкурировать во все более «недружественной» глобальной финансовой среде. Banque Nationale de Paris (BNP) приобрел Société Générale de Banque и Paribas, чтобы сформировать один из крупнейших банков мира. В конечном итоге BNP стремился «расширить свое присутствие в Северной Америке»⁵⁰⁰.

Финансовое дерегулирование на глобальном уровне

Хотя Закон США о финансовых услугах 1999 года сам по себе не устраняет остающиеся барьеры на пути свободного движения капитала, на практике он дает возможность ключевым игрокам Уолл-стрит, включая Merrill Lynch, Citigroup, J.P. Morgan, Lehman Brothers и т. д., занять доминирующее положение в мировой банковской сфере, затмевая и, в конечном счете, дестабилизируя финансовые системы в Азии, Латинской Америке и Восточной Европе...

Финансовое дерегулирование в США создало среду, благоприятствующую беспрецедентной концентрации глобальной финансовой мощи. В свою очередь, оно задало темп глобальной финансовой и торговой реформе под эгидой МВФ и Всемирной торговой организации (ВТО). Положения как Генерального соглашения ВТО по торговле услугами (ГАТС), так и Соглашения о финансовых услугах (FTA) предполагают устранение остающихся препятствий на пути движения финансового капитала, что означает, что Merrill Lynch, Citigroup или Deutsche-Bankers Trust могут делать все, что им заблагорассудится, что может привести к банкротству национальных банков и финансовых учреждений.

На практике этот процесс уже произошел во многих развивающихся странах в рамках программ банкротства и приватизации, навязанных на специальной основе Бреттон-Вудскими учреждениями. Мегабанки проникли в финансовый ландшафт развивающихся стран, взяв под свой контроль банковские учреждения и финансовые услуги. В ходе этого процесса финансовым гигантам был предоставлен де-факто «национальный режим»: не прибегая к положениям Соглашения о финансовых услугах (FTA) ВТО, банки Уолл-стрит, например, в Корее, Пакистане, Аргентине или Бразилии стали добросовестными «национальными банками», действующими как внутренние институты и регулируемые внутренними законами, которые перестраиваются под юрисдикцию МВФ и Всемирного банка. (См. главы 21 и 22.)

На практике крупные американские и европейские гиганты финансовых услуг не требуют официального принятия GATS, чтобы иметь возможность доминировать над банковскими учреждениями по всему миру, а также затмевать национальные правительства. Процесс глобального финансового дерегулирования во многих отношениях является свершившимся фактом. Уолл-стрит регулярно вторгается в одну страну за другой. Отечественная банковская система была выставлена на аукцион и реорганизована под надзором внешних кредиторов. Национальные финансовые учреждения регулярно дестабилизируются и вытесняются из бизнеса; массовая безработица и бедность являются неизменными результатами. При содействии МВФ, который регулярно обязывает страны открыть свой внутренний банковский сектор для иностранных инвестиций, розничные банки, биржевые брокерские фирмы и страховые компании переходят под контроль иностранного капитала и реорганизуются. Citigroup, как и другие крупные компании с Уолл-стрит, развернула глобальную торговую кампанию, скупая банки и финансовые учреждения по бросовым ценам в Азии, Латинской Америке и Восточной Европе. Одним махом Citigroup приобрела сеть из 106 филиалов Banco Mayo Cooperativo Ltda., став вторым по величине банком Аргентины.

Глава 21

Экономическая война

По мере того как финансовые рынки падают, а национальные экономики все глубже погружаются в рецессию, восточноазиатский кризис 1997 года перерос в глобальный экономический кризис. Международные финансовые управляющие, чьи спекулятивные атаки в значительной степени способствовали такому развитию событий, были поддержаны МВФ, который стремится к дерегулированию международных потоков капитала. Лишив национальные правительства возможности эффективно реагировать на подобные «финансовые войны», эти могущественные силы работают за кулисами, чтобы обеспечить еще больший контроль над Бреттон-Вудскими учреждениями и более прямую роль в формировании международной финансовой архитектуры.

Манипулирование «свободным рынком»

Всемирная борьба за присвоение богатства посредством «финансовых манипуляций» является движущей силой кризиса. Это также источник экономических потрясений и социальных разрушений. Такое манипулирование рыночными силами со стороны могущественных игроков представляет собой форму финансовой и экономической войны. Нет необходимости повторно колонизировать утраченные территории или послать армии вторжения. В конце двадцатого века прямое «завоевание наций» – то есть контроль над производственными активами, рабочей силой, природными ресурсами и институтами – может осуществляться обезличенным образом из зала заседаний совета директоров: команды отправляются с компьютерного терминала или сотового телефона. Соответствующие данные мгновенно передаются на основные финансовые рынки, что часто приводит к немедленным сбоям в функционировании национальных экономик.

«Финансовая война» также применяет сложные спекулятивные инструменты, включая торговлю производными финансовыми инструментами, форвардные валютные операции, валютные опционы, хедж-фонды, индексные фонды и т. д. Спекулятивные инструменты использовались с конечной целью захвата финансового богатства и получения контроля над производственными активами. По словам премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамада: «Эта преднамеренная девальвация валюты страны валютными торговцами исключительно ради прибыли является серьезным ущемлением прав независимых государств»⁵⁰¹.

Присвоение мирового богатства посредством манипулирования рыночными силами обычно поддерживается смертоносными макроэкономическими интервенциями МВФ, которые действуют почти одновременно, безжалостно разрушая национальные экономики во всем мире. «Финансовая война» не знает территориальных границ; она не ограничивает свои действия осадой бывших врагов эпохи холодной войны. В Корее, Индонезии и Таиланде хранилища центральных банков были разграблены институциональными спекулянтами, в то время как монетарные власти тщетно пытались поддержать свои ослабевшие валюты. В 1997 году более 100 миллиардов долларов валютных резервов Азии были конфискованы и переданы (в течение нескольких месяцев) в частные финансовые руки. В результате девальвации валюты реальные доходы и занятость резко упали

практически в одночасье, что привело к массовой бедности в странах, которые в послевоенный период добились значительного экономического и социального прогресса.

Финансовая афера на валютном рынке дестабилизировала национальные экономики, создав тем самым предпосылки для последующего разграбления производственных активов азиатских стран так называемыми «иностранными инвесторами-стервятниками»⁵⁰². В Таиланде 56 местных банков и финансовых учреждений были закрыты по приказу МВФ, безработица за одну ночь выросла практически вдвое⁵⁰³. Аналогично в Корее «спасательная операция» МВФ развязала смертельную цепочку банкротств, ведущую к полной ликвидации так называемых «проблемных торговых банков» (см. главу 22).

Упадок центральных банков

Во многих отношениях этот мировой кризис знаменует собой упадок центрального банка, что означает ущемление национального экономического суверенитета и неспособность национального государства контролировать создание денег от имени общества. Частные денежные резервы в руках «институциональных спекулянтов» намного превышают ограниченные возможности мировых центральных банков. Последние, действуя индивидуально или коллективно, уже не в состоянии противостоять волне спекулятивной активности. Денежно-кредитная политика находится в руках частных кредиторов, которые имеют возможность заморозить государственные бюджеты, парализовать процесс платежей, помешать регулярной выплате заработной платы миллионам рабочих (как в бывшем Советском Союзе) и ускорить крах производства и социальных программ.

По мере углубления кризиса спекулятивные набеги на резервы центральных банков распространились на Латинскую Америку и Ближний Восток с разрушительными экономическими и социальными последствиями. Новую остроту события приобрели в начале 1999 года, ознаменовавшись впечатляющим крахом фондового рынка Сан-Паулу (см. главу 23.)

Однако грабеж резервов центральных банков никоим образом не ограничивается развивающимися странами. Это также затронуло несколько западных стран, включая Канаду и Австралию, где монетарные власти не смогли остановить падение своих национальных валют. В Канаде в 1998 году миллиарды долларов были заимствованы у частных финансистов для пополнения резервов центрального банка на волне спекулятивных атак. В Японии, где курс иены упал до новых минимумов, «корейский сценарий» рассматривался (по словам экономиста Майкла Хадсона) как «генеральная репетиция» захвата финансового сектора Японии горсткой западных инвестиционных банков⁵⁰⁴. Крупными игроками являются Goldman Sachs, Morgan Stanley и Deutsche Morgan Gruenfell, среди прочих, которые скапуют проблемные банковские кредиты Японии менее чем за 10% от их номинальной стоимости.

Сразу после азиатского кризиса 1997 года Вашингтон окказал политическое давление на Токио, настаивая ни на чем ином, как на

немедленном списании проблемных банковских кредитов Японии, предпочтительно американским и другим иностранным «инвесторам-стервятникам», по катастрофическим ценам. Для достижения своих целей они даже оказывали давление на Японию, требуя переписать ее конституцию, реструктурировать политическую систему и кабинет министров, а также перестроить финансовую систему. (...) Таким образом иностранные инвесторы получали контроль над японскими банками и переходили к захвату японской промышленности⁵⁰⁵.

Кредиторы и спекулянты

В интегрированной индустрии финансовых услуг крупнейшие банки и брокерские конторы мира являются как кредиторами, так и институциональными спекулянтами. В контексте азиатского кризиса они напрямую способствовали (посредством своих спекулятивных атак) дестабилизации национальных валют, тем самым увеличивая объем долгов, деноминированных в долларах. После кризиса они вновь выступили в качестве кредиторов с целью взыскания долгов, созданию которых они сами способствовали путем манипулирования валютными рынками. Наконец, они пригласили «политических консультантов» и финансовых консультантов, отвечающих за спонсируемые Всемирным банком «программы банкротства», бенефициарами которых они также являются. В Индонезии, например, на фоне уличных беспорядков и после отставки Сухарто приватизация ключевых секторов индонезийской экономики по заказу МВФ была поручена восьми крупнейшим коммерческим банкам мира, включая Lehman Brothers, Credit Suisse-First Boston, Goldman Sachs и UBS/SBC Warburg Dillon Read⁵⁰⁶. Крупнейшие финансовые менеджеры мира поджигают страны, а затем привлекаются в качестве пожарных (в соответствии с «планом спасения» МВФ) для тушения пожара. В конечном итоге они решают, какие предприятия следует закрыть, а какие продать с аукциона иностранным инвесторам по бросовым ценам.

Кто финансирует помощь МВФ?

Подвергаясь неоднократным спекулятивным атакам, азиатские центральные банки в 1997 году заключили многомиллиардные контракты (на форвардном валютном рынке) в тщетной попытке защитить свою валюту. В связи с полным истощением своих валютных резервов монетарные власти были вынуждены занимать крупные суммы денег в рамках соглашения о финансовой помощи МВФ. Однако, следуя схеме, разработанной во время мексиканского кризиса 1994-95 годов, деньги на спасение не предназначались «для спасения страны». На самом деле деньги никогда не поступали в Корею, Таиланд или Индонезию. Они были предназначены для возмещения ущерба «институциональным спекулянтам», чтобы гарантировать, что они смогут забрать свою многомиллиардовую добычу. В свою очередь, азиатские тигры, прирученные своими финансовыми хозяевами, превратились в «хромых уток». Корея, Индонезия и Таиланд были вынуждены обслуживать эти огромные долги, деноминированные в долларах, на протяжении всего третьего тысячелетия.

Но «откуда взялись деньги» для финансирования этих многомиллиардных операций? Лишь небольшая часть денег была получена из ресурсов МВФ: начиная с финансовой помощи Мексике в 1995 году, странам G7, включая Министерство финансов США, было предложено внести крупные единовременные взносы на эти операции МВФ по спасению, что привело к значительному повышению уровня государственного долга в странах G7⁵⁰⁷. По жестокой иронии судьбы, выпуск государственного долга США для финансирования мер по спасению Азии был обеспечен той же группой коммерческих банков с Уолл-стрит, участвовавших в спекулятивных атаках.

Другими словами, те, кто гарантирует выпуск государственного долга для финансирования программы спасения – это те, кто в конечном итоге присваивает награбленное (например, в качестве кредиторов Кореи или Таиланда), т.е. они являются конечными бенефициарами денег для финансовой помощи, которые, по сути, представляют собой «систему безопасности» для институциональных спекулянтов. Огромные суммы денег, предоставленные в рамках пакетов мер по спасению, предназначены для того, чтобы позволить азиатским странам выполнить свои долговые обязательства перед финансовыми институтами, которые способствовали дестабилизации их национальных валют. В результате этого порочного круга горстка коммерческих банков и брокерских контор обогатилась безгранично; они также усилили свою власть над правительствами и политиками по всему миру.

Жесткая экономическая терапия

После мексиканского кризиса 1994-1995 годов МВФ играл решающую роль в формировании «полей финансовых сражений», на которых глобальные финансовые управляющие ведут свои спекулятивные рейды. Глобальные банки жаждут доступа к внутренней информации.

Успешные спекулятивные атаки требуют одновременного применения от их имени «эффективных экономических мер» в рамках соглашений о финансовой помощи МВФ. Коммерческие банки «большой шестерки» с Уолл-стрит (включая Chase, Bank America, Citigroup и J.P. Morgan) и коммерческие банки «большой пятерки» (Goldman Sachs, Lehman Brothers, Morgan Stanley и Salomon Smith Barney) были проконсультированы по пунктам, которые должны быть включены в соглашения о финансовой помощи в Азии (см. главу 22.)

Хотя теоретически они стремятся к «финансовой стабильности», на самом деле они хотят спровоцировать обвал национальных валют. За месяцы, предшествовавшие азиатскому кризису, Институт международных финансов (ИМФ), базирующийся в Вашингтоне аналитический центр, представляющий интересы около 300 глобальных банков и брокерских контор, «призвал власти развивающихся рынков противостоять давлению на повышение обменных курсов там, где это необходимо... Эта просьба была доведена МВФ до сведения правительств, им недвусмысленно намекалось, что требуется поощрять снижение национальных валют»^{508,509}.

Фактически, МВФ приказал Индонезии отменить привязку своей валюты всего за три месяца до резкого падения курса рупии. По словам американского миллиардера и кандидата в президенты Стива Форбса:

Способствовал ли МВФ ускорению кризиса? Это агентство выступает за открытость и прозрачность национальных экономик, но при этом соперничает с ЦРУ в сокрытии своих собственных операций. Вело ли оно, например, секретные переговоры с Таиландом, пропагандируя девальвацию, которая мгновенно запустила катастрофическую цепочку событий? (...) Усугубили ли предписания МВФ болезнь? Денежные средства этих стран были урезаны до абсурдно низкого уровня⁵¹⁰.

Дeregулирование движения капитала

Правила, регулирующие перемещение денег и капитала через международные границы, способствуют формированию «финансовых полей сражений», на которых банки и спекулянты ведут свои смертоносные атаки. В своем всемирном стремлении присвоить экономическое и финансовое богатство глобальные банки и транснациональные корпорации активно добиваются полного дерегулирования международных потоков капитала, включая движение «горячих» и «грязных» денег⁵¹¹. Уступив этим требованиям (после поспешных консультаций с министрами финансов Большой Семерки), МВФ в 1998 году принял официальное решение о дерегулировании движения капитала. В официальном коммюнике говорится, что МВФ приступит к внесению поправок в свой Устав с целью «сделать либерализацию движения капитала одной из целей Фонда и расширить, по мере необходимости, юрисдикцию Фонда для этой цели»⁵¹². Директор-распорядитель МВФ Мишель Камдессю, тем не менее, бесстрастным тоном признал, что «ряд развивающихся стран могут подвергнуться спекулятивным атакам после открытия своих счетов движения капитала», повторив, что этого можно избежать путем принятия «разумной макроэкономической политики и сильных финансовых систем в странах-участниках» (т.е. стандартное экономическое лекарство от катастрофы МВФ)⁵¹³.

Спекулянты решают вопросы антикризисного управления

По мере того, как разворачивается агрессивная борьба за мировое богатство, международные банки и спекулянты стремятся играть непосредственную роль в «контроле» за экономическими реформами на уровне стран. Сторонники свободного рынка в Соединенных Штатах требуют усиления контроля США над МВФ. Они также намекнули, что МВФ отныне должен играть более пассивную роль (аналогичную роли агентств по оценке облигаций, таких как Moody's или Standard and Poor), а финансирование многомиллиардных программ финансовой помощи возложить на частный банковский сектор⁵¹⁴.

Крупнейшие банки и инвестиционные дома мира предложили создать «Финансового контролера», так называемый «Консультативный совет частного сектора», с мандатом «осуществлять надзор за МВФ»⁵¹⁵. Скрытая цель, стоящая за этой инициативой, заключается в преобразовании МВФ из его нынешнего статуса

межправительственного органа в полноценную бюрократическую структуру, которая непосредственно служит интересам глобальных банков.

Что еще более важно, банки и спекулянты хотят получить доступ к деталям переговоров МВФ с правительствами стран-участниц, что позволит им эффективно вести свои спекулятивные атаки. Глобальные банки (указывая на необходимость обеспечения прозрачности) призвали «МВФ предоставить ценную информацию о своих взаимоотношениях с национальными правительствами», не раскрывая конфиденциальную информацию. Но на самом деле они хотели получить конфиденциальную внутреннюю информацию, а также принимать непосредственное участие в переговорах по соглашениям о финансовой помощи МВФ⁵¹⁶. По жестокой иронии судьбы, именно спекулянты, а не избранные политики принимают решения по управлению кризисом. Следя абсурдной логике, министры финансов G7 пригласили тех, кто способствует финансовой турбулентности, определить политику, которая ее ослабит.

В свою очередь, более широкие структурные причины экономического кризиса остаются незамеченными. Ослепленные неолиберальными доктринами, политики не способны отличить «решения» от «причин». Общественное мнение введено в заблуждение. Затерявшихся в потоке корыстных сообщений СМИ о смертельных последствиях «экономического спада», точные «рыночные механизмы», которые вызывают финансовую нестабильность, едва упоминаются.

Концентрация богатства

Эта реструктуризация глобальных финансовых рынков и институтов (наряду с разграблением национальных экономик) позволила накопить огромные суммы частного капитала, значительная часть которого была накоплена в результате чисто спекулятивных операций. Нет необходимости производить сырьевые товары: обогащение все чаще происходит за пределами реальной экономики, в отрыве от добросовестной производственной и коммерческой деятельности: по словам американского миллиардера Стивена Форбса, «Успехи на фондовом рынке Уолл-стрит, означающие спекулятивную торговлю, привели к тому, что большую часть прошлого [1996] года число миллиардеровросло»⁵¹⁷. В свою очередь, часть денег, накопленных в результате спекулятивных операций, направляется на конфиденциальные номерные счета в многочисленных офшорных банковских убежищах. Эта критическая утечка миллиардов долларов в виде оттока капитала резко сокращает налоговые поступления в государственный бюджет, парализует социальные программы, увеличивает бюджетный дефицит и способствует накоплению крупных государственных долгов.

Напротив, доходы непосредственных производителей товаров и услуг сокращаются; уровень жизни значительной части населения мира, включая средний класс, снизился. Программы здравоохранения и образования сокращаются; в странах ОЭСР усилилось неравенство в оплате труда. Как в развивающихся, так и в развитых странах бедность приобрела массовый характер. Накопление финансового богатства в результате спекулятивных операций подпитывает бедность и низкие зарплаты.

Глава 22

Реколонизация Кореи

В конце ноября 1997 года группа экономистов МВФ во главе с «устранителем неполадок» Хубертом Нейссом была срочно доставлена в Сеул. Его мандат: провести переговоры о «спасении в мексиканском стиле» с целью быстрого «восстановления экономического здоровья и стабильности». Был создан важный прецедент: горькое экономическое лекарство МВФ, которое обычно навязывали странам третьего мира и Восточной Европы, должно было быть впервые применено в развитой индустриальной экономике.

Вашингтон тщательно подготовил почву для взаимодействия с посольством США в Сеуле. Всего за неделю до прибытия миссии МВФ президент Ким Ен Сам уволил министра финансов Кан Кен Шика за то, что он якобы «препятствовал переговорам» с МВФ. По указанию Вашингтона был назначен более «приемлемый» человек. Очень удобно: новый «переговорщик» и министр финансов г-н Лим Чан Юэль оказался бывшим чиновником МВФ и Всемирного банка – отправленным в Вашингтон военными правителями Кореи в период расцвета военного положения в 1980-х годах (см. вставку) Также в короткие сроки был уволен экономический советник президента Ким Ин Хо за то, что он «отверг вариант МВФ и заявил, что Сеул восстановит международный авторитет собственными усилиями»⁵¹⁸.

Министр финансов Лим был привычен к консультациям в Вашингтоне. И не успели его назначить, как сразу увезли в Вашингтон для «переговоров» с бывшим коллегой, заместителем управляющего директора МВФ Стэнли Фишером. Фактически, встреча в штаб-квартире МВФ была запланирована еще до его назначения министром финансов Кореи.

МВФ прибывает с миссией в Сеул

Отношения правительства Республики Корея с МВФ были тщательно охраняемой государственной тайной. В пятницу, 21 ноября, правительство официально объявило, что «будет обращаться за помощью к МВФ».

Вставка 22.1

Министр финансов Кореи уволен за «препятствование переговорам» с МВФ

В 1998 году бывший министр финансов Кан Кен Шик был заключен в тюрьму без права на залог за то, что якобы «препятствовал переговорам (...) с Международным валютным фондом [и за то, что] не сообщил своему преемнику Лим Чанг Юэлю, о чем шли переговоры перед отставкой». поскольку министр финансов (...) г-н Кан говорит, что он был вынужден уйти в отставку так быстро, что у него не было возможности проинформировать г-на Лима, который 3 декабря подписал соглашение о кредитном пакете на сумму почти 60 миллиардов долларов, [1997]» (Дон Кирк, «Неопределенные обвинения корейского чиновника в том, что он допустил падение экономики», International Herald Tribune, Париж, 21 июля 1998 г.).

Г-н Лим после ухода с поста министра финансов был избран губернатором провинции Кенги, а затем был арестован по обвинению во взяточничестве и коррупции.

На следующий рабочий день – 24 ноября – в Сеуле случился «черный понедельник». Фондовый рынок рухнул до десятилетнего минимума из-за вызывающих опасения мер жесткой экономии МВФ и «ожидаемого краха корпораций и банков». По иронии, вмешательство МВФ было направлено на то, чтобы помочь стране «восстановить доверие и экономическую стабильность». Добросовестно подчиняясь приказам Вашингтона, министр финансов Лим отменил весь валютный контроль с валютного рынка с целью «вернуть обратно иностранных инвесторов», но с неизбежным результатом — побуждением к дальнейшим спекулятивным атакам на южно-корейский вон⁵¹⁹.

Двумя днями позже, 26 ноября, миссия МВФ во главе с г-ном Хьюбертом Нейссом прибыла в сеульский аэропорт Кимпо. А спустя всего четыре дня, 30-го числа, стороны уже договорились о «Предварительном соглашении». По словам главного переговорщика и министра финансов Лима, корректировки [к соглашению] были незначительными и не влияли на суть сделки⁵²⁰.

На самом деле договариваться было не о чем, министр финансов был бывшим чиновником МВФ-Всемирного банка. Проект текста был подготовлен в штаб-квартире МВФ в Вашингтоне еще до приезда миссии. «Политические решения» уже были приняты в консультации с Уолл-стрит и Министерством финансов США: никакой анализ или переговоры не считались необходимыми.

Ранним утром 3 декабря директор-распорядитель Международного валютного фонда Мишель Камдессю приземлился в аэропорту Сеула. Его приезд носил судьбоносный характер: финализируя крупнейшую в истории «спасательную операцию», он должен был лично подтвердить готовность МВФ поддержать корейскую экономику, столкнувшуюся с острым кризисом. Официальное письмо о намерениях, подготовленное сотрудниками МВФ в авральной спешке, подписали управляющий Банком Кореи господин Кен Шик Ли и министр финансов Лим Чанг ель. Присутствие на церемонии Дэвида Липтона, заместителя министра финансов США, стало символом особой важности встречи. Его прибытие в Сеул было негласным и долгое время оставалось неизвестным публике — до тех пор, пока сделка объемом в \$57 млрд не была наконец заключена⁵²¹.

Дэвид Липтон, влиятельный чиновник Казначейства США, пребывал в Сеуле в ходе переговоров. Липтон не принимал непосредственного участия в официальных встречах. Однако председатель делегации Международного валютного фонда (МВФ) Хьюберт Нейсс неоднократно уточнял свою позицию после бесед с американским представителем. Директору-распорядителю МВФ Мишелю Камдессю пришлось отложить подпись письма о согласии на кредитную программу, назначенную на 3 декабря. Камдессю, обсудив ситуацию с американскими чиновниками, отложил подпись до тех пор, пока все кандидаты на декабрьских президентских выборах в Корее не подпишут согласие с условиями⁵²².

Возвращение в Вашингтон

Миссия МВФ была успешно завершена 3 декабря; Хьюберт Нейсс вернулся в Вашингтон. Исполнительный совет МВФ собрался на следующий день (4 декабря), чтобы ратифицировать пакет на 57 миллиардов долларов. После решения Исполнительного совета

заместитель директора-распорядителя МВФ Стэнли Фишер на итоговой пресс-конференции со вздохом облегчения откровенно признался:

К счастью, новый вице-премьер и министр финансов г-н Лим ранее работал исполнительным директором в нашем фонде и Всемирном банке, поэтому хорошо знал, как устроены эти учреждения. Он вступил в должность всего две недели назад, но оказался чрезвычайно жестким переговорщиком. Я считаю, что достигнутое соглашение демонстрирует мужество и мудрость, необходимые для будущего корейской экономики⁵²³.

И в тот же день, вернувшись в Сеул, в подготовленном телевизионном заявлении министр финансов Лим – явно озадаченный ходом событий – извинился перед нацией:

Приношу извинения от имени коллектива Минфина перед народом. (...) Валютный кризис в странах Юго-восточной Азии привел к нашему собственному валютному кризису. Мы не отреагировали мудро [на этот кризис]. Я прошу прощения за то, что мне пришлось принять пакет помощи от МВФ⁵²⁴.

«Выкручивание рук» на волне президентской гонки

Но сделка еще не была завершена. Страна стояла на пороге президентских выборов, и лидирующий оппозиционный левоцентристский кандидат Ким Дэ Чжун по-прежнему решительно выступал против соглашения о финансовой помощи МВФ. Он предупредил общественное мнение и обвинил уходящее правительство в организации массовой «распродажи» корейской экономики:

Иностранные инвесторы могут свободно купить весь наш финансовый сектор, включая 26 банков, 27 фирм по ценным бумагам, 12 страховых компаний и 21 коммерческий банк, все из которых котируются на Корейской фондовой бирже, всего за 5,5 трлн вон, то есть за 3,7 млрд долларов⁵²⁵.

Но всего две недели спустя – после победы в президентской гонке – Ким Дэ Чжун совершил политический разворот и стал убежденным сторонником эффективного «экономического лекарства»:

Я смело открою рынок. Я сделаю так, чтобы иностранные инвесторы вкладывали средства с уверенностью; на массовом митинге он подтвердил свою непреклонную поддержку МВФ... Для реформ необходима боль, и мы должны воспринимать этот риск как возможность⁵²⁶.

Поддавшись политическому давлению, Ким Дэ Чжун – бывший диссидент, политический заключенный и ярый противник поддерживаемых США военных режимов Пак Чон Хи и Чон Ду Хвана – уступил Уолл-стрит и Вашингтону еще до своей официальной инаугурации в качестве демократически избранного президента страны. Фактически, Вашингтон потребовал – в недвусмысленных выражениях – чтобы все три кандидата в президентской гонке взяли на себя обязательство принять программу МВФ.

Насаждение законодательства через финансовый шантаж

Несмотря на публичную поддержку Ким Дэ Чжуна, соглашение с МВФ застряло в политическом тупике. Необходимо было законодательно утвердить массовое увольнение работников. Терять время было нельзя. Заместитель министра финансов США Дэвид

Липтон вновь приехал в Сеул. На сей раз его визит был объявлен официально. 22 декабря, уступив требованиям Вашингтона, Ким Дэ Чжун согласился с необходимостью массового увольнения работников для увеличения конкурентоспособности экономики⁵²⁷.

Он также дал зеленый свет корейскому парламенту. Специальная сессия законодательного собрания прошла на следующий день, 23 декабря. Основные четыре постановления правительства, касающиеся соглашения с МВФ, были приняты практически без обсуждения⁵²⁸.

Законодательство, навязанное финансовым шантажом, также устранило регулирующие и надзорные функции Министерства экономики и финансов. Парламент Южной Кореи превратился в «резиновую печать».

МВФ также потребовал от внешних кредиторов скорейшего принятия закона, обеспечивающего «независимость центрального банка». Это условие лишило корейское государство возможности финансировать национальную экономику изнутри через денежно-кредитную политику, то есть через внутреннюю кредитную систему, не зависящую от внешних займов. Одним ударом была прекращена практика государственного кредитования, играющая ключевую роль в развитии корейской промышленности на протяжении предыдущих 40 лет.

Тем временем рейтинговое агентство Moody's Investor Service, представляющее интересы Уолл-стрит, наградило Корею за выполнение требований понижением рейтинга облигаций правительства и корпораций, включая бумаги 20 банков, до статуса «мусорных облигаций»⁵²⁹.

Вставка 22.2

Переговоры о финансовой помощи в размере 57 миллиардов долларов

19 ноября 1997 г. - 24 декабря 1997 г.

19 ноября: Уходящий президент Ким Сам Ен увольняет министра финансов Кан Кен Сика за «препятствование переговорам» с МВФ. Кана заменяет г-н Лим Чан Юэль, бывший исполнительный директор МВФ.

20 ноября: Министра финансов Лима срочно отправляют в Вашингтон на переговоры со своим бывшим коллегой, заместителем директора-распорядителя МВФ Стэнли Фишером.

21 ноября: Правительство Южной Кореи официально объявляет, что будет добиваться заключения соглашения с МВФ. Новому министру финансов поручено вести переговоры с МВФ.

24 ноября: «Черный понедельник в Сеуле». Сеульский фондовый рынок рухнул до десятилетнего минимума из-за опасений жесткой экономии МВФ и ожидаемых корпоративных и банковских коллапсов.

26 ноября: Миссия МВФ прибывает в Сеул во главе с г-ном Хьюбертом Нейссом.

27 ноября: Окутанные тайной, начинаются переговоры между миссией МВФ и представителями правительства Южной Кореи.

30 ноября: После четырех дней переговоров МВФ и правительство приходят к согласию по «Предварительному соглашению».

1 декабря: Проект соглашения представлен на утверждение Кабинету министров Кореи .

3 декабря: Директор-распорядитель МВФ Мишель Камдессю прибывает в Сеул, чтобы подвести итоги сделки. Заместитель министра финансов США Дэвид Липтон в беседе с Камдессю заявил, что сделка не может быть завершена, если все три президентских кандидата не поддержат программу помощи МВФ.

4 декабря: Окончательный текст Соглашения ратифицируется Исполнительным советом МВФ , который утверждает резервное соглашение на 21 миллиард долларов из общего пакета в 57 миллиардов.

5 декабря: Кандидат в президенты Ким Дэ Чжун выражает свое несогласие с Соглашением МВФ и предупреждает общественное мнение о его разрушительных экономических и социальных последствиях.

18 декабря: Ким Дэ Чжун побеждает на президентских выборах и сразу же заявляет о своей безоговорочной поддержке программы МВФ.

22 декабря: Заместитель министра финансов США Дэвид Липтон прибывает в Сеул. Липтон требует от Ким Дэ Чжуна согласия на массовые увольнения рабочих.

23 декабря: созывается внеочередная сессия Законодательного собрания. Законодательный «штамп» утверждает четыре ключевых предложения правительства относительно программы МВФ.

24 декабря: Банкиры Уолл-стрит созываются на экстренное собрание в канун Рождества. В полночь МВФ соглашается срочно направить Сеулу 10 миллиардов долларов для погашения лавины краткосрочных долгов с наступающим сроком погашения.

26 декабря: День подарков: Избранный президент Ким Дэ Чжун обязуется предпринять жесткие действия: «Компании должны заморозить или сократить заработную плату. Если этого окажется недостаточно, увольнения будут неизбежны».

Встреча банкиров Уолл-стрит в канун Рождества

Законодательное собрание Кореи собралось на экстренное заседание 23 декабря. Окончательное решение по сделке на 57 миллиардов долларов было принято на следующий день, в канун Рождества, 24 декабря, после рабочего дня в Нью-Йорке. Ведущие финансисты Уолл-стрит из компаний Chase Manhattan, Bank America, Citicorp и J.P. Morgan были вызваны на встречу в Федеральный резервный банк Нью-Йорка. Также в канун Рождества присутствовали представители «большой пятерки» торговых банков Нью-Йорка, в том числе Goldman Sachs, Lehman Brothers, Morgan Stanley и Salomon Smith Barney⁵³⁰. Почти одновременно около 80 европейских банков-кредиторов – под председательством Deutsche Bank AG. – встречались за закрытыми дверями во Франкфурте, в то время как десять крупнейших банков Японии (которые владеют значительной частью краткосрочного долга Кореи) участвовали в обсуждениях на высоком уровне в Токио вместе с г-ном Кен Шиком Ли, управляющим Банка Кореи.

А в полночь накануне Рождества, получив «зеленый свет» от банков, МВФ разрешил «перебросить 10 миллиардов долларов в Сеул, чтобы покрыть лавину краткосрочных кредитов»⁵³¹.

Отсутствие притока капитала в рамках программы спасения

Соглашение отменило ограничения на долю иностранного владения и открыло внутренний рынок облигаций для иностранных инвесторов: «Иностранным финансовым учреждениям будет разрешено приобретать акции местных банков без каких-либо ограничений»⁵³². В свою очередь, центральный банк был подавлен. Его валютные резервы были расхищены институциональными спекулянтами. В ноябре 1997 года резервы Банка Кореи снизились до рекордно низкого уровня — 7,3 миллиарда долларов. Банк Кореи (БОК) был реорганизован и все больше находился под прямым контролем Уолл-стрит и МВФ. В рамках программы спасения бюджетная и денежно-кредитная политика определялась внешними кредиторами Кореи. Соглашение ознаменовало собой крах централизованного банковского управления в одной из самых динамичных экономик Азии.

Расчленение чеболей

Девальвация вона — наряду с обвалом фондового рынка — вызвала цепочку катастрофических банкротств, затронувших как финансовые, так и промышленные предприятия. Девальвация также привела к резкому росту цен на товары первой необходимости. Была запущена так называемая «политика выхода» (то есть программа банкротств). 2 декабря 1997 года, еще до завершения миссии МВФ, были приостановлены операции девяти «проблемных» коммерческих банков. По согласованию с МВФ правительству было предписано «подготовить всеобъемлющую программу действий по укреплению надзора и регулирования в финансовой сфере»⁵³³.

Скрытая цель заключалась в уничтожении корейского капитализма. Программа МВФ способствовала расчленению чеболей. Их призвали к установлению «стратегических альянсов с иностранными фирмами» — что означало их последующее поглощение и контроль со стороны иностранного капитала. В свою очередь, отдельные корейские банки должны были быть «сделаны более привлекательными» для потенциальных иностранных покупателей за счет передачи их неплатежеспособных кредитов в «фонд государственного спасения» — Корейскую корпорацию по управлению активами (КАМС). Автомобильная группа KIA, одна из крупнейших конгломераций Кореи, объявила о своем банкротстве. Аналогичная участь постигла группу Halla, занимавшуюся судостроением, машиностроением и производством автозапчастей.

Действуя непосредственно от имени Уолл-стрит, МВФ потребовал расформирования группы Daewoo, включая продажу 12 так называемых «проблемных» дочерних компаний. Daewoo Motors была выставлена на продажу, вся автомобильная промышленность Кореи оказалась в кризисе, что привело к массовым увольнениям и банкротствам поставщиков автозапчастей⁵³⁴.

Тем временем кредиторы крупнейшей корейской бизнес-империи — Hyundai — потребовали расчленения группы. С так называемым «отделением активов» (spin off), то есть распадом Hyundai, иностранный капитал был приглашен «собрать обломки» по выгодным ценам, в первую очередь — прибыльные подразделения по производству автомобилей и судов.

Банкротство корейской экономики было неотъемлемой частью Соглашения с МВФ. Заморозка кредитования, введенная МВФ, не позволяла Центральному банку спасать «проблемные» предприятия или банки. В соглашении указывалось, что «те коммерческие банки, которые не смогут представить соответствующие планы реструктуризации в течение 30 дней, лишатся лицензий»⁵³⁵.

Ограничение кредитования также привело к параличу строительной отрасли и сектора услуг: «Банки все более неохотно выдают кредиты предприятиям, готовясь к более жесткой денежной политике со стороны центрального банка»⁵³⁶. Согласно одному из отчетов, более 90 процентов строительных компаний (с совокупной задолженностью в 20 миллиардов долларов перед отечественными финансовыми учреждениями) находились на грани банкротства⁵³⁷. Сокращение внутреннего платежеспособного спроса (то есть снижение заработной платы и рост безработицы) также вызвало «холодную дрожь» среди мелких предприятий, традиционно испытывающих нехватку денежных средств.

Правительство признало, что «довольно большое число небольших предприятий прекратит свою деятельность»⁵³⁸.

Уолл-стрит в режиме шопинга

Бум слияний и поглощений наступил с особой силой. Корейская высокотехнологичная экономика в сфере электроники и машиностроения оказалась на распродаже. Западные корпорации устроили настоящий шопинг, скупая промышленные активы по крайне низким ценам. Девальвация вона — в сочетании с падением фондового рынка Сеула — резко снизила долларовую стоимость корейских активов.

Группа Hanwha продала свои нефтеперерабатывающие заводы Royal Dutch/Shell, после того как ранее уже продала половину своего химического совместного предприятия компании BASF из Германии⁵³⁹. Всего за несколько месяцев рыночная стоимость Samsung Electronics, крупнейшего в мире производителя микросхем памяти, упала с 6,5 до 2,4 миллиарда долларов. «Сейчас дешевле купить одну из таких компаний, чем построить фабрику — и ты получаешь в придачу всю дистрибуцию, узнаваемость бренда и подготовленную рабочую силу»⁵⁴⁰.

Передача коммерческих банков Кореи под контроль иностранцев

В рамках своей повестки «свободного рынка» МВФ потребовал «национализации» шести крупнейших коммерческих банков страны, включая Korea First Bank (KFB), Seoul Bank, объединенный Commercial Bank of Korea и Hanil Bank, Korea Exchange Bank и Cho Hung Bank⁵⁴¹. Однако цель заключалась вовсе не в передаче банков в государственную собственность — «национализированные» банки были заранее предназначены для «повторной приватизации».

Цель состояла в передаче значительной доли коммерческого банковского сектора в иностранные руки: Korea First Bank (KFB) и Seoul Bank были немедленно выставлены на аукцион. Ответственность за продажу взяла на себя одна из крупнейших инвестиционных компаний Уолл-стрит — Morgan Stanley Dean Witter.

Как это было сделано? На торгах допускались только «честные» иностранные инвесторы. Для обеспечения «прозрачности» корейские «свои» капиталисты были намеренно исключены из процесса. Это была обыкновенная распродажа. По рекомендации Morgan Stanley правительство также исключило возможность участия «любого консорциума из корейских конгломератов и иностранных участников торгов» при приватизации двух банков⁵⁴².

Калифорнийские и техасские дельцы спешат на помощь

Америка «спасла» корейские «проблемные» банки. Аукцион по продаже банковских активов представлял собой откровенный обман. За скромные 454 миллиона долларов контрольный пакет (51%) Korea First Bank (KFB) перешел компании Newbridge Capital Ltd — американской структуре, специализирующейся на сделках с использованием заемных средств. Newbridge контролировался американским финансистом Ричардом Блумом, супругом сенатора от Калифорнии Дианны Файнстайн, в партнерстве с техасским

миллиардером Дэвидом «Бондо» Бондерманом из Texas Pacific Group. Бондерман тесно связан с другим известным техасским бизнесменом Ричардом Бассом, который имел связи с Джорджем У. Бушем в период его деятельности в нефтяной отрасли Техаса, и также участвовал в покупке KFB⁵⁴³.

Одним махом инвестиционная фирма, базирующаяся в Калифорнии и явно не имевшая опыта в коммерческом банковском деле, получила контроль над одним из старейших банков Кореи, насчитывающим 5 тысяч сотрудников и современную сеть филиалов по всей стране. Западные финансовые СМИ одобрительно аплодировали: Newbridge Capital «щедро согласилась» купить Korea First Bank за 500 миллиардов вон (454 миллиона долларов). На самом деле, в рамках организованной МВФ схемы, Блум, Бондерман и их партнеры «не вложили ни одного доллара собственных средств. Korea First Bank была передана им бесплатно»⁵⁴⁴.

Согласно условиям соглашения с Newbridge, правительство предоставило так называемые «опционы обратного выкупа» (put back options) для KFB, которые давали новым владельцам право требовать компенсацию всех убытков, возникших по кредитам, выданным до продажи. На практике это означало, что правительство Республики Корея (в несколько этапов) впрыснуло в KFB общий объем денежных средств в размере 17,3 триллиона вон — сумма, эквивалентная 35-кратной стоимости, полученной от Newbridge Capital⁵⁴⁵. В современной версии разбойного нападения совершенно фиктивное «инвестирование» в 454 миллиона долларов со стороны Блума, Бондермана и их партнеров — включая финансовое подразделение General Electric, GE Capital — позволило новым владельцам получить государственные выплаты на сумму 15,9 миллиардов долларов. Неплохо! А за этой прибыльной схемой Morgan Stanley Dean Witter, выступавший в роли андеррайтера от Уолл-стрит, также получал солидные комиссионные как от правительства Республики Корея, так и от новых американских владельцев KFB.

И как же правительство собиралось финансировать этот многомиллиардный раздачу? За счет снижения заработной платы, массовых увольнений государственных служащих — включая учителей и работников здравоохранения — резкого сокращения социальных программ, а также за счет займов на миллиарды долларов.

Правительство оказалось в порочном круге. Многомиллиардная раздача в пользу Уолл-стрит финансировалась кредитами от самой Уолл-стрит, МВФ и Всемирного банка. Таким образом, правительство «финансирувало собственную задолженность». На самом деле, кредит в размере двух миллиардов долларов, предоставленный Всемирным банком незадолго до продажи KFB, уже был зарезервирован для помощи американским «инвесторам» в приобретении контрольного пакета акций корейского банковского сектора.

Новые американские владельцы KFB внезапно превратились в кредиторов ранее могущественных корейских бизнес-конгломератов, поставленных на колени. Корейские управленцы были уволены; новым председателем совета директоров KFB, назначенным Newbridge, стал Роберт Барнум — известный финансовый специалист, связанный с техасским бизнес-сообществом и близкий к миллиардеру из Форт-Уэрта Роберту Бассу и его Robert Bass Group. В совет директоров также вошли Мики Кэнтор, бывший министр торговли США и переговорщик по Североамериканскому соглашению о свободной

торговле (НАФТА) в администрации Буша, а также Томас Бэррэк, магнат из Лос-Анджелеса в сфере недвижимости, председатель Colony Capital, Inc., ранее бывший личным финансовым управляющим Роберта Басса⁵⁴⁶.

Они распоряжались по своему усмотрению южнокорейскими предприятиями, включая электронику, автомобильное производство, тяжелую промышленность, полупроводники и т.д.⁵⁴⁷. Судьба работников чеболов также оказалась в руках новых американских владельцев... Фактически, большинство предложений о поглощении и «отделении активов» (spin-offs) чеболов требовали прямого согласия западных финансовых кругов.

Правительство Республики Корея не только утратило контроль над программой приватизации, но и позволило полностью расчленить отрасль финансовых услуг. Chase Manhattan приобрел контрольный пакет акций компании Good Money Securities. Goldman Sachs получил контроль над Kookmin Bank, а New York Life взяла под свое управление ее страховое подразделение — Kookmin Life⁵⁴⁸.

МВФ также настаивал на масштабной приватизации основных государственных коммунальных предприятий, включая Korea Telecom и Korea Gas. Korea Electric Power Corporation (KEPCO) должна была быть разделена на несколько более мелких энергокомпаний перед выставлением на аукцион. Pohang Iron & Steel Corp. (POSCO) также должна была быть полностью приватизирована. Аналогичная судьба ожидала Hanjung — государственную компанию Korea Heavy Industries and Construction Company, которой предстояло вступить в «стратегический альянс» с Westinghouse.

Американские и немецкие капиталисты делят добычу

В Южной Корее американские и немецкие бизнес-интересы объединились. В рамках программы МВФ немецкий банковский конгломерат — Deutsche Bank AG — был назначен управлять Seoul Bank, которая была «национализирована» наряду с KFB. Между тем, г-н Хуберт Найс, занимавшийся переговорами по провальном спасательному пакету декабря 1997 года, уже не работал в МВФ. Он был назначен президентом Deutsche Bank Asia, базирующегося в Гонконге. Его новый мандат включает управление Seoul Bank — условия которого были прописаны в программе МВФ, разработанной им самим, когда он работал в штаб-квартире МВФ в Вашингтоне...⁵⁴⁹.

В аналогичной сделке главному конкуренту Deutsche Bank — Commerzbank AG — была предоставлена «управленческая власть» над Korea Exchange Bank⁵⁵⁰. Другими словами, два немецких банковских гиганта внезапно, не вложив ни одного немецкого марки, стали де-факто кредиторами чеболов. Выступая в качестве «управляющих» от имени правительства Республики Корея, Deutsche Bank и Commerzbank принимали ключевые решения по реструктуризации долгов чеболов, а также по различным предложениям о поглощении корейских промышленных активов иностранным капиталом.

Установление системы прямого колониального правления

В 1945 году японское колониальное правление на юге Корейского полуострова сменилось политическим и военным доминированием США. Синманд Ри, корейский

эмигрант, проживавший в США, был доставлен генералом Макартуром для формирования проамериканского марионеточного правительства.

За военными режимами, установленными Вашингтоном, зарождающиеся корейские бизнес-группы в значительной степени контролировали экономическую политику. В рамках этой системы «косвенного правления» процветал «национальный капитализм». Военные режимы поддерживали и способствовали динамичному развитию корейских чеболей, которые впоследствии стали мощной силой на международных рынках. (Чеболь — компания, которая принадлежит членам одной семьи, они же занимают высшие управляющие должности.)

Рост корейского капитализма оказался недолгим: еще в 1980-х годах «экономическая глобализация» привела к сокращению рынков и мировой экономике, характеризующейся перепроизводством (см. главу 3). В 1990-х годах обострилась конкуренция между крупными корпоративными конгломератами. Корейские чеболи воспринимались как нарушители, посягающие на интересы американского, европейского и японского корпоративного капитала. Спасательный пакет МВФ 1997 года был применен с целью намеренного ослабления корейского капитализма и конфискации промышленных активов чеболей.

Скрытая цель заключалась в том, чтобы «обуздить тигров», расчленить и подавить корейскую корпоративную мощь. Система «косвенного колониального правления», впервые установленная военными США при президенте Синманде Ри в 1945 году, была упразднена. Элита корейского бизнеса была сломлена; была создана совершенно новая система управления при президенте Ким Де Джуне, ориентированная на расчленение чеболей и ликвидацию корейского капитализма. Подписание Соглашения о спасательной программе МВФ в декабре 1997 года также знаменует собой важную и существенную трансформацию структуры корейского государства.

Воссоединение Кореи и «свободный рынок»

В начале июня 2000 года миссия МВФ в срочном порядке прибыла в Сеул — всего за несколько дней до исторической встречи на высшем уровне между президентом Ким Де Джуном и председателем КНДР Ким Чен Иром в Пхеньяне. Точное совпадение по времени... Присутствие МВФ в Сеуле едва заметили в корейской прессе. Полностью поддерживая Ким Де Джуна, южнокорейцы были поглощены перспективой воссоединения страны. Все остальные политические вопросы были отодвинуты на второй план.

Между тем вдали от жарких дебатов публики команда МВФ тихо заканчивала оформление второго кредитного соглашения, включая обязательное «письмо о намерениях», которое надлежало подписать министру финансов Ли Хун Джю до его отъезда на саммит в Пхеньян. Это был тщательно продуманный «разгром»: второй договор оказался более опасным, чем первое соглашение, подписанное в декабре 1997 года. Правительство Республики Корея возобновило обязательства МВФ по контролю над корейской экономикой до 2003 года без какого-либо общественного обсуждения. Второе соглашение (меморандум о политике в области экономики и финансов) подробно разъясняло точные шаги, которые предстоит предпринять. Разрушение и расщепление

южнокорейской капиталистической системы было четко регламентировано на ближайшие три года (2000–2003)⁵⁵¹.

Но у миссии МВФ был и другой козырь в рукаве. Совместно с посольством США сотрудники МВФ инструктировали министра финансов Ли Хун Джая, курирующего повестку экономического сотрудничества на саммите в Пхеньяне. Ли был проверенным человеком МВФ: до назначения министром финансов он возглавлял печально известную Комиссию по финансовому надзору (FSC), ответственную за инициирование банкротства чеболей. Перед поездкой в Пхеньян Ли был тщательно наставлен: под видом «межкорейского экономического сотрудничества» он должен был защищать интересы американского бизнеса. Скрытой целью Вашингтона в процессе объединения полуострова становится его окончательная реколонизация.

Колонизация Северной Кореи

В рамках программы межкорейского экономического сотрудничества, подписанной в Пхеньяне, правительство Сеула взяло обязательство инвестировать в Северную Корею. Крупнейший южнокорейский конгломерат Hyundai планировал построить заводы на территории КНДР.

Однако корейские чеболи, включая Hyundai, стремительно попадали под контроль американских компаний. Другими словами, «межкорейское сотрудничество» могло оказаться замаскированной формой иностранных инвестиций и новым окном возможностей для Уолл-стрит. Окончательным распорядителем «межкорейского сотрудничества», включая крупные вложения в Северную Корею, стали бы новые американские владельцы чеболей, действующие в координации с Госдепартаментом США. Стратегия Ким Дэ Чжуна заключалась в том, чтобы помочь Пхеньяну, предоставляя помочь и содействие развитию, используя рабочую силу КНДР, улучшая взаимопонимание и инфраструктуру, что также отвечало бы интересам Южной Кореи. «Всякий должен поддерживать иллюзию, что режим Северной Кореи останется неизменным, что страна откроется, сохраняя свою власть, а мы поможем ей заключить сделки с Международным валютным фондом и Всемирным банком. Но в конечном итоге мы надеемся подорвать их власть. Это троянский конь».

Правительство президента, лауреата Нобелевской премии мира Ким Дэ Чжуна «готовило почву» от имени Вашингтона. На фоне военной мощи США обещание воссоединения, к которому стремятся все корейцы, может привести к навязыванию так называемых «свободных рыночных» реформ коммунистической Северной Кореи, процессу, который приведет к «реколонизации» и обнищанию всего Корейского полуострова под властью американского капитала.

Глава 23

Бразильская финансовая афера

13 января 1999 года, в так называемую «черную среду», фондовый рынок Сан-Паулу рухнул под воздействием спекулятивных атак. Резервы Центрального банка Бразилии истощились, а установленный курс реала к доллару был окончательно подорван.

Председатель Центробанка Густаво Франко был заменен на профессора экономики Франциско Лопеса, который незамедлительно отправился в Вашингтон вместе с министром финансов Педро Маланом для консультаций с представителями МВФ и Минфина США. Вскоре после возвращения в Бразилию состоялся рабочий завтрак в Федеральном резервном банке Нью-Йорка, на котором присутствовали Джордж Сорос из фонда Quantum, Уильям Родс из Citigroup, Джон Корзин из Goldman Sachs и Дэвид Команский из Merrill Lynch⁵⁵².

Эта встреча была важна, так как Родс представлял комитет нью-йоркских банков, являющихся крупными кредиторами Бразилии. В 1993–1994 годах Родс проводил аналогичные переговоры с будущим президентом Фернанду Энрике Кардозом, когда тот был министром финансов. Тогда по инициативе комитета была проведена реструктуризация внешнего долга и принята программа стабилизации, известная как «План реал», что существенно увеличило внутренний долг страны с 60 миллиардов долларов в 1994 году до более 350 миллиардов в 1998 году (см. подробнее в главе 13.)

Тем временем общественность вводилась в заблуждение относительно причин кризиса. Говорили о распространении «азиатского гриппа», намекая на внешние факторы. В прессе обвинили губернатора штата Минас-Жерайс Итара Франко, который объявил мораторий на выплаты по долгам федеральному правительству⁵⁵³. Мол, такая мера пошатнула экономическую репутацию Бразилии.

Национальный Конгресс Бразилии также попал под огонь критики за то, что не санкционировал быстродействующую и абсолютную «резиновую печать» под убийственную экономическую терапию МВФ. Предложенные меры включали сокращение бюджета на 28 миллиардов долларов, что предполагало массовые увольнения госслужащих, сворачивание социальных программ, продажу государственных активов, замораживание трансфертов региональным правительствам и перенаправление государственных доходов на обслуживание долга⁵⁵⁴.

Ограничение кредита

Институты, базирующиеся в Вашингтоне, в тесной кооперации с Уолл-стрит, последовательно ужесточали денежно-кредитную политику, преследуя цели дестабилизации бразильской промышленности, захвата внутреннего рынка и ускорения программы приватизации. Буквально за одну ночь базовая процентная ставка Центробанка была повышена по распоряжению МВФ до невероятных 39% годовых, что соответствовало заемам коммерческих банков на уровне от 50% до 90% годовых. Местные производители, задавленные неподъемными долгами, были вынуждены объявить о банкротстве. Покупательная способность населения упала, а процентные ставки по потребительским

кредитам достигли рекордных высот — от 150% до 250%, что породило массовые невыполнения заемщиками своих обязательств⁵⁵⁵.

Хотя доверие на финансовых рынках ненадолго восстановилось, валюта страны — реал — потеряла более 40% своей стоимости, что привело к быстрому скачку цен на топливо, продукты питания и товары повседневного спроса. Упадок национальной валюты резко снизил уровень жизни в стране с населением 160 миллионов человек, причем более половины жителей уже находились за чертой бедности.

Последствия девальвации ощущимы и в южной промышленной полосе Сан-Паулу, где официальный уровень безработицы достиг 17%. Сразу после «черной среды» 13 января 1999 года крупные транснациональные компании, такие как Ford, General Motors и Volkswagen, заявили о временной остановке производства и проведении массовых увольнений⁵⁵⁶.

Предпосылки кризиса

На первый взгляд проблемы Бразилии выглядели как стандартное повторение азиатского валютного кризиса 1997 года. Меры МВФ были весьма похожи на те, что применялись в Корее, Таиланде и Индонезии в 1997–1998 годах. Однако существовала важная особенность: в Азии операция МВФ была предпринята уже после начала кризиса, когда валюты рухнули и страны погрузились в бездну долгов.

В случае Бразилии программа МВФ была запущена в ноябре 1998 года — ровно за два месяца до финансового коллапса. Экономическая терапия должна была носить превентивный, а не лечебный характер. Официально ее целью было предотвращение кризиса. Роберт Рубин, министр финансов США, и Гордон Браун, канцлер казначейства Великобритании, сформулировали задачу так: «Нужно принять меры, чтобы ограничить колебания, разрушающие надежду и уменьшающие богатство»⁵⁵⁷.

Практически же меры МВФ — Большой семерки дали прямо противоположный эффект. Вместо предотвращения спекулятивных атак они лишь ускорили бегство капитала. За два месяца после запуска профилактического пакета в ноябре из Бразилии ушло 20 миллиардов долларов — сумма, эквивалентная масштабу необходимых первоочередных бюджетных сокращений, предусмотренных МВФ.

Ежедневные потери золотовалютных резервов Центрального банка Бразилии превышали 400 миллионов долларов. Остатки сократились с 75 миллиардов долларов в июле 1998 года до 27 миллиардов в январе 1999 года. Первый транш кредита МВФ в размере более 9 миллиардов долларов, полученный в ноябре 1998 года, был немедленно потрачен на поддержку слабеющего реала, но этих средств хватило лишь на временное сдерживание бегства капитала.

Запланированная девальвация и роль МВФ

И Уолл-стрит, и washingtonские институты знали, что девальвация неизбежна, а антикризисный пакет МВФ — Большой семерки — не более чем временная мера. Программа МВФ дала возможность спекулянтам с Уолл-стрит выиграть время. Центробанк Бразилии, действуя по инструкциям МВФ и Уолл-стрит, пытался удерживать стабильность как можно дольше. Цель состояла в том, чтобы облегчить расхищение финансовых ресурсов страны.

Экономическая команда Министерства финансов выразила удивление случившимся, но заявила, что осознавала приближение девальвации. Позже, в январе, МВФ допустил ослабление валюты, однако было уже поздно: резервы Центробанка уже были разграблены.

«План Маршалла» для кредиторов и спекулянтов

Сразу после экономического форума в Давосе старший заместитель директора МВФ Стэнли Фишер, автор ноябрьского антикризисного пакета, отправился в Бразилию для обсуждения условий нового соглашения. Объем краткосрочных долгов вырос, и требовалась новые инициативы. Аскетичные меры, принятые ранее по договоренности с МВФ, сочли недостаточными для восстановления уверенности. Были установлены новые цели в налоговой сфере, Бразилия должна была активизировать и расширить программу приватизации, открыв дорогу к распродаже государственных банков, энергосектора, стратегических отраслей, коммунальных служб и инфраструктуры иностранным инвесторам⁵⁵⁸.

Центрбанк Бразилии также был реорганизован под руководством МВФ. Регулятору было дано указание поддерживать реал в условиях гибкого валютного режима без ограничений на движение капитала. Вторая часть займа в размере 9 миллиардов долларов из общего пакета в 41,5 миллиарда долларов пополнила кассу Центробанка (заимствованными средствами), привлекая спекулянтов продолжать свои атаки. Новая стратегия МВФ, подписанная в феврале 1999 года, оставила свободу для дальнейшего бегства капитала⁵⁵⁹.

Доходность операции была феноменальна: после обвала 13 января ежедневный отток капитала колебался в диапазоне от 200 до 300 миллионов долларов.

Уолл-стрит управляет Центробанком Бразилии

Чтобы гарантировать успешность спекулятивных атак, профессор Франциско Лопес, назначенный главой Центробанка в «черную среду» 13 января, был уволен двумя неделями позже и заменен Арминио Фрагой Нето, бывшим советником фонда Сороса в Нью-Йорке. Назначение было сделано после встречи министра финансов Петро Малана с Джорджем Соросом на завтраке в Федеральном резервном банке Нью-Йорка. Бывший президент Итамар Франко с юмором заметил: «Я рад услышать, что новым руководителем Центробанка стал мегаспекулянт Джордж Сорос»⁵⁶⁰.

Представители Уолл-стрит взяли под полный контроль денежно-кредитную политику. Внешние кредиторы Бразилии получили возможность замораживать государственные бюджеты, парализовать платежные процессы, включая трансферты регионам, и тормозить регулярные выплаты работникам бюджетной сферы, включая миллионы учителей и медицинских работников.

Такая запланированная ликвидация местного производителя осуществлялась через кредитное сжатие и угрозу дальнейшей либерализации торговли, что вынуждало внутренние предприятия становиться конкурентоспособными при процентных ставках выше 50%. Результатом стало массовое банкротство, когда внутренние цены опускались ниже себестоимости.

Следствием этого стала резкая компрессия внутреннего спроса, вызванная ростом безработицы и снижением реальной заработной платы, что создало ситуацию перепроизводства и складирования непроданной продукции. Жестокая гибель локальной промышленности, вызванная макроэкономическими реформами, создала благоприятные условия для иностранных инвесторов, позволив им укрепить хватку над местным банковским сектором и приобрести самые прибыльные активы по бросовым ценам.

Финансовый кризис создал условия для быстрой реколонизации бразильской экономики. Девальвация реала снижает оценку стоимости государственных активов в долларах и ускоряет темпы приватизации. Летальная экономическая терапия МВФ вкупе с увеличивающимся долгом и продолжающимся бегством капитала вела к экономическому коллапсу, разрушению фискальной структуры и социальной дезориентации.

«Долларизация» Латинской Америки

Финансовый кризис в Бразилии также создал среду, которая усиливает во всем латиноамериканском регионе мертвую хватку кредиторов Уолл-стрит над денежно-кредитной политикой. В Аргентине упадок центрального банка уже был прочно закреплен в рамках механизма «валютного управления» в колониальном стиле. Аргентинское песо было заменено долларом США, что подразумевает не только полный контроль над созданием денег внешними кредиторами. Точно так же назначение инсайдера с Уолл-стрит главой Центрального банка Бразилии является частью плана долларизации, который в конечном итоге приведет к разрушению национальной валюты Бразилии.

Другие страны Латинской Америки планировали последовать этому примеру, рассматривая «долларизацию» своих валют как способ предотвращения финансовой катастрофы. Никакой «мягкой посадки» не предвидится: хотя долларизация формально не является частью инициативы Американского соглашения о свободной торговле (FTAA), скрытая программа заключается в том, чтобы в конечном итоге заменить латиноамериканские валюты долларом США, первоначально в рамках соглашения о валютном управлении.

Вставка 23.1

Захват банковской системы Бразилии

ABN AMRO, Lloyds Bank, HSBC и Dresdner заняты приобретением банковских активов в Бразилии. HSBC приобрел около 1000 филиалов Banco Amerindus, став в одночасье вторым по величине частным розничным банком в Бразилии.

Инвестиционным банкам с Уолл-стрит часто поручают распродажу государственных активов в рамках сомнительных инсайдерских сделок в рамках программ приватизации и банкротства МВФ.

Например, в Бразилии Merrill Lynch была назначена ответственной за приватизацию Companhia Vale do Rio Doce (CVRD), одного из крупнейших в мире горнодобывающих предприятий, от имени правительства Бразилии, но Merrill Lynch также представляла интересы одного из потенциальных покупателей CVRD: Англо-американского

горнодобывающего консорциума. В рамках типичной инсайдерской операции Anglo-American объединила усилия с NationsBank (ныне объединенным с BankAmerica), а также с малоизвестным офшорным незарегистрированным инвестиционным фондом «Opportunity Asset Management Fund», инвесторами которого являются Citibank и крупный бизнесмен Джордж Сорос. («Файнэншл Таймс», 5 мая 1997 года). Благодаря приобретению CVRD консорциум будет контролировать более 80% сталелитейной промышленности Бразилии. (Джефф Дайер, Консорциум Сороса, объявил тендер на продажу железной руды в Бразилии, Financial Times, 5 мая 1997 г., стр. 1). В свою очередь, средства, вырученные от продажи CVRD, будут использованы Казначейством для обслуживания внешнего долга Бразилии, один из новых владельцев CVRD, а именно Citigroup, является основным кредитором Бразилии и главой банковского комитета, ответственного за реструктуризацию многомilliардного внешнего долга Бразилии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Amin, Samir, 1990, *Maldevelopment: Anatomy of a Global Failure*, Zed Books Ltd., London.
- African Rights, 1993, *Somalia, Operation Restore Hope: A Preliminary Assessment*, London.
- Addison, Tony and Demery, Lionel, 1987, "Alleviating Poverty under Structural Adjustment," *Finance and Development*, Vol. 24, No. 4.
- Albanez, T., et al., 1989, *Economic Decline and Child Survival*, UNICEF, Florence.
- Altmann, Jörn, 1990, "IMF Conditionality: the Wrong Party Pays the Bill," *Intereconomics*, May–June.
- Alvarez, Elena, 1991, *The Illegal Coca Production in Peru: A Preliminary Assessment of Its Economic Impact*, Institute of the Americas and University of California at San Diego, February 1991.
- Anyiam, Charles and Stock, Robert, 1991, *Structural Adjustment Programs and Reality of Living Conditions*, CASID annual meetings, Kingston.
- Aristide, Jean-Bertrand and Flynn, Laura (eds.), 2000, *Eyes of the Heart: Seeking a Path for the Poor in the Age of Globalization*, Common Courage, Monroe, ME.
- Atta Mills, Cadman, 1989, *Structural Adjustment in Sub-Saharan Africa*, Economic Development Institute, World Bank, Washington, DC.
- Balassa, B., 1981, *Structural Adjustment Policies in Developing Countries*, World Bank, Washington, DC.
- Bamako Initiative Management Unit, 1990, *The Bamako Initiative Strategy in Mauritania*, New York.
- Banco Intertanericano de Desarrollo, 1989, *Perú: informe económico*, Washington, DC.
- Barratt Brown, M., 1992, *Short-Changed: Africa in World Trade*, Pluto Press, London.
- Beardsley, Tim, 1993, "Selling to Survive," *Scientific American*, February.
- Behrman, Jere and Deolalikar, Anil B., 1991, "The Poor and the Social Sectors during a Period of Macro-economic Adjustment: Empirical Evidence from Jamaica," *World Bank Economic Review*, Vol. 5, No. 2.
- Bell, Michael and Sheehy, R., 1987, "Helping Structural Adjustment in Low-Income Countries," *Finance and Development*, 24:4, December.
- Bello, Walden and Cunningham, Shea, 1994, *Dark Victory: The U.S., Structural Adjustment, and Global Poverty*, Food First, London.
- Bello, Walden, 2000, "Bringing Financial Crisis to Asia," *The Ecologist*, Vol. 30, No. 6.
- Bello, Walden, 2000, "Time to Decide: Radical Reform or Abolition," *The Ecologist*, Vol. 30, No. 6.
- Bello, Walden, 2000, "WTO: Serving the Wealthy, Not the Poor," *The Ecologist*, Vol. 30, No. 6.
- Beneria, Lourdes and Feldman, Shelley, 1992, *Unequal Burden and Persistent Poverty*, Westview Press, Boulder.
- Bennett, K., 1991, *Economic Decline and the Growth of the Informal Sector*, CASID Annual Conference, Kingston, Ontario.
- Bennett, Sara and Musambo, Manengu, 1990, *Report on Community Financing and District Management Strengthening in Zambia*, Bamako Initiative Technical Report, UNICEF, New York.
- Betz, J., 1990, "The Social Effects of Adjustment Policy in LDCs," *Intereconomics*, May–June.
- Berg, Andrew and Pattillo, Catherine, 2000, *The Challenge of Predicting Economic Crises*, Economic Issues No. 22, International Monetary Fund, Washington.
- Bianchi, A. (ed.), 1985, *La Deuda externa latinoamericana*, Grupo Editor Latino Americano, Santiago.

- Bigelow, Bill and Peterson, Bob (eds.), 2002, *Rethinking Globalization: Teaching for Justice in an Unjust World*, Rethinking Schools Press, San Francisco.
- Boateng, E. Oti, et al., n.d., *A Poverty Profile for Ghana, 1987–1988*, World Bank, Washington, DC.
- Bond, Patrick, 1998, *Uneven Zimbabwe: A Study of Finance, Development and Underdevelopment*, Africa World Press, Trenton, NJ.
- Bourgoignie, Georges and Genné, Marcelle (eds.), 1990, *Structural Adjustment and Social Realities in Africa*, University of Ottawa, Ottawa.
- Brandt, H. et al., 1985, *Structural Distortions and Adjustment Programs in the Poor Countries of Africa*, Deutsches Institut für Entwicklungspolitik, Berlin.
- Brandt Commission, 1983, *Common Crisis: North-South Cooperation for World Recovery*, Pan Books, New York.
- Bruno, Michael (ed.), 1991, *Lessons of Economic Stabilisation and its Aftermath*, MIT Press, Cambridge, MA.
- Burkholder, Jim, n.d., *Humanitarian Intervention?*, Veterans For Peace, www.veteransforpeace.org.
- Bullard, Nicola, Bello, Walden and Malhotra, Kamal, 1998, “Taming the Tigers: the IMF and the Asian Crisis,” special issue on the IMF, *Focus on Trade* No. 23, *Focus on the Global South*, Bangkok, March 1998.
- Calavita, Kitty, et al., 1997, *Big Money Crime: Fraud and Politics in the Savings and Loan Crisis*, University of California Press, San Francisco.
- Canadian International Development Agency, 1987, *Sharing our Future*, Hull.
- Canadian International Development Agency, 1990, *Working Paper on Poverty Alleviation for the 4As*, Hull.
- Camen, Ulrich, 1991, *Country Paper Nepal: Macro-economic Evolution and the Health Sector*, WHO, Geneva.
- Cammen, Ulrich and Carrin, Guy, 1991, *Macro-economic Analysis: Guinea, Macro-economic Evolution and the Health Sector*, WHO, Geneva.
- Campbell, Bonnie K., 1989, *Political Dimensions of the International Debt Crisis*, Macmillan, London.
- Campbell, Bonnie K. and Loxley, John (eds.), 1990, *Structural Adjustment in Africa*, Macmillan, London.
- Campodonico, Humberto, 1989, “La política del aveSTRUZ,” in Sayan, Diego García (ed.), Lima, 1989.
- Carrin, Guy and Kodjo, 1991, *The Basic Macro-economics of Government Health Sector Expenditures in Low-Income Developing Countries*, WHO Office of International Cooperation, Geneva.
- Cavanagh, John, International Forum on Globalization, and Alternatives Task Force, 2002, *Alternatives to Economic Globalization: A Better World Is Possible*, Berrett-Koehler, San Francisco, CA.
- Chauvier, Jean-Marie, 1993, “Tourbillon de crises en Russie,” *Le Monde Diplomatique*, October.
- Chossudovsky, Michel, 1975, “Hacia el nuevo modelo económico chileno, inflación y redistribución del ingreso, 1973–74,” *Trimestre Económico*, No. 122.
- Chossudovsky, Michel, 1991, “The Globalisation of Poverty and the New World Economic Order,” *Economic and Political Weekly*, Vol. 26, No. 44.
- Chossudovsky, Michel and Galand, Pierre, 1997, *L’usage de la dette extérieure du Rwanda: la responsabilité des créanciers*, United Nations Development Programme (UNDP), Ottawa and Brussels.
- Comisión Económica para América Latina y el Caribe, 1990, *Magnitud de la pobreza en América Latina en los años ochenta*, Santiago de Chile.

- Commonwealth Secretariat, 1989, Engendering Adjustment for the 1990s, Report of a Commonwealth Expert Group on Women and Structural Adjustment, London.
- Cornia, Giovanni A., 1989, "Investing in Human Resources: Health, Nutrition and Development for the 1990s," *Journal of Development Planning*, No. 19.
- Cornia, Giovanni and Stewart, Frances, *Fiscal System, Adjustment and the Poor*, UNICEF Innocenti Occasional Papers No. 11, Florence, 1990.
- Cornia, Giovanni A., Jolly, Richard and Stewart, Frances, 1987, *Adjustment with a Human Face*, Vol. 1, UNICEF, Oxford University Press, New York.
- Cornia, Giovanni A. and Strickland, Richard, *Rural Differentiation, Poverty and Agricultural Crisis in Sub-Saharan Africa: Towards an Appropriate Policy Response*, UNICEF, Florence.
- Corrêa Linhares, Célia Maria and Andrade, Maristela de Paula, 1992, "A Ação Oficial e os Conflitos Agrários no Maranhão," *Desenvolvimento e Cidadania*, No. 4, São Luís do Maranhão.
- Cottarelli, Carlos, 1993, *Limiting Central Bank Credit to the Government*, IMF, Washington, DC.
- Cruz Rivero, C., et al., 1991, *The Impact of Economic Crisis and Adjustment on Health Care in Mexico*, WHO, Florence.
- Culpeper, Roy, 1987, *Forced Adjustment: The Export Collapse in Sub-Saharan Africa*, North-South Institute, Ottawa.
- Culpeper, Roy, 1991, *Growth and Adjustment in Smaller Highly-Indebted Countries*, North-South Institute, Ottawa.
- Danaher, Kevin, 2001, *Elite Globalization vs People's Globalization*, Global Exchange, San Francisco.
- Danaher, Kevin and Burbach, Roger, 2000, *Globalize This: The Battle Against the World Trade Organization*, Community Archives Publications.
- Das, Bhagirath Lal, 2002, *The World Trade Organisation: A Guide to the Framework for International Trade*, Third World Network, Penang.
- Das, Bhagirath Lal, 2003, *WTO: The Doha Agenda, The New Negotiations on World Trade*, Zed Books, London and Third World Network, Penang.
- Gates, Jeff, 2000, *Democracy at Risk: Rescuing Main Street From Wall Street*, Perseus Press.
- Dancourt, Oscar, 1987, "Cuando se abandona las políticas fondomonetaristas," in Herrera, C., Dancourt, O. and G. Alarco, *Reactivación y política económica heterodoxa*, Fundación Friedrich Ebert, Lima.
- Dancourt, Oscar et al., 1990, "Una propuesta de reforma monetaria para acabar con la inflación," working paper No. 90, CISEPA, Pontifical Catholic University of Peru, Lima, July 1990.
- Dancourt, Oscar and Yong, Ivory, 1989, "Sobre hyperinflación peruana," *Economía*, XII:23, June 1989.
- Denters, Erik M.G., 1996, *Law and Policy of IMF Conditionality*, Kluwer Law International, The Hague.
- Devlin, Robert, 1990, "The Menu Approach," *IDS Bulletin*, Vol. 23, No. 2.
- Didszun, Klaus, 1990, "On the Problem of Negative Net Transfers to Developing Countries," *Intereconomics*, May–June.
- Drewnowski, Jan, 1965, *The Level of Living Index*, UNRISD, Geneva.
- Ebel, Beth, 1991, *Patterns of Government Expenditure in Developing Countries During the 1980s*, UNICEF, Florence.
- Edwards, Sebastian, 1988, *La crisis de la deuda externa y las políticas de ajuste estructural en América Latina*, CIEPLAN Studies, Santiago.
- Elson, Diane, 1989, "How is Adjustment Affecting Women?" *Development*, No. 1.

- Faber, Mike and Jones, Griffith, 1990, "Editorial on Approaches to Third World Debt Reduction," IDS Bulletin, Vol. 23, No. 2.
- Fabricant, Stephen and Kamara, Clifford, 1990, The Financing of Community Health Services in Sierra Leone, UNICEF, New York.
- Forbes Magazine, annual publication listing international billionaires, available online at <http://www.forbes.com/>.
- Ferroni, Marco and Kanbur, Ravi, 1991, Poverty Conscious Restructuring of Public Expenditure, SDA Working Paper No. 9, World Bank, Washington, DC.
- Figueroa, Adolfo, 1989, "Integración de las políticas de corto y largo plazo", Economía XII:23, June.
- Food and Agriculture Organization (FAO), 2000, Special Report: FAO/WFP Crop Assessment Mission to Ethiopia, Rome.
- Foxley, A., 1987, "Latin American Development after the Debt Crisis", Journal of Development Economics, Vol. 27, Nos. 1-2.
- French, Hillary, 2000, Vanishing Borders: Protecting the Planet in the Age of Globalization, Norton, New York.
- Garcia Sayan, Diego (editor), 1989, Coca, cocaína y narcotráfico, Comisión Andina de Juristas, Lima.
- Gates, Jeff, 2000, Democracy at Risk: Rescuing Main Street from Wall Street, Perseus Press, New York.
- Gervais, Myriam, 1993, "Etude de la pratique des ajustements au Niger et au Rwanda", Labor, Capital and Society, Vol. 26, No. 1.
- Gervasi, Sean, 1993, "Germany, US and the Yugoslav Crisis", Covert Action, No. 43, Winter 1992-93.
- Ghai, Dharam, 1992, Structural Adjustment, Global Integration and Social Democracy, UNRISD, Geneva.
- Glasberg, Davita Silfen and Skidmore, Dan, 1997, Corporate Welfare Policy and the Welfare State: Bank Deregulation and the Savings and Loan Bailout, Aldine De Gruyter.
- Global Outlook, Shanty Bay, Ontario, Quarterly Magazine.
- Glover, David, 1991, "A Layman's Guide to Structural Adjustment", Canadian Journal of Development Studies, Vol. 12, No. 1.
- Goncalves, R., 1986, Structural Adjustment and Structural Change: In Search of a Solution, UNCTAD, Geneva.
- Griffith-Jones, S. and O. Sunkel, 1986, Debt and Development Crises, Oxford, Clarendon Press.
- Griffith-Jones, S., 1989, "Debt Reduction with a Human Face", Development, No. 1.
- Griffith-Jones, S. (editor), 1989, Debt Management and the Developing Countries, UNDP, New York.
- Grootaert, C. and Marchant T., The Social Dimensions of Adjustment Survey, World Bank, Washington, DC.
- Guichaoua, André, 1987, "Les paysans et l'investissement-travail au Burundi et au Rwanda", Bureau international du Travail, Geneva.
- Guichaoua, André, 1989, Destins paysans et politiques agrarières en Afrique centrale, L'Harmattan, Paris.
- George, Susan, 1999, The Lugano Report, Pluto Press, London.
- George, Susan and Fabrizio Sabelli, 1994, Faith and Credit: The World Bank's Secular Empire, Penguin Books, London.
- Haggard, Stephen et al., 1992, The Politics of Economic Adjustment, Princeton University Press, Princeton.
- Helleiner, G.K., 1987, "Stabilization, Adjustment and the Poor", World Development, 15:2 December.

- Heller, Peter et al., 1988, *The Implications of Fund-Supported Adjustment for Poverty*, IMF, Washington, DC.
- Hicks, R. and O. Per Brekk, 1991, *Assessing the Impact of Structural Adjustment on the Poor, the Case of Malawi*, IMF, Washington, DC.
- Hoogfeld, Ankie, 1997, *Globalization and the Postcolonial World: The New Political Economy of Development*, John Hopkins University Press, Baltimore.
- Hossein Farzin, 1991, "Food Aid: Positive and Negative Effects in Somalia?", *The Journal of Developing Areas*, January.
- Hussein, Mosharaf, A.T.M. Aminul Islam and Sanat Kumar Saha, 1987, *Floods in Bangladesh: Recurrent Disaster and People's Survival*, Universities' Research Centre, Dhaka.
- Hudson, Michael, 1998, "Big Bang is Culprit behind Yen's Fall", *Our World*, No. 187, Kawasaki, 28 July 1998.
- Hudson, Michael and Bill Totten, 1998, "Vulture speculators", *Our World*, No. 197, Kawasaki, 12 August 1998.
- Institute of International Finance, 1997, *Report of the Multilateral Agencies Group*, IIF Annual Report, Washington, DC.
- Instituto de Pesquisa Económica Aplicada (IPEA), 1993, *Mapa da Fome II: Informações sobre a Indigência por Municípios da Federação*, Brasília.
- Inter-American Development Bank, 1991, *Economic and Social Progress in Latin America, 1991 Report*, Washington, DC.
- International Labour Office, 1992, *Adjustment and Human Resource Development*, Geneva.
- International Labour Organization, 1989, *Generating Employment and Incomes in Somalia, Jobs and Skills Programme for Africa*, Addis Ababa.
- International Monetary Fund, annual, *Annual Report*, Washington, DC.
- International Monetary Fund, annual, *World Economic Outlook*, Washington, DC.
- International Monetary Fund, 1988, *The Implications of Fund-Supported Adjustment Programs for Poverty*, IMF, Washington, DC.
- International Monetary Fund, 1991, *Bangladesh: Economic Reform Measures and the Poor*, Washington, DC.
- International Monetary Fund, World Bank, OECD and EBRD, 1991, *A Study of the Soviet Economy*, Paris.
- International Monetary Fund and IDA, 1996, *Heavily Indebted Poor Countries (HIPC) Initiative: Strengthening the Link between Debt Relief and Poverty Reduction*, Washington, DC.
- International Monetary Fund, 1997, *Korea: Request for Stand-by Arrangement*, Washington, DC, December 3, 1997, <http://www.chosun.com/feature/imfreport.html>.
- International Monetary Fund, 1999, *Ethiopia: Recent Economic Developments*, Washington, DC.
- Jackson, Karl D. (editor), 1999, *The Asian Contagion: The Causes and Consequences of a Financial Crisis*, Westview Press.
- Jamal, V., 1988, "African Crisis, Food Security and Structural Adjustment", *International Labour Review*, 127:6.
- Jesperson, Eva, 1991, *External Shocks, Adjustment Policies and Economic and Social Performance*, UNICEF, New York.
- Johnson, John H., 1993, *Borrower Ownership of Adjustment Programs and the Political Economy of Reform*, World Bank, Washington, DC.
- Kanbur, Ravi, 1989, *Poverty and the Social Dimensions of Adjustment in Côte d'Ivoire*, World Bank, Washington, DC.
- Kapeliouk, Amnon, 1993, "La détresse de la société russe", *Le Monde diplomatique*, September.
- Kaufman, Bruce E., 1989, *The Economics of Labor and Labor Markets*, Second edition, Orlando.

- Khan, Mohsin, 1990, "The Macroeconomic Effects of Fund-Supported Adjustment Programs", IMF Staff Papers, Vol. 37, No. 2, Washington, DC.
- Khor, Martin, 1995, "Baring and the Search for a Rogue Culprit", Third World Economics, No. 108, March 1995.
- Khor, Martin, 1997, "SEA Currency Turmoil Renews Concern on Financial Speculation", Third World Resurgence, No. 86, October 1997.
- Khor, Martin, 2000, "The New Frontier", The Ecologist, Vol. 30, No. 6.
- Khor, Martin, 2000, Rethinking globalization: critical issues and policy choices, Zed Books, London, New York.
- Khor, Martin, 2000, Globalisation and the South: Some Critical Issues, Third World Network, Penang, Malaysia.
- Khor, Martin, 2002, Intellectual Property, Biodiversity and Sustainable Development: Resolving the Difficult Issues, Zed Books, London, Third World Network, Penang.
- Killick, T. (editor), Adjustment and Financing in the Developing World: the Role of the IMF, IMF, Washington, DC.
- Killick, T., 1993, The Adaptive Economy: Adjustment Policies in Low-Income Countries, World Bank, Washington, DC.
- Kisic, Drago and Veronica Ruiz de Castilla, 1989, "La Economia peruana en el contexto internacional", CEPEI, Vol. 2, No. 1, January.
- Korten, David, 1999, The Post-Corporate World, Kumarian Press, West Hartford, Connecticut.
- Korten, David, 2001, When Corporations Rule the World, Kumarian Press, Inc., West Hartford, Connecticut, and Berrett-Koehler Publishers, Inc., San Francisco.
- Krasner, Stephen D., 1985, Structural Conflict: The Third World against Global Liberalism, Berkeley, University of California Press.
- Krueger, Ann, 1987, "Debt, Capital Flows and LDC Growth", American Economic Review, 77:2.
- Krueger, Ann, et al., 1990, "Developing Countries' Debt Problems and Efforts at Policy Reform", Contemporary Policy Issues, January.
- Labour Focus on Eastern Europe, quarterly, Oxford.
- Langoni, Carlos, 1987, The Development Crisis, International Center for Economic Growth, San Francisco.
- Lee, Catherine, 1998, "The Wrong Medicine; Nationalization of Commercial Banks in South Korea", The Banker, December, 1998.
- Lifschutz, Lawrence, 1979, Bangladesh, the Unfinished Revolution, Zed Press, London.
- Lopez Acuña, Daniel, et al., 1991, Reforma del Estado y Desarrollo Social en America Latina, PAHO/OPS, Washington, DC.
- Lora, G., 1988, Politica y burguesia narcotraficante, Mi Kiosco, La Paz.
- Loxley, John, 1986, Debt and Disorder: External Financing for Development, Westview Press.
- Loxley, John, 1991, Ghana's Recovery: An Assessment of Progress, 1987-1990, The North-South Institute, Ottawa.
- Madrid Declaration of Alternative Forum, 1994, The Other Voices of the Planet, Madrid.
- Magdoff, Fred, John Bellamy Foster, and Frederick H. Buttel (eds.), 2000, Hungry for Profit: The Agribusiness Threat to Farmers, Food, and the Environment, Monthly Review Press, New York.
- Malpica, Carlos, 1989, El poder economico en el Peru, Vol. I, Mosca Azul Editores, Lima.
- Manley, M. and W. Brandt, 1985, Global Challenge: From Crisis to Cooperation, Pan Books, London.
- Martin, Hans-Peter and Schuman, Harald, 1997, The Global Trap: Globalization and the Assault on Prosperity and Democracy, Zed Books.

- Martirena Mantel, A. M. (ed.), 1987, External Debt, Savings and Growth in Latin America, International Monetary Fund-Instituto Torcuato Di Tella, Buenos Aires.
- Maya, R. S., 1988, Structural Adjustment in Zimbabwe: Its Impact on Women, Zimbabwe Institute of Development Studies, Harare.
- McAfee, Kathy, 1991, *Storm Signals: Structural Adjustment and Development Alternatives in the Caribbean*, South End Press, Boston, Mass.
- McGowan, David, Derailing Democracy: The America the Media Don't Want You to See, Common Courage.
- McLaughlin, Martin, 1999, "Clinton Republicans Agree to Deregulation of US Banking System," World Socialist Website, <http://www.wsws.org/>, 1 November 1999.
- Mendoza, Teresa, Rebosio Guillermo, and Alvarado, Carmen, 1990, Canasta óptima alimentaria, Centro de Estudios Nueva Economía y Sociedad, Lima.
- Miller, M., 1989, *Resolving the Global Debt Crisis*, United Nations Development Programme, New York.
- Morales, Juan Antonio, 1987, "Estabilización y Nueva Política Económica en Bolivia," *El Trimestre Económico*, Vol. 54.
- Morales, Juan Antonio, 1989, The Costs of the Bolivian Stabilization Programme, Documento de Trabajo No. 01/89, Universidad Católica Boliviana, La Paz.
- Morales, Juan Antonio, 1990, The Transition from Stabilization to Sustained Growth in Bolivia, paper presented at "Lessons of Economic Stabilization and Its Aftermath," Bank of Israel and Interamerican Development Bank, Jerusalem, January-February 1990.
- Moser, Caroline O.N., 1989, "The Impact of Recession and Structural Adjustment on Women: Ecuador," *Development*, No. 1.
- Mosley, 1990, Increased Aid Flows and Human Resource Development in Africa, UNICEF, Florence.
- Murray, C., 1987, "A Critical Review of International Mortality Data," *Soc. Sci. Med.*, Vol. 25, No. 7.
- Nagaraj, K., et al., 1991, "Starvation Deaths in Andhra Pradesh," *Frontline*, 6 December.
- Nahimana, Ferdinand, 1993, *Le Rwanda: Emergence d'un Etat*, L'Harmattan, Paris.
- Nelson, Joan M. (ed.), 1990, *Economic Crisis and Policy Choice: The Politics of Adjustment in the Third World*, Princeton University Press.
- Newbery, David, 1989, "The Debt Crisis," *Development*, No. 1.
- North-South Institute, 1988, *Structural Adjustment in Africa: External Financing in Development*, Ottawa, The North-South Institute.
- Nuqui, Wilfredo, 1991, *The Health Sector and Social Policy in the Philippines since 1985*, UNICEF, Florence.
- Oyejide T.A., 1985, *Nigeria and the IMF*, Heinemann, Ibadan.
- Panamerican Health Organization, 1990, *Development and Strengthening of Local Health Systems*, Washington, DC.
- Panamerican Health Organization, 1991, *Health Conditions in the Americas*, Vol. 1, Washington, DC.
- Pandhe, M.K., 1991, *Surrender of India's Sovereignty and Self-Reliance*, Progressive Printers, New Delhi.
- Pastor, Manuel, 1987, "Effects of IMF Programs in the Third World," *World Development*, 15:2.
- Peet, Richard (ed.), 1987, *International Capitalism and Industrial Restructuring*.
- Pilger, John, 1998, *Hidden Agendas*, Vintage, London.
- Pirages, Dennis C., 1990, *Transformations in the Global Economy*, London, Macmillan.
- Polanyi-Levitt, Kari, 1989, Some Reflections on the LDC Debt Crisis, Department of Economics, McGill University, Working Paper 2/89, Montreal.
- Portes, Richard, 1990, "Development versus Debt: Past and Future," *IDS Bulletin*, Vol. 23, No. 2.

- Pronk, Jan, 1989, "Adjustment and Development: Bridging the Gap," *Development*, No. 1.
- République Rwandaise, Ministère des Finances et de l'Économie, 1987, *L'Économie rwandaise, 25 Ans d'Efforts (1962-1987)*, Kigali.
- Raghavan, Chakravarthi, 2000, *The WTO and its Dispute Settlement System: Tilting the Balance against the South*, Third World Network, Penang, Malaysia.
- Raghavan, Chakravarthi, 2002, *Developing Countries and Services Trade: Chasing a Black Cat in a Dark Room*, Blindfolded, Third World Network, Penang, Malaysia.
- Rhodes, W., 1990, "The Debt Problem at the Crossroads," *IDS Bulletin*, Vol. 23, No. 2.
- Ribe, Helen et al., 1989, *How Adjustment Programs Can Help the Poor*, World Bank, Washington, DC.
- Ritter, A. and Pollock, D., 1985, *The Latin American Debt Crisis: Causes, Consequences and Prospects*, North-South Institute, Ottawa.
- Rumiya, Jean, 1992, *Le Rwanda sous le régime du Mandat Belge (1916-1931)*, L'Harmattan, Paris.
- Russell, Robert, 1990, "The New Roles and Facilities of the IMF," *IDS Bulletin*, Vol. 23, No. 2.
- Sachs, Jeffrey (ed.), 1989, *Developing Country Debt and the World Economy*, University of Chicago Press, Chicago.
- Sandifor, Peter, et al., 1991, "Why Do Child Mortality Rates Fall? An Analysis of the Nicaraguan Experience," *American Journal of Public Health*, Vol. 81, No. 1.
- Schadler, Susan, et al., 1993, *Economic Adjustment in Low-Income Countries*, IMF, Washington, DC.
- Seshamani, V., 1990, *Towards Structural Transformation with a Human Focus: The Economic Programs and Policies of Zambia in the 1980s*, UNICEF, Florence.
- Singh, Kavaljit, 1998, *Citizen's Guide to the Globalization of Finance*, Madhyam Books, Delhi and Zed Books, London.
- Smith, J.W., 2000, *Economic Democracy: The Struggle of the Twenty-first Century*, M.E. Sharpe, New York.
- Sobhan, Rehman, 1991, *The Development of the Private Sector in Bangladesh: A Review of the Evolution and Outcome of State Policy*, Research Report No. 124, Bangladesh Institute of Development Studies.
- Socialist Republic of Vietnam, 1993, *Vietnam: A Development Perspective* (Main document prepared for the Paris Donor Conference), Hanoi.
- Shiva, Vandana, 2000, "The Threat to Third World Farmers," *The Ecologist*, Vol. 30, No. 6.
- Shiva, Vandana, 2000, *Stolen Harvest: The Hijacking of the Global Food Supply*, South End Press, Cambridge, Mass.
- Shiva, Vandana, 1997, *Biopiracy: The Plunder of Nature and Knowledge*, South End Press, Cambridge, Mass.
- Squire, Lyn David, 1991, "Introduction: Poverty and Adjustment in the 1980s," *The World Bank Economic Review*, Vol. 5, No. 2.
- Standing Committee on External Affairs, 1990, *Securing Our Global Future: Canada's Unfinished Business of Third World Debt*, Ottawa: House of Commons.
- Stiglitz, Joseph, 2002, *Globalization and Its Discontents*, W.W. Norton, New York.
- Streeten, P., 1987, "Structural Adjustment: A Survey of the Issues and Options," *World Development*, 15:22, December.
- Streeten, Paul, 2001, *Globalisation – Threat or Opportunity*, Copenhagen Business School Press, Copenhagen.
- Suarez, Ruben, 1991, *Crisis, Ajuste y Programas de Compensación Social: Experiencias de los Fondos Sociales en Países de América Latina y el Caribe*, Organización Panamericana de la Salud, Washington, DC.

- Thomas, Caroline and Wilkin, Peter, 1999, Globalization, Human Security and the African Experience, Rienner, London.
- Tarp, Finn, 1993, Stabilisation and Structural Adjustment, Routledge, London.
- Third World Resurgence, monthly, Penang.
- Third World Economics, monthly, Penang.
- Tomann, H., 1988, "The Debt Crisis and Structural Adjustment in Developing Countries," *Intereconomic* 23:5.
- UNICEF, 1989, Revitalising Primary Health Care/Maternal and Child Health: The Bamako Initiative, report by the Executive Director, New York.
- United Nations Conference on the Least Developed Countries, 1990, Country Presentation by the Government of Rwanda, Geneva.
- United Nations Development Programme, Human Development Report, annual, New York.
- United Nations Economic Commission for Africa, 1989, African Alternative Framework to Structural Adjustment Programs for Socio-Economic Recovery and Transformation, ECA, Addis Ababa.
- UNICEF, 1991a, The State of the World's Children, 1991, New York.
- UNICEF, 1991b, The Bamako Initiative: Progress Report and Recommendation Submitted to Executive Board, 1991 Session, New York.
- United States Agency for International Development (USAID), 1993, Mission to Ethiopia: Concept Paper: Back to the Future, Washington, DC.
- Vietnam Ministry of Education, UNDP, UNESCO (National Project Education Sector Review and Human Resources Sector Analysis), 1992, Vietnam Education and Human Resources Analysis, Vol. 1, Hanoi.
- BIBLIOGRAPHY 367**
- Wagao, Jumanne H., 1990, Adjustment Policies in Tanzania, 1981-1989: The Impact on Growth, Structure and Human Welfare, UNICEF, Florence.
- Wallach, Lori, et al., 1999, Whose Trade Organization?: Corporate Globalization and the Erosion of Democracy, Public Citizen Inc.
- Wallach, Lori, et al., 2000, The WTO: Five Years of Reasons to Resist Corporate Globalization, Open Media Pamphlet Series, Seven Stories Press.
- Watkins, Kevin, 1997, Globalisation and Liberalization: Implications for Poverty, Distribution and Inequality, United Nations Development Program, Occasional Paper 32.
- Weisner, W., "Domestic and External Causes of the Latin American Debt Crisis," *Finance and Development*, 22:1, March 1985.
- Williams, Maurice, 1989, "Note on the Structural Adjustment Debate in Africa" and "Options for Relieving Debt of Low-Income Countries," *Development*, No. 1.
- Williamson, John (ed.), 1984, IMF Conditionality, Institute for International Economics.
- Williamson, John, 1990, "The Debt Crisis at the Turn of the Century," *IDS Bulletin*, Vol. 23, No. 2.
- World Bank, annual, World Debt Tables, annual, Washington DC.
- World Bank, annual, World Development Report, Washington DC, Oxford University Press.
- World Bank, 1983, Yugoslavia: Adjustment Policies and Development Perspectives, Washington, DC.
- World Bank, 1989, Peru: Policies to Stop Hyperinflation and Initiate Economic Recovery, Washington, DC.
- World Bank, 1989, Adjustment Lending: An Evaluation of Ten Years of Experience, Washington, DC.
- World Bank, 1989, Sub-Saharan Africa: From Crisis to Sustainable Growth, Washington, DC.

- World Bank and UNDP, 1989, Africa's Adjustment and Growth in the 1980s, Washington, DC.
- World Bank, 1990, Social Dimensions of Adjustment Priority Survey, SDA Working Paper No: 12, Washington, DC.
- World Bank, 1990, Assistance Strategies to Reduce Poverty, Washington, DC.
- World Bank, 1990, Making Adjustment Work for the Poor, Washington, DC.
- World Bank, 1990, Analysis Plans for Understanding the Social Dimensions of Adjustment, Washington DC.
- World Bank, 1991, The Poverty Handbook, discussion draft, Washington, DC.
- World Bank, 1991, Human Development: A Bank Strategy for the 1990s, Washington, DC.
- World Bank, 1993, Viet Nam: Transition to Market Economy, Washington, DC.
- World Bank, 1993, Vietnam: Population, Health and Nutrition Review, Washington, DC.
- World Bank, 1994, Adjustment in Africa, Washington DC, Oxford University Press.
- World Bank, 1995, Toward Gender Equality: The Role of Public Policy, United Nations Fourth Conference on Women, Beijing.
- World Bank, 1995, Advanced Gender Equality: From Concept to Action, United Nations Fourth Conference on Women, Beijing.
- World Bank, 1995, The Gender Issue as Key to Development, Washington, DC., Document HCO,95/01.
- World Bank, 1995, Letting Girls Learn, World Bank Discussion Paper Series, Washington, DC.
- World Bank, 2000, Heavily Indebted Poor Countries Initiative,
http://www1.worldbank.org/prsp/PRSP_Policy_Papers/prsp_policy_papers.html, Washington, DC.
- World Bank, 2000, Poverty Reduction Strategy Papers,
http://www1.worldbank.org/prsp/PRSP_Policy_Papers/prsp_policy_papers.html, Washington, DC.
- Yoder, R.A., "Are People Willing and Able to Pay for Health Services," Social Science and Medicine, Vol. 29.
- Zuckerman, Elaine, 1989, Adjustment Programs and Social Welfare, World Bank discussion paper No. 44, Washington, DC.

Согласие автора на перевод и публикацию книги получено.

Перевод: Е. В. Шелестюк и студенты историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (отделение зарубежной филологии), 2024 г.

ССЫЛКИ

¹ Associated Press, 14 August 1993.

² The Wind in the Balkans, The Economist, London, February 8, 1997, p. 12.

³ Jonathan C. Randal, «Reform Coalition Wins, Bulgarian Parliament, The Washington Post, April 20 1997, p. A21.

⁴ Korean Federation of Trade Unions, Unbridled Freedom to Sack Workers Is No Solution at All', Communiqué, Seoul, 13 January 1998.

⁵ Eric Ekholm, «On the Road to Capitalism, China Hits a Nasty Curve: Joblessness», New York Times, January 20, 1998.

⁶ Ibid.

⁷ В США большинство созданных рабочих мест в 1980-е годы были временными или контрактными. См.: Серге Галими, «Кто же финансирует создание миллионов рабочих мест в США», «Ле Монд дипломатик», март 1989.

⁸ Ibid.

⁹ See Earl Silber and Steven Ashby, «UAW and the 'Cat' Defeat», Against the Current, July/August 1992.

¹⁰ Майкл Дэвис, «Реалии восстания», журнал «Against the Current», июль-август, 1991, с. 17.

¹¹ См. материалы Конференции ООН по профилактике преступлений, Каир, май 1995 г. См. также Жан Эрв Деиллер, «Ежегодная прибыль в 1000 миллиардов для „Интернационального преступления“», газета «La Presse», Монреаль, 30 апреля 1996 г.

¹² Даниэль Бранд, «Организованная преступность угрожает новому мировому порядку», Namebase Newsline, штат Огайо, вып. 8, январь-март 1995 г.

¹³ Информационное сообщение агентства Reuters, 25 января 1995 г.

¹⁴ Международная организация труда, Второй всемирный доклад о занятости, Женева, 1996 г.

¹⁵ Международный список миллиардеров, самые богатые люди мира, журнал Forbes, Нью-Йорк, ежегодно публикуемый. Список доступен на сайте: <http://www.forbes.com/>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Чарльз Лоренс, «Воины с Уолл-стрит проталкиваются в Клуб миллиардеров», Daily Telegraph, Лондон, 30 сентября 1997 г.

¹⁸ «Растущий спрос преображает рынки», Financial Times, Лондон, 21 июня 1995 г., стр. II.

¹⁹ Financial Times, Лондон, 7 июня 1996 г., стр. III.

²⁰ Петер Бушард, «Взламываем швейцарские банки», The Multinational Monitor, ноябрь 1992 г.

²¹ Основано на интервью автора в Тунисе и Кении, декабрь 1992 г.

²² В то время как крупные транснациональные компании свободно перемещаются внутри Североамериканской зоны свободной торговли, нетарифные ограничения мешают мелкому капиталу одного канадского региона вести деятельность в другом канадском регионе.

²³ Цитируется по книге Мишеля Чоссудовского «Путь к реставрации капитализма. Китайский социализм после Мао», издательство Macmillan, Лондон, 1986 г., стр. 134.

²⁴ Согласно данным Центра голода, бедности и политики питания Университета

Тафтса.

²⁵ Financial Times, 3 марта 1989 г.

²⁶ Интервью, проведенные автором в Ханое и Хошимине в январе 1991 года.

²⁷ Стоит отметить, что доля стран третьего мира в общем мировом доходе неуклонно снижалась с момента долгового кризиса. В то время как группа стран с низким доходом увеличила свою долю в мировом населении более чем на 2% за трехлетний период с 1988 по 1991 год, ее доля в мировом доходе снизилась с 5,4 до 4,9%. Аналогичным образом, доля стран Африки к югу от Сахары в мировом доходе снизилась за тот же период с 0,9 до 0,7%. В 1993 году Всемирный банк пересмотрел основу измерения и сравнения дохода на душу населения. Цифры, содержащиеся в таблице 1.1, основаны на новой методологии Всемирного банка, которая указывает на более высокую долю стран с низким доходом, чем в 1980-х годах.

²⁸ Подробности см. в тексте Заключительного акта об учреждении Всемирной торговой организации на веб-странице ВТО по адресу <http://www.wto.org/>.

²⁹ «Пусть хорошие времена продолжаются», газета Financial Times, редакционная статья, комментирующая экономические прогнозы ОЭСР, 31 декабря 1994 г. — 1 января 1995 г., стр. 6.

³⁰ См.: Всемирный Банк, Доклад о мировом развитии, 1990 г., Бедность, Вашингтон, округ Колумбия, 1990 г.

³¹ В аналогичный докладу Всемирного банка 1990 г. о бедности период, Бюро переписи населения США оценивает уровень бедности в стране на уровне 18,2% (1986 г.); см.: Брюс Э. Кауфман, Экономика труда и рынков труда, второе издание, Орландо, 1989 г., стр. 649.

³² Всемирный Банк, Доклад о мировом развитии, 1997 г., глава 9, таблица 9.2.

³³ См.: Всемирный Банк, Доклад о мировом развитии, 1997 г., таблица 9.2, глава 9.

³⁴ Программа развития ООН, Доклад о человеческом развитии, 1997 г., Нью-Йорк, 1997 г., стр. 2.

³⁵ Там же, стр. 5.

³⁶ См.: Бюро переписи населения США, Текущие отчёты о населении, Серия P60–198, Уровень бедности в Соединенных Штатах: 1996 г., Вашингтон, 1997 г.

³⁷ Бюро переписи населения США, Уровень бедности в Соединённых Штатах: 1996 г., Вашингтон, 1997 г.

³⁸ Согласно официальному определению Статистического управления Канады, Оттава, 1995 г. Для рейтингов стран согласно Индексу человеческого развития Программы развития ООН см. таблицу 6, Доклад о человеческом развитии, 1997 г., стр. 161.

³⁹ См. Всемирный банк, таблицы мирового долга, различные выпуски.

⁴⁰ Выдача кредитов обычно осуществляется несколькими траншами. Освобождение каждого транша обусловлено реализацией конкретных экономических реформ.

⁴¹ Эти займы представляют собой так называемую «помощь для сбалансированного платежного баланса».

⁴² Всемирный банк, Корректировка в Африке, Оксфорд Юниверсити Пресс, Вашингтон, 1994, стр. 9.

⁴³ Карло Коттарелли, Ограничение кредитования центрального банка правительству, МВФ, Вашингтон, округ Колумбия, 1993, стр. 3.

⁴⁴ Там же, стр. 26.

⁴⁵ Мохсин Хан, «Макроэкономические эффекты программ регулирования, поддерживаемых Фондом», Документы персонала МВФ, Том 37, № 2, 1990, стр. 196, стр. 222.

⁴⁶ Всемирный банк, Корректировка в Африке, Оксфорд Юниверсити Пресс, Вашингтон, 1994, стр. 17.

⁴⁷ Различные исследования, включая крупное исследование ЮНИСЕФ под

названием «Структурная перестройка с человеческим лицом», изучали влияние макроэкономической политики на ряд социальных показателей, включая заболеваемость и частоту инфекционных заболеваний, младенческую смертность, уровень детского питания, уровень образования.

⁴⁸ Стоит отметить, что согласно схеме возмещения затрат, предложенной международными финансовыми учреждениями странам-должникам, министерство здравоохранения должно сократить свои расходы и возложить затраты на содержание медицинских центров на бедные сельские и городские общины. В рамках схемы возмещения затрат предусматривается «децентрализация принятия решений» и «участие и контроль сообщества»; это означает, что бедные сельские и городские общины – становясь формально «самостоятельными» – будут нести бремя субсидирования министерства здравоохранения.

⁴⁹ См. Всемирный банк, Отчет о мировом развитии за 1993 год: Инвестиции в здравоохранение, Вашингтон, округ Колумбия, 1993, стр. 106.

⁵⁰ По вопросу возмещения затрат см. ЮНИСЕФ, «Восстановление первичной медико-санитарной помощи / Охрана материнства и детства, инициатива Бамако», доклад исполнительного директора, февраль 1989 года, стр. 16.

⁵¹ См. Мадридскую декларацию Альтернативного форума, «Другие голоса планеты», Мадрид, октябрь 1994 года.

⁵² Всемирный банк, К гендерному равенству: роль государственной политики, Четвертая конференция ООН по положению женщин, Пекин, 1995. См. также Всемирный банк, Продвижение гендерного равенства: от концепции к действию: Четвертая конференция ООН по положению женщин, Пекин, 1995.

⁵³ Всемирный банк, Гендерный вопрос как ключ к развитию, Вашингтон, Документ НСО, 95/01, 1995, стр. 1.

⁵⁴ Всемирный банк, Пусть девочки учатся, Серия обсуждений Всемирного банка, Вашингтон, 1995.

⁵⁵ Международный перенос производства был начат в 1960-х годах четырьмя азиатскими странами: Гонконгом, Тайванем, Сингапуром и Южной Кореей. Вначале он был ограничен «мягкими» областями экспортной переработки и сборки (такими как швейная промышленность и сборка электроники).

⁵⁶ Минимальная заработка на производстве в Бангкоке в размере 4 долларов США в день (1991 год) на современных фабриках не применяется.

⁵⁷ В условиях низких гражданских расходов военные расходы также играют важную роль в восстановлении спроса.

⁵⁸ «In zwei Jahren über den Berg», Der Spiegel, № 19, 1991, стр. 194.

⁵⁹ Сбор за обработку экспорта в Хошимине составляет 0,80 цента за рубашку (январь 1991 г.).

⁶⁰ Авторское интервью в швейной отрасли Бангладеш, 1992 год.

⁶¹ В 1970-е годы происходила приватизация скважин и пастбищных угодий, которая способствовала обогащению коммерческих животноводческих компаний. В то же время приватизация способствовала обнищанию кочевых скотоводов. Как и в других развивающихся странах, товарные культуры на экспорт занимали лучшие земли, что ослабляло продовольственное сельское хозяйство и мелкое крестьянство.

⁶² Также, начиная с середины 1970-х годов, наблюдался значительный приток денежных переводов от сомалийских рабочих в странах Персидского залива, вызванный нефтяным бумом.

⁶³ В начале 1970-х годов продовольственной помощи почти не оказывалось.

⁶⁴ Всемирный банк и МВФ удерживали 20% долга Сомали в период 1983-85 гг. См. International Labor Organization (Международная организация труда), Generating Employment and Incomes in Somalia, Jobs and Skills Program for Africa, Addis Ababa, 1989, p.

5.

⁶⁵ Международная организация труда, указ. соч., стр. 16.

⁶⁶ К середине 1980-х годов потребление продуктов питания превышало 35%. См. Hossein Farzin, «Food Aid: Positive and Negative Effects in Somalia?», *The Journal of Developing Areas*, January 1991, p. 265.

⁶⁷ По данным Международной организации труда (МОТ), Государственная корпорация сельскохозяйственного развития (ADC) исторически занимала ключевую позицию в установлении высоких закупочных цен для сельхозпроизводителей. Как отмечается в источнике, «ADC стимулировала излишнее производство кукурузы и сорго» (цитируется по изданию МОТ, стр. 9). Вместе с тем данные Всемирного банка указывают на иную картину: после отмены государственного регулирования цен на зерно в 1983 году произошло значительное повышение объемов производства кукурузы и сорго.

⁶⁸ См. «African Rights», «Сомали: операция „Восстановление надежды“: предварительная оценка», Лондон, май 1993 г., стр. 18.

⁶⁹ Всемирный банк, «Южная Сахара: От кризиса к устойчивому росту», Вашингтон, округ Колумбия, 1989, стр. 98.

⁷⁰ Там же, стр. 98-101. Чрезмерный выпас вреден для окружающей среды, но проблему нельзя решить путем сокращения средств к существованию скотоводов.

⁷¹ С 1975 по 1989 год.

⁷² Единственным источником финансирования проектов развития были средства, выделяемые в рамках различных программ товарной помощи. Большинство текущих расходов также зависели от доноров.

⁷³ Ассигнования на расходы на оборону оставались высокими в процентном выражении, но сократились в реальном выражении.

⁷⁴ Заработка плата в государственном секторе составляла всего 0,5% ВВП в 1989 году.

⁷⁵ Сокращение государственных служащих в течение пятилетнего периода (1991-95 гг.).

⁷⁶ Сокращение занятости в государственном секторе на 40% в течение пятилетнего периода (1991-95 гг.).

⁷⁷ Первая часть кредита Международного банка реконструкции и развития (IDA Credit ASAP II) была выделена, вторая часть заморожена в 1990 году. Кредит был аннулирован в январе 1991 года после падения правительства Сиада Барре.

⁷⁸ Лесли Кроуфорд, «Западноафриканцы пострадали от политики ЕС в отношении говядины», *Financial Times*, 21 мая 1993 г.

⁷⁹ Источник: см. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, «Африка южная, вековая засуха», Женева, июль 1992 г.

⁸⁰ Данные за 1970 год взяты из Всемирного банка, Доклад о мировом развитии, 1992. Данные за 1993 год предоставлены Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН, Ситуация с поставками продовольствия и перспективы урожая в странах Африки к югу от Сахары, Специальный доклад, № 1, Рим, апрель 1993 г., стр. 10.

⁸¹ Там же, стр. 5.

⁸² Источник: см. «Табак, золотистый лист», журнал «Экономист Южной Африки», май 1993 г., стр. 49-51.

⁸³ Источник: см. Всемирный банк, Доклад о мировом развитии, 1992, глава 5.

⁸⁴ Система экспортных квот Международной кофейной организации была упразднена после встречи во Флориде в июле 1989 года. В результате этого решения цена на кофе в порте Момбаса упала с 131 доллара за фунт в мае 1989 года до 0,60 доллара в декабре того же года. Источник: *Marchés tropicaux*, 18 мая 1990 г., с. 1369; 29 июня 1990 г., с. 1860.

⁸⁵ Анализ периода бельгийского мандата в Руанде представлен в работах Жана Римье и Андре Гишауа. Источник: J. Rumiya, *Le Rwanda sous le régime du mandat belge (1916-1931)*, изд-во L'Harmattan, Париж, 1992, cc. 220-26; A. Guichaoua, *Destins paysans etc politiques*,

изд-во L'Harmattan, Париж, 1989.

⁸⁶ Этап становления современного государства Руанды исследован в монографии Фердинанда Нахимана. Источник: F. Nahimana, *Le Rwanda, Emergence d'un état*, изд-во L'Harmattan, Париж, 1993.

⁸⁷ Источник: *New African*, июнь 1994 г., с. 16.

⁸⁸ Доклад правительства Руанды на Конференции ООН по наименее развитым странам, Женева, 1990 г.; Министерство финансов и экономики Республики Руанда, *L'économie rwandaise, 25 ans d'efforts (1962-87)*, Кигали, 1987.

⁸⁹ Источник: A. Guichaoua, *Les paysans et l'investissement-travail au Burundi et au Rwanda*, Бюро международной организации труда, Женева, 1987.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Согласно сценарию II, темпы роста экспорта должны увеличиться на 5 процентов по сравнению с показателями сценария I.

⁹² В 1989 году был предоставлен долг на сумму 46 млн долларов США.

⁹³ Всемирный банк, Справочные таблицы мирового долга, 1993–1994, Вашингтон, округ Колумбия, с. 383. Задолженность увеличилась более чем на 400% с 1980 года (со 150,3 млн долларов в 1980 году до 804,3 млн долларов в 1992 году).

⁹⁴ См.: Мариэм Гервэ, «Анализ практики корректировок в Нигере и Руанде», *Труд, Капитал и Общество*, т. 26, № 1, 1993, с. 36.

⁹⁵ Приведённые данные являются консервативной оценкой. Источник: *Economist Intelligence Unit, Профиль страны, Руанда/Бурунди, 1993/1994*, Лондон, 1994, с. 10.

⁹⁶ Третью девальвацию размером около 30% Всемирный банк рекомендовал провести в 1993 году с целью ликвидации долгового обязательства фонда выравнивания цен.

⁹⁷ Международный комитет Красного Креста сообщил в 1993 году, что более миллиона человек пострадали от голода. Сообщение ФАО от марта 1994 года свидетельствует о снижении производства продовольствия на 33 процента в 1993 году. Источник: *Marchés tropicaux*, 2 апреля 1993 г., с. 98; 25 марта 1994 г., с. 594.

⁹⁸ Официальных заявлений или пресс-релизов, подтверждающих или опровергающих использование баланса платежей на военные расходы, не поступало. Египет согласился поставлять оружие Руанде на сумму 6 млн долларов США. Соглашение с Южно-Африканской Республикой предусматривало поставку оборудования на сумму 9 млн долларов США. Источник: *Marchés tropicaux*, 28 января 1994 г., с. 173.

⁹⁹ См.: *New African*, июнь 1994 г., с. 15. См. также интервью с Колетт Брэкманн о французской военной помощи в журнале *Archipel*, № 9, июль 1994 г., с. 1.

¹⁰⁰ См.: *Marchés tropicaux*, 26 февраля 1992 г., с. 569, 492.

¹⁰¹ Первая часть этой главы была подготовлена в 1994 году для первого издания книги «Глобализация нищеты». Вторая часть частично основана на исследовании автора и бельгийского экономиста Пьера Галанда о том, каким образом внешний долг Руанды использовался в 1990–1994 годах для финансирования военизированных группировок.

¹⁰² Africa Direct, Обращение к трибуналу ООН по Руанде, <http://www.junius.co.uk/africa-direct/tribunal.html>.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ См.: *Africa's New Look, Jane's Foreign Report*, 14 августа 1997 г.

¹⁰⁵ Michel Chossudovsky и Pierre Galand, Использование внешнего долга Руанды: ответственность кредиторов, доклад, Программа развития ООН и правительство Руанды, Оттава и布鲁ссель, 1997.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. Количество ввезённых мачете составило около 500 тыс. кг, что эквивалентно примерно одному миллиону единиц.

¹⁰⁹ Там же. См. также приложение 1.2 кредитного договора с Международным агентством развития (IDA), Вашингтон, 27 июня 1991 г., номер кредита IDA 2271-RW.

¹¹⁰ Chossudovsky и Galand, указанная ссылка.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Отчёт о выполнении проекта Всемирного банка, цитируется в Chossudovsky и Galand, указанная ссылка.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ См.: Всемирный банк, Руанда, <http://www.worldbank.org/afr/rw2.htm>.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Максимальное количество сотрудников государственного сектора было ограничено числом 38 тысяч в 1998 году по сравнению с 40,6 тысячами в 1997 году. Письмо правительства Руанды управляющему директором МВФ Мишелю Камдессю, IMF, Вашингтон, <http://www.imf.org/external/np/loi/060498.htm>, 1998.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Линн Дюк, «Африканцы применяют американскую военную подготовку необычным способом», Washington Post, 14 июля 1998 г.

¹²¹ Мусенга Кайая, «Американская компания собирается вложить средства в Заир», Pan-African News, 9 мая 1997 г.

¹²² Международный валютный фонд, Гиперинфляция в Заире 1990–1996 гг., Вашингтон, апрель 1997 г.

¹²³ Алэн Шунгу Нгонго, «Экономика Заира: как прожить на один доллар в месяц», Международная информационная служба, 6 июня 1996 г.

¹²⁴ Цит. в статье Терезы Ле Клэр, «Кто ответственен за геноцид в Руанде?», World Socialist Website, 29 апреля 1998 г.

¹²⁵ Поль Муганда, свидетельство перед Ассоциацией стратегического изучения (ISSA), Александрия, штат Виргиния, 24 апреля 2000 г.

¹²⁶ Линда Мелверн, «Предательство века», Ottawa Citizen, Оттава, 8 апреля 2000 г.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Скотт Петерсон, «Миротворческие силы не смогут предотвратить бойню, уверяют представители Руанды и повстанцы», Daily Telegraph, Лондон, 12 мая 1994 г.

¹²⁹ Десять лет назад, Weekly Mail and Guardian, Йоханнесбург, 23 июня 1995 г.

¹³⁰ См.: Стефанс Бруммер, «Паутина страткомов», Йоханнесбург, Weekly Mail and Guardian, 24 февраля 1995 г. См. также: Antifa Info Bulletin, Vol 1, № 1, 23 января 1996 г.

¹³¹ Организовав Свободный фронт, Вильюн отошёл от Африканерского народного фронта («Afrikaner Volksfront»), одним из руководителей которого являлся ранее. Вскоре перед выборами 1994 года он также официально отказался от идеи вооружённого сопротивления.

¹³² «ЕС поддерживает поход буров на Мозамбик», Йоханнесбург, Weekly Mail and Guardian, 1 декабря 1995 г.

¹³³ «Планируется создание торгового блока для восточных регионов», Йоханнесбург, Weekly Mail and Guardian, 12 мая 1995 г.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ «Буры вернулись», Южная Африка: Программа поддержки онлайн, № 4, 1996 г. См. также: «Буры ищут зелёные пастбища», Los Angeles Times, 2 сентября 1995 г.

¹³⁶ «Буры вернулись», см. выше.

¹³⁷ Джозеф Ханлон, Поддерживая крестьян в борьбе за землю, Christian Aid, Лондон, ноябрь 1995 г.

¹³⁸ «Второй великий переход», см. вышеупомянутое сочинение.

¹³⁹ См.: «Буры вернулись» и «Буры ищут зелёные пастбища».

¹⁴⁰ Интервью автора с представителями южноафриканской Высокой комиссии, ответственными за проект SACADA, Мапуту, июль 1996 г.

¹⁴¹ См. документы Земельной конференции, Conferência Nacional de Terras, Documento de Trabalho, Мапуту, июль 1996 г.

¹⁴² Ханлон, там же, стр. 1.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ См.: «Евросоюз поддерживает поход буров».

¹⁴⁵ Там же. Сумма, указанная за аренду земли, составляет 0,60 ранда в год за гектар.

¹⁴⁶ Интервью с официальными лицами Южноафриканской Высшей комиссии в Мапуту, июль 1996 г.

¹⁴⁷ Согласно сообщениям прессы и официальным представителям Южно-Африканской высшей комиссии в Мапуту, июль 1996 г. Само соглашение открыто предусматривает около 170 тыс. гектаров земли плюс перспективы прав на озеро Ниасса. См.: «Agreement on Basic Principles and Understanding concerning the Mosagrius Development Programme», Мапуту, май 1996 г.

¹⁴⁸ Интервью с должностными лицами Южноафриканской высокой комиссии, ответственными за проект Мосагриус.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Интервью с сельскохозяйственными экспертами Южной Африки, Южноафриканская Высокая комиссия, Мапуту, июль 1996 г.

¹⁵⁴ См.: Эдди Коч и Гей Дэвис, «Закон Ханекома похоронил рабство», Йоханнесбург, Weekly Mail and Guardian, 2 июня 1995 г.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ «FMI não concorda», Mediafax, Мапуту, 26 сентября 1995 г., стр. 1.

¹⁵⁷ Пункт 42 соглашения Мосагриус.

¹⁵⁸ «FMI não concorda», Mediafax, Мапуту, 26 сентября 1995 г., стр. 1. См. также: «Второй Великий поход», Weekly Mail and Guardian.

¹⁵⁹ «Евросоюз поддерживает поход буров в Мозамбик», Йоханнесбург, Weekly Mail and Guardian, 1 декабря 1995 г.

¹⁶⁰ См.: пункты 38 и 39 соглашения Мосагриус.

¹⁶¹ Дополнение 1, статья 1d соглашения Мосагриус.

¹⁶² Интервью с официальными лицами Южноафриканской высокой комиссии, Мапуту, июль 1996 г.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Эдди Коч, «Техасец планирует разместить парк мечты именно здесь», Йоханнесбург, Mail and Guardian, 18 января 1996 г.

¹⁶⁶ «ABC проекта Блэнчарда», Mediafax, Мапуту, 19 февраля 1996 г., стр. 1.

¹⁶⁷ Эдди Коч, см. вышеупомянутое сочинение.

¹⁶⁸ Филип ван Нийкерк, «Земля ради мира: группа ТМ ищет убежища в Мозамбике», The Boston Globe, 4 декабря 1994 г.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Пункт 35.2 соглашения Мосагриус.

¹⁷¹ Джозеф Ханлон, см. вышеупомянутое сочинение, стр. 9.

¹⁷² Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), Специальный отчет: Миссия ФАО/ВПП по оценке урожая в Эфиопии, Рим, январь 2000 г.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Филип Шервелл и Пол Харрис, «Оружие важнее зерна, поскольку Эфиопия голодает», *Sunday Telegraph*, Лондон, 16 апреля 2000 г.

¹⁷⁷ МВФ. Эфиопия, Последние экономические события, Вашингтон, 1999.

¹⁷⁸ Pioneer Hi-Bred International, Общие факты о ГМО, http://www.pioneer.com/usa/biotech/value_of_products/product_value.htm#.

¹⁷⁹ Агентство США по международному развитию (AMP США), «Миссия в Эфиопию, концептуальный документ: Назад в будущее», Вашингтон, июнь 1993 г.

¹⁸⁰ Центр Картера, пресс-релиз, Атланта, штат Джорджия, 31 января 1997 г.

¹⁸¹ Деклан Уолш, «Америка находит готовый рынок для ГМ-продуктов», *The Independent*, Лондон, 30 марта 2000 г., стр. 18.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Майя Валлегрин, «Старейшая в мире кофейная индустрия в переходный период», *Tea & Coffee Trade Journal*, 1 ноября 1999 г.

¹⁸⁴ Лаке Мариам Демисси: «Огромный исторический вклад мало что значит; Запад пожинает генетически модифицированный урожай Эфиопии», *World Times*, октябрь 1998 г.

¹⁸⁵ Всемирный банк, Проект развития семеноводческих систем в Эфиопии, идентификатор проекта ЕТРА752, 6 июня 1995 г.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ См. План и бюджет исследований CIMMYT на 2000-2002 гг. <http://www.cimmyt.mx/about/People-mtp2002.htm#>.

¹⁸⁸ Лаке Мариам Демисси, цит. соч.

¹⁸⁹ «Когда местные фермеры знают лучше», *The Economist*, 16 мая 1998 г.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Лаке Мариам Демисси, цит. соч.

¹⁹² Раге Омаар, «Голод преследует сушу Эфиопии», *BBC*, Лондон, 6 января 2000 г.

¹⁹³ См. М. К. Пандхе, «Сдача суверенитета и автономия Индии», *Progressive Printers*, Нью-Дели, 1991, с. 2.

¹⁹⁴ Интервью в Бомбее с крупным промышленником, январь 1992.

¹⁹⁵ Интервью с министром финансов Манмоханом Сингхом, Нью-Дели, январь 1992.

¹⁹⁶ Интервью с лидерами организаций сельскохозяйственных рабочих в Тамил Наду, февраль 1992.

¹⁹⁷ См. «Вокруг печи, дети-работники Дхона», *Frontline*, 13 марта 1992, с. 52.

¹⁹⁸ См. превосходное исследование К. Нагараджа и др. «Смерти от голода в Андхра-Прадеш», *Frontline*, 6 декабря, 1991, с. 48.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Интервью с крупной компанией по экспорту алмазов в Бомбее, январь 1992.

²⁰¹ Отчет Комиссии Нарасимхана «Индия: Отчет о финансовом секторе» представляет собой почти «фотокопию» предложений Всемирного банка; см. анализ С. Санхара отчета Нарасимхана в газете *Indian Express* от 8 декабря 1991.

²⁰² Для большинства сельского и городского населения доходы домохозяйств (с пятью-шестью членами семьи) составляет менее 1000 рандов в месяц, то есть доход на душу населения составляет менее 7 рандов в день (менее 30 центов США).

²⁰³ По данным Национального Бюро Мониторинга Питания (НБМП), исследования диеты и питания, проведенные в период с 1977 по 1989 гг., указывают на некоторое улучшение ситуации с «тяжелым» недоеданием среди детей. Хотя крайняя бедность, согласно этим цифрам, в Индии снизилась, уровень средней бедности остается очень высоким. См. «Голод Смертность и хроническая депривация», *Frontline*, 6 декабря, 1991, с. 81. Хроническое голодаение определяется как «ситуация, в которой субъекты

придерживаются диеты с очень маленьким дефицитом энергии в течение длительного периода времени. время», *Frontline*, 6 декабря 1991, с. 79.

²⁰⁴ Интервью с Tata Exports в Бомбее, январь 1992.

²⁰⁵ Интервью с офицером связи МВФ в Дели, январь 1992.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ См. Прафул Бидвани, «*Times of India*», 18 декабря 1991.

²⁰⁹ См. Лаксмана (известного карикатуриста) в «*Times of India*», воспроизведено в «Структурная перестройка», «Кто действительно платит», «Исследование общественных интересов». Группа, Нью-Дели, март 1992, с. 44.

²¹⁰ *Economic Times*, 28 февраля 1992, с. 1.

²¹¹ Согласно исследованию Лоуренса Лифшульца (Lawrence Lifschultz) «Бангладеш, Незавершенная революция», Zed Books, Лондон, 1979, часть 2.

²¹² Отчет Госдепартамента США, опубликованный в 1978 г., цитируемый Лоуренсом Лифшульцем, цит. раб., с. 109.

²¹³ Генерал Зиаур Рахман становится главой государства в должности главнокомандующего вооружёнными силами в условиях введённого в стране военного положения в 1975 году. Позднее, в 1978 году, он был избран президентом Бангладеш.

²¹⁴ Интервью с лидером оппозиционной партии в Дакке, февраль 1992 года.

²¹⁵ Интервью с советником Всемирного банка в Дакке, 1992 год.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Многие мелкие джутовые предприятия обанкротились в результате либерализации кредитования.

²¹⁸ См. Мошараф Хусейн, А.Т.М. Аминул Ислам и Санат Кумар Саха, «Наводнения в Бангладеш, повторяющиеся катастрофы и выживание людей», Исследовательский центр университетов, Дакка, 1987.

²¹⁹ См. Рехман Собхан, «Развитие частного сектора в Бангладеш: обзор эволюции и результатов государственной политики», исследовательский отчет №124, Бангладешский институт исследований развития, стр. 4-5.

²²⁰ Интервью с постоянным представителем МВФ, Дакка, 1992 год.

²²¹ 70% швейных рабочих составляют женщины, 74% - из сельской местности, детский труд составляет соответственно 16 и 8% работающих женщин и мужчин. См. Сальму Чоудхури и Пратиму Пол-Маджумдер, Условия труда работников швейной промышленности в Бангладеш, Оценка, Бангладешский институт исследований развития, Дакка, 1991.

²²² См. Всемирный банк, Отчет об аттестации персонала, Бангладеш, Четвертый проект в области народонаселения и здравоохранения, Вашингтон, округ Колумбия, 1991.

²²³ См. Жерар Вирателле, «*Drames naturals, drames sociaux au Bangladesh*», Le Monde дипломатический, Париж, июнь 1991 г., стр. 6-7.

²²⁴ Девальвация 1984-85 годов по рекомендации МВФ привели к десятикратному обвалу вьетнамского донга, в основном такого же масштаба, как то, что произошло в Южном Вьетнаме в 1973 году. В 1984 году донг стоил 0,10 доллара США по официальному обменному курсу; годом позже он стоил 0,01 доллара США.

²²⁵ Реформы привели к падению уровня жизни, во многих отношениях сравнимому с тем, что произошло в Южном Вьетнаме при несуществующем режиме генерала Тхиэу. Восьмикратный рост цен на рис был зафиксирован в период с 1973 по 1974 год после «вывода» боевых частей США.

²²⁶ С разбивкой и составом международной помощи и займов, объявленных на конференции доноров, можно ознакомиться в «*Вьетнам сегодня*», Сингапур, Том 2, выпуск 6, 1994, стр. 58.

²²⁷ Интервью с доктором Нгуен Сянь Оаном в Хошимине, апрель 1994 г.

²²⁸ С середины 1991 по середину 1992 года около 4000 предприятий прекратили свою деятельность, при этом около 1259 были ликвидированы. Некоторые из прекративших свою деятельность предприятий были объединены с другими государственными предприятиями. См. Всемирный банк, *Вьетнам, Переход к рыночной экономике*, Вашингтон, округ Колумбия, 1993, стр. 61.

²²⁹ В секторе государственных предприятий решение № 176, принятое в 1989 году, привело к увольнению 975 тысяч работников (36% рабочей силы) в период с 1987 по 1992 год. Рост занятости в частном секторе оказался недостаточным для привлечения новых участников на рынок труда. См. Всемирный банк, *Вьетнам, Переход к рыночной экономике*, стр. 65-66, см. также таблицу 1.3, стр. 233.

²³⁰ Там же, стр. 65. См. также Социалистическая Республика Вьетнам, *Вьетнам: перспектива развития* (основной документ, подготовленный для Парижской конференции доноров), Ханой, сентябрь 1993 г., стр. 28.

²³¹ Интервью, проведенное с государственными чиновниками в Ханое, апрель 1994 г.

²³² См. Всемирный банк, *Вьетнам, Переход к рыночной экономике*, стр. 47.

²³³ В отличие от зарубежной китайской общины, которую часто воспринимают как неотъемлемую часть мировой экономической элиты, вьетнамская диаспора, несмотря на свою многочисленность и активность, не приобрела подобного статуса. Она остаётся скорее отдельной этнической группой, успешно интегрирующейся в принимающие общества, нежели влиятельной силой в глобальной экономике.

²³⁴ См. Всемирный банк, *Вьетнам, Переход к рыночной экономике*, стр. 246. Стоит отметить, что статистика в текущих и постоянных донгах считается недостоверной.

²³⁵ На Парижской конференции доноров в ноябре 1993 г. было объявлено о предоставлении многосторонних и двусторонних кредитов на сумму более 1,8 млрд. долл. США.

²³⁶ Интервью с Министерством сельского хозяйства и пищевой промышленности (MAFI), Ханой, апрель 1994 г.

²³⁷ См. Всемирный банк, *Вьетнам, Обзор народонаселения, здоровья и питания*, Вашингтон, округ Колумбия, 1993 г., таблица 3.6, стр. 47.

²³⁸ Процент детей в возрасте до пяти лет, страдающих от недоедания, оценивается в 45% в соответствии с критерием соответствия веса возрасту и 56,5% в соответствии с критерием соответствия роста возрасту. Там же, стр. 38-46 и стр. 62.

²³⁹ См. Всемирный банк, *Вьетнам, Переход к рыночной экономике*, стр. 182.

²⁴⁰ Политика самообеспечения местного населения продовольствием была продиктована недостатками внутренней железнодорожной и автодорожной транспортной сети, разрушенной во время войны.

²⁴¹ Всемирный банк, *Вьетнам, Обзор сектора народонаселения, здравоохранения и питания*, стр. 42.

²⁴² Интервью, проведенные в провинции Доннай, а также с сотрудниками Института сельскохозяйственных исследований, Хошимин, апрель 1994 г.

²⁴³ Интервью с фермерами в коммуне Да Тон, район Джия Лам, недалеко от Ханоя, апрель 1994 г.

²⁴⁴ Всемирный банк, *Вьетнам, Переход к рыночной экономике*, стр. 144.

²⁴⁵ Там же, стр. 141.

²⁴⁶ Там же, стр. 143.

²⁴⁷ Интервью с министром сельского хозяйства и пищевой промышленности (MAFI), Ханой, апрель 1994 г.

²⁴⁸ См. Министерство образования, ПРООН, ЮНЕСКО (Национальный проект «Обзор сектора образования и анализ сектора людских ресурсов»), *Анализ образования и человеческих ресурсов Вьетнама*, Том 1, Ханой, 1992, стр. 39.

²⁴⁹ Министерство образования, ПРООН, ЮНЕСКО, *указ. соч.* стр. 65.

²⁵⁰ *Там же*, стр. 60.

²⁵¹ Всемирный банк, *Вьетнам, Переход к рыночной экономике*, стр. 145.

²⁵² Данные Министерства здравоохранения, приведенные Всемирным банком, *Вьетнам: обзор сектора народонаселения, здравоохранения и питания*, таблица 4.6, стр. 159.

²⁵³ *Там же*, стр. 89.

²⁵⁴ *Там же*, стр. 86.

²⁵⁵ *Там же*, таблица 4.2, стр. 154.

²⁵⁶ Интервью, проведенное в коммуне Пхунгтхыонг, район Пхутхо, провинция Хай Тай, Северный Вьетнам.

²⁵⁷ Всемирный банк, *Вьетнам, Переход к рыночной экономике*, стр. 169.

²⁵⁸ *Там же*, стр. 171.

²⁵⁹ Сенат одобрил формулу реструктуризации долга в декабре 1992 года.

²⁶⁰ Выплаты процентов международным кредиторам были ограничены 30% в рамках частичного моратория, согласованного с коммерческими банками в 1989 году при правительстве Джозефа Сэми, согласно плану реструктуризации, выплаты процентов увеличатся до 50%.

²⁶¹ Содержится в Письме о намерениях МВФ от декабря 1991 года.

²⁶² Цитируется в Журнал «Ду Бразил», 21 сентября 1990 г. 5. См. Саймона Фишера и Стивена Фидлера, «Вероятны трения, поскольку Бразилия возобновляет переговоры о долге», Файнэншл Таймс, Лондон, 10 октября 1990 г.

²⁶³ До выплаты задолженности по обслуживанию долга на сумму около 8 миллиардов долларов США.

²⁶⁴ См. Кристину Лэмб, «Бразилия выражает гневный протест по поводу приостановки предоставления займов на цели развития», Файнэншл Таймс, Лондон, 4 апреля 1991 года.

²⁶⁵ См. Луис Карлос Брессер Перейра, «МВФ и автомобили», Фолья де Сан-Паулу, 27 июля 1991 г., стр. 1-3.

²⁶⁶ В интервью бразильскому журналу Журнал «Ду Бразил», цитируемом в Сан-Паулу, 23 июня 1991 года. Смотрите также «Миссия МВФ приняла умеренную речь», Фолья де Сан-Паулу, 19 июня 1991 г.

²⁶⁷ См. У Глобу, 27 июня 1991 г.

²⁶⁸ См. «Фолья де Сан-Паулу», 19 июля 1991 г.

²⁶⁹ Право на забастовку также закреплено в Конституции 1988 года.

²⁷⁰ См. Жозе Мейрелеш Пассос, «МВФ США поддерживает бразильскую программу», Глобу, 7 декабря 1991 г.

²⁷¹ Письмо о намерениях было одобрено МВФ в январе 1992 г. Смотрите также «Письмо в МВФ предусматривает «ужесточение 92», Фолья-де-Сан-Паулу, 6 декабря 1991 года.

²⁷² Цитируется по Стивену Фидлеру и Кристине Лэмб, «Бразилия устанавливает соглашение по долгу в 44 миллиарда долларов», Файнэншл Таймс, Лондон, 7 июля 1992 г.

²⁷³ Итамар Франко был назначен исполняющим обязанности президента в ожидании решения суда о голосовании Сената по импичменту.

²⁷⁴ Педро Малан (переговорщик по долговым вопросам, назначенный при Коллоре) подтвердил в марте из своего офиса в Вашингтоне, что 802 банка, включая Chase Manhattan и Lloyds Bank, уже одобрили формулу реструктуризации долга. Однако на практике вето консультативного комитета на предоставление Бразилии многосторонних займов все еще действовало. См. Фернандо Родригес, «Банки, действующие в соответствии с законом о внешней политике», Фолья де Сан-Паулу, 16 марта 1993 года.

²⁷⁵ См. Клаудио Софатле, «Миссия МВФ возвращается без соглашения», «Газета

Меркантиль», 17 марта 1993 г.

²⁷⁶ Файнэншл Таймс, 20 августа 1993 года. 11 миллиардов долларов США - это «экономия» для штата в связи с предложением Конгресса о корректировке заработной платы, которое предусматривало 100-процентную корректировку стоимости жизни для наемных работников. На это предложение, принятое Конгрессом в июле, правительство наложило вето. Предложение Кардозу о заработной плате должно было стать компромиссным решением. См. также «Фолья де Сан-Паулу», 30 июля 1993 года.

²⁷⁷ «Верхний предел заработной платы» установлен в контексте временной меры №: 382. У Глобу, 8 декабря 1993 г., стр. 2-11.

²⁷⁸ Первоначально действовала как бухгалтерская единица.

²⁷⁹ Цитируется в Сан-Паоло, 3 марта 1994 г., стр. 1-10.

²⁸⁰ Интервью с Фернандо Энрике Кардозу, который в то время был министром финансов, Бразилия, август 1993 г.

²⁸¹ В соответствии с положениями временной меры №: 381; см. У Глобу, 8 декабря 1993 г., стр. 2-11.

²⁸² См. Вежа, Рио-де-Жанейро, декабрь 1993 г.

²⁸³ См. Институт прикладных экономических исследований (IPEA), О Карте Мира II: Информация о положении коренных народов в муниципалитетах Федерации, Бразилия, 1993 год.

²⁸⁴ По данным Бразильского института географии и статистики (IBGE), в 1991 году 80% рабочей силы имели заработок ниже 300 долларов США в месяц.

²⁸⁵ Интервью, проведенные в Пирамбу, Форталеза, июль 1993.

²⁸⁶ Интервью с работниками сельских ферм в районе Монсенор-Табоса, Сеара, Июль 1993 года.

²⁸⁷ Селия Мария Корреа Линьярес и Маристела де Паула Андраде, «Официальное заявление о конфликте в сельском хозяйстве без Маранахо», «Разрешение конфликта в Сидадании», №. 4. Сан-Луис-де-Мараньо, 1992.

²⁸⁸ См. Panewa, Порту-Велью, том. VI, № 18, ноябрь-декабрь 1993 г. И том. VII, № 19, январь 1994 года.

²⁸⁹ Куанто, Лима, сентябрь 1990 года.

²⁹⁰ Эти оценки основаны на официальной статистике; см. Peru en Numeros, 1991, Ежегодное статистическое издание, глава 21, Cuanto, Лима, 1991, и Cuanto Supplemento, № 13, июль 1991.

²⁹¹ Карлос Мальпика, Экономический журнал в Перу, Том II. Я, Mosca Azul Editores, Лима, 1989.

²⁹² Увеличение объема сельскохозяйственного производства было достигнуто за счет увеличения совокупного спроса и необходимого потребления (consumo popular), а не за счет корректировки льготного обменного курса, применяемого к импорту основных продуктов питания, и отмены субсидий (которые, по сути, поддерживали агропромышленные монополии). Это указывало на то, что развитие сельского хозяйства требовало поддержания городского потребительского спроса.

²⁹³ См. Всемирный банк, Перу, Политика, направленная на прекращение гиперинфляции и начало экономического подъема, Вашингтон, 1989, стр. 10.

²⁹⁴ См. Драго Кисич и Вероника Руис де Кастилья, «Экономика Перу в международном контексте», CEPERI, Том 2, № 1, январь 1989, стр. 58-59.

²⁹⁵ Peru Economico, август 1990 г., стр. 26.

²⁹⁶ Другим важным фактором стало решение правительства Апристы отменить конвертируемость депозитных сертификатов в иностранной валюте. Эта мера была принята без оценки характера валютного рынка и его взаимосвязи с наркоэкономикой.

²⁹⁷ Злоупотребления, связанные с (субсидируемыми) «долларовыми MUC», были подробно задокументированы: в Центральный банк направлялись запросы о выделении

MUC в долларах для целей импорта товаров, импорт не был занижен (или были подделаны квитанции, указывающие на транзакцию на более крупную сумму, а также на то, что стоимость импорта не была завышена). затем деньги были конвертированы в настоящую иностранную валюту или обратно в местную валюту со значительной прибылью). См., например, «Quien volo con los MUC», Oiga, № 468, Лима, 5 февраля 1990 г., стр. 18-19.

²⁹⁸ См. Кисич и Руис, указ. соч., стр. 60.

²⁹⁹ См. Фернандо Роспильози, «Иски и народные классы: демократия и ее разновидности в Перу», Хулио Котлер (редактор), «Народные классы», «Кризис и демократия в Латинской Америке», Институт перуанских ученых, Лима, 1989 г., стр. 127.

³⁰⁰ См. «План Гобиерно-Камбио-90: программа действий в Перу», «Pagina Libre», 21 мая 1990 г., стр. 17-24.

³⁰¹ На основе интервью автора с работниками здравоохранения, проведенных в Перу в июле 1991 г.

³⁰² Более подробную информацию смотрите в «Перу, экономическая ситуация», Латиноамериканская ситуация, Том 1, № 2, апрель 1991 г., стр. 122-128.

³⁰³ Их ежедневный доход от консультаций составляет 500-700 долларов США в день. (включая «ежедневное пособие на содержание» в размере около 130 долларов США в день) было лишь немногим меньше годового дохода Перу на душу населения.

³⁰⁴ Кредиты МВФ должны были предоставляться в форме оговорки о «накоплении прав». Задолженность по долгам оценивалась (1991) примерно в 14 миллиардов долларов США, из которых 2,3 миллиарда долларов США приходилось на международные финансовые учреждения.

³⁰⁵ В отчете Amnesty International подтверждается, что в период с 1982 по 1989 год около 3000 человек «исчезли» (desaparecidos), а еще 3000 человек были казнены «во внесудебном порядке». Amnesty также указала на практику незаконного задержания и пыток со стороны сил безопасности и отсутствие санкций в отношении сотрудников сил безопасности, причастных к убийствам и пыткам. «Pagina Libre», 17 марта 1990 г., стр. 2. См. также «La Republica», 11 февраля 1990 г., стр. 14.

³⁰⁶ Смотрите секретные документы, обнародованные журналистом Сезаром Хильдебрандтом в телесериале «От первого лица», июль 1991 года, которая привела к закрытию программы и сворачиванию большинства общественно-значимых телепрограмм.

³⁰⁷ См. «Alerta Agraria», июнь 1991 г., стр. 2.

³⁰⁸ На военной базе Санта-Люсия действовали несколько других учреждений США: NAS (филиал DEA) и CORAH (американский проект, направленный на уничтожение посевов коки).

³⁰⁹ Сенат Соединенных Штатов, Комитет по правительенным вопросам, производству, искоренению кокаина и окружающей среде: политика, воздействие и варианты, Вашингтон, август 1990 г., стр. 51.

³¹⁰ В регионе Сан-Мартин (в регионе, производящем коку) площади, занятые под выращивание «альтернативных культур», таких как кукуруза, рис и какао, за счет кредитов Аграрного банка, сократились на 97% в период с 1988/89 по 1990/91 год, со 101 100 до 6 730 гектаров. Более подробную информацию смотрите в «Revista Agronoticias», № 138, Лима, июнь 1991 г., стр. 7.

³¹¹ Обзор предлагаемой поддержки ЦРУ отмывания наркотиков в Индокитае и «Золотом треугольнике» с начала 1950-х годов см. в «Политике героина в Юго-восточной Азии» Альфреда Маккоя, 1991.

³¹² Более подробную информацию см. в Juan Antonio Morales, The Costs of the Bolivian Stabilization Program, documento de trabajo, №: 01/89, Католический университет Боливии, 1989, Ла-Пас, стр. 4.

³¹³ Интервью с Гонсало Санчесом де Лосадой, министром финансов в правительстве Паса Эстенссоро и разработчиком боливийского экономического пакета, Caretas, № 1094,

Лима, 5 февраля 1990 г., стр. 87 (наш перевод). Санчес де Лосада был впоследствии избран президентом Боливии.

³¹⁴ Моралес, указ. соч., стр. 6.

³¹⁵ Моралес, указ. соч., стр. 9а.

³¹⁶ См. Моралес, указ. соч., стр. 6. См. также Хуан Антонио Моралес, «Влияние структурных изменений в сельском хозяйстве Боливии», мимео, Университет Боливии. Католика Боливии, 1989, Ла-Пас.

³¹⁷ См. Моралес, Расходы на боливийскую программу стабилизации, стр. 24а-25а.

³¹⁸ Ставка заимствования составляла от 12 до 16%, а разница между ставками кредитования и заимствования составляла от 6,8 до 14,0%. Более подробную информацию см. в книге Моралеса «Затраты на боливийскую стабилизационную программу», стр. 14, таблица 7.

³¹⁹ Более подробную информацию об участии крупных политических и общественных деятелей в наркоторговле см. в статье Амалии Баррон «Последствия наркоторговли», Камбио, 16, Мадрид, 8 августа 1988 года.

³²⁰ См. Генри Опорту Кастро, «Боливия: комплекс коки и кокаина», Гарсия Саян (редактор), «Кока, кокаин и наркотрафик», Комиссия юристов, Лима, 1989, стр. 177.

³²¹ См. Дж. Лора, «Политика и наркобуржуазия (Politica y burguesia narcotraficante)», Mi Kiosco, Ла-Пас, 1988.

³²² Интервью с экономистом РАН, Москва, Октябрь 1992 года.

³²³ Там же.

³²⁴ Снижение на 50% по отношению к среднему показателю предыдущих трех лет. Интервью с рядом экономистов Российской академии наук, Москва, сентябрь 1992 года.

³²⁵ На основе авторской подборки роста цен за декабрь 1991-октябрь 1992 года около 27 основных потребительских товаров, включая продукты питания, транспорт, одежда и потребительские товары длительного пользования.

³²⁶ Интервью с советником Всемирного банка, Москва, октябрь 1992 г.

³²⁷ Интервью с экономистом РАН, Москва, сентябрь 1992 года.

³²⁸ Интервью в московской поликлинике, интервью с работниками разных отраслей экономической деятельности, Москва и Ростов-на-Дону, сентябрь-октябрь 1992. См. также Жан-Жак Мари, «Ecole et santé en Rues», Le Monde дипломатика, июнь 1992 г., с. 13.

³²⁹ Уровень цен и заработной платы соответствует уровню сентября-октября 1992 года. Курс валюты в сентябре 1992 года составлял порядка 300 рублей за доллар.

³³⁰ Более подробную информацию см. Jean Jacques Marie, цит. соч.

³³¹ Российские экономические консультанты оказались неспособны вскрыть теоретические изъяны экономической модели Международного валютного фонда. Отсутствует глубокий анализ реального функционирования пакета политических мер МВФ, слабо учитываются опыт стран бывшего Советского Союза, Африки южнее Сахары, Латинской Америки и Восточной Европы.

³³² Интервью с представителем МВФ, Москва, сентябрь 1992 г.

³³³ См. «Деловой мир» от 6 сентября 1992 г., № 34, с. 14.

³³⁴ В течение первых девяти месяцев 1992 г.

³³⁵ Интервью с простыми гражданами России, Ростов-на-Дону, октябрь 1992 года.

³³⁶ См. Международный валютный фонд, Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества. Сотрудничества и развития и Европейского банка реконструкции и Развитие, Исследование советской экономики, Vol. 1, Париж, 1991 г., часть II.

³³⁷ Перефразируя фразу Карла Маркса из «О первоначальном накоплении», «Капитал» (книга 1): «Адам откусил от яблока, а грех пал на все человечество».

³³⁸ См. «Рубль упал до нового минимума», «Moscow Times», 2 октября 1992 г., с. 1.

-
- ³³⁹ См. Пол Хлебников, «Наследники Сталина», *Forbes*, 27 сентября 1993 г., стр. 124–34.
- ³⁴⁰ Сообщается, что в 1992 году правительство выдало экспортные лицензии, охватывающие два раза превышает зарегистрированный экспорт сырой нефти.
- ³⁴¹ По оценкам Вашингтонского международного института банковского дела.
- ³⁴² При приобретении государственной собственности за тысячу долларов США (номинальную балансовую стоимость предприятия) покупатель получал реальные активы рыночной стоимостью около трехсот тысяч долларов.
- ³⁴³ Интервью с руководителем западного коммерческого банка, Москва, октябрь 1992 г.
- ³⁴⁴ См. Тим Бердсли, «Продавать, чтобы выжить», *Scientific American*, февраль 1993 г., стр. 94–100.
- ³⁴⁵ Там же.
- ³⁴⁶ При техническом содействии Всемирного банка был установлен единый тариф на импорт, предназначенный для Российской Федерации.
- ³⁴⁷ Центральный банк подчинялся юрисдикции парламента. В сентябре 1993 года было заключено соглашение, согласно которому Центральному банку предписывалось учитывать интересы как правительства, так и парламента.
- ³⁴⁸ Цитируется в *Financial Times*, 23 сентября 1993 г., с. 1.
- ³⁴⁹ Там же, с. 1.
- ³⁵⁰ По данным *Financial Times*, 5 октября 1993 г.
- ³⁵¹ См. Лейла Бултон, «Российские кормильцы и неудачники», *Financial Times*, 13. Октябрь 1993 г., с. 3.
- ³⁵² Крис Дойл, *Распределительные последствия переходного периода в России*, Дискуссионный документ №. 839, Центр исследований экономической политики, Лондон, 1993. Эта оценка согласуется с оценкой автора движения цен, объемы производства основных потребительских товаров за период декабрь 1991 г.–октябрь 1992. Официальная статистика (которой грубо манипулируют) признает 56 процентное падение покупательной способности с середины 1991 года.
- ³⁵³ Сумма, подлежащая реструктуризации, относилась к официальному долгу, заключенному по контракту до января 1991 года (17 миллиардов долларов США). Два миллиарда должны были быть выплачены в 1993 году, 15 миллиардов были перенесены на 10 лет с пятилетним льготным периодом.
- ³⁵⁴ Реструктуризации подлежал исключительно долг, образовавшийся до установленной контрольной даты (январь 1991 года); всего было переоформлено 15 миллиардов из 17 миллиардов долларов, оставшиеся два миллиарда долларов перешли в ведение Парижского клуба кредиторов в 1993 году.
- ³⁵⁵ См. *The Wall Street Journal*, Нью-Йорк, 12 октября 1993 г., с. A17. Смотрите также Аллан Сондерсон, «Юридические споры тормозят сделку по российскому долгу», Европа, 14–17 октября 1993 г., с. 38.
- ³⁵⁶ Всемирный банк советовал правительству провести «дробление» крупных предприятий, иными словами, разделить их на меньшие структуры.
- ³⁵⁷ См. *Financial Times*, 1 августа 1994 г., с. 1.
- ³⁵⁸ См., например, статью бывшего посла США в Югославии Уоррена Циммермана «Последний посол. Воспоминания о распаде Югославии», *Foreign Affairs*, том 74, № 2, 1995 г.
- ³⁵⁹ Критический анализ см. в статье Милоша Васича и др. «Война против Боснии», агентство новостей *Vreme News Digest*, 13 апреля 1992 г.
- ³⁶⁰ Показания Ричарда К. Холбрука, помощника государственного секретаря США, Бюро по делам Европы и Канады, в подкомитете по иностранным операциям Комитета по ассигнованиям Сената, Вашингтон, 19 декабря 1995 г.

³⁶¹ Дейтонские мирные соглашения, Соглашение о Высоком представителе, статьи I и II, 16 декабря 1995 г.

³⁶² Дейтонские мирные соглашения, Соглашение о полицейской оперативной группе. Статья II.

³⁶³ Согласно заявлению Организации Объединенных Наций, Нью-Йорк, 5 января 1996 года. См. также Seattle Post Intelligencer, 16 января 1996 года, стр. A5.

³⁶⁴ Дейтонские мирные соглашения, Соглашение об общих рамках, статья VII.

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Там же, Соглашение о государственных корпорациях, статья I.10.

³⁶⁷ Стабилизация Европы, The Times (Лондон), 22 ноября 1990 г.

³⁶⁸ Всемирный банк, Доклад о мировом развитии 1991 года, Статистическое приложение, таблицы 1 и 2, Вашингтон, 1991 г.

³⁶⁹ Шон Джерваси, «Германия, США и югославский кризис», Secret Action. 43, зима 1992-93 гг.

³⁷⁰ Там же.

³⁷¹ Димитрие Боаров, «Краткий обзор антиинфляционных программ – проклятие мёртвых программ», агентство Vreme New Digest, № 29, 13 апреля 1992 г.

³⁷² Всемирный банк, Исследование реструктуризации промышленности: обзор, проблемы и стратегия реструктуризации, Вашингтон, округ Колумбия, июнь 1991 г., стр. 10–14.

³⁷³ Джерваси, там же, стр. 44.

³⁷⁴ Всемирный банк, Исследование реструктуризации промышленности, там же, стр. viii.

³⁷⁵ Ральф Шёнман, «Разделяй и властвуй» на Балканах, The Organizer, Сан-Франциско, 11 сентября 1995 г.

³⁷⁶ Джудит Кисс, «Управление долгом в Восточной Европе», Eastern European Economics, май-июнь 1994 г., стр. 59.

³⁷⁷ См. Барбара Ли и Джон Неллис, «Реформа предприятий и приватизация в социалистических экономиках», Всемирный банк, Вашингтон, округ Колумбия, 1990 г., стр. 20–21.

³⁷⁸ Подробнее см. Всемирный банк, Югославия, Реструктуризация промышленности, стр. 33.

³⁷⁹ Всемирный банк, Югославия, Реструктуризация промышленности, стр. 29.

³⁸⁰ Там же, стр. 23.

³⁸¹ Там же, стр. 38.

³⁸² Там же, стр. 39.

³⁸³ Там же, стр. 33.

³⁸⁴ Там же, стр. 33.

³⁸⁵ Там же, стр. 34. Данные Федерального секретариата промышленности и энергетики. Из общего числа предприятий 222 обанкротились, а 26 были ликвидированы.

³⁸⁶ Там же, стр. 33.

³⁸⁷ Там же, стр. 34.

³⁸⁸ Там же, стр. 13. Приложение 1, стр. 1.

³⁸⁹ По оценке миссии Всемирного банка, избыточная рабочая сила в промышленности составляла около 20% от общей численности рабочей силы в 8,9 млн человек, то есть примерно 1,8 млн человек. Эта цифра значительно ниже фактического числа работников, подлежащих сокращению, исходя из классификации предприятий как «неплатежеспособных». Только в промышленном секторе было занято 1,9 миллиона рабочих (сентябрь 1990 года) из общего числа в 2,7 миллиона сотрудников предприятий, признанных неплатежеспособными Всемирным банком. См.: Всемирный банк, Югославия, реструктуризация промышленности, Приложение 1.

³⁹⁰ Служба новостей Британской вещательной корпорации (BBC), Борисав Йович

сообщает собранию Социалистической Федеративной Республики Югославии, что ситуация резко ухудшилась, 27 апреля 1991 года.

³⁹¹ Шёнман, указ. соч

³⁹² Джерваси, указ. соч., стр. 44.

³⁹³ Федерико Нир Фишер, Восточная Европа: социальный кризис, Inter Press Service, 5 сентября 1990 г.

³⁹⁴ Клас Бергман, «Маркович стремится сохранить Югославию единой нацией», Christian Science Monitor, 11 июля 1990 г., стр. 6.

³⁹⁵ Димитру Баоров, «Краткий обзор антиинфляционных программ: проклятие мёртвых программ», Vreme News Digest Agency, 13 апреля 1992 г.

³⁹⁶ Там же.

³⁹⁷ Gervasi, указ. соч., стр. 65.

³⁹⁸ Там же, стр. 45.

³⁹⁹ Zimmerman, указ. соч.

⁴⁰⁰ Jim Burkholder, Humanitarian Intervention? Veterans For Peace, без даты, www.veteransforpeace.org.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ В июне 1995 года МВФ, действуя от имени банков-кредиторов и западных правительств, предложил перераспределить этот долг следующим образом: Сербия и Черногория — 36%, Хорватия — 28%, Словения — 16%, Босния и Герцеговина — 16% и Македония — 5%.

⁴⁰⁴ «Zagreb's About Turn», The Banker, январь 1995 г., стр. 38.

⁴⁰⁵ См. Всемирный банк, Финансовый и предпринимательский сектор Македонии, Департамент общественной информации, 28 ноября 1995 г.

⁴⁰⁶ Заявление заместителя министра финансов Македонии г-на Хари Костова, опубликованное в MAK News, 18 апреля 1995 г. Македонская служба информации и связи, MILS News, 11 апреля 1995 г.

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ По условиям Дейтонских соглашений (Приложение 1-А), «правительство Республики Боснии и Герцеговины должно безвозмездно предоставить НАТО объекты, необходимые для подготовки и проведения операции».

⁴⁰⁹ МВФ примет Боснию в среду, United Press International, 18 декабря 1995 г.

⁴¹⁰ Фрэнк Вивиано и Кеннет Хэй, «Лидеры Боснии говорят, что страна находится на нефтяных месторождениях», The San Francisco Chronicle, 28 августа 1995 г. См. также Скотт Купер, «Цели Запада в бывшей Югославии раскрыты», The Organizer, 24 сентября.

⁴¹¹ Там же.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ Шёнман, указ. соч.

⁴¹⁴ Новости развития Всемирного банка, Вашингтон, 27 апреля 1999 г.

⁴¹⁵ Ответ Группы Всемирного банка на постконфликтное восстановление в Косово: общие рамки.

⁴¹⁶ Там же.

⁴¹⁷ Всемирный Банк, Роль Всемирного Банка в реконструкции и восстановлении Косово, <http://www.worldbank.org/html/extdr/pb/pbkosovo.htm>, без даты.

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Международная финансовая корпорация (IFC), Международный консорциум поддерживает первый лицензированный банк в Косово, <http://www.ifc.org>, пресс-релиз, Вашингтон, 24 января 2000 г.

⁴²⁰ Нью-Йорк Таймс, 8 июля 1998 г., репортаж Криса Хеджеса.

⁴²¹ Цитируется в статье Дианы Джонстон «Как это делается: Захват шахт Трепча —

планы и пропаганда», <http://www.emperors-clothes.com/articles/johnstone/howitis.htm>, Emperor's Clothes, 28 февраля 2000 г.

⁴²² См. Джонстон, там же.

⁴²³ Отчет МСС см. по адресу

<http://www.emperorsclothes.com/articles/johnstone/icg.htm>

⁴²⁴ Всемирный Банк, Проект Всемирного банка в Косово, Всемирный банк запускает первую программу помощи Косово, Вашингтон, <http://www.worldbank.org/html/extdr/extme/097.htm>, 16 ноября 1999 г., Пресс-релиз № 2000/097/ECA.

⁴²⁵ Из бюджета программы в размере 20 миллионов долларов Всемирный Банк выделил лишь один миллион долларов.

⁴²⁶ Andrew Gumbel, «Бандитский режим, который мы финансируем», *The Independent*, 14 февраля 1997 г., стр. 15.

⁴²⁷ «Албания - это больше, чем банкротство, это кражи века», *The Geopolitical Drug Dispatch*, No 66, апрель 1997 г., стр. 1.

⁴²⁸ *Christian Science Monitor*, 13 февраля 1997 г.

⁴²⁹ Департамент общественной информации Всемирного банка, 5 декабря 1995 г.

⁴³⁰ Andrew Gumbel указ. соч., стр. 15.

⁴³¹ *Albanian Daily News*, 28 февраля 1997 г.

⁴³² Джейн Перлез, «Албания усиливает хватку, подавляя протесты», *The New York Times*, 4 марта 1997 г.

⁴³³ Всемирный банк, отдел общественной информации, 5 декабря 1995 г.

⁴³⁴ Там же.

⁴³⁵ Геополитический обзор наркотиков, № 66, стр. 4.

⁴³⁶ Европейская экономическая комиссия ООН (Economic Survey of Europe), Женева, 1996 г., стр. 188–189.

⁴³⁷ Всемирный банк, отдел общественной информации, 5 декабря 1995 г.

⁴³⁸ См. Ф. Мюнцель, «Эксперты МВФ частично ответственны за беспорядки в Албании», Информационное бюро Косова, Стокгольм, 13 марта 1997 г.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ Там же.

⁴⁴¹ Там же.

⁴⁴² Там же.

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ Там же.

⁴⁴⁵ «Times of Albania», том 2, № 18, май 1996 г.

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ Кевин Дон, *Financial Times*, 19 февраля 1997 г.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ «Times of Albania», том 2, № 19, 1996 г.

⁴⁵¹ См. Тим Бердсли, «Продавать, чтобы выжить», *Scientific American*, февраль 1993 г., стр. 94–100.

⁴⁵² Там же.

⁴⁵³ «Times of Albania», том 2, № 19, 1995 г.

⁴⁵⁴ «Times of Albania», том 2, № 7, февраль 1996 г.

⁴⁵⁵ Организация продовольственной безопасности, сообщение от 8 октября 1996 г.

⁴⁵⁶ «Times of Albania», том 2, № 15.

⁴⁵⁷ «Times of Albania», том 1, № 2, 1995 г.

⁴⁵⁸ Елена Смит, «Италия опасается притока мигрантов, который помешает борьбе с мафией», *The Guardian*, 25 марта 1997 г.

-
- ⁴⁵⁹ Организация продовольственной безопасности, сообщение от 8 октября 1996 г.
- ⁴⁶⁰ «Observer of Albania», том 2, № 1.
- ⁴⁶¹ Доклад о человеческом развитии Албании.
- ⁴⁶² Европейская экономическая комиссия ООН (Economic Survey of Europe), Женева, 1996 г., стр. 184.
- ⁴⁶³ Там же. Приведённая цифра за 1996 год является оценочной.
- ⁴⁶⁴ Там же, стр. 185.
- ⁴⁶⁵ Статистический ежегодник Албании, 1991 г., стр. 131.
- ⁴⁶⁶ ВОЗ, пресс-релиз № WHO/59, 18 сентября 1996 г.; «Times of Albania», том 2, № 40.
- ⁴⁶⁷ См. доклад ПРООН о человеческом развитии, 1992 г.
- ⁴⁶⁸ Всемирный банк, отдел публичной информации, проект финансирования здравоохранения и структурных изменений в Албании, Вашингтон, январь 1994 г.
- ⁴⁶⁹ Фабиан Шмидт, «Существует ли связь между албанским правительством и организованной преступностью?» Bulletin of the Open Media Research Institute, 17 февраля 1997 г., том 1, № 553.
- ⁴⁷⁰ Эндрю Гамбел, «Финансируемый нами режим бандитов», The Independent, 14 февраля 1997 г., стр. 15.
- ⁴⁷¹ Геополитический обзор наркотиков, № 35, сентябрь 1994 г., стр. 3.
- ⁴⁷² Там же.
- ⁴⁷³ Там же.
- ⁴⁷⁴ Геополитический обзор наркотиков, № 32, июнь 1994 г., стр. 4.
- ⁴⁷⁵ Там же.
- ⁴⁷⁶ The Guardian, 25 марта 1997 г.
- ⁴⁷⁷ Исмидж Бешири и Фабиан Шмидт, Организованные криминальные группировки принуждают албанских женщин заниматься проституцией за границей, Бюллетень Исследовательского института открытых СМИ, 14 августа 1996 г.
- ⁴⁷⁸ Геополитический обзор наркотиков, № 66, апрель 1997 г., стр. 3.
- ⁴⁷⁹ Дэниэл Уокин, агентство Ассошиэйтед Пресс, 19 февраля 1997 г.
- ⁴⁸⁰ Там же.
- ⁴⁸¹ Геополитический обзор наркотиков, № 66, стр. 2.
- ⁴⁸² См. Хью Карнеги, «Рейтинги Moody's наносят удар по Швеции», газета The Financial Times, Лондон, 6 января 1995 г., стр. 16. См. также Хью Карнеги, «Шведские сокращения расходов не убеждают рынки», газета The Financial Times, Лондон, 12 января 1995 г., стр. 2.
- ⁴⁸³ Цифры приведены в канадских долларах, см.: La Presse (Монреаль), 6 мая 1995 г., стр. F2.
- ⁴⁸⁴ В Соединенных Штатах доля корпораций в федеральных доходах снизилась с 13,8% в 1980 году (включая налогообложение сверхприбыли) до 8,3% в 1992 году. См.: Статистический ежегодник США (US Statistical Abstract) за 1992 год.
- ⁴⁸⁵ Оценка Джека А. Блюма представлена на конференции Jornadas: Drogas, desarrollo y estado de derecho, проведенной в Бильбао в октябре 1994 года. См. также Джек Блум и Алан Блок, «Отмывание денег на Антильских островах» в сборнике Алена Лабрусс и Алена Валлона (Alain Labrousse et Alain Wallon), издательство Le Seuil, Париж, 1993.
- ⁴⁸⁶ См. К. Коттарелли, «Ограничение кредитов центрального банка правительству», Международный валютный фонд, Вашингтон, 1993, стр. 5.
- ⁴⁸⁷ Там же, стр. 5.
- ⁴⁸⁸ Салли Боун, «Инвестиции Брэди в Перу», газета Financial Times, Лондон, 22 июля 1994 г.
- ⁴⁸⁹ В США разделение между коммерческим и инвестиционным банкингом

регулируется Законом Гласса-Стиголла, принятым в 1933 году во время Великой депрессии для обеспечения отделения андеррайтинга ценных бумаг от кредитования, во избежание конфликта интересов и предотвращение краха коммерческих банков. Банковская ассоциация недавно указала на важность внесения поправок в закон Гласса-Стиголла, чтобы обеспечить полную интеграцию коммерческого и инвестиционного банкинга. См. позицию президента Американской банковской ассоциации «Новая игра в Вашингтоне», ABA Banking Journal, январь 1995 г., стр. 17.

⁴⁹⁰ Подробный анализ роли преступных организаций в банковском деле и финансах см. Аллен Лабрусс и Аллен Валлон (редакторы), «La planète des Drogues», Editions du Seuil, Париж, 1993 и Observatoire géopolitique des Drogues, La Drogue, nouveau. désordre mondial, Hachette, колл. pluriel-Intervention, Париж, 1993.

⁴⁹¹ Цитируется по Мартину Хору, «Бэлинг и поиск преступника-изгоя», «Экономика третьего мира», № 108, 1-15 марта 1995 г., стр. 10.

⁴⁹² Там же.

⁴⁹³ Обзор Банка международных расчетов, № 46, 1997 г.

⁴⁹⁴ Мартин Хор, Валютная нестабильность ЮВА возобновила обеспокоенность по поводу финансовых спекуляций, Возрождение третьего мира, № 86, октябрь 1997 г., стр. 14-15.

⁴⁹⁵ «Прошло пять лет, а отголоски краха все еще слышны», The Financial Times, 19 октября 1992 г.

⁴⁹⁶ Филип Вонг, член Законодательного собрания, назначенного Пекином, обвинил манхэттенскую брокерскую фирму Morgan Stanley в «коротких продажах на рынке». См. «Брокер освобожден от манипуляций», Hong Kong Standard, 1 ноября 1997 г.

⁴⁹⁷ См. Мартин Маклафлин, Республиканцы Клинтона соглашаются на дерегулирование банковской системы США, веб-сайт World Socialist, <http://www.wsws.org/index.shtml>, 1 ноября 1999 г.

⁴⁹⁸ См. Financial Times, 9 ноября 1999 г., с. 21.

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ Джоселин Новек, «Сделка приведет к созданию крупнейшего банка», <http://sun-sentinel.com/>, 9 марта 1999 г.

⁵⁰¹ Заявление на встрече Группы 15, Малакка, Малайзия, 3 ноября 1997 года, цитируется в газете South China Morning Post, Гонконг, 3 ноября 1997 года.

⁵⁰² Майкл Хадсон, Наш мир, Кавасаки, 23 декабря 1997 г. См. также Майкл Хадсон и Билл Тоттен, «Спекулянты-стервятники», Our World, вып. 197, Кавасаки, 12 августа 1998 г.

⁵⁰³ Никола Буллард, Уолден Белло и Камаль Малхотра, «Укрощение тигров: МВФ и азиатский кризис», Специальный выпуск о МВФ, «В фокусе торговли» № 23, «В фокусе глобальный Юг», Бангкок, март 1998 г.

⁵⁰⁴ Хадсон, цит. соч.

⁵⁰⁵ Майкл Хадсон, «Большой взрыв виноват в падении иены», Наш мир, № 187, Кавасаки, 28 июля 1998 г. См. также госсекретаря Мадлен К. Олбрайт и министра иностранных дел Японии Кейзо Обучи, совместная пресс-конференция, Дом Икура, Токио, 4 июля 1998 г., содержится в официальном пресс-релизе Государственного департамента США, Вашингтон, 7 июля 1998 г.

⁵⁰⁶ См. Никола Буллард, Уолден Белло и Камаль Малхотра, цит. соч.

⁵⁰⁷ 15 июля 1998 года Палата представителей, в которой доминировали республиканцы, сократила запрос администрации Клинтона на 18 миллиардов долларов в виде дополнительного финансирования США к МВФ до 3,5 миллиардов. Часть вклада США в финансовую помошь будет финансироваться из Валютного стабилизационного фонда Казначейства. Конгресс США оценил рост государственного долга США и нагрузку на налогоплательщиков, связанную с вкладами США в помошь азиатским странам.

⁵⁰⁸ Институт международных финансов, Отчет Группы многосторонних агентств, Годовой отчет IIF, Вашингтон, 1997 г.

⁵⁰⁹ Письмо, адресованное директору-распорядителю Института международных финансов г-ну Чарльзу Далларе г-ну Филиппу Мейстадту, председателю Временного комитета МВФ, апрель 1997 г., цитируется в Институте международных финансов, Годовой отчет за 1997 г., Вашингтон, 1997 г.

⁵¹⁰ Стивен Форбс, «Зачем вознаграждать плохое поведение», редакционная статья, журнал Forbes, 4 мая 1998 г.

⁵¹¹ «Горячие деньги» — это спекулятивный капитал, «грязные деньги» — это доходы организованной преступности, которые регулярно отмываются в международной финансовой системе.

⁵¹² Международный валютный фонд, Общение Временного комитета Совета управляющих Международного валютного фонда, Пресс-релиз № 98/14, Вашингтон, 16 апреля 1998 г. Спорное предложение о внесении поправок в статьи о «либерализации счета операций с капиталом» имело Первоначально был выдвинут в апреле 1997 года.

⁵¹³ См. коммюнике Временного комитета МВФ, Гонконг, 21 сентября 1997 г.

⁵¹⁴ Институт международных финансов, «Восточноазиатские кризисы требуют новых международных мер, говорят финансовые лидеры», пресс-релиз, 18 апреля 1998 г.

⁵¹⁵ МВФ, Общение Временного комитета Совета управляющих, 16 апреля 1998 г.

⁵¹⁶ IIF предлагает, чтобы с этой целью глобальные банки и брокерские дома могли «чредоваться и выбираться посредством нейтрального процесса [для обеспечения конфиденциальности] и регулярного обмена мнениями, [который] вряд ли выявит драматические сюрпризы, которые резко изменят рынки (...). В эту эпоху глобализации решающую роль призваны сыграть как участники рынка, так и многосторонние институты; чем больше они понимают друг друга, тем больше перспектив для лучшего функционирования рынков и финансовой стабильности. См. письмо Чарльза Даллара, директора-распорядителя МИФ, г-ну Филиппу Мейстадту, председателю Временного комитета МВФ, Вашингтон, 8 апреля 1998 года.

⁵¹⁷ Чарльз Лоуренс, «“Воины” Уолл-стрит прорываются в клуб миллиардеров», Daily Telegraph, Лондон, 30 сентября 1997 г.

⁵¹⁸ Агентство Франс-Пресс, 19 ноября 1997 г.

⁵¹⁹ Уиллис Виттер, «Экономический руководитель уволен в ходе долгового кризиса Южной Кореи: введены чрезвычайные меры», «Вашингтон Таймс», 20 ноября 1997 г.

⁵²⁰ Ассошиэйтед Пресс Ворлдстриим, 30 ноября 1997 г.

⁵²¹ См.: Международный Валютный Фонд, Южная Корея, Запрос на предоставление программы «резервного займа» (stand-by), Вашингтон, 3 декабря 1997 г. Полный текст соглашения МВФ 1997 года вместе с Меморандумом об Экономической Программе был опубликован в корейской прессе и доступен на сайте <http://www.chosun.com/feature/imfreport.html>.

⁵²² «Новая болезнь, старое лекарство», журнал «Экономист», издание США, Нью-Йорк, 13 декабря 1997 г., стр. 65.

⁵²³ Протокол пресс-конференции Международного Валютного Фонда, Вашингтон, 5 декабря 1997 г.

⁵²⁴ Повторно транслировалась с английским переводом в программе Макнил-Лерер Продакшнс «Новости с Джимом Лерером», 4 декабря 1997 г.

⁵²⁵ Майкл Хадсон, «Черновик нашего мира», Наш мир, Киото, 23 декабря 1997 г.

⁵²⁶ Национальное общественное радио, 19 декабря 1997 г.

⁵²⁷ Джон Бертон, «Облигации Южной Кореи понижены до мусорного статуса», «Файнэншл таймс», Лондон, 23 декабря 1997 г., стр. 3.

⁵²⁸ Чхве Сын-чул, «Парламент открывает заседание для утверждения ключевых финансовых реформ», «Корей Херальд», 23 декабря 1997 г.

⁵²⁹ Там же.

⁵³⁰ Файнэншл таймс, 27–28 декабря 1997 г., стр. 3.

⁵³¹ Агентство Франс-Пресс, Париж, 26 декабря 1997 г.

⁵³² Международный Валютный Фонд, Южная Корея: Заявка на получение кредита stand-by, включая «Заявление намерений» и «Меморандум о финансовой программе»; см. пункт 32, стр. 44. Текст документа доступен на сайте <http://www.chosun.com/feature/imfreport.html>.

⁵³³ Там же, пункт 25.

⁵³⁴ Производители автозапчастей усиливают сопротивление иностранным контролерам Daewoo Motor, «Корей Херальд», 28 июня 2000 г.

⁵³⁵ Южная Корея, заявка на кредит stand-by, пункт 20, стр. 8.

⁵³⁶ Са Донг Сок, «Проблемы с кредитованием мешают развитию бизнес-сектора», «Корей Таймс», 28 декабря 1997 г.

⁵³⁷ Сон Чжун Тэ, «Банкротство строительных компаний увеличилось в 1998 году», «Корей Херальд», 24 декабря 1997 г.

⁵³⁸ «Корей Херальд», 5 декабря 1997 г.

⁵³⁹ Майкл Хадсон, там же.

⁵⁴⁰ Там же.

⁵⁴¹ Кэти Ли, «Неправильное лечение: национализация коммерческих банков в Южной Корее», журнал «Банкир», декабрь 1998 г.

⁵⁴² Официальное заявление правительства, процитированное в статье «Южная Корея позволит покупать проблемные банки только иностранным инвесторам», Азия Пульс, Сеул, 5 ноября 1998 г.

⁵⁴³ См.: Майкл Цилензигер, «Отскочившая, но не исправленная Южная Корея заставляет инвесторов и официальных лиц нервничать», служба новостей Кнайт-Ридер Трибуне, 11 июня 1999 г.

⁵⁴⁴ «Больше налоговых денег для KFB», «Корей Херальд», Сеул, 17 августа 2000 г., стр. 1.

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ Азия Пульс, 21 января 2000 г.

⁵⁴⁷ «Стремление выжить усиливается среди слияний и поглощений», Бизнес Корея, Том 17, № 2, февраль 2000 г., стр. 30–36.

⁵⁴⁸ Там же.

⁵⁴⁹ Кто, Что, Где, Азиатский Банкерский Журнал, 18 мая 2000 г.

⁵⁵⁰ Коммерцбанк обязуется активно участвовать в оздоровлении Банка внешней торговли Кореи, Бизнес Корея, 8 августа 2000 г.

⁵⁵¹ Текст меморандума «О политике и мерах в области экономики и финансов» и заявления о намерении от 14 июня, Министерство финансов, Сеул, 2000 г., опубликовано в Бюллетене экономики Республики Корея за июнь 2000 г. на сайте <http://epic.kdi.re.kr/home/ecobul/indexlist.htm>. Опубликовано также Международным Валютным Фондом (МВФ) на сайте <http://www.imf.org/external/NP/loi/2000/kor/01/INDEX.HTM>. Меморандум передает права управления банком KFB Deutsche Bank. Лос-Анджелес Таймс, 16 июня 2000 г.

⁵⁵² Стадо-де-Сан-Паулу, 21 января 1999 г.

⁵⁵³ Был объявлен 90-дневный мораторий. См. Financial Times, Лондон, 18 января 1999 г., с. 4.

⁵⁵⁴ Пресс-конференция МВФ Мишеля Камдессю и Стэнли Фишера, Вашингтон, 13 ноября 1998 г. См. также «Письмо о намерениях» и «Бразилия: Меморандум об экономической политике», МВФ, Вашингтон, 13 ноября 1998 г.

⁵⁵⁵ См. Стадо-де-Сан-Паулу, 21 января 1999 г.

⁵⁵⁶ См. Ларри Рохтер, «Кризис разоряет бразильских рабочих», New York Times, 16 января 1998 г.

⁵⁵⁷ Цитируется в Financial Times, Лондон, 31 октября — 1 ноября 1998 г.

⁵⁵⁸ См. совместное заявление Министерства финансов Бразилии и группы МВФ, News Brief No. 99/5, МВФ, Вашингтон, 4 февраля 1999 г.

⁵⁵⁹ *Стадо-де-Сан-Паулу*, 21 января 1999 г.

⁵⁶⁰ «Итамар: Сорос: президент Британской Колумбии», Agencia Estado, Ultima Noticias, 2 февраля 1999 г.